ИНДЕКС 73375 (Роспечать)
51845 (МАП)

Фото Беллы Никоновой

СЕВЕР 9 + 10 2016

СЕВЕР

9 +10
сентябрь-октябрь
2016
ISSN 0131-6222

В номере:

Семья в российском кино
Александра Маринина: «Я не писатель...»
Женские судьбы: любовь и жертвенность
Армянские дни в записках А. Ершова

Республика Карелия. Калевальский район. Окрестности деревни Хайколя – родины народного писателя Карелии Ортьё Степанова. Фото Беллы Никоновой.

СЕВЕР
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Читайте журнал «Север»!

Дорогие читатели!
Подписку на журнал «Север»
на 2016 год
можно офомить в любом отделении
почтовой связи
по каталогу «Роспечать»
Почтовый индекс – 73375
Периодичность выходов –
раз в два месяца (6 номеров в год).
Подписная цена на полугодие – 760 р.
Также можно подписаться на журнал
через редакцию:
Цена редакционной подписки
за полгода без почтовых расходов – всего 300 р.
Подписка с доставкой
по «Почте России» - 600 р.
Справки по e-mail: sever@karelia.ru
или по телефону 8(8142) 78-47-36

СЕВЕР

9+10 2016

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1940 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ, СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРЕССЫ 2011 · ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРЕССЫ 2012 · ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРЕССЫ 2013 · ЗОЛОТОЙ ФОНД ПРЕССЫ 2015

ПОЭЗИЯ

Надежда МИРОШНИЧЕНКО «РАЗВЕ ОБЪЯСНИШЬ СЕРДЦА РАЗГОВОР?..» (12+) **3**

Владимир ЮРИНОВ «УЖЕ ОТ ЛЕТА ПОДУСТАЛИ ТРАВЫ...» (12+) **65**

Борис БУРМИСТРОВ «НЕЛЬЗЯ БЕЗ РОДИНЫ, КАК ПТИЦАМ...» (12+) **115**

ПРОЗА

Надежда СЕРЕДИНА ГДЕ МОЙ ОТЕЦ?.., *роман* (16+) **5**

Константин ГНЕТНЕВ ЗА ТИХОЙ РЕКОЙ В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ, *рассказ* (12+) **76**

Виктор СБИТНЕВ ДИВА, *повесть* (12+) **117**

Игорь ПАНАСЕНКО СПАСАТЕЛЬ, *повесть* (16+) **176**

Сергей ПУПЫШЕВ НАДЬКА, НАДЕЖДА; ВСЕ В ГРАФИКЕ, *рассказы* (12+) **222**

ИНТЕРВЬЮ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Александра МАРИНИНА, Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА: «Я НЕ ПИСАТЕЛЬ. Я – АВТОР КНИГ» (12+) **56**

2016-й – ГОД РОССИЙСКОГО КИНО

Максим МАРКОВ СЕМЬЯ... КАК МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ ДЛЯ ФИЛЬМА РУССКОГО СЛИЛОСЬ *(Образ семьи в современном российском кино)* (12+) **58**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вера СЕРАФИМОВА СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ, ПОИСКИ ПУТИ К СЧАСТЬЮ *(Общее в прозе Андрея Платонова и Юрия Казакова)* (12+) **67**

Вячеслав САВАТЕЕВ ПОКЛОН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ *(От «колхозного романа» к новой «деревенской прозе»: социальные проблемы и человеческое измерение)* (12+) **200**

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Александр ЕРШОВ АРМЯНСКИЕ ДНИ (12+) **82**

СЕВЕР

Литературный конкурс журнала «Север»
СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Анна СОСНОВА ЗА БУГРОМ, *рассказ* (12+) **150**

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Александр КОГАН «ГРОЗДЬЯМИ РЯБИНЫ ОДИНОКОЙ…», *стихи* (12+) **153**

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Семен РАБОТНИКОВ МАТЬ, *документальная повесть* (12+) **154**

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НА ФОНЕ XXI ВЕКА (12+) **172**

НАЦИОНАЛЬНОМУ МУЗЕЮ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ – 145 ЛЕТ

Михаил ГОЛЬДЕНБЕРГ «НАШИ ФОНДЫ – ЭЛЬДОРАДО» (12+) **217**

ПО РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Любовь ШАПОВАЛОВА СЕНТЯБРЬ В БЕЛОЙ СЛУДЕ; ХОЗЯИН ДЕРЕВНИ ЗАРИЧЬЕ (12+) **232**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

При оформлении обложки использованы фото Беллы Никоновой

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно отражает точку зрения редакции на затронутые темы.

За точность фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности платить авторский гонорар. Авторам высылаются журналы с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами, произведения которых не будут опубликованы.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При использовании материалов, опубликованных в журнале, просим непременно ссылаться на «СЕВЕР».

Главный редактор Е.Е. Пиетиляйнен

☎☎ **(8142)**
гл. редактор **78 47 36**
отв. секретарь. **78 47 36**
отделы: **78 48 05**
прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:
sever@karelia.ru
Для рукописей:
sever-journal@mail.ru
Наша страница в Интернете:
http://sever-journal.ru

Адрес редакции: ***185035, г. Петрозаводск,***
Пушкинская, 13, журнал «Север»

Адрес издательства: ***185035, г. Петрозаводск,***
Пушкинская, 13, «Север»

© АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Формат 84x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 23,4. Уч.-изд. л.29,66 Заказ 1364. Тираж 1000 экз. Типография ООО «4+4». 185007, г. Петрозаводск, пр. Лесной, 51. Верстка выполнена в компьютерном центре журнала «Север». Подписано в печать 29.08.2016: по графику 12.00, факт. 12.00. Дата выхода в свет: 14.09.2016

г. Петрозаводск, «СЕВЕР», 2016 г.

Надежда МИРОШНИЧЕНКО
г. Сыктывкар

«Разве объяснишь сердца разговор?..»

Надежда Александровна МИРОШНИЧЕНКО
родилась в г. Москве.
С детства живет в Сыктывкаре.
Окончила Коми государственный педагогический институт.
Автор одиннадцати сборников стихотворений.
Лауреат Государственной премии Республики Коми им. И. А. Куратова в области литературы, Большой литературной премии России, Международной премии Славянской академии литературы и живописи «Серебряное перо» и др.
Член Союза писателей России.
Секретарь правления Союза писателей России.
Народный поэт Республики Коми.
В журнале «Север» публикуется впервые.

КРУГ

Елене и Николаю Дорошенко

Россия задыхается стихами.
И вторят ей серебряные реки,
Дорогами слаба и дураками.
Но ими же и спасена веками.
И, что поделать, было так вовеки.
Откуда столько музыки в России,
Равно её улыбке и печали.
Ну, ясно, что в Италии – Россини!
Но здесь простые бабы голосили,
А кажется, что иволги кричали.
И, сердце надрывая и спасая,
Идёт она по снегу и по свету
Торжественная, слабая, босая.
А всё-таки её сильнее нету.
И что поделать: было так веками.
И по-другому Родина не может.
Россия задыхается стихами.
А лучшие на песни переложит.

МАМИНЫ СЛЁЗЫ

Памяти О. К. Мирошниченко-Кулагиной

Мамины слёзы приснились сегодня во сне.
В сердце скатились. И сердце споткнулось с разбега.
Мамины слёзы вернулись, тоскуя, ко мне.
Мне не забыть их теперь до скончания века.

Неумолимо сгорела ночная свеча,
А до рассвета ещё оставалось немало.
– Как ты посмела?! – сказала я ей сгоряча.
– Как ты посмела... так быстро...
Ведь это же – мама!

Перед Крещеньем на улице было светло.
Видно, в сугробах купались далёкие звёзды.
Только на сердце отчаянье камнем легло.
Но для отчаянья было бессмысленно поздно.

Белой зимою и мама угасла. В снега.
Быстро горела. А тихо-тихонько угасла.
Мамины слёзы в наследство мне, как жемчуга.
Мамины слёзы – они не бывают напрасно.

РУССКИЕ ТРАВЫ

Анатолию Парпаре

Как мы не знаем в России друг друга, Толя!
Русский не верит, пока не проверит... Правда.
И я такая же. Это, как травы, что ли:
Много травинок рядом. Какая справа?
Право и лево, крест-накрест, и всё – по кругу.
Не разберёшь голоса, но полюбишь трепет.
Господи, мы же бессчётно нужны друг другу.
В русских лугах разноцветье и то как лепет.
Только услышишь русской души волненье,
Тут же навстречу свою открывай ей душу.
Русский не верит... Какое недоразуменье!
Надо – взахлёб, нараспашку. И слушай! Слушай!
Русское сердце родное узнает с ходу.
Русский не верит, пока не проверит. Ой ли?!
Но я такая же, словно врагу в угоду.
Как мы не знаем в России друг друга, Толя!

В КВАРТИРЕ ГЕОРГИЯ СВИРИДОВА

Валентину Курбатову

Где стоял рояль, музыка угасла.
Но звучал январь музыкой самой,
Потому что там было все прекрасно.
И парил рояль в дымке голубой.
Как перевести чудное мгновенье?
Разве объяснишь сердца разговор?
До сих пор во мне бьётся настроенье,
Как найду в Москве этот дом и двор.
Мебель унесли. Слёзы отсверкали.
Гости разошлись. В замкнутой тиши,
Где парил рояль, словно в зазеркалье,
Память там была музыкой души.
Там Свиридов жил после жизни здешней
В струнности небес, в воздухе земли.
Там парил рояль. Там струилась вечность.
Там в саму метель ландыши цвели.

* * *

В нашем городе дворы со старушками,
А дороги вперемешку с заплатами.
Да зато у нас есть улица Пушкина.
И есть улица Ивана Куратова*.
И хотя по Интернету шатается
Наша юность, разбитная и гордая,
Каждый день она душой прикасается
К нашим классикам на улицах города.
Я Онегина встречала над Вычегдой,
Он по пляжу проходил с хохотушками
И спросил: «А вы Татьяну не видели?» –
Я сказала: «Она с мужем на Пушкина».
Я ему, конечно, колко ответила,
Не меня хотя в романе обидели.
А Куратова ни разу не встретила.
А другие говорили, что видели.

* Иван Куратов – основоположник коми литературы

* * *

Когда я еду от Москвы,
То у меня одна отрада:
Просторов белые листы
И неба тёмная громада.
Мой Север, строгий мой удел,
Моя любовь, моя тревога.
Чертополох и беспредел.
И бесконечная дорога.
Ты был задуман для двоих –
Для стоика и для поэта.
Но что напишет на твоих
Просторах время тьмы и света.
И как ты выдержишь среди
Предательства единоверцев
С серпом и молотом в груди
И с Богом в неумытом сердце?!

Надежда СЕРЕДИНА

г. Москва

Где мой отец?..

роман

Часть первая

I

Ночь задёрнула чёрным занавесом город – дома, деревья, тротуар остались там, за кулисами дня. Желтая портьера качнулась, дверь приоткрылась, и девушка увидела красное лицо. Толстые губы расплылись в странной, пугающей улыбке, свинячьи глазки сузились, и дядя, большой и толстый, стал протискиваться в узкое пространство между дверью и стеной балкона.

– Не входите сюда! – Алла прижалась спиной к решетке балкона. – Нет!

– Аллочка! Любимая, дорогая, крошка моя единственная!..

– Не входи! – испуганно крикнула, словно черное небо уже обрушилось на неё.

– Аллочка! Родная! Хорошо! Хорошо... Я не зайду... Я пошутил... Да не бойся ты! Я же не до такой степени! – дверь открывалась шире. – Я немножко выпил... Всё. Потом тебе будет хорошо.

Он застыл, любуясь ею, наслаждаясь её юностью и наивной дерзостью.

Алла вцепилась руками в решетку балкона. Чёрная нахмуренная туча скрыла луну. Плакала сирена скорой помощи. Глаз светофора подмигнул желтым. Машины взревели. «...Где ты, любовь? Счастье? Настоящая жизнь? Спрыгну и полечу. Подхватит меня мой ангел, как ласточка Дюймовочку. Где вы, ласточки и чайки? Подстрелили?..» Алла вспомнила вчерашний урок литературы. Скучную историю написал Чехов. Вот про ласточку совсем другое дело – и сама улетела, и Дюймовочку спасла от толстого, слепого, бесчувственного крота... (В пятом классе Алла танцевала Дюймовочку в школьном балете. Под звуки прекрасной музыки она улетала в страну эльфов.) «...Хочу улететь! Обманывают нас, обманывают, а когда мы становимся взрослыми, всё равно всё понимаем...»

– Аллочка, деточка! – Алла почувствовала в его голосе слезы. – Меня никто никогда не лю-

бил, Аллочка. Я как рабочая лошадка. Всю жизнь! Пожалей меня.

– Нет! Я прыгну, если ты подойдешь!

– Это шестой этаж! Аллочка, ты не птица! Уйди с балкона!

– Закрой дверь! – от злости и страха она перешла на «ты». – Уйди!

– Ал-л-лочка! Любимая, милая, единственная, красавица, детка моя. У тебя такая есть полоска на животе. Где ты загорала? Я люблю тебя, счастье моё!

– Ты врёшь! Не подходи! – вскрикнула Алла и посмотрела вниз, испугавшись. Вдруг он опять начнет ее обнимать, прижимать к своему потному телу и тыкаться в шею толстыми маслянистыми губами – тогда она прыгнет. – Дядя Андрей! Я спрыгну! Я знаю, что люди не летают.

– Вопрос надо ставить корректнее, Аллочка: почему люди не летают вверх. А мне кажется, что я летаю, и ты мне дала эти крылья! Ты, Аллочка! Я же не сразу на тебя кинулся, как маньяк какой-нибудь. Я смотрел, как ты танцуешь... Танец живота! Ты ведь танцевала для меня... Для меня?

Дядя Андрей отступил, прикрыв дверь, прижался лицом к стеклу. Нос расплылся, в зрачках мелькнул красный свет, пушок лунных волос прилип к стеклу как к магниту. Толстые губы расплылись в сладострастной улыбке. Алла отвернулась, в небе мерцали звезды. Было прохладно.

Когда Алла пришла к тёте Нине и дяде Андрею, дома оказался только он один. Тётя Нина была на даче. Дядя Андрей сказал, что она вот-вот должна вернуться. Он накрыл стол, развлекал любимую племянницу как мог. Алла поссорилась с мамой. «Я не вернусь домой!» – сказала она дяде, и он, кажется, был рад этому. Теперь она поняла почему. Алла перешагнула порог квартиры с радостью и лёгкостью, доверчиво ожидая родственного внимания. А что произошло? Девушка не могла понять, в ее голове всё перепуталось, было какое-то ошеломление и испуг, и тайная радость, что ее считают взрослой. Она не понимала смешения этих чувств, и от этого кружилась голова, страх пьянил, хотелось совершить что-то необычное, дерзкое, разрушающее эту западню.

– Зачем ты боишься меня? – он смотрел на силуэт девушки: голова чуть набок, словно у подбитой птицы, груди остроугольно топорщат блузку и тянут взгляд, как магниты. – Зачем кричишь так громко, Аллочка? Зайди сюда.

– Отстань!

– Милая девочка, прости. Я так тебя люблю. Больше жизни! – ему нестерпимо хотелось, чтобы она была рядом. – Аллочка! Зайди в комнату! Вернись, родная. Я больше не буду, – он, как рыба в аквариуме, снова прильнул к стеклу.

– Нет! – Алла смотрела вниз: там опять зажегся красный. – Где мой отец?!

– Что ты испугалась, глупая? Я же твой дядя. Я ничего тебе плохого не сделаю.

Вот он включил громче телевизор и, прячась за портьеру, протянул ей в приоткрытую дверь оранжевый апельсин. Она взяла его и, размахнувшись, бросила в светофор. Апельсин полетел в черноту. Алла считала: один, два, три... Так долго падать?! Ужас! Мурашки по спине. И вдруг звук удара и тишина.

Дядя Андрей переключил телевизор на другой канал, шел какой-то боевик, показывали сцену убийства. Он взял бутылку водки, налил полный бокал. Хотел глыкнуть побольше водяры, лечь и вырубиться. Но вдруг словно кто-то шепнул ему другое... Он отлил из своего бокала в бокал Аллы, смешал водку с вином. И вернулся к двери с жёлтыми портьерами.

– Аллочка, прости, – начал он вкрадчиво. – Прости, родная. Твой отец – мой родной брат.

– Где мой отец? – девушка нагнулась за решётку балкона, и уже в её сознание пробралась мысль об ином мире, о выходе в другую дверь, и смерть перестала пугать её. Каменное дно города казалось рядом. В глазах всё слилось и потемнело. Ей казалось, души усопших бродят по щелям улиц... А вокруг них – звёздное многоголосье. Снизу – небо, сверху – твердь земная – это ночь. Светофор как маяк: зелёный – машины ожили. Зелёный – движение, жизнь. Алле захотелось ехать быстро-быстро. Глаза машин буравили темноту. И живем в перевёрнутом мире. И зло кажется добром, а добро – злом. Холодный диск луны застыл. И человек за дверью застыл, притаился, как зверь. Ночь – это твердь над головой, и мы

ходим ногами вверх, как мухи по потолку. Ночью мужчины-кроты выходят из своих жилищ. Купол ночи, как колпак, и из него не уйти, не выползти. Только выпрыгнуть, перегнувшись через решетку. Ночная жизнь...

– ...Мы росли с твоим папкой, нас одна мать молоком кормила. Пять братьев и одна сестра. После войны лебеду ели. Ничего, кроме картох в мундирах, не было. А потом влез я в свой серый мундир. Так и проходил в нем, как в футляре, всю жизнь. Меня твоя мама зовёт деревянным, потому что нас тонкостям обращения не учили, а учили воевать и убивать. Война, дочка, грубое дело, мужское.

– Отпусти меня на свободу!

– Там уже ночь. Куда ты пойдешь? – Он смотрел на нее и хотел быть той решёткой, в которую она вцепилась. Яркая луна нимбом обрамляла её голову, волосы золотистыми ручьями стекали по плечам. Ключицы, острые, как ножи, и на животе – загорелая полоска. – Прости, милая девочка. Ты испугалась. Я люблю тебя как отец. Ты умная девочка, ты поймёшь. Я для тебя всё сделаю. Ты для меня как ангел. Я люблю тебя, как дочку родную.

– Ах, дядя, дядя, мне так скучно! – вдруг Алла медленно, грациозно повернула голову, луна осветила ее профиль: высокий лоб, нос тонкий и прямой, высокий губной желобок и маленький, почти детский, подбородок.

– Тебе надо учиться, Аллочка. Где ты хочешь учиться? В Лондоне, в Париже? Или в Америке? Я всё для тебя сделаю! Хочешь стать артисткой? У меня есть товарищ по армии, у него сестра преподает в театральном вузе. Я договорюсь – ты будешь артисткой.

– Я ещё не решила, кем буду.

– А хочешь быть стюардессой? Стюардесса видит разные города, разные страны. Она далеко летает. Она может выйти замуж даже за президента.

– Хочу быть женой президента! – язвительно рассмеялась девушка.

– Я буду президентом международной торговой компании. У меня есть связи... Хочешь золотую рыбку со дна морского? Прикажу! Достанут!

– Я рыбу не ем!

Он увидел, что она улыбнулась, и вспомнил анекдот:

– Армянское радио спрашивает: «Как сделать походы по женским магазинам увлекательными для мужчин?»

Пьяно бормочет и хихикает. Что он там бормочет? Алла прислушалась, может быть, он уснет, и тогда она выйдет...

– Армянское радио отвечает, – шутил дядя, ломая речь под кавказский акцент: – «Надо показывать в салонах женской одежды порнофильмы или хотя бы лёгкую эротику. Мужчин это будет задерживать, а женщин – торопить...» Аллочка, я прогуляюсь, освежусь. Захмелел от тебя. А ты уйди с балкона. Ванну прими и спать ложись.

Через несколько минут она увидела толстую тёмную крысу под балконом. Это был дядя, жирный, чёрный, неуклюжий. Она кинулась к входной двери, но ключа не было, а дверь без ключа не открывалась. Вернулась на балкон. Вот он переходит дорогу, останавливается у светофора. На другой стороне дороги работал бар. Алла прошла в зал, посмотрела на часы: было двенадцать ночи. Кружилась голова, тошнило. Зашла в ванную. Включила воду. Журчание воды успокаивало, и она встала под душ. Теплые струи согревали. Вот халат, розовый, махровый, с китайским рисунком. Вернулась в зал: на столе – два бокала, шоколад, фрукты. Зашла в рабочий кабинет дяди. В центре – кресло, огромное, из тёмной, как шоколад, кожи. У стены – тахта. Упала на тахту и заплакала...

И вдруг видит перед глазами крысу. Серая, большая, как бульдог, крыса влезает в дверь... Алла повернулась на левый бок. Из-за тумбочки лезет другая серая тварь и, цепляясь, взбирается на одеяло.

– А-а-а!!!

– Не кричи! – пугает крыса.

И вдруг вспышка: красный, жёлтый, зелёный.

– Мама! А!!! Ма!.. Больно!

– Тихо!

– А!!! Мама! – боль поднималась откуда-то снизу. – Не надо! – сильная боль, будто машина сбила. – Мама!!! Мамочка! Больно! А!.. Больно!

Крысиная морда ткнулась в лицо, и потом тяжёлая потная голова упала на девичьи груди с твёрдыми комочками.

Алла очнулась от боли не сразу. Рванулась подняться, но дядя Андрей удержал ее. В комнате горел свет. Он видел расширенные от испуга глаза девушки. Глаза эти кричали о первородности, о телесности всего живого, о продолжении рода. Но в зеркале зрачка было что-то хищное, мстительное, страшное. Смешалось всё: и испуг, и отвращение, и гнев.

– Я хочу сброситься с балкона! – рванулась девушка из его рук. – Пусти!

– Глупышка! Всё будет хорошо... – целовал он нежно. – У меня есть сбережения, я куплю тебе то, что ты пожелаешь, – сильно прижал ее, пока она не затихла. – Что ты хочешь?

– Хочу домой, – заплакала девушка, вдруг осознав, что сопротивление её сломлено.

Он встал, подал ей бокал вина вместе с водкой. Она пила и плакала. А через полчаса, хромая на левую ногу, словно птица с переломанным крылом, пошла в ванную. Все вокруг было чужое: и мыло, и шампунь, и зубная щётка. Но ей было уже всё равно.

Однажды в школьном театре они ставили композицию по Бунину. Алла читала рассказ из пяти страниц: «На кладбище, над свежей глиняной насыпью, стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжёлый, гладкий...» Алла сбросила китайский халат под ноги, встала на него и давай его топтать, будто от него исходила злая сила. Потом подняла голову и увидела в зеркале себя – голую. И кровь. Она не помнила, как он раздел её. Какой страшный сон приснился ей! И она как подстреленная чайка. Что это? Жёлтый, красный, зелёный, красный, жёлтый, красный. Всё спуталось, цвета перемешались. Машины наезжают одна на другую, корёжат, бьются, горят, взрываются...

II

Алла Тараканова сегодня была в церкви. Тот случай с дядей Андреем она вспоминала теперь как кошмарный сон, а ведь тогда ей казалось, что у неё нет выхода. Прошло два десятка лет, вот она уже давно не Аллочка, а Алла Павловна, сама мать, и у неё есть прекрасная дочь Марина, которой уже даже выдали паспорт. Случай с дядей она теперь вспоминала как навязчивый бред, от которого она, наверно, не сможет освободиться всю жизнь. И только когда об этом забывала, она была безмятежно счастлива и спокойна. Но из того страха пророс новый, теперь она боялась за дочь: не дай бог, чтобы над дочерью кто-то поглумился.

Прошло почти десять лет, как умер дядя Андрей, родной брат её отца. В церкви она вслушивалась в слова священника: «Помяни, Господи, души усопших рабов Твоих, родителей моих и всех сродников по плоти; и прости их вся согрешения, вольная и невольная...» Ей казалось, что вот сейчас все обиды отступили и пришло спасительное прощение. Сегодня Алла поставила свечу за упокой и дяди Андрея.

Вечером дома, когда уже лежала в постели, Алла читала Библию, ей хотелось понять великую идею прощения и всепрощения. Вдруг в комнату матери неслышно вошла Марина и присела рядом. Алла Павловна взглянула на дочь и стала читать вслух:

– «Когда царь Давид состарился, вошед в преклонные лета, то покрывали его одеждами, но не мог он согреться. И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего царя молодую девицу, чтоб она предстояла царю, и ходила за ним, и лежала с ним, – и будет тепло господину нашему царю».

– Мам, а молодая девица – это жертвоприношение, да? – спросила Марина. – У неё не было свободы, да?

– Это было четыре тысячи лет назад, – мать сама мысленно ужаснулась такому разрыву во времени. – Прочитай и оцени сама. История новыми молодыми оценивается по-другому.

– Мам, а что с этой девицей стало потом?

– Не знаю, я ещё не дочитала...

...Прошло двадцать лет, а как будто это было вчера: балкон, светофор и перевернутая ночь... И дядя Андрей в роли царя – согреться хотел... Холодно ему, видите ли, было одному. Что происходит? Почему память не щадит? Почему не происходит отпущения грехов? Каждому по вере его? И прощение тоже по вере? С того дня, когда Алла стояла на балконе шестого этажа и хотела броситься вниз, прошла целая вечность – родилась и выросла дочь. Ангел отвёл тогда страшное искушение. И перевёрнутое

небо не поглотило ее. Она вышла замуж, родила. Теперь её Мариночка уже взрослая. Но дочь волнует её с каждым днём всё больше. Как уберечь от ошибок, от насилия, от зла, если даже родной брат отца не пожалел?

Алла любит, когда её мужа Марка нет дома, а дочка забирается к ней под одеяло и лежит, поджав ноги, словно маленькая. И они разговаривают.

На следующий вечер Марина опять пришла к матери, когда та уже почти спала.

– Мама, расскажи, как я родилась? – спрашивает Марина шёпотом, прижимаясь к ней.

– Ты родилась весной, – Алла сонно улыбнулась.

– Утром или вечером?

– В полдень. Без пяти минут двенадцать.

– Мама, а правду говорят, что от времени суток зависит судьба? – пытала Марина.

– Твоя судьба будет яркой, как солнце в полдень, ты ни в чем не будешь нуждаться!

Теплый дочкин поцелуй в щеку. С тех пор, как Алла Тараканова стала заниматься крупным бизнесом, времени на ребёнка почти не оставалось. Иногда не виделась с дочерью неделями.

– А больно рожать? – прижалась дочь к матери, обнимая ее.

– Хочешь, расскажу тебе...

– Сказку? – перебила насмешливо дочь.

– Не совсем сказку... Притчу.

– Мам, ты уходишь от вопроса, не кажется ли тебе?

– Я подхожу к разговору с другой стороны. Так вот... – Алла начала рассказ: – Жила-была в одном царстве-государстве одна очень красивая девушка, ютилась у родственников. И вот однажды пришли в этот дом, где она жила, царские слуги и лакеи и говорят: «Покажите нам девушку, что у вас живёт». Показали. Увидели её лакеи и увели с собой. Привели они её к царю. А царь был стар и слаб и не мог согреться. И велели девушке, чтобы она ходила за царём и лежала с ним, и согревала его. И ходила она за ним, и лежала с ним, и согревала его. Но царь не познал её.

– Ты вчера мне это читала, мам, – вспомнила Марина. – А как её звали?

– Ависага. Знаешь, я совсем не понимаю таких царей, – призналась Алла.

– Странное имя, я никогда такого не слышала. Мам, расскажи, как ты меня рожала? Больно?

Алла обняла дочь:

– Схватки – это начало чего-то нового... А новое инстинктивно пробуждает страх. Но бояться не надо. Ты даёшь жизнь новому человеку! Мне до сих пор это кажется чудом! Нельзя оставлять одного человека в это время. Но я была одна...

– А папа где был? – приподняла голову Марина.

– Твой папа задерживался на работе, – Алла не любила вспоминать о первом муже – отце дочери.

– Почему ты ему не позвонила? – допытывалась дочка.

– Мы, кажется, перед этим... – Алла запнулась, – перед родами поссорились... Теперь у тебя другой папа. Может быть, тебе рано об этом?

– О чём?

– Ну о родах да о разводах, – усмехнулась Алла.

– А говоришь, что я взрослая! – дочь вытянула ноги, и её пятки высунулись из-под одеяла.

– Марина, я не хочу от тебя что-то скрывать или обманывать, просто мы, старое поколение, – советские... Нам хочется... хотелось... чтобы дети знали только хорошее. «Все лучшее – детям!» – был у нас лозунг.

– Не хочешь обманывать? А так получается! Я ничего не знаю... Я самая наивная в нашем классе! Ты хочешь, чтобы надо мной все смеялись?!

– Нет, – голос Аллы звучал мягко, – не хочу!

– Все девчонки уже всё знают, а мне «рано», – прошептала с обидой девочка и высвободилась из объятий матери.

– Я хочу уберечь тебя от ошибок, – смягчилась Алла. – Но не хочу, чтобы ты слишком рано взрослела.

– Что значит «слишком рано»? Рассказывай! Вы поссорились... с папой.

– Вот схватки стали с промежутками в полчаса, но не такие сильные, чтобы кричать и звать на помощь...

– Мамочка! – дочь бережно обняла мать, как своего ребёнка.

Аллу обдало теплом дочерней любви.

– Когда начались настоящие схватки, я не давала спать двум роженицам в своей палате. И они меня успокаивали...

– А где ты меня рожала?

– Роддом за памятником Петру Великому.

В комнате тихо, темно. Луна яркая, словно настольная лампа. Дочь и мать лежали, прижавшись друг к другу. Было в них что-то большее, чем родство, дружба, любовь, было что-то единое, целое, будто они все ещё в одной оболочке.

– А потом что было?.. Ты сильно кричала? – перед сном девочка задает вопросы, которых стесняется днём.

– Мне казалось, что-то отдирают от позвоночника... «Не ори! Дыши глубже, а то ребёнок задохнётся!» – холодно сказала врач. И я перестала орать. Вокруг меня было человек десять (может быть, практиканты). Потом я ухватила за руку какого-то мужчину, и мне стало не так страшно. Он мне говорил, когда дышать, когда не дышать...

– Он учил, как надо дышать? – это удивило Марину.

– Да. Это очень важно при родах. Я отпустила его руку, только когда родила.

– А он?

– Он пытался высвободиться раньше, – Алла тихонько засмеялась. – Но я так вцепилась!

– Мам, а тебе сразу показали меня?

– Да. Сказали, что родилась девочка. А подержать не дали.

– А ты обрадовалась, что девочка? – Марине это было важно.

– Тебе правду сказать? – Алла снова улыбнулась от счастливых воспоминаний. – Я не реагировала, была как кукла, – у меня не было сил почувствовать радость. Все силы я потратила.

– Чтобы удержать за руку врача? А он красивый был? – в голосе Марины появились мечтательные нотки.

– Ах ты! Вот рассказывай тебе! – Алла поднялась с постели.

– Мам, не включай свет, давай ещё поговорим... – Марина задержала её за руку. – Мам, а если меня будут убивать, что ты будешь делать?

– Я кинусь как лев и разорву в клочки злодея... – мать рассмеялась. – Разве ты можешь во мне сомневаться?

Алла задёрнула шторы, кварцевый диск остался за окном.

– Ну, мамочка! Ты ведь хотела мальчика, да?

– Вот мой врач тоже тогда спросила меня: «А вы хотели мальчика?» – «Муж хотел мальчика, а я – девочку», – ответила я. Врач в ту минуту радовалась больше, чем я. И знаешь, что она мне ответила?! «Вот пусть они сами себе рожают мальчиков!»

– Класс! – шепнула Марина.

– Помню, я улыбнулась, и доктор так обрадовалась моей улыбке, что перекинула тебя с руки на руку, как игрушку. Я страшно тогда испугалась. И с той секунды стала всё время бояться за тебя...

– Не бойся! Я большая уже...

Алла Тараканова знала, что, когда начинается настоящая боль, ничто не заставит человека молчать. Но про настоящую боль она не стала рассказывать дочери – пусть узнает в своё время.

– Мариночка, давай спать, у меня завтра напряжённый день. – Алла села на постели. – Ты думаешь, легко делать свой бизнес в мире, где властвуют мужчины?! Да ещё эта Анастасия замучила.

– Кто? Журналистка? – Маринка будто обрадовалась. – Мам, а может быть, я буду журналисткой?

– Ты хочешь? Пообщайся с Анастасией. Анастасия – дочь известного писателя, почти классика. Ты читала «Усвятские шлемоносцы»?

– Родная дочь? – удивилась Марина.

– Не важно, что в паспорте, важно, что в крови...

– Ладно, я попишу в свой дневничок, а ты спи... – дочь встала с постели. – А к бабушке когда поедем?

– Завтра, – шепнула Алла.

– Мам, я должна буду Анастасии показать своё сочинение?

– Сама с ней договоришься, я дам ей твой номер.

III

Анастасия отдается литературной работе настолько, что её тексты обретают магическую силу правды, а люди принимают её саму за героинь её же романов. Что ж, такова игра искусства, чем оно совершеннее, тем, кажется читателю, ближе к жизни. Реализм – это игра в натурализм, только на другом уровне, обогащённом всеми приёмами современного искусства. Она пишет так, что её мысли и чувства начинают жить в текстах как бы сами по себе. Анастасии

нравились ее профессия, интересные встречи, необычные судьбы, яркие личности. Иногда она вскакивала по ночам, включала диктофон, расшифровывала интервью, писала репортажи, статьи, заметки. А утром бежала в редакцию. Она несколько дней готовила материал об Алле Таракановой, лидере женского движения. И вот он на столе главного редактора.

– Творческий человек создает мир заново, – Валерий Алексеевич худощав, высок, просматривая страницы, немного горбится. – Творить новый мир дано не каждому. Есть большой творец – Бог, а есть маленькие, вроде тебя, – он поймал её взгляд и улыбнулся. – Творец как бы за рамками своей личной жизни, в другом человеке, в другом поколении, в другом времени. Творец создаёт мир по образу и подобию... В этом смысле в нём есть божественное начало. Когда тебя коснётся момент ясности слова...

– Занимаетесь? – заглянул в кабинет главного редактора Коля-водитель, он же фотограф.

– Работаем, – сухо отозвался редактор, недовольный, что его прервали. – Вот хочу, чтобы она ещё раз переписала, а она обижается.

– Зачем переписывать? – заступился Коля. – Чем больше переписываете, тем меньше правды остается.

– К ней у меня особые требования. Она может лучше...

– Зачем же из неё Толстого делать? Она хочет сказать так, как она хочет! – подмигнул ей Коля.

– Мы говорим о профессионализме, а не кому что хочется и как нравится, – с нажимом произнес шеф.

– Пусть видит своими глазами.

– Выпил? – устремил на Колю испепеляющий и полный презрения взгляд Валерий Алексеевич. – И что видишь ты своими пьяными глазами?

– Я ещё не пил... – будто замялся Коля. – К вам шёл. О! У меня есть хорошее вино! Грузин один вчера привёз. Будете?

– Нет! Мы заняты, – отрезал Валерий Алексеевич.

Коля удивился столь решительному отказу и вышел.

Анастасии трудно было понять, возьмет редактор ее материал или вернет. Валерий Алексеевич непредсказуем. Анастасия смотрит ему в лицо, ей нравятся его глаза с зеленцой, и лицо нравится, длинное, худое, по форме оно типа «дерево»[1]. Нос длинный, как у Гоголя.

– Посмотрите на «Мону Лизу». Какая улыбка!.. – редактор чувствовал, что вновь овладел её вниманием. – А взгляни на «Оплакивание Христа»! Что ты можешь сказать, Настя?

– О Буонаротти или о Христе?

– Что ты можешь сказать нового после «Братьев Карамазовых»?

– Я женщина! – заявила Анастасия. – А женщина миру себя ещё не раскрыла.

– Не раскрыла, – усмехнулся редактор. – Где мир, созданный заново? Другой мир! Не похожий ни на чей! Женщина... Читателю всё равно, какого ты пола, они мир познать хотят через слово твоё. А ты...

– Я женщина...

– Мы это уже слышали! – перебил. – Напиши табличку и, когда входишь ко мне в кабинет, вешай на грудь!

– Валерий Алексеевич...

Шеф снова перебил:

– Да плевать они хотели на то, что ты женщина!

– Валерий Алексеевич, я сегодня опять иду к американцам...

– Настя, – строго посмотрел шеф, – только человек поклоняется духовному и прекрасному! Ни одно животное не создаст себе идола! Думай, ищи, твори! Не создавай кумира из американцев. Это для тебя они непрочитанная книга, а для меня всё уже ясно. Каждый предмет выделяет в окружающее пространство что-то вроде своих оболочек-образов. Они уже своё лицо у нас показали, их образ есть, зафиксирован!

Анастасия украдкой взглянула на часы:

– Валерий Алексеевич, когда должна быть готова статья о миссионерах?

– Настя, ты веришь в Бога?

– Я? – она не готова была к такому натиску.

Он держал паузу, ждал, что она ответит. Анастасия молчала. Когда она молчала, ему казалось, что она сильнее его, и он начал нервничать и говорить сам:

---

[1] Один из типов лиц в китайской физиогномике.

– Бог наказал людей... За что они любят его? Через восемьдесят лет построения коммунизма опять вернулись и стали строить церкви... Надо строить бесплатные больницы для стариков и приюты для беспризорных детей, а они церкви строят с золотыми куполами. Не понимаю! Извини! – Он встал, высокий и очень худой. – Американцы нам миссионеров присылают... У нас что, своих людей нет? – и вдруг резко заключил: – Материал должен быть готов через три дня. Пиши. И думай, когда пишешь, и забудь, что ты женщина... Да, а материал с историком как? Движется?

– Движется, – сказала она и вышла, уже не в силах терпеть его тирады.

* * *

Квартира у историка Петра Никитича маленькая. Комната (она же и спальня) сегодня стала быстро наполняться гостями. Живет он в хрущёвке, но чувствует себя аристократом. Он много читает по истории Отечества, ищет национальную идею.

– За Россию! – вошёл Павел Павлович Поляков, старый знакомый историка.

– За Россию и за Америку! – вскочил Гарик, теребя рыжую бородку.

Гарик никогда не отказывался сходить в гости, а иногда и сам напрашивался, он так натосковался в Америке по разговорам на кухне, что часто казался даже навязчивым. И потом встретиться с нужным человеком в гостях – это совсем не то, что в кабинете. Ему нужно было поближе сойтись с Марком Асляком.

– Я ведь тебе не верю, американец! – сказал Петр Никитич. – И за твою Америку пить не буду, какие бы сказки ты мне ни рассказывал.

– Тут нет американцев! – вспыхнул Гарик.

– Почему пьешь за Америку, если патриот? – удивился Павел Павлович.

Гарик усмехнулся:

– Так вы хотите закрепостить или раскрепостить русского человека?

Стол с толстыми резными ножками, кресло под Петровскую эпоху, нарисованный на стене камин, старый шкаф из морёного дуба и макет самолёта. За макетом сидит кот. Кот обычный, серый, среднерусский, но с повадками сиамского: успеет и царапнуть, и куснуть.

– У вас как во времена Ивана Грозного, – смеётся Гарик. – Я знал русских анархистов в Америке.

– Кого же? – прищурился Павел Павлович.

– Это отдельный разговор! Настоящие американцы живут настоящим! Только русские американцы живут будущим.

Гарик – человек с фантазией. Однажды в Америке ему представилась картинка: вот... входит сам Пушкин. «Здравствуй, Александр!» Гарик протянул руку...

Гарик огляделся, ущипнул себя. Неужели он не в Америке? На улицах Нью-Йорка он спрашивал себя, ущипнув: «Неужели я не в России?» В Америке он даже стал слышать голоса из-за океана, из другого света, из России. Но теперь голоса эти не в нём, а вокруг него. Гарик вслушивался и дивился жизни здесь, а где его дом, он уже не знал. Поймал кота, кот распушил хвост и выпустил когти.

– Товарищ генерал, – сказал Гарик, – разрешите спросить?

– Что интересует нового русского американца? – историку польстило это «товарищ генерал».

Но Гарику помешал задать вопрос встрявший в разговор Поляков, удивив американца косноязычием.

– Трудятся люди везде. В Японии, в Корее, – размашисто размышлял Поляков, он очень быстро разбогател на ваучерах и на «палёной» водке и уже вошёл в число местных олигархов. – Маленький участочек земли, он весь вспахан! И на нём получают такие урожаи! В Японии! В Швейцарии! Там того нет, что есть у нас. Здесь же у нас такие земли! Их так много! Они такие урожайные! А вы, собственно, почему вернулись из Америки?

– Я хочу создать семью здесь, – признался Гарик.

– А в Америке что? Баб нет?

– У меня была подруга. Но для семьи нужна любовь.

– Ну так и любил бы подругу! – Поляков будто Америку открыл.

– Я не могу любить по расчету, это значит обмануть её. Это недостойно моей чести. Я дворянин! – в голосе Гарика послышался пафос.

– Из дворовых? – уел Поляков.

– Нет, из монархистов.

Кот волновался, оживляя компанию: то прятался за макетом самолёта, то под ногами вертелся, то вдруг прыгнул на руки хозяину.

– А девушки здесь какие! – Поляков опять погрузился в воспоминания. – Я приехал с Поволжья. А я был молодой человек, только из армии. Там из двадцати – одной красивой не увидишь. А здесь каждая вторая – краса-красой!

– Родина здесь. Эталон красоты создается на своей родине! – философски заметил историк Петр Никитич.

В дверь позвонили. Пришел еще один гость – адвокат Марк Асляк, низенький, с серебрящейся бородкой, в очках, в руке – свернутая в трубку газета. Его как раз и ожидал Гарик. Адвокат Марк Яковлевич Асляк, второй муж Аллы Павловны, имел свою контору в Центральном районе города. Женское движение возглавляла Алла Павловна Тараканова не совсем по своей воле, а по желанию одного человека, который готовился к выборам в Госдуму. Асляк был из тех людей, которые умели опустить человека или поднять, в зависимости от нужности и выгоды для себя из всей ситуации. Он умел войти в какие-то особые зоны человеческого сознания и подсознания, присоединить их к себе, как сообщающиеся сосуды. Когда ему этот сосуд становился не нужен, он разрывал связь, как пуповину. Лет двадцать назад была какая-то странная история с одним хорошим адвокатом. Назначили этого хорошего адвоката на место, куда рвался Асляк, и, кажется, уже был приказ о назначении, но вдруг тот человек повесился. Так заведующим стал Марк Яковлевич. Мало кто уже помнил эту историю...

Гарику посоветовали обратиться к Асляку, но тут же и рассказали этот эпизод. Гарику нужен был адвокат, и он всё искал нужного, такого, которого нельзя перекупить. Ещё говорили, что Асляк ведет какие-то дела, которые сейчас пересматриваются. Вроде таких: человека сбивала машина, а потом или не находили эту машину, или оправдывали водителя полностью. Гарик знал, что с Асляком можно познакомиться у историка Петра Никитича. Были и ещё причины, по которым ему очень интересен был муж Аллы Павловны – Марк Асляк.

– Вот, господа, свежий номер, – Асляк показал газетную полосу.

Но его как будто никто не услышал.

– Вот явилось ещё движение – «женское...». Сколько этому единству кукловодов потребуется? – насмешливо спросил историк. – А кукловоды, оказывается, сами-то и есть большие куклы.

– «Судья... Двадцать метров не дошла до своего дома...» – читал Асляк газету.

За окном что-то хлопнуло, словно взорвалось. Кот шарахнулся с полки, самолет полетел на пол, рухнул, ударившись крылом.

Гарик вдруг повернулся к Асляку:

– Простите, вы что-то интересное хотели прочитать нам...

Асляк поправил очки:

– Убили судью...

– Простите, – опять перебил Гарик, – я сейчас на маршрутке ехал, песенку услышал, такая, знаете: «...Убили негра... Ой-ёй-ёй-ёй, убили негра...» Дурацкая песенка, извините. Почему у вас такие песни крутят в общественных местах?

– Такого ещё не было в нашем городе! Судью убили около дома! – Асляк почувствовал, что наконец его услышали. – Она занималась уголовными делами...

– А сколько ей лет? – спросил Гарик.

– С сорок пятого...

– Почти шестьдесят! – удивился Гарик. – А почему не на пенсии? Судьи в сорок пять уходят...

– Кому-то была нужна, – предположил историк. – Не отправили на пенсию...

– Она была справедливая? Или кого-то неправильно осудила? – спросил Гарик.

– В понедельник шла с работы... Возле дома... Около мусорки... – у Асляка оборвался голос.

– Вы с ней работали? – уставился Гарик на адвоката.

– ...Ножом по лицу! Он... её...

– По лицу?! – перебил Гарик. – По лицу бьют пощёчину! Это дуэль!

– Тяжёлое ножевое ранение! Какая дуэль?! Жизнь мало похожа на дуэль. Это просто бойня! – голос адвоката звенел как металл. – Вот, у меня есть бланки. Заполните, и пусть заполнят ваши знакомые.

Гарик взялся читать вслух: «Прошу принять

меня в члены... Дата рождения... Паспорт...» А зачем паспортные данные? – удивился Гарик. – Это же общественная организация... «Члены общественного движения»? Да это же данные по типу подписного листа?! – Гарик смотрел на Асляка: перед ним был низкорослый человек с сединой, скрывающий за очками хитрость и ум.

– Значит, женщинам так удобнее... На будущее... Вдруг тот или другой человек понадобится, чтобы не искать его потом... В Америку не собираетесь возвращаться? – адвокат пристально, не мигая, глядел в глаза Гарика и переводил разговор на другую тему.

– Я патриот! – запальчиво ответил Гарик. – Я хочу быть полезным своей родине!

– Ты же монархист! – перебил Поляков. – Какой ты патриот?!

– Какой вы серьезный! Пусть будет и монархист, и патриот! – усмехнулся адвокат, он знал историю Гарика.

Прожив в Нью-Йорке тринадцать лет, Гарик с матерью вернулся в Россию. В Штатах он учился, но не закончил курс (отец, на поддержку которого они с матерью рассчитывали, оказался не столь щедр и не очень тратился на сына).

– Мне нужен хороший адвокат, – сказал Гарик. – Такой, как вы.

– Интересно, зачем это я вам понадобился? – Асляк смотрел пристально (этот взгляд очень помогал ему на процессах).

– Как-то слышал в электричке: «И твоя правда, и моя правда, и везде правда – и нигде ее нет». – Гарик громко захохотал, рыжая бородка запрыгала. – У вас, говорят, везде свои судьи?

В кармане адвоката зазвонил мобильный телефон. Ироническая насмешка в его глазах погасла:

– Разрешите откланяться. Работа, – Асляк взглянул на часы. – Я должен срочно ехать. А газету я вам оставлю. Вот тут и фотография есть, кружком обведено место убийства судьи. Вот моя визитная карточка, – подал он картонку Гарику. – По домашнему телефону может ответить жена Алла Павловна. Она любительница заграничных путешествий... Поделитесь с ней своим опытом. Мечтает побывать на Иппокрене. Это волшебный библейский источник на Геликоне. Не были там?

– Я вижу, у вас ещё одна новая газетка, – потянулся за ней Гарик вместо ответа на вопрос.

– О вашей жене пишут? Господин адвокат, вы можете гордиться Аллой Павловной! – слишком громко восхитился Поляков.

– К сожалению, не всегда только я, – довольно осклабился Асляк. – Она же занимается общественной деятельностью, как без кукловодов...

– Красивая женщина! Очаровашка! Куколка! – шутил Павел Павлович Поляков. – А кто же ее кукловод?

– Кукловодов в России хватает! – громко засмеялся Марк Асляк.

– А как ваша приемная дочь? – будто невзначай спросил Гарик.

– Что?! – вздрогнул Марк. – Вы и о ней уже знаете? Она у бабушки. Отдыхать поехала.

IV

Лето изумрудное, бархатное – всё светится и ликует, и мелькает за окном машины. Марина едет к бабушке. Холмы на горизонте сходятся с голубым небом, и, кажется, там, за кромкой горизонта, дорога тоже станет голубой.

Бабушка – это родник, это лучшие сказки детства, это... это защита от обид и строгости мамы. Бабушка обнимет, по головке погладит – и все обиды и горести как рукой снимет. Целый день рассказывала Марина бабушке о своей жизни. А вот теперь приехала и двоюродная сестра Оля.

Только Марина села за стол, Оля тут как тут:

– Давай на гитаре поиграем.

– Играй! – отмахнулась Марина.

– Мне одной не хочется, – приставала Оля. – Ты пишешь... Мне скучно.

Бабушка пришла, позвала Олю, и они куда-то вдвоём отправились. Марина поняла, что у них есть от неё какие-то секреты.

Она достала свой дневник, куда любила записывать всё, о чем не могла поговорить с Олей, бабушкой и мамой. «Последнее время мне так нравится дневничок», – удивлялась Марина самой себе.

Скоро Оля вернулась:

– Я сегодня хотела на гитаре поиграть, – с ехидством, смотря искоса на Марину, напомнила Оля.

Марина вскинула удивленно брови:

– И что? Я не дала?

– Дала... – подмигнула Оля.

– Что?! – вспыхнула Марина.

– Тихо, тихо, успокойся. Я тебе не говорю, что ты «не дала». Я говорю, что ты – дала...

Тут в комнату зашла бабушка, и вовремя – иначе могла бы вспыхнуть ссора.

– Мариночка, одевайся, пойдем сходим... – позвала бабушка.

– Куда? – не поняла Марина.

– Секрет! – Оля загадочно улыбалась.

– Бабушка, секрет у вас с Олей? От меня?

– Пойдёшь с нами? – снова позвала бабушка.

– Пойду, – сказала Марина. – А вообще-то, нет. То есть... Я не знаю.

Бабушка торопила:

– Решай скорей.

Бабушка была не родной, она была матерью отчима, но любила Марину как родную внучку.

Марина быстро собралась.

Они пришли в церковь. Оля очень хотела покреститься, ведь у них, в деревне, церкви не было. А Марине стало немного страшно. Проходя мимо церкви, она всегда думала о покойниках и о том, что, прежде чем похоронить, умершего несут в церковь.

Священник подозвал девочек.

– Мариночка, иди скорей с Олей, за компанию, – подтолкнула бабушка.

Марина зашла в небольшую, но очень светлую комнату. Там полукругом уже стояло человек двенадцать. Марина встала рядом с Олей. Священник поучал их, как надо креститься. Прочитал молитву и сказал:

– Креститесь вместе со мной.

Всё было ново для Марины, радостно и страшновато. Вот заплакала маленькая девочка, её окунали в воду. Потом ещё один мальчик заплакал... Их было четверо: трое грудных и годовалая девочка. Марина опять испытала страх, но теперь этот страх был внутри, глубоко, и исходил как бы из неё самой...

Вот уже священник надел на всех крестики... «Вот и всё?» – подумала Марина. Она не была подготовлена к крещению, оттого воспринимала это как театр, игру, ритуал, который не требует очень глубокого погружения в происходящее. Оля молчала и была более вдумчива, и глаза её наполнялись каким-то другим светом. Но Марина не понимала Олю.

Домой шли возбуждённо-весёлые, и мимоходом в лавочках бабушка покупала всё, что просили девочки.

* * *

Когда бабушка привезла внучку обратно к матери и сказала, что она Мариночку окрестила, Алла промолчала. Надо проще относиться к переменам в жизни. У Аллы тоже были перемены, о ней теперь чаще писали в газетах, постоянно звонили, всем она была нужна. «Парадную» биографию Аллы Тараканової переписывала каждая газета на свой лад. Есть деньги – почему бы не насладиться славой?

Алле нужна была эта всеобщая любовь. В этом они с мужем были чем-то похожи. Марк Асляк тоже шел на судебные заседания, выучивая роль, заботясь больше о производимом впечатлении, а не о самом деле. О самом же деле всё решал до заседания, в кабинетах олигархов и чиновников.

Свекровь Аллу не любила, но не показывала этого, не докучала со своими разговорами, «не доставала», как говорила Алла Павловна. Ей казалось, что мать мужа просто забирала всю положительную энергию, всю радость.

– Мама, если тебе скучно, посмотрела бы телевизор! – Алла покачала головой. – Или я найму тебе компаньонку для бесед.

– Ты такая же, как мой массажист...

– Что вы мне все намекаете? По-человечески сказать не можете? – сердилась Алла.

– Скажу... Марк как раз за это дело взялся... С убитой судьей... – свекровь поджала губы.

– О господи! – протянула Алла. – Да мало ли сейчас наркоманов!

– Это не наркоман. Он ее по лицу бил... Это дуэль была.

Алла уставилась на свекровь: какая несгибаемая воля у пожилой женщины! И лицо её не стареет, а застывает, как маска музейная.

– Мама, время дуэлей прошло! – через силу засмеялась Алла. – Вы в каком веке живёте?

– Отсидел лет восемь ни за что... Каждый

день, небось, Богу молил, чтоб выйти и в лицо этой судье посмотреть... – торопливо шептала свекровь.

Алла в растерянности:

– Выпей валерианы!

– ...Марк так изменился... Я всё замечаю: похудел, осунулся, молчит, мне ни слова не скажет, отворачивается...

– Мама! О чём ему с тобой говорить?!

– Ему со мной не о чем, да мне с тобой есть о чём! – встала посреди комнаты свекровь. – Ты смотри: Марину с Тиграном наедине не оставляй!

Алла молчала. И вдруг она вспомнила, как однажды Мариночка сказала ей, словно нечаянно, что «папа положил руку вот так». Как представить это в своем воображении?

– Я твоего Тиграна спрашиваю: «Доктор, долго я еще жить буду?» – свекровь разволновалась.

– Завтра Марине в школу, пойду приготовлю ей блузку, брюки... – Алла вышла из комнаты, чтобы не поссориться со свекровью, села перед телевизором. Вдруг опять вспомнила себя девочкой: в чёрной скорлупе – ночного неба желток, колкие звёзды, светофор, небо над головой и себя в ванной у дяди Андрея... Зеркало... И кровь.

V

Первого сентября возле школы, как на пристани перед отплытием корабля, собрались все: и кто отправляется в долгий путь за знаниями, и гости.

Восемь сорок утра. Линейка началась. Впереди стоят первоклашки. Марине кажется, что даже учителя стали другие – веселые, загорелые. Один рыжий веснушчатый первоклассник громко плакал. «Неужели так страшно? – смотрит на него Марина. – Наверное, ему будет нелегко – чувствует». Вот подарили шоколадки первоклашкам. «А-а! – разочарованно протянул рыжий мальчик. – Без секрета...» – но плакать перестал. В детстве, наверное, хочется, чтобы побольше было секретов. Теперь же каждый день вставать рано. Только вечером можно просто полежать, а днем – ни минуточки.

...И замелькали новые учебники, новые книги. Не прошло и месяца – начались зачеты, контрольные. Жанна Владимировна вела свой класс чуть ли не по программе первого курса университета. Ей нужно было, чтобы поступили в вузы все, все блеснули знаниями на выпускном, тем более что по новой программе выпускной экзамен будет и вступительным. Она выкладывалась сама и требовала этого от своих учеников, требовала с нажимом и бескомпромиссно. Марина свою Жанну Владимировну и любила, и боялась. Между собой ученики звали ее просто Жанка. Однажды Жанка такие репрессии применила: парты маленькие, одноместные и прозрачные (спрятать ничего нельзя), а она ещё и сумки собрала, и все тетради. Сидели чуть ли не голые и немые, как рыбы на суше, прыгали, вертелись, хватали ртом воздух, а спросить соседа нельзя, только рот откроешь – сразу на тебе взгляд.

После урока мальчишки прикалывались:

– Наша училка разговаривает сама с собой. А ваша?

– Тоже, но она не осознает этого. Она думает, что мы ее слушаем.

После урока литературы – биология.

– Марина, я тебя заметила в этом году, – поощрительно сказала биологичка, дородная, самоуверенная и властная, у нее всегда на уроках мёртвая тишина.

Марина не поняла, сделала «большие глаза» и посмотрела на учительницу биологии.

– Ты изменилась, – продолжала учительница.

Марина испугалась ещё больше.

– В лучшую сторону. Отвечаешь всё время...

Марине захотелось встать и выйти.

Вслед за уроком биологии – литература. Писали сочинение «Над чем смеётся Чехов?». Эпиграф: «Хорошо смеяться на сухом берегу» (пословица). Смеётся ли Чехов? Ведь не «сухой берег» у него под ногами? Берег хранит, защищает человека от воды. А жизнь никого не бережёт. Не зайдёшь в реку – плавать не научишься.

Уроки, уроки, а жить когда?..

На следующий день – успех! Марина услышала, что Жанна Владимировна назвала ее фамилию. Марина встрепенулась. Учительнице и многие другие сочинения понравились, но Марину она назвала первой.

Марина смотрела на Жанну Владимировну и чего-то ждала, а та вдруг заговорила о жизни, а не об уроке:

– Девочки, не надо пудрить мальчику мозги, если он не нужен... Вы в ответе. И это просто жестоко. С этим не играют...

Жанка впервые говорила так о мальчиках. А Марина думала об Алёше. Марина вспомнила, что вчера Алёша прошел мимо. «Мне показалось, что это я – не я, а он – не он. Сердце замерло. Надо было позвать и поздороваться. Но и слова сказать не могла», – записала она в своем дневнике.

Марина так привыкла уединяться и записывать в свой девичий дневник, что стала доверять ему больше, чем маме. Она уже не откровенничала с Олей и бабушкой. И даже в маме ей стало теперь что-то не нравиться. Мама много работала или все время разговаривала с Марком, шутила с ним, смеялась, а Марину не замечала. А однажды она случайно услышала, как Марк говорил ее маме, что есть интернат с музыкальным уклоном, где дети много занимаются музыкой... Что у Марины есть способности к музыке...

– Мариночка, что ты делаешь? – вошла в комнату бабушка в длинном халате.

– Пасьянс раскладываю... – Марина спрятала дневник.

– Я связала тебе красную шапочку, – бабушка так тепло относилась к приёмной своей внучке, что на ее уважительную любовь невозможно было не отозваться.

Марина ласково улыбнулась и покачала головой:

– Бабуля, мне только красной шапочки не хватает! – И вдруг спросила: – А тебе не казалось, когда ты была девочкой, что Земля – это космический корабль?

– Нет, деточка, мне так не казалось. Нам этим голову в школе не забивали. Мы учились жить реальными вещами. Я уже сама на себя вязала, когда была такой, как ты...

– Бабушка, раскартофь картошку, – попросила Марина, держа дневник под столом.

– Кушать захотела? Так бы и сказала. Пойдем, миленькая, я тебя покормлю... – бабушка направилась в кухню.

– Ты иди, а я сейчас приду! – Марина прятала дневник.

– Так ты приходи, а то я опять раскартофлю, помну, а она остынет, – раздалось из коридора.

Марина пришла в кухню:

– Бабушка, а если меня будут убивать, что ты будешь делать?

– Что за болезненное состояние? – озаботилась бабушка. – Я скажу Алле. Надо тебя показать врачу...

– Твоему Тиграну?

– Что ж... Он тоже хороший человек, – рассуждала бабушка, снимая картофельную кожуру. – Я уже как выжженное поле, а он придет и полечит.

– И? – Марина лукаво и заманчиво улыбнулась. – Как он тебя лечит?

– Уж я не знаю как... – бабушка внимательно посмотрела на Марину. – А он меня лечит. Мне, Мариночка, вот такая твоя улыбка не нравится. А с этим мальчиком не дружи, он тебе не пара. Он мне не нравится, Алёша этот твой.

– Почему?

– Не ходи... – терпеливо просила бабушка, уговаривала, уминала, словно тесто месила. – Не ходи к нему, тебе учиться надо!

Звонок в дверь прервал воспитательную работу. Марина открыла дверь – перед ней стоял весёлый, сияющий Тигран.

– Заходите скорей! Бабушка вас замучилась ждать.

– Марина, представляешь, таксисты объявили голодовку! Они требуют отмены правил дорожного движения!

В дом адвоката Марка Яковлевича Асляка и его жены Аллы Павловны Тигран Зайцев входил смело, говорил громко. Алла Павловна платила хорошо и просила его быть внимательнее к свекрови. Он уже вжился в семью, знал потаённые пружины каждого, даже изучил привычки собаки.

Вчера бабушка рассказывала Тиграну о собачке Кукле, которой завязывала банты на хвосте. А сегодня у бабушки посерьезнее настроение:

– ...В сорок шестом я вышла замуж. Я работала секретарем комитета комсомола завода. – Бабушка сделала паузу в этом месте и посмотрела на Тиграна, серьезно ли он слушает. – Когда я вышла замуж, мы с мужем поехали в Ленинград.

Но я забеременела. – Она потрогала свой впалый живот. – Родила Марка.

Марина подобрала ноги в кресло.

– ...Мы уехали на Колыму, по договору. – Бабушка будто смотрит в свое прошлое и видит поезда, поезда... – Я там была выбрана председателем завкома. Оттуда поехали в Свердловск. Мужу очень хотелось учиться в аспирантуре. А у меня уже второй ребенок появился. В общежитии дали вторую комнату. Муж подал на конкурс в институт.

Марина видела, как сухая рука бабушки висит вдоль туловища, будто внизу на цепи гиря, что давала бег времени. Эту больную высыхающую руку и пытается оживить Тигран.

– Получили квартиру. Я окончила здесь университет. Заочно, – продолжала пожилая женщина с уверенностью, что и её опыт молодому поколению пригодится. – Работала в институте. Кафедра истории партии. Окончила аспирантуру. Двадцать пять лет преподавала.

– Да вы у нас английский бакалавр! – поддерживает разговор Тигран, втирая крем с можжевельником и эфирным маслом лаванды.

– Когда пошла на пенсию, шестьдесят пять лет было, – голос ее как тиканье старинных ходиков. – Началась перестройка. Я пришла в райком партии. «Иди работай в женсовет», – сказали мне.

– Сколько же в вас было кипучей, могучей и никем не победимой жизни! – он разминает её холодные, почти не гнущиеся пальцы.

– Вот рука болит, а то бы я ещё много чего сделала! – она долгим взглядом изучала его: брюнет в очках, слишком угодлив, таких раньше, в советское время, было мало.

– Подлечим.

– Вылечите меня. Я умею быть благодарной. Три карты я вам не назову, как старуха в «Пиковой даме», но тоже знаю секреты...

– Конечно, вылечим! Только потерпите, – Тигран аккуратно поглаживает мышцы. – Болезнь приходит бегом, а уходит медленным шагом.

– ...Вот так я и начала работать в женсовете. А на следующий год на конференции меня избрали председателем женсовета. Мне очень понравилось, – голос звучал глухо, как старые довоенные ходики с гирей и длинной цепью.

Марина не выходила из комнаты. Ей вдруг захотелось послушать, о чём говорит время.

– ...Это девяносто второй год был. Потом я провела городскую конференцию независимой женской демократической инициативы. Это – девяносто третий. Теперь у нас бюллетень свой, шесть сборников, информационное обеспечение, ксерокс, электронная почта. У меня есть люди. Я эту технику не понимаю. Я изучила женское движение с прошлого века. Было всё очень ограничено у нас. Хотя боролись за женское образование, за женское избирательное право. За что боролись – на то и напоролись, – вдруг сказала она и прикрыла глаза. – Уходите все. Я устала.

VI

Вечером позвонил Фёдор Фёдорович, дядя Тиграна, и сообщил ему, что бабушка, свекровь Аллы Павловны, умерла, царство ей небесное. Он посоветовал племяннику в похоронах не участвовать и не показываться на глаза Алле Павловне.

– Но как же?! Это не совсем хорошо, – возразил Тигран. – Она мне этого не простит... А вдруг я буду нужен. И потом она ей свекровь, а не мать...

– У нее «вдруг» не бывает. Алла с юных лет приучена все взвешивать, она из торговли, или, как приличнее выразиться, «из бизнеса». Пусть у нее с тобой не будет связано отрицательных эмоций... Ты ей будешь нужнее потом.

День погас, и выкатилось на небо ночное светило. Тигран – человек не сентиментальный, но ему сделалось не по себе... Вчера он оживлял старушку своими руками... Он посмотрел на свои руки, как будто они сами по себе, а не части его тела. И увидел рядом с собой тень. Он сжал пальцы в кулак... А смерть придёт, их разомкнёт. Будто в кулаке он зажал смертный холодный осколок. Он вдруг почувствовал свою вину... Какую-то вину перед всеми женщинами, с которыми он был близок, будто он всех обидел, обманул, недодал им что-то. Всех коснется смерть, никто не избежит тленья. И он?

Ночь. Неживой свет блуждает по квартире.

Он поднялся, включил свет, настроил телеви-

зор на ночной канал. Настроился на фильм о любви... Шла сцена секса... Пока живой, надо жить, жить, жить... Хорошо, когда рядом женщина... А если её нет?

Три дня Тигран не находил себе места, по совету дяди не показывая носа к Алле Павловне. Он много передумал о своей жизни: как дошёл он до жизни такой, что стал массажистом? Почему? Что произошло? Если бы он всё это рассказал, никто бы не поверил. Со стороны, наверно, кажется, что он легко попал в круг массажистов, которых приглашают в элитные дома...

– Как дела? Как живётся-можется? – позвонил дядя на четвертый день.

– Ах, дядя, дядя, мне так скучно...

– Чем занимаешься?

– Ничем.

– Я на даче... Приезжай, а? Приедешь?

Дачный домик у Фёдора Фёдоровича без комфорта, под старину – так, домик для охоты. И река, и лес рядом. С собакой можно поохотиться. Рыжая лайка бежала впереди хозяина и громко лаяла на Тиграна, как на тигра.

Выпили за упокой бабушки.

– Как Алла пережила потерю? Нового любовника еще не завела? – Тиграну тридцать три. Когда он выпьет водочки, в нем пробуждается Амур, натягивает лук и ищет, в кого бы пустить свою стрелу любви... Наконечник сей волшебной стрелы отравлен ядом цинизма.

– В Италию собирается, – приятные воспоминания осветили лицо Фёдора Фёдоровича. – Пусть развеется.

– Надеюсь, не насовсем. На коня сел – Бога забыл, слез с коня – коня забыл, – Тигран через силу улыбнулся.

– Сделай мне китайский массаж. Бывает, жить не хочешь, а разомнут тебе спину – так опять соколом летишь, – потянувшись, попросил Фёдор Фёдорович.

Рыжая лайка лизала руки то хозяину, то гостю: ладони блестели, как масленичные блины.

– В твои годы, дядя Федя, Рубенс женился на шестнадцатилетней и родил троих сыновей!

– Да, были люди в наше время...

– Богатыри? – южный парень с маслянистым блеском в глазах обладал какой-то притягательной силой, голос его, как армянский коньяк, пьянил.

– Я не Петруччо и быть мужем строптивой не хочу! – отшутился Фёдор Фёдорович. – Помнишь, как я тебя познакомил с Аллой?

– Ты думаешь, меня ожидает богатое будущее? – принужденно улыбнулся Тигран, словно перед объективом фотоаппарата.

– «Ты силы золота не знаешь!»

– Дядя Федя, какой ты Шекспир! И какая гордость!

– Не гордость, а достоинство и самоуважение. Срывая яблоко, вспоминай того, кто посадил дерево. Уважь старика дядю, уведи, спаси, возьми в жёны Аллочку. У меня за Аллу душа... вот тут... болит. Я всё стерплю, если это будешь ты. Да, Алла нуждается в человеке, у которого такие целительные руки, такие золотые пальцы, как твои. – Фёдор Фёдорович судорожно гладил карельскую лайку, руки его дрожали, а собака урывками их вылизывала.

Тигран снова растянул рот в улыбке и молчал.

– Да! Я купил новое ружьё! – поднялся Фёдор Фёдорович. – Сейчас покажу! А то все про девочек. Мы что – не мужики? Не охотники? Ружьё в руках держать можем!

VII

Был год повышенной солнечной активности. Все влюблялись, мужчины донжуанили, и происходило это благодаря капризам представительниц прекрасного пола, тонко воспринимающим процессы на Солнце.

Любовные треугольники, эти удивительные геометрические фигуры, имели такой вид: в основании – мужчина, а по бокам – равнобедренные соперницы. Мужчины в городе становились женственными, ибо им не нужно было соперничать между собой; женщины превращались в воинственных и, вместо того чтобы беречь мужчин, в порыве ревности изводили, уничтожали их. Продолжительность жизни мужчин в те годы была пятьдесят восемь лет, два года они не доживали до заслуженного отдыха и пенсии, так что государство имело некоторую экономию в пенсионном фонде.

Солнечная активность влияла и на Аллу Пав-

ловну Тараканову. Днем она ходила в бассейн и делала массаж со швейцарскими эфирными маслами, занималась психологическими тренингами, но ночью чувствовала, что самообладание ей изменяет. Руки врачующие и сердце доброе давно были нужны Алле Таракановой. Муж ее, Марк Яковлевич Асляк, жил своей жизнью. Он заведовал адвокатской конторой, часто бывал в командировках. Полнолуние не давало Алле Павловне спать, а нужно завтра быть в форме, свежей, привлекательной и деловой. Луна? Её не выключишь, как ночник! Можно сменить шторы. Но их очень любила мама Марка. Марк обидится... Прошел месяц, а, кажется, похороны были вчера.

– Тетя Алла! – вдруг раздался голос приглушённо-робкий.

Алла Павловна замерла. Луна светит, но лица не видно, и от этого нереальными, безжизненными кажутся очертания. Привидение какое-то?

– Вы не спите? – привидение вошло в комнату.

– О! Господи! Оля? Ты?

Оля в ночной рубашке с рукавами-крыльями, как ангел, явилась из мрака ночи. Она приехала в гости из деревни, что расположилась на берегу реки, протекающей по заповеднику. В деревне, точнее небольшом поселке, всего тридцать домов. Их зимой заносило снегом – красота, белизна.

Племянница заканчивала заочно пединститут и работала в деревенской школе учительницей. В ее третьем классе было всего двенадцать учеников.

– Это я, – прошептала Оля. – Вы только не волнуйтесь.

– Ты почему не спишь? – приподнялась Алла Павловна.

Луна высветила проем двери и силуэт девушки как одно целое, словно в раме картины Крамского «Русалки».

– Я вам хочу сказать... – девушка спешила поделиться своей тайной. – Марина и ваш...

– Заходи, если уж разбудила, рассказывай деревенские ужасы о привидениях.

Но Оля осталась в проеме двери, птица не птица, как будто ангел из лунного воска – рождественская игрушка.

– Я не сплю, иди сюда, Оля, – Алла Павловна свесила ноги на пол. – Что случилось?

– Вы только не волнуйтесь, – говорил ангел из воска. – Это часто так бывает...

– Что бывает?!

– Это часто бывает с девочками. Ваш муж... Он... Марина мне рассказала, как он ей показывал всё.

– Что «всё»?!

– Вы только не волнуйтесь. Это бывает. У меня подружка в школе, она мне тоже рассказала про это.

– Про что – про «это»?

Алла Павловна встала. Отдернула штору – сумасшедший лунный лик уставился на неё. Оглянулась на племянницу. Рубашка с рукавами до локтей. Кто она: девушка-ангел или девушка-привидение?

Шторы ужасны. Почему она до сих пор не сменила эти шторы?! И простыня, и подушка, и книжная полка – все неестественно от лунного отражённого света. Страшно пошевельнуться.

– Оля, ты понимаешь, что ты мне говоришь?

– Моя подружка пожаловалась матери, а мать её стала ругать, – звучал Олин голос. – А потом заставила её уехать после девятого класса учиться в другой город. В училище. А она мечтала в институт поступить.

Алла Павловна молчала.

– Вы только не очень переживайте, тетя Алла. Марина окончит театральный институт и уедет.

– Куда?

– В Москву или в Америку... А вы с Марком Яковлевичем останетесь.

Алле Павловне стало ещё хуже от такого «успокоения»: «Бескорыстной любви не бывает, – отвернулась она к окну. – Любят за что-то. Дочь – соперница? Он любит Марину, а не меня. О, Господи, помилуй...»

– Оля, иди спать. Завтра поговорим.

Ангел из лунного воска растаял. В дверном проёме никого не было. Алла Павловна приложила ладонь к стеклу – круглое лицо беспристрастной луны светило между пальцев. Хотелось завыть, заплакать, спрятаться. Но куда?

Луна не дает света, только отражает его. Слепая планета. Бельмо на лице неба? Что отделяет прошлое от настоящего? Время... Секунда-две, день-ночь, зима-лето... Много вех на пути вре-

мени, вехи-века, как верстовые столбы. Луна, луна... Ущербно половинчатая, с ярко выраженным терминатором – границей света и тени.

Подушка – камень. Нет! Не ложиться! Не закрывать глаза. Не думать! Господи! Марк в командировке. Ещё три дня до его возвращения. А что потом?

Луна – золотистый осиновый листок, что ты прилипла к стеклу окна? Сказка – ложь, да в ней намёк.... Налетели гуси-лебеди, подхватили девочку, унесли... Нет! Не унесли. И не унесут! Алла Павловна не из тех, кто гусю перья не выщиплет!

Алла Павловна заглянула в комнату дочери. Дочка спит. Она сопит по-детски. Что будет, когда дочь проснётся? Как жить? Он... Он ей показывал всё. Что? Что «всё»? Нет! Этого не может быть!

* * *

Утро деловой женщины начинается как у спортсменов: встать, принять контрастный душ, лёгкий завтрак – и в машину. Не важно, как она спала, – надо дело делать.

Офис. Дерево с листьями из сердолика на столе. Скульптуру эту, маленькую, изящную, изображающую символ современного рая, она держала в кабинете чуть поодаль от себя – там, где садился гость. Словно дерево это было ее сообщником в бизнесе.

Символ – это скорлупа, каркас, упаковка, а внутреннее содержание у каждого своё, индивидуальное, неприкосновенно-личное. Никто не знает Аллу здесь, в офисе, такой, какой она была этой ночью.

Сегодня сердоликовые, красновато-оранжевые листья разглядывал Тигран. Массажиста Тиграна Зайцева Алла встретила с американской улыбкой.

Когда однажды дядя указал Тиграну на эту даму, что старичок задумывал? Укрощение строптивого президента торговой компании? Или у него с ней свои «тёмные аллеи»?

У Тиграна сложилось впечатление, будто она пытается быть как та ворона, которая хотела научиться походке куропатки, да забыла свою. Тело – сосуд души. Требовалось молодое вино? Дамский мастер? А может, и больше?! Мистер-Твистер? А может, и лучше?!

Перед ним – сердоликовое дерево. Перед ним – чёрный костюмчик, воротник с китайским рисунком – белый по чёрному. Что за штучка между грудями? Или это замочек на застёжке блестит?

Первое – определить, какой массаж сегодня произведет бóльший эффект. Второе – сам эффект! Этот эффект надо создать сразу. И чем сильнее, тем лучше. Ярче! Ярче должен быть эффект!

Он отвернулся, перебирал оранжевые листочки на сердоликовом деревце, ждал, когда она разденется и ляжет на диван.

– Готовы? Лучше быть головой мухи, чем хвостом осла, – разряжает он обстановку.

– Тигран, я как будто постарела за этот месяц лет на двадцать.

– Я верну вам эти двадцать лет за десять сеансов.

– А чем я буду обязана?

– Целитель плату не назначает.

– Вот моя бабушка тоже так говорила.

Алла легла и стала вспоминать почему-то мать. Ей мать часто рассказывала про свою жизнь. Алла могла бы написать книгу, если бы была писателем или журналистом, или историком, как Пётр Никитич, о котором ей рассказывал муж.

Теперь, после смерти матери, Алла видела всю ее жизнь иначе. Мать оживала и проживала в памяти своей дочери.

Но что делать со своей дочерью? Поговорить с Тиграном? Может быть, сентиментальная Оля всё это придумала?

* * *

Вечером, как только Марина улеглась, Алла зашла в комнату дочери:

– Давай в последний раз поговорим о гадостях. Только скажи мне всю правду, – осторожно начала Алла.

– Какую? – Марина сонно глядела на мать.

Алла Павловна почувствовала, что настоящего разговора не получится. Она словно чего-то сама боялась, а дочь ее щадила.

Алла ушла в свою комнату, вдруг вспомнила

отца. Когда-то она боялась его, а теперь ей его так не хватает. Когда отец узнал, что Алла забрала документы из приёмной комиссии университета, он схватился за ремень:

– Как ты могла?! Да я тебе!..

– Все поступают в торговый. Я хочу быть как все!

– У тебя своя голова есть?! – отец звякнул массивной пряжкой от ремня. – Думай своей башкой! Думай сама!

– Я никогда не поступлю в университет! Никогда! Не поступлю! – Алла плакала навзрыд. – Там конкурс! Там берут блатных! Сейчас всё за деньги! У тебя деньги есть?!

– Не ори! Мозги не дешевле денег!

– Я провалюсь! А что я буду на фазенде вашей делать?! Цветочки выращивать?! И продавать на вокзале? – зло рассмеялась сквозь слёзы. – Купите...

Отец хлестанул её ремнем.

– Почему другие не проваливаются?! – размахнулся, чтобы ещё ударить.

Дочь увернулась.

И тот день Алла хорошо запомнила – впервые она не испугалась, не уступила отцу. И стала сама управлять своей судьбой. И судьба ей подчинилась. Алле удалось соединить торговлю с силовой структурой. Деньги – это власть. А власть – это деньги. Власть – это тайна и авторитет. Ей послышался голос друга из спецслужб. Нет! Голоса – это не для нее. Она дело делает. Пусть голосам предаются сентиментальные поэтессы и нервные актрисы. Связь с гэбистом она скрывала. А потом даже тайно гордилась, что она вроде как защитница Родины, может, шпиона поймает. Но прошло два десятка лет, а шпиона она так и не поймала. А связи пригодились для других целей, когда началась перестройка и передел народной собственности.

Гэбист проводил с ней профилактическую работу. Но тогда он ей казался героем еще не прочитанного романа.

Что же плакать, когда слёз нет. Вместо слёз в глазах являлось прошлое. Дети в ответе за грехи своих родителей? Что же, если король выпадает пик... (Пик – пиковый король, он же военный человек.) Не было византийского двуглавого орла у её короля. И вообще, не был он царем, не был даже большим человеком. Он был рядовой гэбист. Работал, получал зарплату. Её магазин находился на его участке. Случайное совпадение.

Они встречались каждый понедельник на явочной квартире.

– Аллочка, каков выкуп за тебя? – обнимал он её.

– Я очень дорогая! Ты думаешь, что ты можешь меня купить?!

Они быстро перешли на «ты». А через пять-шесть недель деловые встречи перемешивались с любовными свиданиями.

– Ты не из тех женщин, которые живут ради нас, мужчин.

– Допустим.

– Я женат. Что я могу для тебя сделать?

Он смотрел ей в лицо: брови – полукруги, губы ярко накрашены, в маленьких мочках ушей – серьги и глаза широко расставлены, как у лягушки. Сельская продавщица.

Алла доила корову с шести лет, умела делать всё по дому и на огороде. Потом, когда переехала жить в город, стала этого прошлого стесняться, старательно забивая напоминания о нём духами. Над ней опять смеялись – деревенские любят дешёвые духи. Когда работала в магазине продавщицей, была весёлой и беззаботной и всегда с деньгами. Назначили ее директором сельмага. А через полгода в магазине обнаружили недостачу, деньги эти – «недостача» – по тем меркам очень большие для нее. Она чуть не заболела, никого не слышала, никого не могла видеть: тогда и начала она слышать голоса. Врач с тёмными глазами и продолговатым лицом спросила: «Причина есть?» – «Есть», – ответила Алла. – «Тогда держись, а то отправят в психиатрическую». – «Сделайте какой-нибудь укол».

...Суда не было, помог друг-любовник.

– Будешь работать до пенсии, – успокаивал он ее на явочной квартире. – Мы своих людей не бросаем. Но, если узнают о наших свиданиях, тогда я уже помочь не смогу.

Она периодически встречалась с ним, рассказывала обо всех и обо всём. Но Алла побаивалась его. Этот страх не прошёл, даже когда

она родила дочь, он как будто удвоился, она стала бояться и за себя, и за неё. А гэбист пользовался её страхом, он звал ее «Алка-весовщица», «Алка-продавщица».

VIII

Иногда юной девушке бывает трудно эмоции держать при себе, как воду в ладонях. От этих думок в голове у Марины заводится какая-то паутина – в ней невозможно разобраться. Происходит что-то необъяснимое, неожиданное, чего совсем не хочется. Хочется быть честной, правильной и совершать красивые добрые поступки, а получается не так. И почему «не так», понять невозможно.

– Там привезли зверинец, пойдем? – к Марине пришла Наташа.

И вот девочки в передвижном зверинце. Звери в клетках на колёсах, только верблюдица стояла на площадке. Передний горб высокий, как рюкзак, а борода длинная, как у старика Хоттабыча. У верблюдицы уши в волосах, их почти не видно. И короткая чёлка над глазами. От чёлки до пипки носа такой седой горизонтальный лоб и нос.

– Лобонос! – засмеялась Наташа.

У ног верблюдицы маленький верблюжонок. Он качается и дрожит на тонких ножках. Верблюжонок пепельный, ушки седые, глазки чёрные, а шея, как у лебедя, длинная. Детёныш тычется мордой в её живот; а она то замирает, то вздрагивает, то толкает, то покусывает. Вот верблюжонок свою морду к прожекторам подставил – греется.

– У верблюдицы молока не хватает, – говорит работница. – Мы сдаиваем и поим его из соски.

Верблюдица легла, как холм песка. Ног её не видно. Горб торчит только передний, а задний выровнялся. Скачет верблюжонок, подгибая ножки, морковный язык показывает. Чёлка у него, как у Аллы Пугачевой, – пышно кучерявится.

– Я здесь смотрю на моих любимых животных, – говорит девочка лет семи.

– Смотри! Смотри! Вот как плюнет! – смеётся рыжий мальчик.

– Она не плюётся.

– Боюсь! Пошли! Пошли! А-а-а-а! – кричит кто-то.

– Верблюд сам пуглив, может убежать в пустыню от неожиданно выскочившего зайца.

– Верблюжонок, на печенье! – тянется детская рука.

– С днём рождения, верблюжонок!

Узкая мордочка вытянулась, открылся рот, а там красноватый язык. Взял печенье. Зевнул и лег. Опилки у него бледно-жёлтые, как песок. Смотрит на верблюдицу долго, внимательно. Верблюдица жуёт, челюсть нижняя отвисла треугольником, серые зубы терпеливо перемалывают ветки. Вся в рыжевато-жёлтых опилках.

Шёпот Марины:

– Наташ, он положил мне руку вот сюда...

– Кто? Верблюд?

– Наташ...

– Что?

– Что это значит? Его рука... Это случайно или нет?

– Кто положил? Отчим? Марин, опять о нём? А ты сама не знаешь, что значит?! Спроси у матери, если не знаешь.

– Матери нельзя говорить... Пусть хоть у нее будет счастье. Мы как эти звери – живём в каких-то клетках...

– Сама позвала, а теперь недовольна.

– Я думала, что тут весело. А тут еще хуже... Пойдём отсюда.

А в сквере – фонтан. Вокруг фонтана – скамеечки. Сели.

– Пацаны идут! – Наташа подвинулась, освобождая место.

Марина поднялась.

– Ты куда? – остановила ее за руку Наташа.

– Домой. Алёши нет, а с этими мне неинтересно.

И пошла. Куда идти? Домой? Там отчим. Марина не заметила, как оказалась дома, все дороги ведут к дому. Хотела незаметно пройти в свою комнату, но не получилось.

– Гуляла? – заботливо встретил её Марк Яковлевич.

– Да.

– С кем? – он взял её за плечи, слегка сжимая их. – Замёрзла?

– С Наташей.

Ей было приятно внимание взрослого. Но она ещё не могла отличить, где истинно отцовское, а где мужское.

– Хорошую подружку найти не можешь? – мягко упрекнул, но руки его дрожали.

– Она хорошая, – Марина словно защищала не подругу, а себя.

– Хочешь, я покажу тебе, где мы ходили на яхте? – Он приподнял её за плечи, подчиняя своей силе.

– Какая яхта среди лягушек? – ей трудно стало дышать от его рук, словно от тисков, и она, вырвавшись, пошла на улицу.

Она хотела побыть одна, чтобы разобраться в новых чувствах, но он не оставлял ее в покое.

Вышли вместе. Смеркалось. «Лето, лето, лето твоих губ, твоих глаз...» – вырвалась песня из окна «жигулёнка».

– «И цвёл розовый шиповник, охраняя красоту свою дикими шипами. Белый донник дорожный нас встречал», – у Марка было отличное настроение, и он положил руку ей на плечо, словно защищая от ветра.

Шли по мосту. Марина веселилась, вскидывая волосы вверх, ей нравилось, что к ней относятся как к взрослой. Иногда капризничала, сунув руки в карманы. Марк то и дело поправлял ворот рубахи, то расстёгивая, то застёгивая верхнюю пуговицу.

Вдруг она села на бордюр, опасно наклоняясь. Взглянула на него с такой ненавистью, словно обожгла.

И тут же Марк подхватил её на руки, свесил через бетонные перила моста.

– Ой!!! – Марина крепко сжала его за шею, ненависть сменилась страхом. – Мама!

– Ты не бросишь меня? – Марк коварно и расчётливо ослаблял руки. – Говори! Ты не бросишь меня?!

– Нет! – мёртвой хваткой вцепилась она в его шею. – Нет!

– Будешь меня слушаться? Да или нет?!

– Да! Да...

– Никому не расскажешь?

На мосту зажглись фонари. Он поставил её перед собой. Ноги девочки стали ватными. Марк прижимал её голову к себе. Дул холодный ветер.

– Ты самая красивая, – гладил её волосы.

– Ты не любишь меня! И мама не любит! – обречённо выдохнула она. – Где мой отец?

– Ты взрослая?! – он двумя пальцами приподнял её подбородок. – Да или нет?

– Да... – она почувствовала себя взрослой, такой, как её мама. – Хочу домой! Мама искать будет. Я сказала, что сегодня с ней буду писать сочинение.

Воздух свежий воду рябит, играет речка чёрной синевой. Осень.

Вернулись, но Аллы нет дома.

Марина свернулась клубком на диване. Удивительно – она как взрослая. И улыбалась чему-то. И он любит её больше, чем маму? Вдруг дверь приоткрылась... И осталась щель. Она быстро вскочила и закрылась в своей комнате.

IX

Ночь. Луна, порождающая чудовищ. После похорон свекрови Алла никак не могла справиться с бессонницей, всё искала границу света и тени на поверхности Луны.

Луна нарождается... Граница памяти – прощение. Прощение освобождает, очищает нас от прошлого. Алла побаивалась свекрови, никогда ей не доверялась, хотя звала мамой.

За три дня до своей смерти свекровь рассказала Алле случай из своего детства. Случай этот был особенный. Свекровь рассказывала, как после ареста отца они переехали на Урал, как началась там для нее новая жизнь.

«– ...Расскажи мне все. Где вы жили? Кто твой отец? – учительница оставила меня после уроков.

– Мы жили с папой, – сказала я и заплакала. – И с мамой.

– Успокойся, – обняла меня учительница.

– У нас папа лётчик. Прихожу домой из школы, около дома – машина, на которой папу увезли. Вхожу. Военные кидают книги из шкафа. На полу – наши шубы, плащи, папины гимнастерки.

– Где папа? – спросила я.

– Молчи, – прижала меня мама к себе.

Когда машина уехала, я опять спросила маму:

– А папа где?

– Не жди его, – мама шептала. – Не жди.

Я рассказала учительнице и стою, глядя на учительницу, – не сказала ли я ей чего лишнего.

– Не жди отца! Скажи, что он умер, – твердила учительница. – Не жди его! И никому этого больше в школе не рассказывай».

Почему свекровь раньше не рассказывала о том случае, ведь это мешало женщинам понять друг друга и быть ближе? Алла чувствовала какую-то вину перед старой женщиной, которая, уйдя из жизни, оставила какую-то часть себя в Алле.

Утро. Опять Алла почти не спала. Но приехала на работу вовремя.

Пришел Тигран ровно в назначенное время. Начал массаж. Он склонился над ней. Спина... Нормально. Хорошо. Лишних складок нет. Мышцы подтянуты. Первое прикосновение лёгкое, едва ощутимое, как ветерок. Пусть она напрягается, вслушивается, ждёт. И вот ещё лёгкое прикосновение. Очень лёгкое. Ещё чуть-чуть. Под его руками тело жило, играло, пело, отзывалось на каждое его движение.

Он изучил все типы массажа и открыл для себя, что массаж – это дело! Дело для его рук. Ему нравилось думать, что будто бы двадцать пять тысяч лет люди лечат друг друга массажем. Фёдор Фёдорович многое своё, нереализованное, передал племяннику. И теперь племянник материализовывал его идею. Массаж – это менее тернистая дорожка к женщине.

Алла лежала спокойно.

С клиентом не надо торопиться. Даже если светило расколется пополам, то мы узнаем об этом не сразу, а только через восемь минут. Восемь минут массажа – это начальный курс, его придумал не Тигран, это идея дяди. Ах, дядя, дядя....

Алла не думала о Тигране. Она выделяла для себя совсем других мужчин: ярких, напористых. Он далек от её идеала, что ж, тем лучше, значит, никаких сердечных мук ей не предвещает. Но в его руках что-то есть, что не оставляет равнодушной... Что ж... Небольшая разрядка ей не помешает... Мужчины к этому относятся проще, а может, они правы? Не надо усложнять...

– Сними очки, – попросила она. – Очки портят...

Он снял молча.

Алла посмотрела на него затуманенным взглядом. Тигран – курчавый брюнет, южная зима.

– Висит груша, нельзя скушать, что это такое? Ну, что это такое? – в его голосе – игра.

– Я не девочка...

– Да это... Это воробей на ветке!

Вот его руки коснулись ее поясницы.

– Вас знает весь город, – дарит ей комплимент. – Надо быть в хорошей форме. Вам нужны надёжные руки, которые держали бы вас в хорошей форме...

– Президент международной компании – думаете, это так просто? – усмехнулась Алла.

– Вы ведь ещё входите в Российский конгресс финансирования инвестиционных проектов! Вы удивительнейшая женщина.

Он бросил взгляд на стены: два портрета президента, оба смотрят на деревце с листьями из сердолика и слегка улыбаются друг другу. Портрет, что поменьше, подарил генерал Тараканов (однофамилец); портрет, что побольше, – глава города.

– У вас аналитический ум! Организаторские способности! – снова спешил Тигран Зайцев польстить даме. – Вы просто героиня романа!

– Да? – ослепляет она улыбкой.

– Говорят, полмиллиона лет назад луна была огромна, в пол-окна...

Тигран любил смешивать оттенки чувств, как акварельные краски. Он взялся бы писать роман об Алле Таракановой... И чего только не напечатали про Аллу Тараканову в газетах! Сколько талантов открылось! Агитатор! Её пламенная речь не только воодушевляла, но и приводила людей в движение, выводила на митинги. Актриса! Меценат! Энтузиаст! Напишут же! Ещё, газетчики писали, она любит говорить, что на женщине держится семья, а на семье – государство.

Когда утомлённая роскошью деловая женщина станет просто женщиной? Может быть, ей только и хочется – стать женщиной. Он попросил перевернуться на живот. Нога Аллы – у него на бедре, колено отведено на себя. Вот он кладёт ладони выше её коленного сустава.

Тигран опирается коленом на кушетку.

Она что-то говорит. Обычно пациентки молчат. А она говорит, разрушает интимную тишь.

– Алла Павловна, вам удобно? Хорошо?

– Классно! – выдохнула она.

– Этот массаж я делаю спортсменам в промежутке между нагрузками. Но разве бизнес легче спорта?

– Вот ты понимаешь меня.

– Я стараюсь понять, – голос Тиграна будто манил, – если женщина одинока, то что-то у неё случилось с мужчиной, может быть, с первым мужчиной, и, может быть, в первую ночь... Можно задать один не совсем скромный вопрос?

– Задай, – она сама не ожидала от себя.

– Как долго вы были с мужчиной в первый раз?

– С первым мужчиной? – Алла напряглась. – У меня даже фотографии его не осталось.

– Сожгла?

– Порвала. Вначале был «он».

– «Он» непременно с большой буквы?.. – собирал информацию Тигран.

– С двух больших. ОН – это моя любовь, это мой первый мужчина, это... Это моя первая глупость. А для «НЕГО» была важнее не я, а он сам. Он – это всё! Письма он писать начинал со своего имени, ему кто-то сказал, что его дед был дворянин.

– Работоспособность ваших мышц восстановится значительно быстрее.

– Он... Он лишил меня девственности с фанатической верой в своё предназначение, как вождь африканского племени, – она рассмеялась с какой-то болью и сарказмом. – Я орала как безумная.

– Минуту, две, три?..

– Я орала долго. Это не три минуты... – припоминала Алла.

– Сколько?

– Может быть, полчаса. Я заснула девушкой, а проснулась в кошмаре...

– Мерзавец! – голос Тиграна дрожал. – Лучше церковь сломать, чем девушку опозорить. – Алла впервые слышала такое сравнение. – Варвар! – негодовал Тигран.

– Я ни с кем об этом не говорила...

– Каждая клеточка тела имеет свою душу... Я верну вам силы. Когда вернется энергия, вернется и желание любить.

– Завтра конференция, – сказала она. – Я должна выглядеть блестяще.

Массаж закончен.

Алла подала ему конверт цвета свежего коровьего молока (внутри – триста долларов). В верхнем углу – земной шар в виде яблока-искушения. Три листочка на маленькой веточке. Яблочко разрисовано под глобус. Ниже яблока-глобуса слова: «России – с любовью».

– Я тебе говорила о нашем конкурсе... Если у тебя есть девушка на примете, ты скажи. Будут ценные призы. Подумай, только не тяни, – предложила Алла.

Тигран кивнул.

Листья из сердолика играли дорогим солнечно-оранжевым блеском.

– Я ведь хотела быть журналисткой, а не торгашкой, – Алла разоткровенничалась. – И женщиной меня сделал мой родной дядя, когда я спала. Легкое дыхание моё ему, видите ли, нравилось. Как с беспризорной дурочкой расправился. И я ведь никому не рассказала.

– Жить надо, а не вспоминать.

Она продолжала:

– ...Представь себе, идут приёмные экзамены. Я вначале сдала документы в университет на факультет журналистики. И вдруг на танцах встречаю друзей – они поступают в торговый. Моя подружка – с парнем, с которым я ходила! Меня родители не пускали в клуб, ходила втихаря. И тут я забираю документы из университета. Кидаю свою мечту, свою журналистику. И несу документы в торговый институт. Я понимаю, что меняю... Меняю свою жизнь.

Тигран взял ее за руку...

Сердоликовые листья не шелохнулись.

– Именно сейчас я совершаю ошибку... Ты испортишь мне всю конференцию.

Она вспомнила себя-девочку. Пляж деревенский – чистый, почти лазурный песочек, камыши, трава-мурава, белая кашка и муравьи, заползающие на руки, на ноги, на спину. И была лодка с одним веслом. Загребёт Алла с книжками-учебниками в заросли перечной мяты и разглядывает жучков-паучков, бабочек-стрекоз. Мята дурманит, опьяняет.

Но то лето было особенное: солнце, жара изо дня в день.

– Предметы вступительных экзаменов абсолютно разные: представь – журфак и торговый. Готовилась я на речке. А дома прятала учебники.

Обгорела! Жуть! Представляешь, вся облезла и температура – сорок! Разоблачили меня родители только на третьем экзамене, – улыбнулась прошлому ясной светлой улыбкой.

Она замолчала.

Когда Тигран уходил, дверь хлопнула от сквозняка. А она невольно вспомнила первого мужа. «Я не знал, что ты продажная», – сказал ей муж и хлопнул дверью.

Алла была уже в положении, когда ушел отец Марины. Метнулась туда-сюда – делать нечего. Родила девочку. И через год после родов – первая поездка за границу. Это для нее, продавщицы, было открытием другого света.

Есть, значит, золотая рыбка, которая исполняет желания. И потом – вторая поездка. И в третий раз невод поднял её со дна морского. Круиз по Европе! Это в советское-то время! Обыкновенной продавщице! Деревенской девчонке! Она сделала одну услугу, другую, третью...

Эти ступени восхождения она рассказывала и журналистам. Особая степень свободы – свобода от собственного прошлого. Выходить из кабинета Аллы нужно через магазин. Всё здесь импортное, дорогое. Унитазы из всех стран мира. Она собирала их и привозила отовсюду, где бывала. Как-то она привела сюда племянницу Олю, и та с таким восхищением разглядывала эти коллекции, что Алла, не удержавшись, громко рассмеялась, отражаясь во всех зеркалах.

X

Оля любит приезжать в город к тёте Алле, гулять по проспекту, заходить в дорогие, красивые магазины. Вот и теперь между двумя арками – магазин. Сияющие витрины веселят, зовут-зазывают прохожих. Оля зашла-заглянула в магазин. Головокружительные запахи! Застыла перед множеством оттенков помады. Сказка! Чудо! Продавщица в синем брючном костюме подходит:

– Вас что-нибудь интересует?

Оле неловко, что ничего не может себе позволить из этого магазина, а может только мечтать о принце, который приведет её сюда перед свадебным путешествием и купит всё, что она захочет. И непременно поедут в Париж!

Вот в магазин вошла женщина с белым длинным шарфом и книгами.

– Вы не читали эту книгу? – спросила она человека в чёрном длинном плаще.

– Я не читаю таких книг, – неприязненно ответил он.

– Вам не нравится обложка? Книга в мягкой обложке дешевле стоит. Всего двадцать пять рублей.

– Я такое не покупаю, – пренебрежительно сказал он, прижимая к груди чёрный пакет.

Как только человек в чёрном плаще заговорил, к ним приблизилась продавщица.

Женщина с книгами, невысокая, хрупкая, но какое-то странное упорство было в её глазах.

– Кто вам больше нравится: Чехов или Бунин? – допытывалась она.

– Это что – допрос? – человек раздражается.

– Вы даже не поинтересовались, кто автор этих книг.

– У меня нет времени, – сказал чёрный плащ и продолжал стоять, словно ждал ещё вопроса. – Почему ходят здесь всякие попрошайки? – строго спросил он продавщицу.

Оля застыла, поражённая грубым тоном как громом среди ясного неба и ослепительной роскоши.

Женщина в белом шарфе молча сжимала книги. Молчала и продавщица, только покорно смотрела на витрину.

– Уходите отсюда! – грубо сказал чёрный плащ.

– Почему вы так разговариваете?! – вдруг возмутилась женщина с книгами. – Вы отстанете от жизни, если не будете интересоваться культурой.

– Пошла отсюда! – чёрный плащ выдвинулся вперед. – Выведите её!

– Вы никогда не будете директором! – сказала ему женщина с книгами. – Вы так и останетесь охранником!

Оля понимала, что женщина только защищает себя и книгу. Что за книга? Разве это магазин книг? Мужчина в чёрном плаще отошел в глубь зала, держа под мышкой пакет.

– Это хозяин, – указала на него продавщица.

– Он?! – женщина с книгами не могла скрыть удивления.

Оля тоже удивилась и не поверила. Это ему

принадлежит французская помада, духи – всё, что так благоухает и сверкает здесь?

– Вам не позавидуешь! – сказала женщина и поправила свой белый шарф. – Как вы с таким работаете?

– Он организовал это дело, – равнодушно ответила продавщица. – Мы все получаем зарплату.

Оля смотрит в чёрную спину хозяина. Он оборачивается и смотрит на неё. И ей вдруг становится страшно. Вот хозяин идёт к двери.

Маленькая женщина – за ним:

– Вы боитесь? Вы убегаете?

Вышли из магазина.

Он идёт медленно, словно чего-то ожидая.

– Для вас проблема двадцать пять-пятьдесят рублей? – догоняет она, прижимая книги. – Тогда вы должны были сказать: «Извините, у меня проблемы, я не могу вам помочь!» – её белый шарф играл на ветру.

– Пятьдесят рублей – не проблема. Попрошаек не люблю, – чеканит он.

– Почему ты хамишь мне?

– А кто ты? Побирушка! – слово-пощёчина.

– Ты когда-нибудь был на Западе?

– Я всё объездил!

Сверкающая витрина освещает проспект. Женщина с книгами идет след в след за мужчиной, словно вокруг все заминировано. Оля идет за женщиной.

– В натуре! Чего тебе надо? – остановился он. – У нас кончился социализм, кончилась демократия! – начал он заводиться. – Идите полы мыть, если у вас нет денег. Писатели-артисты! Развелось вас тут! Корми вас!

– Почему вы привозите с Запада худшее? – кричит она.

– А ты мне суёшь всякий хлам зачем?! Короче! Шолохов не бегал со своими книжками! Шолохов сразу стал известным! И Есенин! Повесился мужик, чтобы стать известным. А вы не повеситесь!

– Есенина убили, – она отбросила конец шарфа за спину.

– Повесился! Уже знают даже школьники, – обернулся черный плащ.

– Его убили! Вы отстали от жизни на семьдесят пять лет. Его убили и потом повесили.

– Кто убил?

– Охранники хозяина. Что вы делаете с Россией?! – в голосе женщины отчаяние. – Через колено людей ломаете... Из нормальной страны делаете концлагерь! Это же твоя Родина.

– Что ты идёшь за мной?

– Пытаюсь достучаться до тебя как до человека, – белый шарф перекинулся со спины на грудь, затрепетал от сквозняка из арки.

– Пошла вон!

И вот её белый шарф возле его руки, она словно девочка рядом с этим мощным мужчиной. Вдруг! Раз!!! Взметнулся шарф. Женщина приподнялась, стала выше, словно кто-то её поднял. И ударила его по лицу. Бац!

– Я воевал! – заорал он и схватил её за концы белого шарфа. – Убью!

Он тащил ее в глубокую темноту арки. Черный плащ растопырился, как крылья коршуна. Удар ногой. Еще удар. Спецботинки в чеченской крови или в русской грязи? Вот женщина медленно оседает у чёрной стены, книги упали и раскрылись, как белые оконца в темноте. Она не кричит.

Он злобно поносит её матом. И бьёт.

– Убью! Падла!

– Помогите! – вскрикнула Оля. – Кто-нибудь! Помогите! Люди! Убивают!

Закричала Оля и почувствовала, как оболочка страха разорвалась от ее громкого голоса.

– Помогите! Люди! Да остановитесь же!

Успел ли Есенин ударить первым? Что он делал, когда его убивали? Как он шёл на свою голгофу и нёс свой крест?

– Помогите! – крикнула ещё громче Оля.

– Сука! Работать не хочет! – хозяин размахнулся, чтобы ударить, но голос девушки с улицы пронзил его мозг молнией, мелькнула мысль: «Убью – посадят!», и он направил удар ноги в стену. Посыпалась штукатурка. Он смачно сплюнул в лужу с белым шарфом.

– Помогите! – закричала Оля пронзительно и громко – на весь город.

Люди шли мимо. Напротив арки стоял новенький «Пежо». Из машины появились костыли, потом, опираясь на костыли, выбрался худощавый молодой человек:

– Что здесь происходит?! – мальчишеским срывающимся голосом взорвал он темень арки. – Что вы здесь делаете?!– как ангел-зас-

тупник, в конце арки возник юноша. Вспыхнул золотистый свет – свет голоса, свет помощи – и озарил темень.

Как крыса, хозяин бросился в черную глубину арки. Темень проглотила его.

Женщина встала, пошла на свет в конце арки, там, где остановились девушка и молодой человек.

Но юноша уже подошёл к машине и, забросив костыли на заднее сиденье, садился за руль. Женщина заглянула в открытое окно:

– Как вас зовут?

– Дмитрий... Перевозов.

Рядом на сиденье – Сартр. Книга раскрылась на предисловии: «Многие читатели, наверное, заметят, что в этом произведении я кое-где переступаю литературные границы...» Но после этой арки Сартр перестал интересовать Дмитрия, книга как-то странно померкла перед жизнью. Если мурашки бегают по спине, значит, то самое, что заставляет меркнуть одно явление перед другим, более мощным. И молодой человек бросил Сартра на заднее сиденье.

У арки осталась стоять только Оля. Остальные проходили мимо, как и несколько минут назад, не реагируя на ужасные гримасы города.

– Вы учительница? – спросила Оля женщину.

– Да... Это встряска. Лекарство от иллюзий... Если бы он стукнул всерьёз, от меня бы ничего не осталось. Он запугивал. Ничего. Завтра... Это, конечно, завтра всё заживет. Но сегодня?! Как прожить день сегодня?! Там остались мои книги...

Они вернулись в арку собрать книги.

– А Есенина правда убили? – Оля помогала собирать книги. – Он не сам повесился?

– Есенина убили, Есенин не повесился. Я люблю Сергея Есенина. В нём столько света! Даже сквозь черноту пробивается свет! «Чёрный человек, чёрный, чёрный...» – и расплакалась, прикрывая лицо концом белого шарфа. – Вот мы сейчас видели этого чёрного человека.

– Вам больно?

– Ничего, я споткнулась о камень... – Спрятать лицо! Лицо – в руки, руки согнуть в локтях и сжаться. И ни о чём не думать. И ничего не чувствовать! Тогда не страшно.

Женщина закрыла лицо ладонями, словно её всё ещё бьют. Спрятаться бы куда-нибудь... Но куда? В черноту паранджи? Чёрный серп карниза арки, как магический знак, стоял перед ней. Страх, как гипноз, парализовал волю. Но вот она сбросила страх, словно паранджу, и убрала руки от лица... – потом посмотрела на девушку и спросила:

– Как тебя зовут?

– Оля.

– Оля, вот мой телефон. Может быть, и я тебе пригожусь.

XI

Все женщины, которым Фёдор Фёдорович помогал, покровительствовал, по-своему любили его. Эту плату он принимал с должным пониманием. Когда он чувствовал, что любовь утекает и остается только необходимость в нём как в покровителе и спонсоре, он спешил вернуться к семейному очагу, к покою. Очаг ему жена сохраняла с упорством хозяйки зимовья, когда хозяин уходит в тайгу за добычей.

Зимовьем им служила четырехкомнатная московская квартира, добротная, благоустроенная.

– Таёжная женщина, – с ласковым упрёком говорил он жене. – Внучка таёжного охотника! Тебе, Наина, не идут эти рогалики! Сними!

– Это не рогалики, это бигуди, – обиделась Наина и напомнила: – У меня отец был охотником! Да! Моё детство прошло в тайге! Я сильная женщина! А ты?

– Не ругай меня, родная. Я ведь не разошёлся с тобой! Они тоже страдают, эти женщины. Давай тихо-мирно пообедаем. И с головы сними, пожалуйста... эти... От них отрицательная энергия исходит.

– От чего? – жена отвернулась на мгновение от кастрюли.

– От бигуди...

– Они, твои эти женщины, «страдают» на пустом месте! От собственной пустоты! От ничтожности! – Наина рывком поставила перед ним тарелку. – Нашел ты в этих женщинах что искал?

– Почему же от ничтожности? – Фёдор Фё-

дорович взял ложку. – Они тоже хотят любви.

– Подлинные страдания делают человека высокодуховным! – жена выпрямила уставшую сутуловатую спину. – Страдания воспитывают человеческое достоинство!

– А пирог готов?

Она промолчала от обиды. Пирог готов, но ей не хотелось кормить его пирогом.

– Давай попробуем твой пирог с грибами, – миролюбиво предложил он.

– Подлинные страдания дают чувство радости бытия! – она прошла к двери. – Так говорили во времена нашей молодости!

– Произошла смена формаций. Нас с тобой живыми сдали в историю! Как приятно пахнет грибами! – потянул носом.

– Ты еще и шутишь?! – Наина сдерживала себя, ей не хотелось ссориться, а только мужа усмирить. – Это высокие понятия: честь, верность, гордость! Так говорили в девятнадцатом веке!

– Да они просто страдалицы! – взгляд Фёдора Фёдоровича блуждал в поисках пирога.

– Твои «страдалицы» страдают от того, что никому не нужны! – сказала жена с усмешкой и обидой. – И не сравнивай меня с ними!

– А вот Анна Каренина? – Фёдор смотрел удивлённо на необычно возбуждённую жену. – Она тоже страдала...

– Анну Каренину, пожалуй, можно назвать страдалицей, пленницей, – согласилась, усаживаясь за стол. – А твоя Алла с какой духовной высоты упала?

– Она свою жизнь живёт, – опустил ложку в горячий бульон и выловил гриб, морщинистый, с тоненькой ножкой. – Помнишь, как мы с тобой эти опята собирали под снегом? А сколько их было!

– Да, опят было море! Я собирала, варила, сушила!!! А она что делала?! Сидела с водкой и сигаретами по чужим кухням и мастерским?! Валялась в чужих постелях с чужими мужьями?! И за это «падение» вы их любите?!

Он склонился над тарелкой:

– А кто без греха?

– За красивыми словами прячется пустота! – выплеснула в него, словно ушат грязи, и удалилась из кухни.

Фёдор начал торопливо вылавливать грибки из супа. Потом встал, прошёл в прихожую. Не прихожая – холл. Всё-таки ремонт в прошлом году они сделали хороший, хоть и дороговатый.

Справа, за раздвижными зеркалами, – шкафы для верхней одежды: двумя ступеньками выше – мягкий уголок из кожи. Бра над журнальным столиком. В зеркалах, как в Петродворце, – перспектива простора. Это самая большая находка дизайнера. Зеркала отражаются в зеркалах, и возникает иллюзия бесконечности.

– Вот! – подошла жена, потрясая конвертом. – Смотри! Ты ждал? Ты ждал этого?!

– И что же она пишет тебе? – будто в шутку заметил он.

– Я не читаю чужих писем! – рубанула жена.

– Не надо, не надо, дорогая... – Фёдор отступал. – Я разрешаю тебе читать. Читай вслух. Ты даже можешь сама ответить ей. Да! Ответь ей сама.

– Ты хочешь? – Наина даже растерялась.

– Я забыл тебе сказать! Она звонила: приедет.

– Она хочет приехать? – Наина тряхнула головой, брякнули рогалики бигуди. – Приехать к нам на дачу?!

– Да. С дочкой.

Наина засмеялась, подскочила к полке, взяла Хемингуэя: «...Ей нравилось, как он старался услужить ей...»

– Вот... «кошка под дождем»!

– Что? – Фёдор поднял бровь.

– Она ... кошка...

– Ну какая она кошка?

– Кошка... под дождём... Она хочет чувствовать себя значительной?! А на самом деле она просто судорожно сжатый комок.

Он любил этот рассказ и когда-то, ещё до свадьбы, читал «Кошку под дождем» вслух своей будущей жене. Ему чем-то очень нравилась эта американка...

– Сейчас мне больше по душе рассказ «Там, где чисто, светло». Я уже стар, как тот глухой старик, дорогая. Помнишь, как он молился? «Отче ничто, да светится ничто твое...» – сказал он примирительно. – Я из тех, кому ночью нужен свет.

– Ты ешь из моих рук! – Наина снова взвилась. – Я кормлю тебя, как ребёнка!

– Суп остынет, Наина! Ты так хорошо его приготовила. Ты размачивала опята в молоке? Они как свежие! – Он проглотил несколько грибков. Зачерпнул еще ложку. – Все-таки суп хорош, хорош. Но что же не можем нормально сотрапезничать сегодня!

Пригибаясь, осторожно подкралась собака и стала тереться о его ногу. Они вернулись к грибочкам.

– Я так устала с детьми! Сколько я моталась с тобой по тайге! Сколько натерпелась от свёкра! Он менял жен, как ты – перчатки. Семидесятилетний старик и двадцатилетняя девица. Это смешно и стыдно. Эта уличная девка ему родила ребенка. Но ведь ты знаешь, что это не его сын.

– О Господи, – Фёдор картинно закатил глаза, – если ты есть, пожалей меня, старого и седого. Последняя жена моего отца – актриса. И мой отец её любил.

– У него было четыре жены! – не унималась Наина. – И всех любил?!

– Любовь дает радость жизни. Господи, моё сердце, мой мотор... – почти простонал. – Болит. Наина, пожалей!

Собака стояла перед дверью и нервничала. Это было довольно ревнивое существо. Если в её присутствии кто-то пытался погладить, приласкать другое животное или человека, она тут же начинала лаять, метаться.

– Господи! Всё я потерял в этой жизни! – Фёдор наклонился к собаке. – Это была последняя любовь. Прости.

– Вспомни, как ты уехал в Питер и хотел там жениться?! – снова заводилась Наина. – А Дальний Восток?! От Москвы до самых до окраин... Ха!

– Ты смеёшься?!

Собака вскочила, залаяла.

– Таёжная женщина. Я привёз тебя из глухой тайги, – напомнил Фёдор Фёдорович. – Да, я был слаб. Да, я увлекался. А кто без греха, пусть бросит в меня камень!

– И это говорят о женщине! – взвизгнула раскрасневшаяся Наина и звякнула бигуди.

– Но я не бросил тебя, – пытался урезонить супругу Фёдор Фёдорович.

– Да ты хуже сделал! Я бегала за тобой, за пьяным, по вокзалам! Я отмывала и отчищала тебя от всей этой грязи!

– Дорогая, не надо больше, – Фёдор Фёдорович пытался пойти на мировую.

Но Наина не отступала:

– Всё! Ухожу! Расскажешь детям, как ушла их мать! – И выскочила в прихожую. Закрылась в своей комнате.

– Кончай спектакль! Занавес! – он прислонился к стене и, держась за сердце, стал тихо сползать вниз. – Ничего в жизни у меня не осталось.

Наина резко распахнула дверь.

Собака кинулась к хозяйке с визгливым лаем, подпрыгнула и лизнула в лицо. Женщина была бы счастлива, если бы всё это проделал муж... Если бы Наина увидела от него хоть десятую долю этой собачьей любви и преданности...

– Ой! Мне плохо. Наина, ты доведёшь меня, я, честное слово, умру.

Собака заскулила, принялась лизать и его лицо.

– Суп остыл. Достала бы настоечки на кедровых орешках. Я ведь с тобой не разженился.

Он вспомнил тайгу. Они в тайге делали примирительную настойку на кедровых орешках.

– Фёдор, знай, если ты уйдешь к ней, я покончу с собой! – в её голосе звучала неподдельная драма.

– Я же тебе всё рассказываю, – в очередной раз пытался он урезонить жену.

– Ты говорил, что ездил на конференцию, но я позвонила... Я вчера позвонила, Фёдор. Теперь я всё знаю! Вот мне абсолютно не присуща провинциальность, как говорил твой отец. Это ведь не географическое понятие, как мещанство, – не сословное.

– Когда ты ругаешься, собака скулит. Перестаньте обе. Звонит кто-то. Слышишь? Возьми телефон...

Она бросилась к телефону: «Да! Слушаю вас! Кто? Марина? Какая? Дочка Аллы Павловны Таракановой?»

XII

Когда Марине скучно, она ласкает кошку. Свою кошку Катю Марина любит и как куклу, и как маленького друга. Ничего, что этот друг с хвостом, мало ли что у кого может

вырасти в процессе эволюции, еще неизвестно, кем были люди до того, как они очеловечились. Говорят, даже обезьянами. А чем кошка глупее обезьяны?

– ...Марина, кушать!..

Семья в сборе. Обедают. Но как это скучно!

– А где Катька? – вдруг спохватилась Марина. – Пойду ей что-нибудь дам...

Но в комнате кошки не было: не было её ни под шкафом, ни под диваном, ни в углу за телевизором.

– Кис-кис-кис! – Марине хотелось плакать.

Мама стала тоже звать, и Оля кричала: «Кис! Кис!»

Но в доме кошки не было.

– Вот что значит материнское сердце! – ляпнула Оля, но Марина этой шутке обиделась.

А Оля опять шутит:

– Катя, а, Катя, где твой папаша, а?

– Оля! – вмешалась Алла Павловна. – Что за вопросы?

– Я о кошке...

– Понятно, что не о собаке...

– Олечка, а ты не хотела бы быть на месте этой кошки, которая гуляет сама по себе? – разряжал обстановку Марк Яковлевич.

Оле нравилось, что Марк Яковлевич деликатный и с чувством юмора.

Оля и Алла Павловна выскочили искать на улицу. Марк Яковлевич остался успокаивать Марину:

– Моя хорошая, любимая, родная, не надо плакать, – Марк Яковлевич стоял перед Мариной и гладил её по щекам, по голове.

– Не трожь меня! – дернулась девочка от рук отчима.

– Марина! – он близко-близко, он заглядывает ей в глаза, отгибая её ладошки. – Ты плачешь или смеёшься?

– Я не хочу так, – пыталась освободиться от его рук девочка.

– Как? – он опустился на колено. – Как ты не хочешь? Скажи!

Марина молчала, отворачивая лицо.

– Скажи мне, Марина, как ты хочешь и как ты не хочешь. Я всё сделаю для тебя.

Он поднял её на руки и стал носить по квартире как маленькую. Она шептала: «Не надо...»

– Ты ведь не бросишь меня?! – ему ударило в голову от близости с ней.

– Я уеду! Сделаю загранпаспорт и уеду, – вдруг неожиданно в её глазах вспыхнули зеленые решительные огоньки.

Вдруг дверь отворилась и вошла Алла Павловна.

– Ты что, Мариночка? – Алла Павловна пристально посмотрела на дочь.

– Мама!

– Что?! – растерянно смотрел на жену Марк и поставил падчерицу на пол.

– Нашли Катю? Нет? Я сама пойду! – раскрасневшаяся Марина побежала в прихожую. Обулась-оделась – и в дверь. Выбежала на улицу и через три дома слышит – бабка бубнит:

– Брысь! Брысь пошла!

– Это наша кошка! – подскочила Марина.

– Кошка, что ль? – старческим голосом прохрипела бабка.

Кошка изогнулась, шипит на бабку. Марина схватила животное, а руки трясутся: «Катя! Катенька... Катюша... Всё! Успокойся! Тебя больше никто не посмеет обижать! Пойдём домой. Пойдём к маме».

XIII

Алла Павловна вернулась с работы домой почти в полночь. Отпустила водителя, постояла во дворике: звёзды рассыпаны, словно хрусталь. Вот туя, темная, величественная, вот раскидистое деревце грецкого ореха, вот скромная лиственница и вечнозеленый молодой кедр. Она специально приглашала садовника, чтобы разбить ландшафтный сад около дома. Европейским стилем своего дворика она гордилась, называя его «мадридским». Раньше, при советской власти, и дома, и дворы были похожи один на другой, как в фильме «С лёгким паром». Сколько раз крутили по телевизору на Новый год, а ведь не надоедало... Алле Павловне нравился новый стиль: покупать всё лучшее, всё самое красивое. Хорошее дешёвым не бывает. Хорошо, когда есть вот такое маленькое пространство, отгороженное от улицы, от чужих, от нищих, от бомжей и бомжовых собак. «Только от чу-

жих кошек ничем не отгородишься», – подумала и усмехнулась.

– Кошки гуляют сами по себе? – в прихожей встретил Марк.

– Ты ревнуешь? – спросила она недружелюбно.

– Ты вся светишься! – он подмигнул. – Поделись тайнами мадридского двора.

– Засветишься тут! Устала я!

Марк помог ей раздеться и, ставя ее туфли на полочку для обуви, шутливо спросил:

– Как президентские дела?

– Завтра конференция.

– Слушай, давай рванем на Гавайские острова все вместе, – подал ей комнатные тапочки.

– Ты знаешь, какой у меня завтра день?! Не до шуток.

Алла прошла на второй этаж в свою комнату. Тахта с золотисто-розовым покрывалом примята. Опять Маринка валялась! Жили-были муж с женою, у них была дочка... Алла плюхнулась на тахту и попыталась представить себя юной, как её дочь. Не удалось, и она встала. Переоделась, спустилась в столовую.

– Ты не звонила? – Марк протирал салфеткой очки.

– Не было ни минуточки.

Он ухаживал за женой: принес бокалы для вина на подносе.

– Иди спи, а? – Алла взглянула на мужа снисходительно, с какой-то материнской жалостью. – Спасибо, но... Ложись, а? Я устала...

– Ты стала бизнесвумен, – он хотел шутить, но он не мог, он был задет этой снисходительностью. – А я хочу бабу. Женщину хочу!

– Тебе одиноко? – медленно пила вино.

– Я не одинок, – мотнул головой, но всё равно вызывал к себе жалость, как ребёнок.

– Что с Мариной?

– Она серебряными яблочками играет на золотой тарелочке... А гуси-лебеди прилетели... – он неприятно усмехнулся.

– Перестань! В школе как? – напряглась Алла.

– Марина – умная девочка...

– Умная, когда десять репетиторов натаскивают! – съязвила Алла. – Я была отличницей и без репетиторов. Я хочу отдохнуть!

– В твоей деревне не так трудно было быть отличницей... – Муж застегивал верхнюю пуговицу на рубашке.

Он старался быть безукоризнен, чтобы хорошим мнением о себе, как алиби, обеспечить себе безнаказанность.

Но уснуть Алла Павловна сразу не смогла. Она лежала и думала. Потом встала, подошла к окну: луна круглая и беспристрастная висит над землей. Светит не светит, а так, холодом обдает. Легла одна в холод тонкого белья. Вспомнились вступительные экзамены... Хотела быть журналисткой, а пошла в торговлю... Почему ей так плохо, откуда такая тоска? Живут люди. Наполняется всякий чем может. Этот Тигран... Алла усмехнулась. (Она научилась не жалеть себя и, когда кто-то её жалел, – расслаблялась... Слабость, безволие не лучшие помощники в бизнесе – здесь нужен хищный разговор с очаровывающей улыбкой.) В полнолуние всколыхиваются, приливают чувства, как вода в море. Чувства выходят из берегов. Вот она услышала голос птицы... Птичка? Она встала. Отдёрнула штору. В небе бледно-голубом – розовые волны рассвета. Ей захотелось услышать Тиграна, и она позвонила ему...

Утром встала, оделась и вышла к завтраку, свежая, бодрая. Марк, наблюдая за женой в дни особенно бурной её общественной деятельности, удивлялся, откуда такая энергия. Раньше он любил эти приливы в ней, но теперь избегал. Марку теперь больше нравилась роль отчима очаровательной девочки. Когда хотелось ласки и нежности, он думал о юном непорочном создании. Иногда он заставлял себя думать о вечном, а думал о женском... Мысли колесили по его сознанию как по бездорожью. Он вспомнил одну повариху на турбазе, любовницу шефа. Толстая, неряшливая, она укладывала семилетнего Марка с собой спать, и его рука проделывала то, что он сам понял лишь десять лет спустя. Марк был достаточно хитрый и осторожный человек, чтобы не обнаруживать своих чувств. Об этой поварихе не знал никто, но почему-то сам он о ней помнил непрерывно. Если и встанет на колени, то взглянет – чисто ли то место, куда он преклонил колено. У него тренированная память на фамилии и даты. «Ходячая энциклопедия» звала его Алла. Он видел: девочке нра-

вится, что он ей уделяет внимания больше, чем матери, что он знает больше, чем мать. Марина расцветала на его глазах. Как приятно ему было это наблюдать! Марк выискивал десятки примеров из жизни знаменитых людей, которые любили таких же юных девочек. В этих книгах и были его заповеди, по которым он сверял свою жизнь. Когда читал Библию, Марк нашел в Ветхом Завете в Третьей книге Царств притчу об Ависаге. И поразился. Он выучил её чуть ли не наизусть: «Вирсавия пошла к царю в спальню; царь был очень стар, и Ависага Сунамитянка прислуживала царю...» Красивая девица Ависага ходила за царём и лежала с ним, чтобы было ему тепло. И никаких конфликтов среди женщин не было, был мужской миропорядок. Когда же возникла наша современная ревность?..

XIV

У Марка Яковлевича было много женщин, он уже отвык их ревновать – не считал нужным. Одно время, как он любил говорить, у них был «роман» с Анастасией. Теперь Марк наблюдал за Анастасией как бы со стороны. Он удивлялся ее страсти к литературе и разного рода газетному сочинительству. Хорошенькая женщина, а одинока. Пишет, пишет... «А жить когда?» – спрашивал он её. А она отвечала: «Я живу в литературе...» Теперь они считались друзьями. Он иногда напрашивался к ней в гости и рассказывал пикантные истории из жизни публичных людей, приносил газеты типа «Спид-инфо» с мыслью, что она вставит любовные сцены в свои сочинения.

– Анастасия! Зачем ты пытаешься казаться не такой, какая ты есть? – он пил чай с клубничкой.

Она смяла пальцами сочную ягоду:

– Вы, мужчины, до сих пор не способны понять женщину. Вам хорошо с теми женщинами, которые играют... Вы играете друг с другом, поэтому друг друга не знаете.

– Я тебя знаю, Настя, – Асляк самодовольно ухмыльнулся.

Анастасия взглянула строго:

– То, что было между нами, ничего тебе обо мне не говорит, – провела руками по щекам, словно умылась.

– А что же, по-твоему, это было? – он испытующе посмотрел на бывшую.

– Взрыв гормонов! – выпалила она и потёрла нос.

– Почему ты хочешь все наши отношения затереть, как файл на компьютере? Я что-то делал не так? – полуласково продолжил он и поставил чашку на стол.

– Ты делал всё не так! – отчеканила Анастасия.

Он до безумия был увлечен ею когда-то, но абсолютно равнодушен к её сочинениям и изложениям. И даже имел неосторожность ей об этом сказать.

– Ты обижаешься, что я не хвалю твои сочинения? – поправил очки, улыбаясь.

– Будь мужчиной! Помолчи! – она сердилась.

– Все знают, что я жил у тебя... – Он скосил глаза на её грудь. – А теперь ты от меня шарахаешься. Что они подумают обо мне?

– Я не знаю, что думают мужчины о мужчинах в подобных ситуациях.

– Не знаешь мужчин?! – Марк ощупывал взглядом талию Анастасии.

– Много минорного. Оставим этот тон, – нервно улыбнулась Анастасия. – Лучше расскажи какой-нибудь сюжетец из твоих донжуановских подвигов.

– У тебя и в твоих сочинениях то же! – он схватил книгу, раскрыл. – Вот! Другой мужчина, а реакция та же. Давай будем вместе писать, – с театральной улыбкой ловеласа. – Подумай. Ведь прошлый раз ты просила.

Когда Марк вернулся домой, жены ещё не было. Он поднялся в комнату Марины, сел в кресло у окна и стал молча на неё смотреть.

– Почему ты живёшь с моей мамой? – Марина первой не выдержала этой игры в молчанку.

– Я никогда с ней не разведусь, – ответил он ей как взрослой. – Я нужен ей и тебе.

– Ты сейчас был у журналистки? А я твоей писательнице всё расскажу, пусть роман напишет про всех.

– Ты хочешь славы?.. Тогда пиши сама. Зачем же делиться славой с другими?

– Я уеду.

– Что опять с тобой, Мариночка?

– Ничего.

– Знаешь, как целуются тигры? – он притянул её.

– Уходи! Уезжай!

– Никогда не уеду! Всю жизнь буду с тобой!

– Ты что, меня убить хочешь?! – у девочки начиналась истерика.

– Насмотрелась страшилок! Иди ко мне. Не отталкивай меня.

– Ты! – закричала Марина. – Ты!..

– Ты была со мной другая. Что произошло?

– Ничего! Ничего не произошло, – Марина раскраснелась.

– Я не понимаю. Объясни толком. Ты меняешься каждую минуту! – он хотел взять её за руку, но она дернулась, метнулась, как зверёк. – Ты не хочешь, чтобы кто-либо знал о том, что было между нами? Ты боишься, что узнают?

– Между нами ничего не было! – крикнула девочка.

Бабушкина Кукла протиснулась в щель двери, вильнула хвостом и кинулась к девочке.

– Хорошо. – Он пристально глядел в её глаза. – Никто никогда ничего не узнает.

Она отвернулась и молчала.

– Пойдем погуляем, – он осторожно прикоснулся к ее плечу. – Подышим кислородом, ты мало бываешь на воздухе.

Она взглянула на него и сразу отвернулась.

– Я всё-таки не понимаю, что я сделал не так? Я же всегда стараюсь тебе только угодить.

– Отойди! От тебя детским кремом пахнет...– и выбежала на улицу. Собака побежала за ней.

Немного успокоилась, достала из кармана телефон. Страшно захотелось с кем-то поговорить. Но с кем? Кто поймёт? Может, правда, в газету позвонить Анастасии?

XV

Анастасия подняла трубку, удивилась детскому голосу, послушала минуты три, извинилась перед Мариной и попросила перезвонить ей через час. Журналистка спешила в офис.

Только вошла в кабинет, сразу посыпались вопросы редактора.

– Что с интервью? – требовал материал Валерий Алексеевич. – Когда у тебя будут ясные мысли?

– Никто не знает суть этой княжны Тараканновой! Она хочет через русские унитазы и французские писсуары овладеть миром?

– Ты хочешь заняться её исправлением? – усмехнулся редактор. – Меня не её амбиции интересуют, а твой текст.

– Но я живой человек, я не могу на все это не реагировать! Что она делает с людьми!

– Только то, что они ей позволяют, – спокойно ответил он.

– Валерий Алексеевич, вы же знаете, я... – пыталась оправдываться Анастасия.

– Печорин в юбке, – заключил он.

– Кто-то познаёт мир и не успевает его исправить, а кто-то исправляет, не успев познать, – произнесла она с вескими паузами.

– Слишком коротка наша жизнь, – грустно сказал Валерий Алексеевич и закашлял.

– Не так уж коротка, – Анастасия беспечно улыбнулась.

– Знаешь, почему люди объединились против Бога? – шеф снова кашлянул.

– На эту тему я материал не делала и интервью пока не брала. Валерий Алексеевич, ну что за настроения? – Анастасия пыталась развеселить шефа, попутно копаясь в сумочке.

– Мы в плену у Бога. Мы приговорены Богом к смерти, – он говорил серьёзно. – Только Боги свободны. А наше стремление к свободе – это глупость, насмешка.

– А как же Спаситель, который спасёт человечество? Валерий Алексеевич? – Анастасия держала в руке расчёску.

– А ты пришла в мир, чтобы свидетельствовать о Спасителе?

Анастасия молчала минуту, две, потом спросила:

– А кто же спасёт мир?

– А зачем его спасать? Новая интерпретация Старого Завета или старая интерпретация Нового Завета, – наконец улыбнулся он.

– Когда нужен материал? – провела расчёской по волосам.

– Через час, – сказал редактор. – У тебя есть ещё время.

– Один час?! – Анастасия ошарашенно уста-

вилась на шефа. – Вы зажимаете меня временем! Я так не могу! Один час – это какой-то куб... короб, ящик... Тикающий ящик.

– Напиши хорошую статью и выйди из короба через потолок... Быстрее дашь текст – быстрее выйдешь. Да... Творческий труд освобождает человека...

Анастасия подумала: «Действительно, кто из нас не оценивает прошлое по опыту прожитых лет? Если нам было хорошо – то это светлое прошлое. И будущее кажется светлым от света в прошлом, главное, чтобы там было больше любви и надежды. А может быть, Гарик прав: лучше никакого опыта, чем отрицательный».

XVI

Гарик все чаще стал заходить к историку Петру Никитичу. Ему нравилось в историке его непреклонное желание восстановить разрушенное прошлое. Нельзя жить с осквернённой памятью. Соединить несоединимое – прошлое и будущее – возможно только в настоящем.

После более чем десятилетнего отсутствия Гарику поскорее хотелось окунуться в жизнь России. Он считал, что сейчас время для России идёт слишком медленно и без по-настоящему больших событий.

– ...Юбилейный архиерейский Собор – это тот верстовой столб, который указывает дорогу Руси... – монотонно говорил историк.

Гарик молчал.

– ...В страданиях, перенесённых царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге был явлён побеждающий зло свет Христовой веры...

– Я вас не понимаю, – наконец возразил Гарик. – Христа распяли, царя убили. Зло явно победило. Победило в безобразнейшей, ужаснейшей своей форме. А вы говорите, что зло побеждено светом.

Петр Никитич открыл какую-то книгу:

– Вот из акта канонизации. Слушай: «В последнем российском монархе и членах его семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия».

– Сейчас время такое – нарушение заповедей Божьих уже не только не считается грехом, но и оправдывается многими как нечто законное, – Гарик начал нервничать. – Царь наш расстрелян-то не в Москве, не в Петербурге, в Тмутаракани! Какой-то небольшой кучкой карателей!

– На Урале,– поправил историк. – И не кучкой, а по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов.

– Все политические перевороты, революции от имени народа делаются: и в семнадцатом, и в девяносто первом.

– «Мы должны осудить это дело. Иначе... Иначе кровь расстрелянного падет на нас!» – так говорил патриарх семнадцатого июля,– процитировал Петр Никитич и закрыл книгу.

– Царь ничего не предпринимал для улучшения своего положения! – снова возразил Гарик.

– Он, может быть, и не предпринимал... Но его хотели похитить! А это опять всплеск войны! Опять тысячи убиенных... Самая страшная война – гражданская... Когда брат на брата идёт... Каждый год семнадцатого июля совершается крестный ход.

– Святые страстотерпцы... О русские! – схватился за голову Гарик.

– А вы какого народа человек? Ньюйоркер? – перебил Пётр Никитич. – Ты приехал жениться? И когда же это историческое событие произойдёт?

Гарик ушел неудовлетворенный. Все теперь было в России не так, как он себе представлял. Все изменилось так, как никто, живущий там, за границей, представить себе не мог. И теперь, приехав на Родину, о которой не просто мечтал, а болел и грезил, он понял, что он там чужой.

Гарик чувствовал, что он относится к вопросам религии как-то совсем иначе, чем те, кто никуда не уезжал. Одна старушка как-то сказала ему, что гнездо в гнезде птица не вьёт. Уж лучше искать новое место, чем истреблять друг друга.

XVII

Гарик познакомился с Галиной в электричке. И увлёкся (в неё все её поклонники влюблялись сразу и оттого становились безумными). Она была учительницей музыки. Играла на пианино на районных концертах, немного сочиняла, но талантом своим распоряжалась легкомысленно. После смерти матери ей пришлось жить с отцом, который когда-то был опорой семьи, работал машинистом, а потом круто запил. Гарика знакомить с таким отцом она не могла. Желая испытать чувства Гарика, Галина сказала ему, что выйдет замуж, только повенчавшись. Чтобы проверить любовь к Родине, надо уехать, чтобы проверить любовь к женщине, надо жениться. И Гарик после многих бессонных ночей решился. И вот Галина и Гарик поднимаются по ступеням и входят в церковь. В церкви – свечи. Сверху из узорчатых, лучезарных окон янтарными снопами свет падает к ногам. Пахнет ладаном. Гарик остановился под куполом и торопливым взглядом окинул храм. Галя с ним рядом. Вот беседуют три священника. Гарик направляется к ним:

– Мы хотим обвенчаться, – обратился Гарик.

– Вы зарегистрированы? – спросил один из служителей церкви.

– Нет.

– Сначала нужно зарегистрироваться.

– Если люди любят друг друга, то церковь обязана эту любовь благословить, не важно, есть штамп или нет, – пытался урезонить священника Гарик.

– Зарегистрируйтесь, потом придёте с паспортами, – невозмутимо ответил тот.

– Любовь бывает трёх видов, как говорил Аристотель... – пытался напирать Гарик.

Все священники повернулись и с любопытством уставились на него.

Гале стало неловко, и она направилась к выходу. Гарик догнал её.

На следующей неделе Галина настояла, чтобы пойти в загс. Тут их ждала очередь. Пришлось сидеть больше часа. Наконец они входят. Гарик начинает говорить о любви, но у него просят документы. Он показывает грин-кард.

– Приведите в порядок ваши документы, а потом приходите, – возвращает их работница.

– Вы нарушаете международные законы! – возмущается Гарик.

– Вы в России.

– Но вы не имеете права мне отказывать в браке!

– А где русский паспорт?

– Пожалуйста!

– Паспорт надо заменить.

– Мне не нужен новый паспорт! – он начинает нервничать, и – с пафосом: – Я гражданин США!

Беседа заканчивается просьбой выйти из кабинета.

Они заходят в кафе. Гарик нервничает и дёргает Галину:

– Не сиди как...

– Как кто?

– Как жена! Не смотри на них! Не улыбайся!

– Почему? Они смешные.

– Не смейся.

– Ты мне надоел! Всё! Хватит! Пока! – встала и пошла.

Он выбежал за ней:

– Они не имели права нас не зарегистрировать!

– Не ходи за мной! – она взглянула на него с ненавистью.

– Ты куда?!

– В театр! Лучше за актёра выйду замуж, чем за ньюйоркера...

И ушла, только он её и видел.

XVIII

В фойе Дома актёра зеркала блестят, включено всё освещение, стоит праздничный гул. Вот публика переместилась в зал. На сцене рассаживаются главные действующие лица. Алла Тараканова – в центре, по правую руку от неё – генерал столичный, по левую – областной депутат. Алла смотрит в зал, многих она знает лично. В первом ряду громко разговаривают, слышен женский голос – это Анастасия. Алла предложила ей написать книгу «Бриллиантовый фонд женщин».

Официальная часть конференции началась. Алла Павловна свой текст говорила по листку, чтобы журналистам не к чему было придраться. Импровизировал только столичный генерал.

– Бизнес – это не слишком трудное занятие для женщины? – подошла Анастасия к виновнице торжества. – Что вы об этом думаете, Алла Павловна?

– Женщина может добиться успеха в бизнесе! – отвечала Алла с непринуждённой улыбкой. – Я занимаюсь инвестиционными проектами. Я член Международного союза промышленников и предпринимателей, – на ней темно-синий жакет на молнии, а белый воротничок с удлиненными уголками придавал строгость.

– Вы лидер общественного женского движения... Больших усилий это стоит?

– Да! Я потратила на эту конференцию двадцать тысяч долларов, – в голосе Аллы гордость.

– Бешеные деньги! – поразилась Анастасия.

– Не свои, конечно, – молния жакета слегка расстегнулась.

– Не надо бояться делать ошибки, дорогие женщины! – задорно подошёл депутат Руков, морщиня невысокий лоб.

– Вы организовали женское движение в вашем районе? – Анастасия продолжала интервью. В начале разговора она обычно задавала вопрос-другой, на которые сама знала ответы. Как бы проверяла, насколько правдива Алла Тараканова.

– Бюрократы должны организовать женщин?! – вмешался Руков возмущённо, он смотрел на журналистку из-под насупленных бровей. – А они потом скажут: «У нас «движение» есть!»

Алла Тараканова поспешила отойти.

– Это раньше власть помогала! А сейчас власть частная. Делайте, ребята, что хотите. Разбирайтесь сами.

Анастасия молчала, изображая ожидание, глядя в его маленькие, глубоко посаженные глаза на круглом лице.

В фойе в перерыве столы уже накрыты: водка, вино, фрукты и дорогие закуски.

Подошли женщины. Раздалось:

– Скажите, господа, а что вы думаете о детских пособиях?.. Почему их не выплачивали?..

– А как вырастить ребенка на такое мизерное пособие?.. Чем кормить детей?!

Руков ещё больше наморщил обезьяний лоб.

– Вас не кормят, потому что вы поддерживаете эту власть! – в советское время Руков был в номенклатурном списке.

Приблизился цветущий Тигран Зайцев:

– Не доводите холопов и лакеев до бешенства. Бешеная собака сперва хозяина кусает.

– А что же вы?! Одной рукой за «это», за дерьмократию, а потом этой же рукой требуете того, из-за чего у вас хлеба нет?! – завёлся депутат Руков, короткая стрижка встала ёжиком над маленькими ушами.

– Я не демократ и не коммунист, – довольно улыбался Тигран. – Я массажист. Любую свадьбу можно назвать счастливой... Единственная проблема – после свадебной церемонии приходится жить вместе.

Руков громко рассмеялся, справа открылась широкая щербинка между зубами. Он был не толстый, не тонкий, такой, как Чичиков.

– А проходимцы, которые крутятся около власти, кричат: «Судить, судить!» – забегал глазами депутат Руков. – Пусть судят! Лишь бы с должности не сняли.

Гул в фойе усилился, вынесли шампанское.

– Идея социализма себя не изжила! – убеждал депутат. – Надо вернуться к старой идее на новом уровне!

Анастасия смотрела на это чичиковское лицо и удивлялась, как все в истории повторяется.

– Буржуазное общество – это такое общество, где человек к человеку относится как к вещи. А есть общество, где коллективный принцип на первом месте! Там открытость! – агитировал депутат. – Вот как в старых фильмах...

Подошла женщина с высокой прической и в скромной белой блузке:

– У меня дочка хочет поступить учиться, а сейчас, знаете, всё за деньги... Богатые – им-то как-то вдруг стало неведомо, что есть бедные. Помогите, пожалуйста.

– Запишитесь на приём, придёте по времени, я вас приму, – торопливо прервал её Руков. – Не здесь же я с вами буду говорить!

Анастасия убрала в сумочку диктофон. В понедельник ей тоже идти на приём к Рукову.

Конференция завершалась спектаклем. На сцене играли теперь не участники конференции, а профессиональные артисты. Анастасия сидела в последнем ряду у выхода. Рядом на крайнее место села та самая женщина с высокой прической.

– Да мы с ней, с Алкой, из одной деревни, картохи вместе рыли! – возмутилась она, повернувшись к Анастасии. – А мы просили для многодетных – нам не дали... Ни копейки!

– Вы? – поддержала разговор Анастасия.

– У меня четверо детей: трое несовершеннолетних. Учительница, а зарплата такая, что на питание не хватает, – всплеснула руками. – Мужа сократили, предприятие ликвидировали. Тараканова обещала нам помочь и вот, видите, что сделала... Двадцать путёвок в Турцию подарила. Фуршет такой! А мы просили детям на майки и на носки...

Вдруг в затемнённый зал вошла Алла Павловна Тараканова. Остановилась, словно искала кого-то. Учительница с высокой прической поманила ее ладошкой. Алла подошла, наклонилась к ней.

– Помнишь, ты была продавщицей у нас в деревне?

Алла молчит.

– Помнишь, тебя чуть не посадили?

Алла наклонилась, пытаясь в полумраке рассмотреть, кто это говорит.

– А... Это ты? – наконец узнала Алла.

– Учительница! Ты Алка из сельмага была, ты ею и осталась! – бросила с обидой злые слова.

Алла выпрямляется. И молчит. Молчит!

– И никакой ты не президент международной компании! И никто тебя в депутаты не выберет! Зря стараешься!

Алла метнулась вдоль кресел налево-направо и, споткнувшись, остановилась и крикнула:

– Я не знала, что ты... Продажная!

– Я не кородойка из Нижней Катуховки! И сельповской крысой, как ты, не была! – с насмешкой и вызовом огрызнулась учительница.

Журналистка повернула голову – такой диалог пропустить грех. Надо запомнить, записать в темноте. Упустишь одно слово – вся фраза развалится.

В дверях смеётся старый актер. А спектакль продолжается. Артисты играют свою пьесу, зрители – свою. В зале темно и почти пусто, но за спектакль заплачено из фонда.

Анастасия уходит – нужно сдать текст редактору вовремя.

XIX

Воскресенье. С утра Анастасия разложила на столе, на кровати листы из своего романа, работала весь день. Разницы между понедельником и воскресеньем для неё почти не было: та же спешка, те же встречи, та же работа с людьми. Одновременно приходится работать над несколькими материалами для газеты. А по ночам она писала роман. В нём она могла выразить то, что невозможно сказать в статье или очерке. Статья – это фотографический снимок, а рассказ – это уже голография (этот термин как-то употребил редактор). Он говорил ей: «Голографический реализм – это когда рисуется не сам персонаж, а эмоциональная картина отражённого им чувства. Цель газеты не художественность, а достоверность; не отражённое чувство, а реальность. Наша главная задача – успевать за фактом и за временем. А все художественное опережает время и создает картину вечного времени. В газете не нужен «нас возвышающий обман»? Занимайся тем, на что есть спрос. Спрос на газеты – будь газетчиком».

В понедельник Анастасия взяла с собой паспорт и билет члена Союза журналистов, чтобы войти в городскую думу. Народные избранники отгородились от народа крепкими охранниками.

Кабинет для приёма посетителей – трамвайчиком: двери и спереди, и сзади.

– Поприсутствуйте, пожалуйста, при разговоре, – попросил Руков секретаршу, когда Анастасия уже вошла.

Секретарша, не проронив ни слова, устроилась в торце стола.

Анастасия села справа от Рукова. Поглядела на бело-серый воротничок депутата и на безучастное спокойствие секретарши.

– Мы будем разговаривать при включённом диктофоне! – заявил Руков, как следователь на допросе. И между ними оказался миниатюрный аппарат.

Анастасия тоже достала свой диктофон и поставила рядом. И какое-то странное напряжение возникло в ней:

– Не возражаете против моего? – всё-таки спросила она.

– Как вам вчера артисты? – вместо ответа спросил депутат, его голос потеплел.

– На сцене или в зале?

Между ними – стол буквой «Г», молчаливая свидетельница-секретарша и фикус из старого советского времени.

Анастасия перевела разговор к делу:

– Я пришла по делу многодетных матерей. У меня письмо от одной семьи...

– Продолжайте! Проблема многодетных. Так!

– У них нет денег оплатить жильё, им прислали предупреждение, что отключат газ, свет, воду.

– Я им должен дать денег? Вы где живёте?! Мы строим капитализм! – Руков говорил с такой же горячностью, с какой десять лет назад говорил о коммунизме. – Вам никто ничего не должен! А знаете, что в Китае разрешается родить только одного ребенка!

– Не думала, что разговор будет с двумя диктофонами, – голос у Анастасии дрожит.

– Разве я грубо разговариваю? – осведомился Руков у секретарши.

Свидетельница-секретарша не проронила ни слова. Её босс увлёкся рассуждением о народе, приподнялся и чуть ли не лёг на стол, накрывая бортом пиджака диктофон.

Анастасия рассчитывала на понимание, участие к тем многодетным матерям, которые не справляются с быстро дорожающей жизнью. Правда жизни и игра в жизнь всё больше сближаются в аппаратах чиновников.

– Зачем вы пришли во власть? – Анастасия посмотрела в его глаза: – Власть заботится только о том, чтобы остаться у власти, не так ли?

С шестнадцати лет Анастасия вела самостоятельную жизнь. А этот человек-чиновник и сегодня оказался несостоятельным делать жизнь, он лишь винтик, лишь исполнитель чужой воли.

– Езжайте за кордон, если вам тут плохо! – Руков с вызовом уставился на неё. – В эмиграцию уезжают, потом возвращаются, как Солженицын, Собчак. Сейчас из нас не вырабатывают тех или других поборников и пропагандистов. Свобода! Растите, как крапива у забора. Мы не имеем надобности лицемерить ради каких-либо общественных основ.

– Но только ради того, чтобы жить красиво? – сохраняя спокойствие, Анастасия аккуратно поправила свой диктофон.

– Вы оскорбляете!

– Извините! Я пришла говорить о деле, а не дискутировать.

– Сорок лет народ водили, чтобы из них сделать людей, а вы, товарищи интеллигенты, хотите все сразу!

Разговор на диктофоне полуторачасовой – хоть роман пиши. Анастасия вернулась в редакцию.

Следующее задание Валерия Алексеевича – визит в международный центр к Алле Таракановой – лидеру общественного движения.

Анастасия ехала на маршрутке. Вот и цирк, возведённый на кладбище... Справа перед цирком – могилы поэтов Алексея Кольцова и Ивана Никитина – остатки от городского кладбища. Остальные могилы срыты, кости перемешаны в котловане стройки. Так возник на старом кладбище новый фундамент. На новом фундаменте возвели цирк. Валерий Алексеевич рассказывал, как отстояли писатели-ветераны могилы Кольцова и Никитина. Это было ещё при коммунистах. Люфанов, Троепольский, Сидельников встали плечом к плечу и стояли весь день перед рыкающим и наезжающим на них бульдозером. Отстояли память и славу народную, как в сорок третьем отстояли город. Анастасия мечтала написать об этом, но старичков уже не было в живых.

Анастасия зашла в торговый центр, поднялась на второй этаж. Нужно пройти через весь магазин-салон, чтобы попасть к Алле Павловне Таракановой. Какая сантехника, просто сон-техника! Один комплект для ванной идет по цене двухкомнатной квартиры, а унитаз дороже компьютера.

Комната секретарши – евродизайн. В кабинет самой хозяйки этой международной сон-

техники можно пройти только через двух секретарш.

– Здравствуйте, матушка Светлана! – узнала Анастасия жену священника, скромно сидящую у стены. – Вы тоже к Алле Павловне Тараканової?

– Пришли просить материальную помощь, а говорят, Аллы Павловны нет. У нас столько сирот в городе. Им бы хоть варежки и носочки купить. Мы десять лет уже существуем, всех знаем: кто сирота, кто брошенный...

Матушка Светлана в чёрном платке, в длинной юбке, богопристойная.

– Я ведь не за себя прошу, а за людей, – волнуется она, когда говорит. – Вот со мной наш адвокат Людмила.

– Не выполняются законы по социальной поддержке материнства и детства! Я адвокат, – представилась она, ей было лет пятьдесят. – Не выплачиваются социальные льготы! Дети голодают, а законы не исполняются! У нас для вас такой материал есть! – Людмила оживилась еще больше. – Вот возьмите пока этот документ, ознакомьтесь. У меня своих четверо детей!

– Как вы успеваете и со своими детьми, и с работой? А если они болеют? – Анастасия взяла в руки стопку бумаг.

– Ой! Что вы! – адвокат махнула рукой. – Здоровье детей мне дороже работы! Изучите этот материал, потом я для вас ещё подберу...

– Я согласую со своим редактором. Мне было очень приятно с вами познакомиться. У меня нет времени ждать Тараканову, – ответила Анастасия и вышла.

За ней следом выскочила секретарша.

– Директор здесь, вы подождите, – зашептала она. – Посетители уйдут, и она вас пригласит.

– Извините, я долго ждать не могу, – Анастасия помрачнела и напряглась. – Срочно надо сдать статью.

Журналистка села в маршрутку и открыла бумаги, которые передала ей новая знакомая-адвокат. Начала читать, выбирая главное... «Правительство...Постановление. От четвертого декабря тысяча девятьсот девяносто девятого года. Номер... Москва. Об утверждении Порядка оказания гуманитарной помощи (содействия) Российской Федерации».

Иногда бывает достаточно пролистать – и все поймёшь.

«...Обеспечить первоочередную обработку и разгрузку судов и других транспортных средств, осуществляющих доставку товаров, относящихся к гуманитарной помощи... Председатель Правительства Российской Федерации В. Путин...»

Приехала. Выскочила из маршрутки, бегом в редакцию. Шефа нет. Слова женщин о голодающих и замерзающих детях ее разволновали. Снова открыла папку от адвоката. «Порядок оказания гуманитарной помощи... Под гуманитарной помощью (содействием) понимается вид безвозмездной помощи (содействия), предоставляемой для оказания медицинской и социальной помощи малообеспеченным, социально незащищённым... Гуманитарная помощь может предоставляться... юридическим и физическим лицам (получатели гуманитарной помощи)... Продажа гуманитарной помощи (полная или частичная) запрещается...»

– Анастасия, оторвись от стола! – улыбался Коля, частушечник и весельчак. – Ты посмотри, какая сегодня погода!

– Какая?

– Ты что, на улице не была?

– Кому погода, а детям холод! У них даже носков нет... Вот слушай, я прочту: «Комиссия на основании своего решения выдает удостоверение, подтверждающее принадлежность средств... к гуманитарной помощи...»

– Чьи дети? Твои? – подмигнул Коля.

– При чем тут «чьи»?! – вспыхнула Анастасия, оторвавшись от бумаг.

– У тебя опять «срочный материал»?

– Да...

– Валерий Алексеевич на тебе катается, а ты...– Коля умолк.

– А я?! Договаривай! – потребовала Анастасия.

– Я третий лишний?

– Ты не лишний, вот послушай, – она водила пальцем по строчкам: «...Срок действия удостоверения – один год... Организация-донор оплачивала перевозку... Контроль за целевым использованием гуманитарной помощи осуществляется органами...»

– Ты в этом что-нибудь понимаешь?

– Я хочу разобраться, почему нам отовсюду все помогают, а дети голодают, – с нажимом выговорила Анастасия и опять – в бумаги: – «О фактах нецелевого использования гуманитарной помощи органы местного самоуправления информируют органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации...»

Коля пожал плечами:

– А почему ты этим должна заниматься, а не прокуратура? Твоя идея в чем?

– Я вижу, что в этих документах есть ответ, почему у нас столько нищих.

Дверь открылась, вошел главный редактор, а Коля удалился.

– Анастасия, работаешь? Успеешь с материалом в этот номер? – поинтересовался шеф.

– Валерий Алексеевич, вот мне папку передали... Гуманитарная помощь, международная, а до детей не дошла.

– Почему?

– Не знаю...

– Вот и разберись! – голос Валерия Алексеевича был твёрд.

Села разбираться.

И кто же такая Алла Павловна Тараканова на самом деле? Так и просидела Анастасия всю ночь.

XX

В дверь звонили. Алла Павловна проснулась, домработницы нет – надо открывать самой, но встать не было сил. Есть деньги, но нет времени, чтобы выспаться...

Звонок в дверь повторился. Алла вспомнила – должен прийти Тигран. Что-то в ней встрепенулось: сейчас он ей нужен. Она ото всех скрывала интимную связь с ним. Что-то неясное, смутное, но сильное заставляло её подчиняться его воле. Что Тиграну нужно от неё? Деньги у него есть... Но кто не мечтает увидеть умопомрачительную роскошь дальних стран?.. Всегда хочется большего...

– Я вся разбитая, – Алла не стеснялась жаловаться Тиграну.

– Что случилось?

– Когда свекровь умирала...

– Ты плохо спала? – он растирал ладони. – Сейчас расслабимся...

– Мне нельзя расслабляться. Расслабишься – всё рухнет. Бизнес – это же на минуту нельзя расслабиться, – почти простонала Алла. – Я ведь президент международной компании... А теперь я чувствую: всё, что я делаю, – никому не нужно. Иногда мне кажется, что и мне это тоже не нужно. И я никому не нужна.

– Мне нужна, – мягко заверил Тигран.

– Я чувствую себя старухой! У меня спина болит.

– Что за настроение, дорогая? – он осторожно обнял её.

– Я умру.

– Я этого не допущу!

Тигран всякий раз слушал своих клиентов с участливым вниманием, уж что-что, а выслушивать всякие «истории» он умеет. Алла легла на тахту, он слегка погладил ее по спине, подготавливая кожу и мышцы к массажу. Приятно запахло швейцарским можжевеловым кремом и лавандой.

– Отец свекрови был репрессирован, – вдруг начала Алла.

...У Тиграна настроение хорошее – его финансовые дела выправились благодаря участию Аллы.

– ...Представляешь, его арестовали... А свекровь решила вступать в партию! В сорок шестом году она писала Сталину. Это было для нее самое ценное, излюбленное воспоминание.

– Письма Сталину – вот ещё бестселлер ждёт нас! – вставил словечко Тигран.

– ...И свекровь писала: «Что? Что я должна сделать, чтобы доказать преданность Советской власти?!» Представляешь, с какими мыслями она жила!

Тигран Зайцев теперь начал понимать, почему жизнь свекрови вплелась и продолжилась в Алле с такой силой. Есть женские натуры, которые испытывают биологическую потребность демонстрировать свою особенную преданность. В них родилось что-то общее.

– И что ей ответили? – спросил Тигран, продолжая делать массаж.

– Из ставки Сталина пришел ответ очень быстро. Ответ был коротким: «Ваш муж умер в местах заключения. Если Вы достойны, будете

приняты в партию», – Алла вздыхает, переживает, словно не она рассказывает, а человек, переживший репрессии и войну.

– И она была активнейшим членом партии?

– Свекровь вступила в партию в сорок седьмом.

– Не больно? – ласково спросил Тигран.

– Я готова терпеть, сколько нужно. Не бойся сделать мне больно.

– Зачем же больно? – улыбнулся он. – Мы всё по методике делаем.

– «Если Вы достойны...» – Алла откинула голову и взглянула ему в глаза. – Ты это понимаешь?!

– Я понимаю, что все мы состоим из мышц, поверхностных и глубоких, от долгого сидения и лежания мышцы дряхлеют.

Как чувствует Тигран упругость женского тела! Уже его руки и её мышцы вступили в игру.

Тигран сейчас не донжуанит. Он в три года потерял мать, у него не было сестры, с которой бы он рос и наблюдал за ней. Любая женщина была для него загадкой.

– Не больно? – спросил он, плотно обхватив мышцу двумя руками и оттянув вверх до боли. Приподнял. Сдавил и сместил одной рукой от себя, а другой к себе, делая двойное кольцевое разминание.

– Для чего же Фёдор Фёдорович тебя прислал ко мне? – тихо спросила она.

XXI

Несколько недель Фёдор Фёдорович провел на новой трехэтажной даче. У него было несколько дач, но больше других ему нравилась та, которая на берегу реки (для рыбалки). Там, в деревне, старый домик, который служил ему дачкой ещё при советской власти. Туда его возил сын. «Отвезите, гражданин милиционер», – подшучивал отец над милицейской фуражкой сына. Торчать на даче уже не было сил. Дети, дети... Иногда у него мелькала мысль, что своей жизнью он уже не живёт: все для детей, хоть роди да подай.

В воскресенье Фёдор Фёдорович успел перехватить младшего сына первым, пока тот не отправился со своей избранницей на уик-энд, как говорят американцы.

Павлик завернул на заправку, он всегда заливал полный бак, когда подвозил отца, а потом всю неделю экономил. Мальчишкой он боялся отца. Теперь изучал, наблюдал, молчал. А когда помалкиваешь, требуется большое волевое усилие, чтобы сохранить выдержку. Научившись сдерживать себя, он перестал робеть перед отцом.

– Давай свой киоск поставим, – говорит он отцу.

– Какой киоск?! Ты же в милицейской школе учишься!

– Лук убрали – хороший урожай, – Павлик говорил о матери невесты – у неё огород.

– Дурак в пилотке, – смеётся отец. – Останови! – вот они переехали через новый мост, отец властно, но любовно смотрел на сына поверх съехавших на нос очков. – Тормози! Тормози!

– Где? – Павлик взглянул мельком, что-то отец слишком волнуется, вчера вечером он говорил о какой-то даме. – Где остановить? На остановке?

– На остановке, – вертел седой головой отец, подсасывая вставные зубы.

– Здесь? «Отвези – привези», – Павлик передразнил отца, шепелявя. – У меня дело сегодня.

– Какое дело? Ты не говорил.

– А ты?! – Павел начал заводиться.

– Ладно, – миролюбиво сказал отец (приятно, когда сын – твой личный водитель). – У меня тоже сегодня встреча с адвокатом Марком Яковлевичем... Ну что же?! Ведь и жить когда-то надо...

Отцу приходится всегда быть в форме и на острое словцо сына найти два – поострее и поувесистее. Сын перерос отца на голову почти во всем.

Подъезжая к остановке рядом со светофором, Павлик сбавил скорость и остановился.

– Подожди! – отец выскочил из машины.

– Сколько ждать?

– Жди! – неожиданно грозно рявкнул отец.

Павлик подумал: «Как говорит Иоланта, у папы опять интермедия». Иоланта, жена старшего брата, удачно предсказывала новые романы Фёдора Фёдоровича.

Павлик высунулся из окна машины и с нап-

ряжением смотрел, как отец перебегал дорогу. На остановке отец подошёл к девице. Павлик напрягся. Он вынужден был созерцать, как его дряхлеющий старикан приближается к этой «тёлке». Останавливается около неё. Павлик видит роскошный бюст. Как же отец состарился, ссутулился!

Отец и сын свои сердечные тайны друг от друга не скрывали. И если отец очень хотел побыть с женщиной на природе, с хорошей, милой, доброй, то сын соглашался на роль шофёра. Отец находил удовольствие быть другом своему сыну. «Надо расслабиться, отдохнуть, влюбиться», – советовала сноха Иоланта. Жена старшего сына Андрея была современна и свободна в этих вопросах. Иоланта научилась разгадывать замыслы свёкра быстрее, чем его сыновья...

Вот отец возвращается – опять на красный свет.

– Что-то ты так растолстел, – взвесил сына родительским взглядом. – Ты куришь? Дай мне!

– Ты же не куришь! – Павел протянул сигарету.

– Балуюсь...

Подошла женщина, совсем не такая, какую настраивался увидеть Павлик.

Отец учтиво и суетясь открыл дверцу и сам уселся рядом с ней на заднее сиденье.

– Куда вас? – спросил Павлик. – На пляж?

– Нет! Там шумно, – деловито ответил Фёдор Фёдорович. – И вода мутная. Знаешь куда? Там, где мы с тобой лодку обновляли.

– На плёсы?! – Павлик возмутился. – Это ж далеко!

– Недалеко, – в голосе отца появилась мягкость и теплота. – Отвезёшь и приедешь за нами в десять.

– В десять не могу.

– В восемь. Пойдет? – Фёдор Фёдорович пошёл на уступки.

Павлик оглянулся: отец держал руку женщины в своих ладонях, словно согревал в лютый мороз. «Где мой отец?» – подумал Павел. Она смотрела в боковое окно. Он был ещё сын-мальчик и почувствовал обиду за мать.

– Отец, у меня сегодня вечером дело есть.

– Ничего, приедешь! – бросил он сыну небрежно. – Итальянцы сказали, что таких плёсов нет даже у них. Там так хорошо!

Отец уверял женщину, что там, на плёсах, они будут царствовать над природой.

Место, куда они приехали, было затопленной поймой после возведения дамбы, но его многие звали плёсами. Это действительно было широкое водное пространство, и холмики казались островками.

Павлик вытащил из багажника машины резиновую лодку и пошёл обратно к машине.

– Я поехал, – бросил вслед отцу.

– А накачать? – крикнул Фёдор Фёдорович, отцу вдруг захотелось, чтобы сын остался с ними.

– Качайте сами! – сел за руль.

– Приедешь как договорились, – строго сказал отец.

Управлять сыном было ещё можно, так как Павлик не имел денег столько, сколько ему хотелось. А тратить парню приходилось много. Фёдор Фёдорович ничего не имел против невесты сына. Она из семьи новых русских, это приятно подогревало самолюбие, но торгашей в их роду не было, и поэтому отец остужал торопливость сына в вопросе женитьбы.

Солнце грустно посветило и совсем спряталось за тучу. Лес затуманился.

Старик высматривал что-то в сумке, потом стал искать в карманах:

– Ключи?

– Да вот они, – Павел показал ключи.

– Ладно, привезёшь... Уезжай! Стой! Там осталось пиво. И минералка. Посмотри!

– Вот! – Павлик подал ему через окно машины бутылки. – Всё. Я поехал.

Машина скрылась за деревьями.

Резиновая лодка бесформенно лежала на траве. Часто чередуя ноги, Анастасия оживляла её, накачивая в лодочную утробу живой воздух плёсов. Борта округлялись, оживали. За сладкой парочкой со стороны наблюдали люди, сидевшие у костра.

Фёдор Фёдорович сменил Анастасию, и теперь лодка стала быстрее принимать нужную форму.

Анастасия расслабилась. Облако, которое застыло над ней, прикрыло солнце... Облако вне людей, само по себе. Лес издали словно закрылся, призадумался.

Вместе спустили лодку на воду. «Поедем, красотка, кататься...» – доносилось от костра. Импортная лодочка с короткими пластмассовыми веслами вяло, словно во хмелю, покачивалась на воде. Попробуй встань. Поцелуй. Обойми! Ни-ни! Дно так и ходит под тобой. Серые дикие уточки выплывают из-за стеблей куги и, испугавшись, ныряют опять в зеленые кущи.

– Я хочу сети поставить. Мы тогда с Павликом тут таких наловили сазанов! Ой-ой! – Взглянул на неё – она едва прикрыта красными полосками итальянского купальника.

С берега долетала песня: «Сама же я сяду к рулю...»

– Я хочу в Турцию! – сказала Анастасия.

– Сбежишь там от меня в гарем! – разразился хриплым смехом, вспоминая о далёкой экзотике. – Когда мы привезли итальянцев, они только руками разводили. Красота! В Италии такой нет! Смотри! Это же плёсы! А сколько здесь уток! На охоту приедем с Павликом.

Анастасия не чувствовала этой природы. И, главное, она понимала, что наблюдает странное своё отчуждение. Красота не наполняет её, а обтекает, как эту лодку августовская вода. Лес у берегов почернел и застыл.

– Хочешь шашлыка? – спросил Фёдор Фёдорович.

– Но у тебя нет.

– Сейчас будет, – он повернул к берегу, спрыгнул в воду, втащил лодку.

Старик решил разрядить обстановку. С людьми он сходился легко и просто. Он подошел к костру.

У тлеющего костра – две женщины.

– Я Вера, – то ли всерьез, то ли пошутила женщина.

– А я Надежда.

Компания была уже в хорошем настроении.

– Вера, Надежда... – Анастасия поддержала шутку. – А где же Любовь?

– Спите вместе, а спрашиваешь, где любовь?! – поддела одна из женщин.

Анастасия удивилась такой бесцеремонности Веры, но ей казалось лучше такое общение, чем оставаться наедине со своим настроением.

– Посмотри, у меня по спине кто-то ползет, – Фёдор Фёдорович повернулся: упитанное тело в пятнышках светлых, как одуванчики, веснушек. – Там нет муравья?

– Муравья? – почему ей так неловко перед всеми, будто совершает что-то непристойное? Не было ни муравья, ни муравьихи – да кому он нужен. – Ничего нет.

– Смахни! Сдуй! Ну, скорее!

Она провела ладонью по пятнышкам, смахнула крошки песка и опять села, опираясь сзади на руку.

– Вы кто? – спросила Надя то ли с завистью, то ли с издевкой. – Лодочка-то американская?

– Психотерапевт местной экономики, – слизывал Фёдор Фёдорович с нижней губы песчинку. – А лодочка у нас итальянская.

– Да? – Надя хихикнула. – А хобби?

– Организация ток-шоу «Угадай мелодию» применительно к политике.

– А у вас цвет глаз стальной или синий?

– В зависимости от обстоятельств, – совсем разошёлся он.– Тебе сказать, какими иностранными языками я владею?

– Ой! – девица хлопала в ладоши. – Скажите!

– Жестикуляцией, эсперанто. При необходимости заговорю на любом.

Появился мужик у костра, как видно, главный в этой компании. Он был сдержан и как бы безучастен.

– Валера, я хочу рыбу, – Надя была горда и весела оттого, что ей сейчас служил сильный человек, которого многие боятся.

Мужик наклонился (прокопчённая под солнцем спина в наколках), вынул рыбу из золы. Запечённая рыба дымилась. Валерий аккуратно ее очистил и на тёмной ладони подал Анастасии слипшуюся икру:

– Попробуй.

Анастасия чувствовала, что в этой компании отказываться нельзя. Икринки побурели, как запеченная на огне кровь.

– Что такое свобода? – приподнял голову из-за куста пьяный. – Это когда тебя посылают «на», а ты идёшь куда хочешь. Эта горбуша три океана прошла.

Анастасия удивлялась, откуда появлялись эти мужики, вроде у костра были только женщины.

– Ешь! – сказала Вера и положила на траву перед тем мужиком обуглившуюся рыбу. – Но прежде нужно выпить!

– Ха-ха! – заразительно засмеялась Надя. – А «ножки Буша»?! Они полдня не размораживаются. Хлорамином нафаршированы.

Анастасии показалось вдруг, что она где-то на сцене, а кто-то сидит в зале и за ней наблюдает.

Вера раскладывала жареные «ножки Буша» на замасленную газету:

– Я жена вора в законе, – сказала она.

На шампурах сочится жир. Золотистая корочка пахуче дымится.

Анастасия с неподдельным удивлением смотрела на них. Как глупо...

– Ты так сидишь... Рукой не шевельнула! – Вера сразу почувствовала настроение гостьи у костра. – Пей! Не сиди так!

Но от этих окриков Анастасия чувствовала ещё большее напряжение.

Только Надя смеялась. Она шалила и нежилась на синем одеяле.

– Играет, – старик с завистливой улыбкой наблюдал за её весельем, ему тоже хотелось такого естественного полулюбовного озорства. – Я же говорю, у меня там какой-то муравей по спине ползёт!

– Никто у вас там не ползёт, – Анастасия не стала поглаживать его спину.

Одеяло, как скатерть-самобранка: и еда, и питьё.

В костре – угольки. Анастасии хотелось уйти в тёмный лес, но она была как будто связана с этими людьми, с желтобокой лодкой, с костром. Чем? Воздухом. Звуком. Светом солнца, спрятавшегося за облачко.

– Чего ты хочешь? – Фёдор Фёдорович грел руки над дымящимися шашлыками.

– Хочу в Италию! – Анастасия обошла костер.

– Поедем через месяц, – ему били в глаза две красные полоски купальника. Потянулся к молодой женщине и почувствовал в руках дрожь. – Ты понимаешь, мне сейчас нельзя! Дела тут. Ягода осыпается. Ты видела... На даче. Капусту сейчас хорошо поливать надо.

Анастасия посмотрела на одеяло-самобранку. Веселится и ликует там народ.

– Я хотел, чтобы тебе было хорошо. Тебе не нравится?

– Пошли к ним, – сухо сказала Анастасия.

– Пошли. Я создал обстановку? Тебе хорошо?

– Я нашла! – радостно вскрикнула Надя, пряча под собой что-то. – Моё, моё!

Анастасия села рядом с Надей.

– Что это? – Фёдор Фёдорович протянул руку.

Она передала ему свою находку. В его руках лежала небольшая иконка.

– Где нашла? – старик принял предложенный стакан водки и незаметно вылил за спиной муравьям.

– Тут, – потешно смеялась, по-детски задирая руки и ноги. – Вот здесь.

– Раскольничья. – Фёдор Фёдорович взял иконку. – Старое литьё.

– Отдайте! – капризничала Надя, как младенец взмахивая руками.

– Ах ты, хитрая, – он удерживал её руку, а Надя, упираясь в его колено, тянулась за поднятой рукой, и старик повалился на спину. – Ты кто?

– Нет, отдайте! Я нашла. Я её продам и поеду в Париж!

– А в Биробиджан не хочешь? – хохотал старик.

– Хочу в Париж! Хочу в Париж! – повторяла Надя.

– Сколько тебе дать денег за неё?

– Деньги – фигня!

– Видит волк козу – забыл и грозу, – Вера говорила и смеялась очень громко. – Мой муж...

– Ворам в законе иметь семью нельзя, – метнул взгляд старик.

– Я с ним не живу двадцать лет. Торговал фирменными шмотками, штанами джинсовыми, когда первый раз дали срок. Нищий хвалится, а богатый прячется. Ты знаешь, сколько дали? – она стукнула по волосатой руке старика. – Восемь лет.

– У вора в законе нет жены, – старик с хитроватой всезнающей усмешкой наблюдал за ней. – Вор в законе не торгует. Не пашет, не сеет. Вор в законе – это чистый вор, это дух, это символ.

С удивлением смотрела Анастасия на своего покровителя, кто он сам-то? Откуда у преподавателя института миллионы? Сказка о золотой рыбке или о золотом петушке?

– Ты что так смеёшься? – старик тронул за ногу молодую девицу. – Ишь ты, какая хохотунья!

– Она на пятом месяце! – с пьяным вызовом крикнула Вера, словно грозя кому-то.

Смех оборвался.

Беременная сморщилась, лицо ее исказилось, вытянулось, позеленело. Встала. Пошла к камышам. Хватая ртом воздух.

– Не умрёт, – Вера поясняла гостям – свои-то все знали. – Мальчик будет.

Там, где сидела Надя, осталась лежать металлическая иконка.

Анастасия взяла иконку. И в этой гнетущей, нерадостной тишине показалось, что лики святых вдруг засветились, ожили.

– Вот тут надо смотреть! – Волосатый палец старика с прилипшей чешуей скользнул по святящемуся лику.

– Руками не трогать! – дернулась Анастасия от него, как от раскалённого шампура.

Вера ликующе, победно прыснула, в её пьяном смехе была отчаянная радость.

Валера повёл плечами:

– Иногда бросаешь спасательный круг.

– Мужчина должен кого-то любить... – чуть отрешённо проронил Фёдор Фёдорович.

– Кто в доме хозяин?! – докатилось из-под куста. – Я или мыши?! Отвечать по уставу!

Все невольно посмотрели на пьяного.

Анастасия подошла к воде. Стояла, пристально вглядываясь. Привыкая к её ногам, всё ближе и ближе подплывали мальки. Погрузиться бы в воду, в другой мир, и стать маленькой и бессловесной, как эти пугливые безобидные бессловесные рыбки.

XXII

После незабываемых дней, которые Фёдор Фёдорович провёл в Париже, в Италии и Израиле, его стало тянуть в сладкие розово-голубые дали. В такие часы он представлял себя гуляющим с братом по Бродвею. Под ярким лучом памяти всё оживало. Если бы эта свобода пришла раньше... Когда он стал богатым, к сожалению, он уже, как говорится, был в преклонных летах. И всё вспоминал мерцающие огни Тель-Авива. Он старался находить прелесть в родных местах. Тонкое золото березовых листьев еле слышно шелестит. Фёдор Фёдорович лежал на спине и следил, как легко уплывают облака куда-то на юг, может, в Италию.

– Дама! – крикнула Вера, вглядываясь, как далеко заплыла Анастасия. – Дама, далеко не надо! Не надо далеко!

Фёдор Фёдорович пил тёмное пиво. Было немного грустно оттого, что сын уехал. Осень слишком быстро сменяет лето. Ползают муравьи... А скоро их засыплет снегом. Он ощущал приятное шевеление муравьёв, не поднимаясь, лишь отбросив руку вбок, потянулся за пивом. Пиво не холодное, а он привык, когда оно только что из холодильника.

– Тонут! Тонут! – взметнулась Вера. – Мужики! Что лежите?!

Фёдор Фёдорович рванулся к берегу. Голова Анастасии то исчезала под водой, то выныривала, будто серая дикая уточка. Вот она исчезла. Он замер.

– Лодку! – крикнула Вера, пьяно хватаясь за режущую руки кугу. – Чего спите?!

Стукнул зубами в лихорадочном оскале. Кинулся в воду. Нырнул и поплыл. Нет! Он не старик!

– Куда?! – вспенивая воду у берега, металась Вера. – Назад!

Старик уже плыл обратно к берегу. Выскочил из воды. Схватил лодку. Он еще не успел свыкнуться с короткими вёслами. Выгребал, упираясь на вёсла. Но лодка была как пьяная, взбалмошная, вихляющаяся девка – никак не слушалась и не подчинялась его дрожащим рукам.

Втащил мертвенно-бледное тело на шаткое дно лодки. В глаза ударила красная полоска бюстгальтера, болтающаяся на бедрах. Сорвал и выбросил его, как грязный бинт. Груди посинели, у бугристого соска – ссадина и тоненькая струйка крови.

Он расправлял спину, вскидывал голову вбок, проверяя направление. Голова его нелепо запрокидывалась, ухо подгибалось, прижатое плечом. Ветер метался. Лодка вихлялась. Грести было страшно тяжело. Водоросли, как змеи, обвивались и не выпускали на чистую воду.

Валера перенес Анастасию на берег, положил на синее одеяло.

Фёдор Фёдорович добрёл до костра, лёг навзничь, словно упал, рухнул.

– Пей, старик, – Валера положил ему руку на плечо и поднёс стакан водки прямо к губам. – Видно, у бабы тоже душа есть.

Сердце старика останавливалось. Он дышал ртом, губы сохли. Руку сводило. Боль... Ветер... Без лодки бы не спас её. Не спас...

Гасло сознание, всё терялось в какой-то мутной темноте. Он уже ничего не видит, только слышит, как выкачивают из неё воду и как, наконец, она застонала.

Наконец он увидел, что Анастасия сидит у костра, укутанная в синее одеяло. А «жена вора» истязает её бранью.

Фёдор Фёдорович подозревал в этом заплыве не случайность. На него никто не обращал внимания – кому сдался старик. В траве лежать хорошо, словно ты часть этих травинок и букашек, ты муравей старый, уставший, ты с ними заодно в их молчаливом, тёмном существовании.

Он услышал свою мысль в каком-то смешном виде.

– На хрен он тебе сдался! – говорила «жена вора», она знала жизнь с изнанки. – Все мужики – альфонсы! Или кобели...

Душа женщины мечется, ищет и не находит. Что там, за пределами видимого, за ширмой, отделяющей подлость от благородства, достоинство от гордыни? И что-то страшное, разрушительное происходит, если она отбрасывает этот занавес.

Пьяный протрезвел от холодной воды, вытаскивая жёлтую лодку. Над ним подшучивали:

– Бывает ли плохая водка?

– Нет. Водка хорошая...

– А бывает ли плохая женщина?

– Нет. Бывает мало водки.

– Нет, ты погоди! Вот встретились русская и француженка, – начала «жена вора».

– А я это знаю, – засмеялась беременная Надя.

– Как вы пополнели! – «жена вора» ласково, не стесняясь, погладила свою подружку по животу.

Анастасия плакала.

«Напоили? Надо уходить», – подумал старик.

Но Вера услышала плач Анастасии, потом посмотрела на него.

«Все так начинают, – но старик не хотел, чтобы его мысли слышали все. – Я не хотел её топить. Я ей говорил: «Поедем на плёсы». А она: «Хочу в Италию».

Вера принесла стакан, из которого он выливал водку в траву травить муравьев. Теперь он выпил всё сам. По вкусу это была вода. Но такая женщина не будет смеяться, он должен сейчас расслабиться, она понимает. Она принесла вторую порцию и опять смотрела на него и видела, что он пьёт водку как воду.

– С какого ты года?

– А что? – Он попытался подняться, но повалился, словно от усталости, нет, он не упал, он прилёг. Прилёг и посмотрел на нее снизу вверх медленно, с пьяным пониманием. Сколько же мук претерпел он из-за этих ножек! – Я старик.

– Ноги у тебя спотыкаются о каждую травинку. Сиди! – и сама расположилась на обгоревшем брёвнышке. – Муж у меня был с тридцать девятого. А ты?

– Я старше.

Вера отошла от него, она оставила его в покое, вернулась на примятую траву и выпила.

– У меня умер отец, – билась Анастасия в рыданиях, словно только что узнала о горе. – У нас не было денег на гроб...

– Ладно! Всё! – рыкнул старик. – Я сказал! Дам!

– Завтра будет сорок дней.

– Я схоронила и отца, и мужа,– гладила её по голове Вера. – Я понимаю. Я всё понимаю, девочка. Эх! Жизнь-то уходит!

– Я не думала, что он... – Анастасия всхлипнула.

– Когда мой отец был жив, я не звала его отцом. Гордая была. За мать было обидно. Он от нас ушел, когда я еще пацанкой была. – Вера замолчала. – Умереть – не в помирушки играть. Дед рассказывал, у них урядник был, он и при царе был, и при коммунистах. У него детей одиннадцать душ. Он никому зла не делал. А в революцию семью помещика в деревне, в которой родился отец, прятали сами крестьяне. А про войну рассказывал – там чем сильнее бой, говорит, тем шибче душа горит.

– У твоего отца ощущение, как у полководца, – нашёл силы усмехнуться Фёдор Фёдорович. – Боец!

XXIII

После случившегося Фёдор Фёдорович сам не ожидал, что чувство к Анастасии так захватит его. Он думал о ней постоянно, то ревнуя, то вспоминая с благодарностью что-нибудь хорошее.

– Это я, – виноватым голосом прошепелявил Фёдор Фёдорович. – Я ждал-ждал, а потом думаю: что-нибудь случилось. Я звонил. Что случилось?

– Какие-то странные у нас отношения. Не надо нам больше общаться! – резко сказала Анастасия.

– Ладно! – он отмахнулся от ее слов. – Я пришёл по делу.

– У меня нет отца... У меня нет мужа, нет брата... Не надо на меня давить! – голос её дрогнул. – Я просила не приходить!

– Как сын? – он вдруг вспомнил о её сыне.

– Он меня не понимает.

– Ладно, – Фёдор Фёдорович решил сгладить ситуацию и провести вечер где-нибудь на публике. – Меня Павлик понимает, – самодовольно пробурчал.

– Если бы я своему сыну купила одну машину, вторую... Он бы тоже меня понял, – выговорила Анастасия, вздыхая.

– Ладно! Я не хочу терять расположение своих детей! Пошли в ресторан, поужинаем, – примирительно позвал Фёдор Фёдорович.

Город миллионный, а ресторан пуст. Анастасии было странно и неловко именно от этой пустоты. В старом увеселительном заведении суетятся пенсионерки-официантки. Выцветшие, грубо накрахмаленные скатерти из прошлого века.

Фёдор Фёдорович артистично приступил к еде, неторопливо, по-особому важничая.

– Ну как? – это звучало как похвала, что всё отменно приготовлено и изысканно сервировано.

– Я сыта. Спасибо.

– Ты должна съесть всё! – он указывал на ломоть мяса. – Ешь!

– Ужин должен быть легким, – Анастасия отодвинула от себя тарелку.

– Понимаешь, я сегодня не обедал. Только два чебурека. – Это звучало так, словно он не обедал неделю.

Водка, лёгкая, неощутимая, не такая, которую пили у костра.

Анастасии вспомнились глаза Павлика, когда он их вёз, сын не был похож на отца, парень – русский богатырь. Ей ближе богатырь. Иногда ей казалось, они были в зависимости от старика, правда, не в одинаковой. Она представила, как в детстве мальчика заставляли съедать куски побольше и пожирнее.

Официантка подошла со счётом. Он заказал шампанское, растягивая вечер.

Эти женщины-официантки в белых передниках, принимая заказы и подавая блюда, бесцеремонно разглядывали её, словно бабки на скамеечке у подъезда. На мгновенье показалось, что не было перемены власти, перестройки. Капитализм, социализм – сон. Хороший или плохой строй – всё равно. Важно то, что все проснутся только тогда, когда проснётся она. Никто не останется жить во сне. Они отошли от ресторана, словно отчалили... Взяли курс на его дом. Асфальт, как палуба, качался. Присесть бы отдохнуть. Но куда? «Вода, вода, кругом вода...» Надо двигаться вперед. Плыть или идти, главное – не останавливаться. Дождик, дождик, поливай, будут брызги шампанского. Что это за фейерверк? Она цепляется за человека, а человек – соломинка, и соломинка тащила её, как лодка. Жёлтая лодка светилась ослепительными брызгами. Около жёлтой стены – жёлтая липа, в стене – жёлтая дверь. Стена как холодный берег. Перила на лестничной клетке поплыли. Куда ведёт эта дорога?

– Держись, не расслабляйся! – шепелявил Фёдор Фёдорович. – Сейчас! Свет включу.

– Что ты все шепелявишь?! Говори ясно! Куда мы попали?

– Ну, в Мадриде ты! В Мадриде! – смеялся. – Не видишь, что ли?!

– Хочу в Париж!

– А в Тель-Авив не хочешь? Извини, я не могу сразу. Мне нужно неделю-две привыкнуть... – Он гладил её по голове, как дочь. – Ты попала не в общий вагон. Я буду твоим

спонсором. Я с Гурченко так же, как с тобой, был.

– Некрасиво и даже пошло. Неужели тебе больше нечем похвастать?

– Нет! Ну, хочешь – женой, секретаршей, любовницей будешь? – смеялся неровно, со всхлипами.

– Глупо! Совсем худо, видно, с тобой, – Анастасия закусила губу.

– Я замёрз!

– Что я должна делать из чувства благодарности?

– Спать!

Но уснуть невозможно. И казалась освобождением только открытая дверь на лоджию. Луна на ветке. Кто кусает?.. Не тонкими уколами комара или клопа, а зубами, как зверь. Цокцок по асфальту – шпильки, как железные копытца.

– Спину согрей! – перекинул её теплую мягкую руку через плечо и тянул, словно утопленницу. – Я хочу, чтобы мне тоже было тепло. Колдунья! Что ты со мной делаешь?!

– Ничего! Я сплю!

– Без меня ты пропадёшь, – Фёдор Фёдорович провалился в сон.

Наутро у Анастасии оставалось одно желание – умыться и почистить зубы. Безуспешно она искала зубную щетку для гостей и пасту.

– Да была же, была, – оправдывался Фёдор Фёдорович, болея похмельем.

– Это я должна быть вашим спонсором, купить вам «Blend-a-med», – ёрничала Анастасия.

– Что?

– Mild fresh!

В зале громко нёс тарабарщину телевизор: дама в малиновом пляжном костюме изображала танец – идиотизм! Анастасия села в кресло, хотелось тишины. Но обстановку утром никто не создавал. Она вернулась в спальную комнату, чтобы прилечь ещё хоть на минутку. И содрогнулась – на подушке лежали вставные челюсти. Она не поверила, как нельзя поверить, увидев у себя в спальне голову скелета. Что за ритуал? Зубы были покрыты серым налетом, словно живые, человеческие в кариесе. Будто это всё, что осталось от того, кто ещё вчера был человеком.

Звонок в дверь.

Павлик открыл своим ключом и столкнулся с отцом в двери:

– Спишь?

– Не сплю.

– А чего не открываешь? – приятно, черт возьми, иметь свои ключи не только от машины, но и от квартиры. – Завтракаешь?

– Да! – отец отступал задом. – Бекон, овсянка, джем и кофе... с коньяком. Намазываю кусок «жита» «Рамой-крем-бонжур»...

– Папа, это пижонство, как говорит народ.

– Это истина, как дважды два не три... Ты пройди пока в маленькую комнатку, – пытался спровадить сына.

– А что?

– Я не один...– старик замялся.

– А может, я хочу познакомиться с артисткой, – усмехнулся Павел.

– Вот сейчас скажешь ей сам, что ты хочешь.

Старик вернулся в комнату к Анастасии.

– Это Павлик! – виновато сказал он.

– Пусть он сходит в магазин. Я уйду, – шептала Анастасия. – Мне не хочется общаться. Я не в форме.

– Он же возил нас! – пытался её задержать старик. – Павлик хорошо к тебе относится. Что он мне вчера сказал?! «Какая степенная женщина!» Да! Вот что он мне сказал вчера. Я не хочу терять расположение детей!

– У нас неравные силы. Я выхожу из игры, – Анастасия торопливо приводила себя в порядок.

– Что?

– На вашей стороне и дети, и жена, и сноха, и внуки... А я одна.

– Настя, я играю на твоей стороне.

– Против кого? – сверкнула глазами. – Против моего сына?

– Что ты? – он произнёс, словно в раздумье. И твердым голосом, наполненным ясным, осознанным внутренним достоинством, пояснил: – Я всегда играл по правилам.

– Интересные у вас правила! Я хочу уйти.

– Ладно! – хотел щёлкнуть зубами, но губы беспомощно старчески провалились без протеза.

– Нам надо расстаться, – она вынула из сумки маленькую картинку и, сомневаясь, подарить – не подарить, вертела в руках.

– Что это?

– Осенний этюд.

– Автор кто?

– Жизнь. Я соавтор.

Анастасия вышла из квартиры, Фёдор Фёдорович – за ней. Зашли в магазин. Магазин почти пуст, только нищая старуха заворачивает что-то в газету и трясёт засаленной сумкой.

– Сегодня венчался, а завтра скончался, – бормочет беззубым ртом нищенка.

– Чего хочешь? – Фёдор Фёдорович не замечает грязной старухи – далась она ему. – Сливок? Сметану? Йогурт? Ну, скажи, что ты хочешь? – смотрит на свою даму.

– Персик.

– У вас сок персиковый есть?

Продавщица:

– Нет. Есть персики консервированные. Турция.

– Пойдет, – сунул Анастасии яркую красно-зеленую банку. – Турция – это тебе!

– Счастья ищи, а в могилу ложись, – нищая старуха накликивает беду, непримиримая ни с жизнью, ни со смертью. – Смерть ходит, ходит... Оглянитесь!

– Бабуля, уходи, уходи отсюда от греха подальше, пока хозяин не увидал, – гонит продавщица.

– Нищета – это не когда есть нечего, а когда хоронить не на что, – бормотала она под нос. – Раньше хоронили всех как положено, в гробах, а теперь, говорят, денег нет. Сжигают и в коробочку ложут. Вот и хожу собираю. Я в коробочку не хочу. Я Богу молюся.

Анастасия поскорее вышла. Около магазина – ведёрко с яблоками.

– Сколько? – спросил старик.

– Десять рублей, – оживилась бабуля, дождавшись покупателя. – Яблочки со своего сада. Наисвежайшие!

– Да ты что?! – с насмешливым возмущением торговался покупатель. – Дорого!

– Три месяца пенсию не дают!

– Всем не дают. И мне не дают!

– Ну, вы если покупать будете, так покупайте, если нет, так идите.

Анастасия не выдержала этого торга, отошла от Фёдора Фёдоровича.

– Так не торгуются, – посмеялся старик.

– Я не торговка! Я из своего сада принесла. Эх, горемычная, помяни матушку, – к Анастасии подходила нищенка из магазина. – Возьми, съешь моего кислого яблочка.

Анастасия пошла от магазина, от нищенки, от него...

– Ты меня хоть чуть-чуть любишь? – догнал он её.

– Нет.

– Ты жестока.

– А ты? – она смотрела на него в упор.

– Твой сын...

– А сына не троньте! – резко перебила она.

– Ты у меня вот тут в голове! – он постучал себя по лбу. – Постоянно! Колдунья!

– Хочу в Париж! – снова Анастасиина заезженная пластинка.

– Вот будет хорошая погода, отвезёт нас Павлик на плёсы, – старая песня Фёдора Фёдоровича. – Там такой Париж! Уток постреляем. Покайфуем!

– Хочу в Париж.

– Я дам. Съезди в Италию.

– Может, в загс сходим и печать поставим? – недобро ухмыльнулась она.

– Это так не делается, – он держал паузу, чтобы перевести всё в шутку. – Пойдём ко мне!

– Ты у себя не хозяин... Живешь как квартирант.

Они прошли в арку.

– Я подожду, – остановилась она.

– Да зайди ты! – старик тянул её к низким сарайчикам. – У меня тут есть свой угол.

С фасада сарайчик ничем не отличался от других. Доски-двери, серый кирпич да маленькие, как бойницы, окошечки.

– Я тут всё своими руками сделал.

Он снял с высокой полки чёрный дипломат. Положил на рабочий столик у самой двери. И открыл. Пачки денег заполняли всё пространство дипломата. Торопливо вытаскивал купюры, совал в карманы брюк.

Через пару минут вместе вышли. На улице сразу тормознули машину.

Старик вынул из кармана брюк помятую десятку, протянул Анастасии.

– Отдайте водителю, – буркнула она.

– Да на же!

Она быстро передала десятку в окошко водителю.

– Во! – удивился водитель, открывая дверцу. – Сначала деньги дают, потом садятся!

– Куда?

– Домой!

– Понятно...

– На новый мост!

XXIV

Вечером к Фёдору Фёдоровичу приехал старший сын Валера с женой. Павлика он больше любит, но старшего – Валерия – уважает, и сноху его, Иоланту, побаивается. Иоланта была старше своего мужа.

Валерий, любя её, ей же повиновался. По опыту жизни, по тем слезам, крикам, ахам и вздохам, которых ей пришлось наслушаться во время абортов и родов, она чувствовала, что постарела на двадцать лет, и теперь ей ближе был свёкор, чем его сын. Она частенько болтала со свёкром.

– Вы изменились, Фёдр Фёдрыч! Помолодел! Влюбился?

– Мне нужно женское «био». Я постоянно нахожусь в состоянии влюблённости.

– И сказали ему: поищи молодую девицу, чтобы она лежала с тобой, будет тепло тебе, – улыбалась она. – Жаль, что вы не царь!

– Я мужчина. Мужчина – царь природы! Я должен кого-нибудь любить, – эти слова защищали его. – Она молодая, не старше тебя. И она красивая.

– Искали красивой девицы? И нашли?

– Ну, ладно! Перестань! Ты не знаешь, кто у меня взял серебряный крестик? Спроси у детей... Меня брат повёз в монастырь... И все: и брат, и я – все покрестились. А потом на плёсы поехали.

– Павлов Иван Петрович ерепенистый мужичок был, в пику всё делал.

– Кто такой? – перебил ее.

– Физиолог.

– А! – засмеялся он.

– Однажды шло массовое закрытие церквей, Павлов привел собаку к батюшке, – рассказывала Иоланта. – Батюшка ему говорит: «Смотри, что будет с твоей собакой». Подносит батюшка псу крест, водит над ним – у пса начинает слюна капать. Собака отреагировала на геометрическую фигуру – крест. Сурепка – четыре лепестка – горечь вызывает. Для собаки ведь цвета нет. Крест геометрический – реакция на горечь, на поджелудочную железу. А чёрный, красный, белый – дают резкий уход йода из головного мозга – человек остается как бы без сознания.

– Да?! – любовался он невесткой.

– Незабудка – пятизвездочная, поэтому ее и не забудешь, – пояснила она. – Свастику на деньгах делали, помните? Если постоянно звёзды-звёзды перед глазами, безволие вырабатывается. А можно внести ложный вторичный псевдосимвол – пять материков, пять чувств... И будет торможение психики, чтобы у рабов не было позыва к восстанию.

Иоланте нравилось общаться с ним, вполне не глуп и интересен, она никак не могла просчитать его: кто он по натуре – чиновник, тайный агент, умелый делец или просто артист, и все его рассказы – это несыгранные в жизни роли. Ей нравилась его неуёмная заведённость. Эти дети войны... Черта их находится не где-то за пределами человеческого духа, а здесь, под ногами.

Фёдор Фёдорович мучился. Болело бедро, тяжело было сделать полный вдох – сразу какая-то боль отдавала в сердце. Иоланта наблюдала за ним в такие дни не с сочувствием, а с какой-то мстительной обидой.

Именно в такие дни Иоланта и провоцировала разговоры отца и сына. Она опять попросила мужа поговорить с отцом. Наконец Валера решился на серьёзный разговор и вошел в комнату к отцу.

– Отец,– подступил Валера, – у тебя с той женщиной что?

– С какой женщиной? – будто бы удивлённый взгляд.

– С той, что любит плёсы...

– А... Да. Мы ездили на плёсы. Там, знаешь, столько уток! Вот где поохотиться! – старик попытался перевести тему.

– Зачем ты берёшь брата?

– А что? Он взрослый мужчина...

– А тебя с той женщиной...

– Мы любим друг друга, – перебил сына.

– Сколько ей лет? Младше брата? – не отступал Валера.

– Ну, ладно, Валерик! Перестань! Когда ты влюбился в свою Иоланту и я тебя спросил, сколько ей лет. Ты помнишь, что ты мне ответил?

Сноха – опытная в жизненных делах женщина, она знала, когда сын будет говорить с отцом, и приготовила для них хорошее вино.

Иоланта вошла и, расставляя фужеры, рассказывала:

– Вчера клиенты анекдот рассказали: «Проститутка сдает деньги в парижский банк. – Вы меня, мадам, извините, но я вынужден вас огорчить: ваши деньги фальшивые! – говорит служащий банка. – Как? – кричит проститутка. – Очень просто – они фальшивые, мадам. – Боже мой, боже мой, – в истерике кричит она. – Меня изнасиловали!»

Старик выпил свой фужер залпом.

– Что она хочет? – пьянея, засмеялся он. – Дачу, квартиру, машину...

– А ты? – голос Валеры.

– Чтобы у меня, как у царя Соломона, было шестьсот жён, – развязно хохотнул Фёдор Фёдорович.

– Шестьдесят! – Иоланта встала перед свекром, высокая, плотная, уверенная: – Вы мне этих уточек с плёсов больше не привозите: я ощипывать их не буду.

– Это дичь! – он многозначительно поднял палец кверху. – В Париже такую дичь мне в ресторане на Елисейских полях подавали.

Иоланта согласно кивнула:

– Вам звонил Асляк, сказал, чтобы с ним связались. Какое-то дело о миссионерах у него.

XXV

Прошел год с того дня, как Анастасия познакомилась с миссионерами. Но её статья, хотя и понравилась редактору, опубликована не была. Валерий Алексеевич сказал, что материал не пойдет, и всё. Ей стало обидно. Положить под сукно... Столько бессонных ночей! Теперь у Анастасии другая тема – брошенные дети. Она уже побывала в Доме малютки, в больницах, в детприемниках. Эта тема потянула за собой другую – она решила обойти роддома и вникнуть, что же происходит в тот момент, когда роженица отказывается от младенца. Познакомилась с Иолантой – врачом роддома.

У Иоланты сегодня была вакуум-аспирация. Тяжело и неприятно, даже для врача. А главное – всё делаешь будто с закрытыми глазами. Вот теперь надо удалить то, что сделали её руки внутри матки женщины. Прерывание беременности закончилось. Конец. Иоланта свою работу выполнила. Теперь она снимет перчатки и протрёт руки спиртом.

Медсестра сложила в ёмкость все части извлечённого тела, пока доктор мыла руки. Теперь это не отправляется в мусорное ведро, как раньше, а используется как сырьё.

– У меня одна знакомая просилась к вам на приём, – сказала медсестра врачу.

– В понедельник пусть приходит. Посмотрю, – равнодушно ответила Иоланта.

– А в шестой палате с заливкой что делать? Кричит. Утром заливку раствора делали. Схватки начались.

– У меня рабочий день уже закончился. Всё. Хватит. Сделайте укол. Пусть подождёт другую смену.

Медсестра не уходила, и это начало раздражать Иоланту.

Она никогда не чувствовала себя такой разбитой, такой раздавленной, как сейчас. А тут сегодняшняя встреча с журналисткой. И вдруг врач увидела, что медсестра положила на стол конверт и сама вышла. Иоланта открыла конверт – в нём 500 долларов.

Перед глазами врача возникла бритая девчонка – и женщиной-то не назовешь! И операцию надо было делать срочно. В лице, во всем теле этой пациентки была такая инфантильность, невинность, что медсестра пошутила о непорочном зачатии. Иоланта не терпела религиозных предрассудков. Хорошая доза цинизма даже помогала в работе. А совесть – это дело личное. Пусть они сами думают о том, чувствует ли ещё не рождённый ребёнок боль так же, как и рождённый. Никакого обезболивания для плода при аборте не предусмотрено ни по медицинским, ни по государственным законам. Она не настоятельница монастыря. Если не сделает она профессионально, то за дело возьмется какая-нибудь повитуха. И тогда смертность увеличится в сотни раз.

Потом Иоланта вышла в коридор к журналистке.

– Расскажите, как вы делаете операции? – спросила Анастасия Иоланту. – Много девочек, которые вынуждены делать аборты?

– Дай им бог остаться без подобных уроков. Вам что, нужна анатомия или психология?

– Современная анатомия, – сказала Анастасия, – я потом отредактирую.

– В матку женщины вводится пластмассовая трубка с острыми краями... – Иоланта дальше говорить вслух не хотела, хотя руки дело знали: тело ребенка трубка разрезала, потом всё отсасывалось наружу в специальную ёмкость... Говорить было труднее, чем делать. Руки врача механически подчиняются задаче... Сентиментальность – плохой ассистент у операционного кресла.

И всё-таки Иоланта понимала, что можно говорить, а что – нет. Вчера всё закончилось быстро. Закончилось без осложнений.

Со второй пациенткой Иоланте пришлось повозиться немного дольше. Но тоже всё привычно и просто – отработано до автоматизма. У пациентов Иоланты редко случались осложнения после операций, и её телефон родственники клиентов передавали друг другу, денег и подарков в знак благодарности не жалели.

– Вам действительно нужно это знать? – Иоланта испытующе посмотрела в упор на Анастасию.

– Да, – сказала журналистка, приняв глазами вызов. – Я пишу роман о женщинах.

– Пошли.

Анастасию одели во всё белое, на ноги – стерильные чехлы. И она вошла в операционную. То, что она увидела во время операции, невозможно описать. А то, что врач прокомментировала после операции, оказалось ещё более страшным.

– Эта беременность была более поздняя. Пришлось работать кюреткой – вы видели. В матку вводилась кюретка – острый нож в форме петли. Этим ножом аккуратно, но основательно надо выскоблить полость матки, им же при этом разрезается ребенок.

Рука у Иоланты никогда не дрожала, голос тоже:

– У этой бритой девочки беременность – пятнадцать недель.

Иоланта поглаживала кисти рук.

– Ручки, ножки... Начали кальцинироваться кости... – врач, устало закрыв глаза, продолжала работать и говорить мысленно, будто проверяя свои движения словами, но не выпуская слов наружу... «...Захватить ручку и скручивающим движением оторвать её... Потом захватить ножку или другую часть тела... И извлечь...» – и опять заговорила вслух: – Это тяжелая работа. Рука устает и немеет, – и она машинально тёрла холодную руку.

– Говорят, что ребёнок чувствует это, – проронила Анастасия.

– Плод, – поправила строго и сухо врач. – Как любая клетка, наделённая нервными волокнами, не более того. Кульминация – это... когда выбирается солевой амниоцентез. Вводится большая игла в околоплодные воды. И подаётся концентрированный раствор соли.

– Ужас! – вырвалось у Анастасии.

– Да, девушка, это ужас, – холодно ответила доктор. – Но мы в этом ужасе живём каждый день. Вы занимаетесь лёгкой любовью, а мы ужасами после «лёгкой любви». Плод обжигается и бьётся в конвульсиях.

Заглянула медсестра:

– Вас просят в предоперационную. Там началось.

– Я человек, а не вакуумная машина, – про-

шептала Иоланта. – Я устала... Дайте мне вымыть руки... У меня дома дети. Живые!

– Иоланта Зиновьевна, леденец уже вышел...

Врач посмотрела острым, словно скальпель, взглядом на Анастасию:

– Если не боитесь, можете посмотреть.

Прошли в палату. Пациентка рожает мёртвого ребенка. Между ног роженицы – рыхлая красная блестящая подкожная ткань, похожая на глазурь.

Рядом стояла и смотрела застывшим взглядом беременная женщина, которую готовили для «заливки».

Анастасия выскочила из роддома, поймала такси и не сразу сообразила, куда же ей ехать.

– Куда? – спокойно поглядел на нее водитель, он привык, что из роддома все выскакивают какие-то ненормальные. – Куда едем?

– К Алле Павловне Тараканової.

– В центр?

– Да! К цирку.

– Ну так бы сразу и сказали, а то я в другую сторону рулю.

Алла Павловна встретила Анастасию с дежурной американской улыбкой:

– Я ухожу, спешу! – сказала она, сидя за столом пред ликом президента. – У меня только две минуты.

– Спасибо...

– Тебе нужна работа?

– Да, – перед Анастасией сияло сердоликовое деревце.

– В федеральной службе работала? – будто допрашивала Тараканова.

– Нет, – Анастасия тронула каменный листочек.

– Я сейчас встречаюсь с Кодишевым. Могу поговорить...

– Спасибо.

Каменное деревце тихо-тихо зазвенело.

Окончание следует.

□

Надежда Митрофановна СЕРЕДИНА

Прозаик, публицист.

Окончила Воронежский государственный педагогический университет и Высшие литературные курсы при Московском литературном институте им. М. Горького.

Публиковалась в журналах «Москва», «Роман-газета XXI век», «Мир женщины», «Подъём» и др.

Автор 25 книг, среди которых «Подростки», «Тайна личной жизни», «Чёрная птица на белой сирени», «Пленницы грехопадений».

Отмечена премией журнала «Мир женщины» (2001) за лучший рассказ, лауреат областной премии им. И. Бунина (2002), призер 6-го Международного конкурса им. М. Волошина (2008).

Главный редактор газеты «Художественная литература и жизнь».

Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Александра МАРИНИНА,
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

Александра Маринина: «Я не писатель. Я – автор книг»

Главный редактор журнала «Север» Е.Е. Пиетиляйнен беседует с известной писательницей Александрой Анатольевной Марининой

Е.П*. – Александра Анатольевна, Ваши книги расходятся огромными тиражами. Ваше имя известно любому читающему человеку. Как Вы стали писателем?*

А.М. – Я не становилась писателем. Я просто случайно взяла и написала свою первую книгу «Стечение обстоятельств» в трудное для меня время. И эта работа помогла мне побороть стресс, доставила искреннее удовольствие. Я принесла рукопись в журнал «Милиция», ее опубликовали, сказали, что у меня есть талант, и посоветовали писать и дальше. Но я не писатель. Я – автор книг.

Е.П. *– Ваша героиня Каменская многими воспринимается как типаж, сыгранный Еленой Яковлевой. Сумел ли режиссер в полной мере воплотить Ваш замысел?*

А.М. – Елена Яковлева – гениальная актриса. И она блестяще сыграла то, что ей предложили сценарист и режиссер. Но все-таки моя героиня другая. И это естественно. Ведь литература и кино – это разные виды искусства.

Е.П. *– А есть ли жизненный прототип у Вашей героини Каменской? С кого Вы ее писали?*

А.М. – Конечно, я ее писала с себя. Но если в первых моих книгах мы с ней были очень похожи, то теперь она значительно отличается от меня.

Е.П. *– Бывает ли так, что Ваши выдуманные герои живут своей жизнью и ведут Вас за собой?*

А.М. – Нет. Я всегда управляю своими героями. Я сама формирую их личность, продумываю их поступки. Правда, я допустила ошибку, в первой же книге детально прописав образ Каменс-

кой – ее возраст, образование, прошлое. Вот Агата Кристи была умной женщиной – она не прописывала изначально свою героиню в деталях, что позволяло ей легко впоследствии добавлять любые грани к личности героини, и у читателя не возникало недоумения, откуда взялось то или иное качество, – ведь о прошлом героини, её воспитании ничего не известно. Поэтому с течением лет мне пришлось отправить Анастасию Каменскую в отставку – ведь читатель знает, сколько ей уже лет. Хотя она до сих пор занимается расследованиями в новых книгах, но уже как частный сыщик.

Е.П. *– Скажите, а мужа Каменской, Лешу Чистякова, Вы с кого списали? Он поражает своей верностью Насте, способностью принимать ее такой, какая она есть.*

А.М. – Я его писала со своего мужа, естественно! Он у меня такой, как Чистяков.

Е.П. *– В сериале «Каменская» есть эпизод, довольно поучительный для выстраивания семейных отношений. Анастасия Каменская решила заниматься танцами, как ей посоветовали врачи. И она просит своего мужа – Лешу Чистякова – составить ей пару в этих занятиях. Но он отговорился своей занятостью и предложил Насте найти другого партнера. В результате их семейным отношениям чуть не пришел конец... Правда, Чистяков вовремя одумался и сделал выводы. Эта ситуация тоже взята из жизни?*

А.М. – Это выдумка режиссера и сценариста. В моей книге такого нет! Бывает в жизни так, что оба супруга не могут любить одно и то же. Но, любя друг друга, они стараются уважать интересы другого человека и чем можно помогать ему.

Да, я занималась танцами, а мой муж не хотел быть моим партнером по танцам. Но он бегал по всему городу в поисках мастера, который бы смог сделать туфли для танца «фламенко». Он возил меня на эти занятия и привозил с них... То есть участвовал в моих занятиях посильным образом.

Е.П. *– Как вы относитесь к существующей версии об издательских проектах, в которых выдумывается авторское имя и работают целые бригады людей по штамповке определенных книг, чаще детективов и любовных романов. Ведь сомнительно, чтобы один человек написал столько, сколько Вы. Вы – настоящий автор, который сам создал все свои книги или издательский проект?*

А.М. – Я пишу 25 лет. В среднем по 2 книги в год. Разве это много? Хотя следует признать, что издательские проекты существуют. Когда группа из 3-5 человек пишет книги под именем одного автора. Один выдумывает сюжет, другой прописывает диалоги, третий занимается литературной обработкой... Но этот труд очень хорошо оплачивается, и эти люди знают, на что соглашаются.

Е.П. *– Откуда Вы берете сюжеты своих детективных историй? Они подсмотрены в жизни или выдуманы автором? Ведь Ваша работа в органах МВД, наверно, снабдила Вас огромным фактическим материалом.*

А.М. – Все сюжеты – плод моего авторского воображения. Хотя, конечно, некий жизненный опыт и специальные знания необходимы для описания областей, к которым я по жизни не имела никакого отношения. Например, писать о балете, театре или научной сфере рискованно без знаний фактических деталей этой жизни. Поэтому я нередко обращаюсь к консультантам – людям, профессионально владеющим темой. Без их помощи не обойтись. Ведь читатель, уловив неправду, фальшь, не поверит автору и потеряет интерес к его книгам.

Е.П. *– Александра Анатольевна, спасибо Вам за интересный разговор, за честность и открытость. У каждого автора своё амплуа. Кто-то пишет лирические стихи, кто-то – фантастику, а кто-то – детективы. И если людям нужны Ваши книги, значит, Вы делаете нужное дело. Желаем Вам новых успехов, оптимизма и вдохновения!*

□

Максим МАРКОВ
г. Москва

Семья... Как много в этом звуке для фильма русского слилось

(Образ семьи в современном российском кино)

Мировое кино старается отобразить человеческую жизнь во всех её многогранных проявлениях; по мере сил не отстают от зарубежных коллег и российские кинематографисты. Но широтой взглядов мы вряд ли кого-то испугаем: в отечественных фильмах всё чаще предпочтение отдаётся «простым человеческим ценностям», которые не несут в себе ничего хоть сколько-нибудь «опасного».

Показательны в этом отношении итоги фестиваля «Кинотавр» 2014 года. В необычно сильном конкурсе (а он по праву считается важнейшим в стране) соседствовали тогда картины на самые животрепещущие темы: мигранты и националисты, безработица и бедность, проблемы инвалидов и чиновничий беспредел. Чувствовалось: авторам есть что сказать о сегодняшнем дне. А при раздаче призов на первый план вышли ленты на вневременную тематику – о любви, а если взять чуть шире – о семье. Жюри отказалось привечать актуальные высказывания (паре социальных лент были выданы поощрительные призы, иначе было бы уж совсем странно), острым вопросам предпочтя по-своему понимаемое художественное качество.

Примечательно, что одна из наград досталась тогда драме Светланы Проскуриной «До свидания мама» (заголовок намеренно лишён запятой) – а ведь это очередное прочтение «Анны Карениной». Второе в России за последнее десятилетие – после фильма Сергея Соловьёва. Но что поразительно – далеко не последнее: в скором времени нам предстоит увидеть и оценить видение классического романа Кареном Шахназаровым и Юрием Грымовым. Можно ли принять это за показатель неослабевающего интереса к счастливым и несчастливым семьям у российского зрителя?..

Если начать разговор с больших мастеров, то едва ли не единственным современным российским кинорежиссёром, который в своих ра-

ботах неизменно опирается на тему Семьи, последовательно и разнопланово её разрабатывая, является Андрей Звягинцев (он, кстати, и возглавлял два года назад жюри сочинского кинофестиваля, что многое, пожалуй, объясняет). Четыре его полнометражных картины – четыре взгляда на отношения между, казалось бы, самыми близкими, но такими далёкими друг от друга людьми. Пятый фильм ещё даже не снят – но и он будет о том же.

В центре дебютной ленты Звягинцева «Возвращение» – фигура отца, неожиданно возвращающегося из небытия к своим детям. Двое мальчиков даже и думать забыли, что у них ещё кто-то есть, кроме матери и бабушки, но вот в доме появляется мужчина, преломляет за столом хлеб и отправляется с ними в путешествие. Зачем и куда – не важно; важны те нити, которые режиссёр протягивает между героями. Два сына – две реакции: мгновенное притяжение – и недоверчивая подозрительность. Кто он, этот отец? Имеет ли он право после того, как неизвестно где пропадал столько лет, вдруг начинать воспитывать уже довольно взрослых парней?..

Герой Константина Лавроненко строг и даже жесток. В те дни, что отпущены ему сюжетом, он пытается не столько преодолеть отделяющую его от сыновей пропасть, сколько экстренно преподать им уроки выживания, заставить их поверить в собственные силы. Его педагогические методы могут показаться странными, но зрителю не с чем сравнить: воспитавшая ребят мать остаётся дома, практически сразу исчезая из кадра.

Зато мать – ключевой персонаж следующей картины Звягинцева, «Изгнания». Мучаясь отсутствием любви, тем, что некогда дорогой для неё мужчина отдалился и словно забыл про былые чувства, Вера (её сыграла шведская актриса Мария Бонневи) предпочитает холоду в отношениях добровольный уход из жизни. Неприветливый супруг не услышал, не распознал её призыва о помощи. Сбитый с толку интимным признанием («Я жду ребёнка. Он не твой»), он готов был винить в случившемся кого угодно, только не самого себя. Поиски доказательств измены уводят его от главного: от попыток восстановить с женой давно утраченный душевный контакт. Последствия трагичны и необратимы: Александр теряет не только любимую женщину, но и брата, сердце которого не выдерживает скопившегося напряжения.

Фильмы Звягинцева – и режиссёр не отрицает этого – подвластны религиозной трактовке, исследователи его творчества находят множество параллелей между сюжетами «Возвращения» и «Изгнания» и текстами Священного Писания. Подобный подход к анализу этих картин очень востребован и позволяет не замечать очевидного: в настоящей жизни людям не свойственно вести себя подобно библейским героям. А не имея под рукой искусствоведческих комментариев, можно только поражаться как словам, так и поступкам персонажей – в которых очень легко почувствовать фальшь и неестественность.

Но раз обывательский подход к этим произведениям неприменим, то можно предположить, что Звягинцева интересует не обобщённый образ нынешней российской семьи, а некое абстрактное представление об этом понятии, полное аллюзий, но лишённое конкретики. Подобный взгляд, как показывает весомый фестивальный успех этих работ, не просто допустим, но и пользуется значительным успехом по всему миру: максимальная условность происходящего помогает зрителям из разных стран соотнести «голую» историю со своими реалиями.

Куда более предметны следующие фильмы режиссёра. Героиня Надежды Маркиной в «Елене» замужем за обеспеченным человеком не по любви, а простоты ради: он в возрасте, ему удобно иметь рядом человека, который и накормит, и измерит давление, и которого при этом не надо уговаривать лечь с ним в постель (последнее выгодно отличает жену от приходящей медсестры или кухарки). Елена для него функциональна; но и к Владимиру у женщины – отнюдь не любовный интерес. Этой семьёй правят деньги: у одного они есть, у другого – безработного сына Елены – их нет и никогда не предвидится. За свою семью, впрочем, родственников супруги Владимир не считает: он женился на ней, а не на них, а потому не собирается волочить их за собой «мёртвым грузом». Противоречие разрешается просто: в нужный момент дав сердечнику противопоказанную таблетку, героиня убивает уже ненужного ей муженька, подчистую выгребая сейф и вскоре переселяя в богатую квартиру своё настоящее семейство. Такие времена, такие нравы.

Главные герои «Левиафана» – муж и жена, его подрастающий сын от первого брака и друг семьи, оказывающийся, как вскоре мы понимаем, любовником Лили. «Люблю тебя», – говорит ей супруг. «Я знаю», – отвечает она. Кратко и ёмко: не взаимное «Я тоже», а «Я знаю». Они вместе, но полного единства нет, нет гармонии. Но нет её и в отношениях с другим мужчи-

ной. События последних дней – не только семейные – подводят отчаявшуюся женщину к крутому обрыву.

То, что случилось с сыгранной Еленой Лядовой Лилей, можно интерпретировать двояко: убийство или самоубийство? Фильм не даёт однозначного ответа, свои «за» и «против» имеются у каждой трактовки. Однако сам режиссёр – уже за пределами кинозала – даёт всё же понять, что смерть была именно Лилиным решением: склеить разбитую семью ей оказалось уже не по силам. Так ли это? Можно спорить. В любом случае очевидно, что трагическое мировоззрение автора не дозволяет счастливому финалу проявиться в принципе. Но является ли его пессимизм диагнозом всему российскому обществу?..

В настоящее время Звягинцев ещё только снимает свой пятый большой фильм – «Нелюбовь». О сюжете известно пока крайне мало, но и одной строчки понятно: семья снова в центре его внимания. И вновь – семья расколотая: супруги готовы уже разводиться, как вдруг пропадает их сын, двенадцатилетний Алёша…

Семья поставлена и в центр всех комедий Жоры Крыжовникова: «Горько!», «Горько! 2», «Самый лучший день», каждая из которых стала заметным кассовым хитом в российском прокате. В первом из этих фильмов Ромка и Наташа собираются пожениться, да вот ведь какая беда: молодые хотят справить свадьбу по-своему, по-современному, на берегу моря, в то время как родители невесты настаивают на традиционном гулянье – с тамадой, в ресторане. Притирка «старого»» и «нового» не обходится без катастрофических накладок – как и притирка одной семьи ко второй. Узнаваемость и характеров, и ситуаций, тот «русский дух», что безошибочно был пойман создателями ленты, а главное – незыблемая в своей простоте идея, что лишь в семье, в родных и близких людях – твоя самая верная опора, – всё это привело к большому успеху картины у самого широкого зрителя (широкого, правда, по нынешним меркам, далёким от советских).

Следующая встреча с полюбившимися героями состоялась уже на поминках, пусть и фальшивых: семья сплочённо прикрывает своего проштрафившегося члена, якобы провожая его в последний путь – под его же собственные указания. Крыжовников признавал, что ему особенно интересно это состояние наивысшего эмоционального подъёма в человеке – будь то в радости или в горе. Свадьба и похороны – два события, которые традиционно хотя бы на день-другой объединяют порой даже не самых близких родственников. Ещё один вариант – рождение ребёнка; но хотя молодые герои уже и задумывались об этом, кинематографисты с третьей серией «Горько!» не спешат – обдумывая, видимо, новые шутки.

Поэтому «Самый лучший день» – снова про свадьбу, только несостоявшуюся. Не успел Петя Васютин сделать своей избраннице Оле предложение, как тут же изменил – с гламурной разлучницей. «Не специально. Повезло, понимаешь», – считает персонаж Дмитрия Нагиева, ещё не понимая: упустить истинную любовь – легко, вернуть, испросив прощения, куда труднее.

Любопытно, что в основе этой картины лежит пьеса классика российской драматургии Александра Островского «Старый друг лучше новых двух». Перенеся действие в наши дни, Крыжовников лишний раз подчеркнул: в вещественном плане жизнь, конечно, за полтора века сильно изменилась, но в корневой сути своей человек остался таким же. Как говорится, на то она и классика, чтобы быть не просто вечной, но вечно актуальной.

Семейную тему режиссёр на сей раз подчеркнул насыщенным музыкальным фоном – который здесь и не фон уже даже, а стержневой элемент: популярные шлягеры искусно вплетены в сюжет, дополняя его и развивая. «Пусть мама услышит, пусть мама придёт», – водят герои хоровод вокруг сыгранной Инной Чуриковой матери. «Спасибо за сына и за дочь», – запевает, было, Михаил Боярский свою пронзительную песню, но обрывается – оставляя её на финал, где она прозвучит уже во всю мощь, в индийском стиле да с танцами.

Романтическая комедия, ромком – один из наиболее популярных киножанров не только у нас, но и во всём мире. Его суть (если совсем упрощённо) сводится к строчкам из другой известной песни: «Люди встречаются, люди влюбляются, женятся». Как правило, третья стадия достигается киногероями уже в финале картины. Но если фильм становится популярным, то у него рано или поздно появляется сиквел, продолжение – который уже в полной мере попадает под нашу «семейную тему».

Из числа прочих можно выделить две трилогии, к созданию которых приложил руку Марюс Вайсберг, в пяти случаях из шести выступивший в качестве режиссёра. Но «Любовь в большом городе» и «8 первых / новых / лучших свиданий» объединяет не только его фамилия в

титрах. В основе этих лент лежит некое волшебство, сперва помогающее героям встретиться и влюбиться, а потом коварно их разлучающее, дабы они в полной мере проявили себя, преодолев все возникшие на пути друг к другу препятствия и воссоединившись в итоге со своими избранниками. Принципиальное различие разве лишь в том, что «Любовь в большом городе» ищут и обретают три пары, а «Свидания» случаются у одной. Вывод всякий раз одинаков: коль уж нашёл свою любовь, так береги её пуще зеницы ока, а случись беда – борись что есть сил, не сдавайся! «Счастье не любит, когда к нему привыкают. Счастье любит, когда им дорожат», – мораль, подходящая для любого из этих фильмов.

Однако последний из них – «8 лучших свиданий» – выверенную концепцию нарушил. Во-первых, он напрочь лишён волшебства (в том числе, увы, и художественного). Во-вторых, постоянный персонаж Владимира Зеленского здесь почему-то женат не на героине Оксаны Акиньшиной из первых двух серий, а на Маше с лицом и формами Веры Брежневой – из чего выходит, что предыдущая битва за истинную любовь была им, получается, проиграна. (В реальности всё куда прозаичнее: у артистов не сошлись графики съёмок, и создатели ленты цинично «развели» полюбившуюся зрителям пару, лишь бы успеть выпустить кино к очередному 8 Марта – такая вот получилась у них «любовь», беспринципная.)

Но суть сюжета не в прошлом героя, а в его настоящем: Никита узнаёт, что смертельно болен – и, вместо того чтобы мирно провести с семьёй оставшееся ему время, начинает подыскивать любимой супруге... нового мужа. Ну чтоб она не осталась одна, чтоб было кому позаботиться о ней после его преждевременной кончины. Причём Маше он правду не говорит, а свои поступки никак не объясняет, выставляя её тем самым словно бы на продажу: «Не жена – подарок судьбы».

В какой-то мере эта «комедия» заимствует центральную идею из душещипательной мелодрамы «Я буду рядом» Павла Руминова, только безжалостно её опошляя. В том фильме новую семью для маленького сына искала умирающая мать: ей, растившей мальчика в одиночку, было предельно больно отдавать его чужим людям, но Инна понимала: ещё немного – и Митю попросту ждёт детский дом. Но пока ему всего лишь шесть лет, его ещё можно обмануть во благо, передать второй маме без риска нанести непоправимую психологическую травму. Интересы ребёнка ставятся героями очень светлой (при всём трагизме) картины во главу угла; но в «8 лучших свиданиях» Маша никак не похожа на несмышлёныша, за которого необходимо принять столь ответственные решения. А потому все «заботы» Никиты отдают несусветной фальшью, не позволяя сочувствовать надуманным сюжетным коллизиям.

Чего, конечно, не скажешь о картине Руминова, незамеченной, увы, широким зрителем, но являющейся, безусловно, одной из ярчайших работ последних лет как в контексте рассматриваемой нами темы, так и во всём российском кино. «Я буду рядом» – лента сверхэмоциональная и порой даже «спекулятивная»: ведь зритель волей-неволей проникается жалостью к персонажу, которому суждено вскоре покинуть эту землю. Но, к чести автора, здесь соблюдён баланс между «можно» и «нельзя», а сюжет с его неожиданным ракурсом раскрывается во всём кинематографическом блеске. И мать, сыгранная Марией Шалаевой, становится Героиней в подлинном смысле этого слова: то, что она сделала для сына, иначе как подвигом и не назовёшь. Подвигом самоотречения, подвигом самопожертвования. Закрыв дорогу собственным чувствам, Инна сделала всё, чтобы её Митя не страдал – найдя для него тех, кто готов будет отдавать мальчику всю ту любовь, что он не сможет уже получить от ушедшей в мир иной матери.

Другой взгляд на семью Руминов предлагает в картине «Статус: свободен», которую можно назвать своеобразным «анти-ромкомом», благо завязка здесь не встреча, а расставание. Афина решила уйти от Никиты, Никита попросил дать ему семь дней на то, чтобы попытаться восстановить отношения. У него не получается, но финал всё равно оптимистичен: была одна потенциальная (ещё не зарегистрированная загсом) «ячейка общества», стало две – каждый нашёл свою новую половинку, чем же плохо?.. Такова лёгкость «высоких отношений» в эпоху социальных сетей – к этому выводу изначально и отсылает название фильма.

Автобиографические мотивы пропитывают совсем новую работу режиссёра – но «Машина любви» уже не драма и не комедия, а «лирический порнофильм»: душевные переживания не отделены здесь от столь же интимных моментов физической близости. Для российского кино эта лента, конечно же, исключение: открыто говорить о сексе как о весьма существенной се-

мейной «скрепе» у нас по-прежнему не принято.

Разрушить этот барьер попыталась Оксана Бычкова, включившая в свой фильм «Ещё один год» три протяжных любовных сцены – как связующую цепь для столь непохожих, казалось бы, людей: Егор – простой парень, бомбила, Женя – бильд, сотрудница модной редакции, переживающая в сердцах, что с ним она «деградирует». Но наступает ночь – и все размолвки растворяются в жарких объятьях. Доверившись режиссёру, Надежда Лумпова и Алексей Филимонов совершили, можно сказать, актёрский подвиг, дабы показать непроговариваемое: помимо «родства душ», есть и другая, не менее весомая причина для того, чтобы быть вместе.

В основе ленты – заново пересказанная знаменитая пьеса Александра Володина «С любимыми не расставайтесь», которую можно и не узнать: говорят и живут герои иначе. Неизменной осталась та щемящая нотка, которая заставляет нас сопереживать этим молодым людям. У них всё было хорошо, но мелочи жизни, нелепые взаимные обиды всё-таки привели однажды к отчаянному крику: «Давай разводиться тогда!» «Давай», – последовал отрывистый жёсткий ответ. «Мы разводимся по техническим причинам», – смеётся он, щедро взяв на себя оплату госпошлины, 450 рублей с каждого. «Что, ты, типа, угощаешь?» – шутит и она, пока не осознавая, как больно будет им обоим после расставания.

«А куда они пошли?» – спрашивает одна свидетельница пылкой ссоры двух влюблённых у другой. «А тут одна дорога – на сеновал», – этот игривый намёк – максимум, что может позволить себе ещё один ромком с более чем подходящим для нашего разговора названием: «Срочно выйду замуж» (реж. Сергей Чекалов). Производственная необходимость в недельный срок завести супруга (главный редактор семейного журнала может быть только семейным) делает выбор героини Юлии Ковальчук предельно безответственным: её судьба зависит теперь от брачного агента. В соответствии со своим сюжетом фильм получился столь же пустым, хотя и эта пустота заставляет задуматься: что хорошего может быть в том, что успешная карьера для женщины оказывается много важнее счастья в личной жизни?..

Этой пустотой грешат многие наши картины: поверхностный взгляд на вещи предпочтительнее глубины, которая будет «грузить», а не развлекать зрителя. Можно, конечно, сколько угодно заявлять, что это неправда, что «наш зритель умнее» и это не он «виноват», а отсутствие достойного предложения... Но многие ли видели тот же «Ещё один год» – быть может, важнейший фильм про семью во всей нашей подборке?..

Комедия Эдуарда Оганесяна носит непатриотичное название «Дабл трабл» (видимо, это такая попытка угодить «взыскательному» зрителю, не приветствующему всё отечественное), но забавно другое. Сюжет ленты, в принципе, банален: мужчина лет сорока неожиданно для себя узнаёт, что у него есть не только дочь, но уже и внук – и вынужден с этими двумя обстоятельствами как-то примириться. Нет, конечно, по правилам жанра он сперва отчаянно сопротивляется своей новой «семье»: Роман – холостяк, свободная птица, но как раз сейчас у него назревают серьёзные отношения со знающей себе цену начальницей; мысль, что его наглым образом обманывают, не кажется ему неразумной. Разумеется, финал будет счастливым – и тест на ДНК даже не будет, кажется, должным образом прочитан.

Так вот, примечательно здесь то, что в основе даже такой – не блещущей новизной – истории лежит не российский сценарий, а ... корейский! Потому как фильм этот – ремейк популярной в Южной Корее комедии 2008 года «Скандалисты»... С одной стороны, в этом можно найти даже плюс: хватит нам уже тянуть идеи из Голливуда, давно пора обернуться на Восток. Но с другой – очевиден прискорбный факт: даже разрабатывая такую самую родную, казалось бы, тему, как тема Семьи, наши кинематографисты нет-нет да и тянутся за чужой подсказкой. Полагая, что «списать» – и легче, и лучше, чем сочинять что-то своё, самобытное, пропитанное собственными наблюдениями и чувствами...

Впрочем, всегда есть время и возможность «исправиться» – и «Завтрак у папы» в постановке Марии Кравченко уже позиционируется перед зрителями как нечто оригинальное, хотя сюжет, кажется, тот же: на пороге пентхауса, в котором проживает герой Юрия Колокольникова, оказывается девочка Аля: мол, здравствуйте, я ваша дочка... Желающие могут сравнить два произведения и найти в них, допустим, десять принципиальных отличий.

В Год российского кино «флагманом» семейной темы выступает комедия Дмитрия Дьяченко «СуперБобровы», моральный посыл которой вслух проговаривается персонажем Романа Мадянова: «Всё надо делать вместе – и тогда всё получится». Падение метеорита превратило отнюдь не самых дружных Бобровых в суперге-

роев: одна дочь летает, другая становится невидимой, внучка гнёт железные прутья, глава семейства телепортируется. Единственное обязательное «но»: все эти чудеса возможны только в том случае, если вся семья находится в сборе. И вот Бобровы, ещё недавно мечтавшие о том, чтобы побыстрее разбежаться в разные стороны (умирающий дед и вовсе просил на прощание передать всем родным, чтобы шли в ж...), постепенно приучаются не только находить выгоды, но и получать радость от общества друг друга. Бодрая песня на финальных титрах подытоживает: «Дружные семьи – России основа, / СуперРоссия – суперБобровы».

Жаль только, что при столь занятной идее воплощение подкачало: фильм получился так себе – и не смешной, и не зрелищный. Тем не менее зрители у картины были – и уже готовится её продолжение.

Трепетность отношения отечественных кинематографистов к теме семьи с головой выдаёт драма Олега Асадулина «Зелёная карета», главный герой которой и сам – кинематографист. И не абы какой – а самый что ни на есть успешный: фестивальный любимчик, номинант от России на «Оскар»!.. Но при этом – бабник, циник, тот ещё гад. Нет в нём внутри духовной скрепы, и на чём только держится этот (весьма условно обрисованный) талант – непонятно. Любящей жене не изменяет напропалую, с подросшим сыном контакт давно потерял, набравшие его телефонный номер натыкаются на автоответчик: «Если вы уверены, что всё ещё хотите иметь со мной дело, оставьте сообщение».

Самоубийство недозвонившегося до него сына переворачивает всё с ног до головы. Уверенный, что раз он режиссёр, то лучше всех разбирается в психологии, герой весь фильм ищет виноватых – если не убивших, то подтолкнувших подростка к смертельному прыжку, не подозревая почему-то самого себя, в упор не видя первоисточника бед. «Скатертью дорога», – плюёт он вслед ушедшей жене, отказываясь ценить даже то последнее настоящее, что у него оставалось.

Свою жизнь Вадим Раевский переживает как съёмки: ему всё видится, что со стороны за ним наблюдает съёмочная группа, во главе которой – он сам, постановщик собственной трагедии; в конце концов даже его дом оказывается всего лишь картонной декорацией. А ведь говорила ему жена Вера, предупреждала: «Когда-нибудь ты проснёшься и поймёшь, что это не кино, это жизнь. Смотри только, чтобы не было поздно». Не внял, пропустил мимо ушей, опоздал. Приговор получен на диске: вгиковец-сын сдал смонтированную хронику семейного раздора в качестве курсовой работы.

Условность доведена до предела: финал позволяет Раевскому всё переиграть в «актёрском дубле». «Здравствуй, сынок, как хорошо, что ты позвонил», – тут же отвечает он на звонок, и зритель вздыхает с облегчением: не нужны нам никакие «Оскары», был бы мир в доме да счастье в семье.

Раскрыта ли тема? Допустим. Но веришь ли фильму? Нет. Реализм, психологизм, подлинность переживаний – это всё не про «Зелёную карету». Видно, что Андрей Мерзликин, хороший актёр, старается изо всех сил, пытаясь и понять, и простить своего окостеневшего персонажа – но нет ему помощи ни в полном условностей сценарии, ни в чём-либо ещё, из чего складывается полноценная кинокартина. Так что тема есть, но правды – нету.

Другое дело – фильмы Николая Лебедева, безусловного лидера нашего «зрительского кино». В контексте данного материала просто нельзя не упомянуть уже проверенную временем «Легенду №17» и недавний «Экипаж». Обе ленты тему семьи разрабатывают разве что косвенно, внешне они совсем о другом – о хоккее и об авиации. Но семья – это тот обязательный тыл, без которого не могут жить и дышать герои.

Да, прославленный хоккеист Валерий Харламов сбежал от своей «бронебойной» матери – но никуда не делся от родни, которая по-прежнему болеет за него, переживает его спортивные успехи как собственные. У персонажа того же Данилы Козловского в «Экипаже» непростые отношения с отцом: «Дальний родственник», – говорит тот о сыне. Похожая реплика вложена и в уста Владимира Машкова: «Да какой родственник – сын», – ибо сын – балбес и неуч, что хорошего о таком скажешь. Сцепляет мужчин жена и мать – та тонкая, но прочная нить, что не даёт их семье развалиться.

Своими картинами Лебедев доказывает, что о самом важном необязательно кричать громко: порой достаточно нескольких (просто максимально точных) штрихов – и всё будет с предельной ясностью понятно. У Победы много неотъемлемых составляющих: и личные качества, и опыт, и умение работать в команде... Но без Семьи – никуда, это – незыблемая основа.

Продолжать перечисление можно ещё долго. Можно вспомнить и про осуществлённую Александром Велединским экранизацию романа

Алексея Иванова «Географ глобус пропил», где муж решает развеять семейную скуку, намеренно сведя жену с любовником, чтоб та выпустила пар и поостыла. И про трагедию Олега Погодина «Дом» – про проживающее (и погибающее) вместе огромное семейство. И про комедии Ярослава Чеважевского «Мама дарагая!» (ошибка в заголовке сознательная) и Александра Войтинского «Джунгли»: в первой чересчур бдительная мать «забивает» своей заботой инфантильного сына, во второй семейный кризис преодолевается на необитаемом острове под слоганом «Любовь – это война!».

А уж отмотать назад десяток-другой лет – то тут и два «Брата» Алексея Балабанова, и примкнувшие к ним «Сёстры» Сергея Бодрова-младшего, и «Свои» Дмитрия Месхиева, и «Мама» Дениса Евстигнеева!.. То есть то кино, которое ещё недавно было «новым», а сейчас уже числится современной классикой. Другой напрашивающийся разворот – в сторону телеэкрана, предлагающего самые разнообразные семейные истории: от рассчитанных на широкую аудиторию сериалов СТС «Папины дочки» и «Воронины» до более «точечных» проектов ТНТ: «Измены», «Сладкая жизнь», «Озабоченные» (и это не говоря о бесчисленных телесагах «России» и Первого канала).

Но надо когда-то поставить уже точку. Если перефразировать Льва Толстого, сумевшего вместить всё самое главное по «семейному вопросу» в одну-единственную фразу, то можно сказать, что все фильмы про счастливые семьи в чём-то похожи друг на друга, в то время как каждая несчастливая семья несчастлива как в нашем, так и в мировом кино по-своему. Но полного единства в дискуссии о том, как преломлять в художественном свете семейные радости и проблемы, нет: интерес к теме налицо, а внятные директивы до сих пор никем не получены. Поиски как велись, так и ведутся, плохие ленты сменяются хорошими, посредственные – талантливыми. И уже сам факт этого непрерывного процесса говорит о том, что «застоя» в этом деле у нас пока не наблюдается.

□

Максим МАРКОВ

родился в 1979 году,

детские и школьные годы провёл в Петрозаводске.

Окончил Российский университет дружбы народов,

живёт и работает в Москве.

В последние годы сотрудничает

с онлайн-изданиями «Ридус» и «Настоящее кино».

Настоящий материал — продолжение разговора, начатого статьёй «Страна чудес или страна обмана: образ Отчизны в российском кино» («Север», №1-2, 2016 год).

Владимир ЮРИНОВ
г. Андреаполь Тверской области

Владимир Валентинович ЮРИНОВ

родился 12 мая 1963 года в г. Киеве.

Окончил Черниговское ВВАУЛ в 1984 г.

Проходил службу на Дальнем Востоке (Орловка), в ЗГВ (Германия, Дамгартен), с 1994 г. – в г. Андреаполе, с 2004 г. в г. Курске, где закончил служить в 2005 г.

Летчик-истребитель, военный летчик 1-го класса.

Автор пяти поэтических сборников и двух книг прозы.

В журнале «Север» публикуется впервые.

«Уже от лета подустали травы...»

ПОГРАНИЧЬЕ

Уже от лета подустали травы,
уже прохлады больше, чем тепла,
и в камышовой шерстяной оправе
дымится чернь озёрного стекла.
С плащей берёз слетающие искры
вдруг подожгли соседский бересклет;
их шумный строй за вольнодумство мыслей
приговорён к срыванью эполет.
И бравый жёлудь, глянцево-зелёный,
лежит, упав практически с небес,
своим законным правом наделённый –
не знать свиньи, что завтра его съест.

И дым горчит почище самосада,
то жгут ботву пока, но не листву,
и можно слышать, встав под своды сада,
плодов библейских полновесный стук.
И дуре-смерти не попав под траки,
вольно в чертоги осени вступать,
стогов пузатых межевые знаки
увидеть, подойти и миновать.
И только-то всего, что остаётся –
под верстовым столбом сгрузив весь хлам
и подмигнув негреющему солнцу,
шагать жнивьём к белёсым небесам...

* * *

Хрустели лужи, серебрились
в листве асфальтовые дыры,
на белом фоне тени длились,
и было солнечно и дымно,
и пахло горько и тревожно,
а синева была промыта,
и груда ранцев на дорожке
была заброшена, забыта.
Ребрились тени и качались,
рисунок непонятный ткали,
дымы, проворные вначале,
по парку вяло растекались,
слоились, плавали, внушая
вещественность структуры света,
и с шумом, хохотом, шуршаньем
ватага поджигала лето...

С трудом скрывая злую зависть,
топча серебряное стремя,
зима белёсыми глазами
поверх домов на них смотрела...

* * *

Мы, выпрямив спину, зовём себя Homo.
Особенность вида – нас тянет из дома.
Поскольку даны нам с рождения ноги –
постольку зовут нас и манят дороги.
Они – то в асфальте, то – в пенной стремнине,
то тонут в голодной болотной трясине,
то горной тропою крадутся по краю, –
дороги, которые мы выбираем.
Но вот – перекрёсток. Здесь торг неуместен.
Кто крест выбирает, а кто – перекрестье.
Кто гонит в пороги, кто копит пороки,
по тьме и по свету ведут нас дороги.
По тьме и по свету, то чаще, то реже,
кто – чёрен, как ворон, а кто – белоснежен,
а кто – просто сер, ведь и серой бывает
дорога, которую мы выбираем.
А где-то, по звёздной росе серебристой –
тугой ипподромной раскатистой рысью –
свой бег выверяя механикой строгой,
наш шарик несётся своею дорогой.
И мы у него на загривке трясёмся
вдоль млечной реки, за поджаристым солнцем,
смеёмся и плачем, и слёзы стираем,
и строим дороги, и их выбираем.

* * *

Закат вступает piano и затакт –
со слабой доли, тонкими мазками.
Подтаявшая за день мерзлота
слипается в уродливые камни.
В бездушье обезлюдевшей глуши
блуждает эхо, тычась в подворотни.
Слепой вороной, перья распушив,
взлетает тьма – испить закатной крови.
Сникает день, стекая мимо тем.
И ночь тиха стихами...
И дорога...
И город спит во тьме и немоте,
отгородившись крышами от Бога...

* * *

Жёлтый лиственный шёпот
душу шёлково лечит.
Не случаются что-то
неслучайные встречи.
Умножаются «если»,
вычитаются мысли,
не слагаются песни –
слагаются числа.
Всё слабей над рекой
круговерть листовая.
В ожиданье покоя
река остывает.
Сруб, когда-то янтарный,
посерел, посуровел,
и – морщинами – тайны
по шиферной кровле.
Только в доме, как прежде,
непреклоннее даже:
оркестровка пусть реже,
но мелодия – та же.
Тихий потреск каминный,
пар над чашечкой кофе
и над полками – чинно –
корешки философий...
И пускай над рекой
кружат вьюжные феи –
короб дров под рукой,
вдоволь зёрен кофейных...
Вычитаются встречи,
не случаются мысли,
обозначились резче
последние листья,
обагрилась рябина,
град шарашит по грядкам.
Но покуда в камине
есть огонь – всё в порядке.

ЗАВЕРШЕНИЕ

Чёрный лес на белом снегу,
фиолетово-серо над ним –
вот пейзаж, который могу
завершить движеньем одним:
тонкой кисточкою, слегка,
лишь одну добавлю деталь –
точку странника, по снегам
уходящего вдаль...
вдаль...

Вера СЕРАФИМОВА
г. Москва

Связь человека с другими людьми, поиски пути к счастью...

Общее в прозе Андрея Платонова и Юрия Казакова

Юрий Павлович Казаков родился на Арбате, в семье рабочего и медицинской сестры. В семилетнем возрасте пережил арест отца, реабилитированного в 1956 году. Получил музыкальное и филологическое образование. Основой для художественной прозы писателя, замечательных его рассказов и повестей послужили любовь к Северу, к его несметным просторам с величественной природой, встречи с людьми в рыбацких поселках и деревнях с их открытостью и любовью к труду, заложенные в мир впечатлительного подростка и юноши во время поездок к отбывавшему там ссылку отцу, пребывание во время каникул на Беломорье. Впечатления от природы, от людей, увлечение охотой, атмосфера покорения пространства станут основными темами его творчества.

Рассказы и повести были собраны и изданы после окончания Казаковым Литературного института им. А. М. Горького в ставших теперь знаменитыми сборниках «Манька», «На полустанке», «По дороге», «Голубое и зеленое», «Запах хлеба», «Калевала», «Осень в дубовых лесах». Проза писателя привлекла вскоре после публикации внимание и читателей, и критиков, и литературоведов на фоне знаменитых произведений «шестидесятников» – В. Аксенова, Е. Евтушенко, Ю. Нагибина. Теплые отзывы на сборники, на прозу Ю.Казакова прозвучали в статьях К. Г. Паустовского, Ю.К.Олеши, И. Г. Эренбурга, Ю.М. Нагибина, М.А. Светлова, В.Б. Шкловского, В.Ф. Пановой. Товарищ Казакова по путешествиям на Беломорье поэт Е. Евтушенко назовет Казакова автором «...нежных дымчатых рассказов». Но отношение в редакциях к прозе Казакова не было однозначным, и не всегда его рассказы и повести торопились публиковать, так как в них не было той острой социальности, которую насаждала цензура.

Один из первых рассказов, принесенных Казаковым в редакцию журнала «Новый мир», был отклонен главным редактором журнала А.Твардовским, отметившим «талантливость и наследование писателем бунинских традиций». Идеологической основой журнала в тот период были ценности либерализма и демократического социализма. В начале 1970 года идейный лидер этого направления в тогдашней общественной жизни Александр Твардовский после долгой травли ушел в отставку с поста главного редактора, редакция была уволена.

Во времена перестройки (конец 1980-х годов) тираж журнала благодаря публикациям в нем ранее запрещенных произведений («Доктор Жива-

го» Бориса Пастернака, «Котлован» Андрея Платонова, «1984» Джорджа Оруэлла, но особенно – произведений Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Раковый корпус») вырос до фантастических цифр. Тираж первого номера за 1990 год, например, равнялся 2660000 экземпляров. И уже в 2000 году по случаю 75-летия со дня рождения писателя и двадцатилетия со дня его смерти редакцией журнала «Новый мир» и Благотворительным резервным фондом была учреждена премия Юрия Казакова за лучший рассказ, написанный на русском языке и изданный в России.

В большинстве своих рассказов и повестей Казаков предстает как лирический писатель, как певец природы и человека, постигший самое сокровенное в человеке – величие, богатство его души, осознание долга и ответственности. От книг писателя исходит тихий свет, музыка, страсть к чистой, тонкой красоте и призыв к гармонии, совершенной, естественной жизни. Художественное совершенство его произведений потрясает. По утверждению критика М. Холмогорова, рассказы и повести писателя «…будут жить, пока жив русский язык, без них нет нашей литературы XX века».

В своих замечательных повестях и рассказах Казаков размышляет о путях выхода к гармонии, к согласованной жизни, пытается дать ответы на важнейшие вопросы бытия человека, остро ставит проблему человеческого счастья. «До сих пор я не выделял себе какую-нибудь проблему особенно. Мне кажется, что каждый писатель, имеющий смелость причислить себя к настоящей литературе, занят всю жизнь одним и тем же кругом проблем. Счастье и его природа, страдание и преодоление их, нравственный долг перед народом, любовь, осмысление самого себя, отношение к труду, живучесть грязных инстинктов – вот некоторые из проблем, которые меня занимают. Эти же проблемы, по-разному поставленные, я постоянно встречаю в произведениях всех наших наиболее талантливых прозаиков и поэтов», – таким был ответ Ю. Казакова на вопросы анкеты журнала «Вопросы литературы».

Проблематика, интересующая Казакова, входит в проблематику классиков русской литературы: Л.Н.Толстого, И.А.Бунина, А.П.Чехова, А.Платонова, это проблема «смысла отдельного и общего существования», по выражению А.П.Платонова. Кредо писателя Казаков выразит в рассказе «О мужестве писателя»: «Все вместе вы хотите одного – чтобы мир стал лучше, а человек человечнее. У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь. Но у тебя есть твоя правда и твое слово. И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на свои несчастья, неудачи и срывы, все-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь должна быть лучше».

Наследование Казаковым традиций Андрея Платоновича Платонова было отмечено еще в 1962 году русским, советским критиком, доктором филологических наук Александром Алексеевичем Ниновым (1931–1998): «Литературные связи Юрия Казакова гораздо более современны, чем это принято считать. Кроме Пришвина и Бунина, вообще сохраняющих немалое влияние (пусть избирательное) на русскую прозу наших дней, Юрий Казаков многим обязан Андрею Платонову, Константину Паустовскому, северному художнику С. Писахову, о котором он отзывался в печати с большой любовью».

География рассказов писателя-москвича, родившегося на Арбате, – Русский Север, открытый когда-то М. Пришвиным в его книге «В краю непуганых птиц» и возвращенный нам через десятилетия в непревзойденных строках прозы-поэзии Ю.Казакова с красками, запахом, говором, с зорями, с белыми ночами Севера, с красотой его людей – «поморками», «маньками», с их чувством достоинства, могучих «Несторов» с их жизнестойкостью, умеющих трудиться «ловко», «разумно», любящих землю, любое дело, какое они делают.

Именно с Ю.Казакова «деревенская проза» начинает новый виток, который развернется в повести В.Белова «Привычное дело» (1967), в романах «Кануны. Хроника конца 20-х гг.» (1988), «Год великого перелома» (1991–1994). Не зря год издания «Привычного дела» Ф. Абрамов ознаменовал как «год Василия Белова». А ведь эта повесть В.Белова во многом была предопределена уже «Северным дневником» Ю. Казакова, его рассказом «Нестор и Кир». Притча бабушки Евстольи, рассказанная ею внукам во второй главе повести «Привычное дело» и повествующая о пошехонцах, – это прямая аналогия с рассказом казаковского Нестора о «лодыре» – мужике Хныке, выявляющим истоки «разрухи» в стране: «Ему, лодырю, в лес некогда съездить, идет к дому, съезд ломает, после поветь, после и совсем весь! (…) Ах, зараза, ах, лодарь, я с батей на зверобойке – он дома в карты играет, я в горах камень ломаю – он с Марфуткой нашей, со шлюхой, водку лакает, последний хомут продает. У нас добыча – у него только го-го-го да га-га-га! Мы косить – он на охоту пойдет. Пойдет на охоту, сапоги последние сотрет, рябка и того не принесет. У нас сено, а он свою корову соломой ячменной кормит. На коровенку его глядеть – сердце изболит (…) А потом колхоз ког-

да организовали, он, этот Хнык, больше всех на богатых наскакивал – как же, беднота-а, язви его душу! И кем же его сделали? (...) Завхозом он стал в колхозе. А как стал, так и совсем спился, все пропил, в Архангельск подался, там, наверно, начальником сделался».

Рассказ, как отмечается в предисловии к журнальной публикации, – «подвергся в свое время грубым редакторским сокращениям и порче, полный текст оставался читателю неизвестным. Рассказ вырос из путевого беломорского дневника Казакова 1958 года, был закончен в 1961-м, но напечатан лишь весной 1965 года в Алма-Ате» («Простор», № 4). Как отмечают Т.Судник и И.Кузьмичева, Ю.Казаков очень дорожил этим рассказом, писал тогда главному редактору «Простора» И. П. Шухову: «Эту главку (Нестор и Кир) я (...) предлагал многим журналам, но ни один не взялся напечатать. Можете поэтому представить мою радость, когда я увидел эту штуку, хоть и с купюрами, напечатанной».

В отечественном литературоведении Ю. Казакова называют мужественным писателем. «Вступая на путь лирической прозы, Юрий Казаков прекрасно осознавал, на что шел. Не случайно его единственное эссе называется «О мужестве писателя». (...) Миллионы рассказов написаны до Казакова, миллионы будут писаться и после него... При чем тут мужество? А при том, что из миллионов сохранятся лишь десятки, оставленные после себя мужественными людьми», – справедливо и верно отметит исследователь и поклонник его творчества М. Холмогоров.

С гордостью и болью повествует «мужественный писатель» устами своего Нестора о *«русской сметке»* жителей Сибири, о том, как Нестор с отцом построили мастерскую – «печуру» – по переработке камня – «громадных серых плит спрессованного песчаника», как «вызнали эти места, где можно легко ее брать», как привозили их с гор ночью, как выкалывали из них «удивительно круглые точила и жернова», как с отцом «запряглись не хуже той лошади», как «со всей России заказы пошли» и как, наконец, раскулачили батю. («Пришла раскулачка, батю на Соловки забрали, очень он яростный был. Меня в колхоз забрили, мастерскую нашу туда же, а на кой она кому нада? Тогда одно надо было – церкву ломать, лошадей принапрягли, да канатом за маковку...»)

Образами своих северных мужиков – «Киров» и «Несторов» – передает писатель нравственные принципы народа – выжить, сохранить в себе человечность, «светлую душу», жить в ладу с совестью, превратить землю в сад. Вслушаемся в монолог Нестора: «Я тут произрос (...) Если б нас таких не трогали, мы бы в гору пошли, – у нас бы тут на Кеге лесопильни стояли бы, холодильни, морозильни всякие по берегу, у нас бы тут дорога асфальтовая была бы, мы бы в Кеге-то, в реке-то бары расчистили б, дно углубили, тут порт был бы! Сколько лесу, рыбы, всяких ископаемых – я с экспедициями ходил, все тут знаю, у меня земля бы в забросе не лежала! (...) А теперь. Я в этом колхозе и не работал никогда, как поглядел, когда батю моего брали, да потом горлопаны эти шуметь стали – то им ловить, то не ловить, а собрались-то самая шваль полоротая, я и подался по экспедициям. То на судне гидрофизическом плавал, то с геологами – сейчас председателю бумагу в зубы: отпускай! Вот так и жил, смотреть не мог, что с деревней сделали!»

Процитированный большой фрагмент текста перекликается со многими, ставшими классическими, строками повестей, романов, рассказов писателей, представляющих «деревенскую» прозу, – и «Привычным делом» В. Белова, и романом В. Астафьева «Царь-рыба», и рассказами В.Шукшина, и тетралогией Ф.Абрамова «Братья и сестры», и повестью «Матренин двор» А.Солженицына. Так же, как и солженицынская Матрена, «могучий Нестор» Юрия Казакова, всю жизнь проработавший (*«не пивши, не евши – это тебе как?»),* будет жаловаться, что он колхозник, что ему шестьдесят один год, что ему «следует пенсия, а вот не дают». «Пензия, пензия», – повторял он на разные лады, и опять я перебирал с ним возможность получения этой пенсии», – отметит герой-рассказчик.

Символично в повести Ю.Казакова «Нестор и Кир» и то, что сын Нестора – Кир – «идиот», «слабоумный», будто в насмешку названный таким звучным сильным именем.

Ю.П.Казаков унаследовал от А. Платонова жажду постижения самого *«сокровенного»* в человеке – богатства его души, включая связи с родной землей, осознания им своего долга и ответственности. Эти проблемы возникают в прозе Ю.Казакова в связи с темой коллективизации и раскулачивания, т.е. того самого грубого насилия одних людей над другими, что и в прозе А.Платонова. В монологе героя рассказа Казакова «Нестор и Кир» (1961) о лодыре, мужике Хныке выявляются истоки разрухи в стране в том же ключе, как они видятся платоновскому герою.

Казаков не мог не прочитать «Котлован» Платонова, опубликованный в России в 1987 году. Мы говорим о родственности произведений, о сходстве типов мышления писателей. При сопостав-

лении процитированного выше фрагмента текста из рассказа «Нестор и Кир» с эпизодом беседы Копенкина с бедняком Недоделанным в романе «Чевенгур» Платонова наблюдаются смысловые параллели. На требование Копенкина о революционном дележе скота платоновский философ из народа ответит: «По-моему, годов через пять выше куры скота ни у кого не будет. Кому охота маток телить для соседа? Да и нынешний-то скот, не доживя веку, подохнет. У того же Петьки мой рысак первым ляжет – человек сроду лошадь не видал, а кроме кольев, кормов у него нету», – и своими трезвыми рассуждениями приведет Копенкина в растерянность.

Казаков вписывает коллективизацию в жизнь деревенского жителя, в быт своего героя. «Кулак – как бы не так! Нас вот с батей разорили, все побрали. Теперь гляди с другой стороны что получается. Деньги, какие у нас были, имушшество, они что ж – с неба к нам упали? Али подарил кто? Иль эти твои бедняки поднесли нам?» – с горечью вопрошает рассказчик.

В своих произведениях «На полустанке», «Запах хлеба», «Голубое и зеленое», «Тихое утро», «Арктур – гончий пес», «Нестор и Кир», «Проклятый Север», «Плачу и рыдаю…», «Осень в дубовых лесах» Ю. Казаков передает в непревзойденных строках прозы-поэзии краски, запахи, говоры, зори, белые ночи, красоту русской земли, красоту Севера и живущих на земле людей с их чувством достоинства, с их жизнестойкостью. Замечателен искренностью лирической исповеди героя рассказ «Осень в дубовых лесах», повествующий о *«счастье взаимного существования»* (фраза Платонова) двоих, любящих друг друга и находящих радость в каждой вместе прожитой минуте: «Я поставил на пол к печке шубу мехом вверх, мы поставили рядом чайник и конфеты, взяли чашки и легли на эту шубу, глядя попеременно то друг на друга, то в розовую топку, на угли, как по ним перебегали огоньки (…) Часа в два ночи я встал в темноте, потому что не мог спать. Мне казалось: если я усну, она куда-то уйдет от меня, я не буду ее ощущать, а мне хотелось, чтобы она была все время со мной и я бы это знал. «Возьми меня в свои сны, чтобы я был всегда с тобой! – хотелось мне сказать. – Потому что нельзя расставаться надолго».

В рассказе «Осень в дубовых лесах» ярко проявляются романтические и импрессионистические черты прозы писателя, реалистической в своей основе, что делает его «поэтом в прозе», «собирателем прекрасных мгновений».

Героев рассказов Ю.Казакова «На полустанке», «Поморка», «Трали-вали», «Манька», «Нестор и Кир», «Плачу и рыдаю», «Свечечка», «Во сне ты горько плакал» роднит с «сокровенными» героями Платонова вслушивание в голоса, в звуки, исходящие от мира, от людей, от природы, постоянная тоска «по иной» – совершенной жизни, любовь к человеку, к своей земле.

В свою творческую парадигму Казаков включает наиболее важные элементы традиции, креативную деятельность человека, ценностные ориентации. Размышления героев о смысле жизни, напряженная внутренняя жизнь, обусловливающая способность человека изменяться, «трансцедировать себя в направлении смыслов» (В.Франкл), предстают в произведениях Казакова как характерная черта русского национального характера.

Герой рассказа Казакова «Трали-вали» бакенщик Егор избалован «легкой, стариковской работой», он очень молод, «но уже пьяница». Относится ко всему «с равнодушием, с насмешкой, ленив необыкновенно, денег у него бывает много, и достаются они ему легко. Моста поблизости нет, и Егор перевозит всех, беря за перевоз по рублю. А в раздражении – и по два».

Вся прелесть рассказа Казакова в том, что герой дан не в статике, как и герои Платонова. Казаков внимателен к переживаниям, ко всем оттенкам чувств своего героя, воссоздает характер во всей его неоднозначности. В общении с природой, в размышлениях герой рассказа «Трали-вали» постигает смысл жизни, и смутное беспокойство охватывает его. Егор «выходит на берег, садится или ложится под кустом», «чутко слушает и смотрит в темноту на отраженные в реке звезды, (…) Притворяться ему в такие минуты не перед кем, и лицо его становится грустным, задумчивым. Томно у него на сердце, хочется чего-то, хочется уехать куда-нибудь, хочется иной жизни». Через описание, внутренний монолог героя рассказа «Трали-вали» передает Казаков богатую духовную жизнь Егора: «Идет мимо него жизнь! Что за звон стоит в его сердце и над всей землей? Что так манит и будоражит его в глухой вечерний час? (…) А ведь прекрасна же его родина – эти пыльные дороги, исхоженные, истоптанные с младенчества, эти деревни – каждая на особицу, каждая со своим говором, со своими девками, деревни, куда так часто ходил он вечерами, где он целовался, прячась во ржах, где дрался не раз до крови, до беспамятства; прекрасен и сизый дым костра над рекой. (…) Прекрасна и осень с ее скукой, дождиком, с пахучим, ночным ветром. (…) Так почему же просыпается он, кто зовет по ночам его, будто звездный крик гудит по реке: «Его-о-ор!» И

смутно и знобко ему, какие-то дали зовут его, города, шум, свет. Тоска по работе, по настоящему труду – до смертной усталости, до счастья!» Отметим, что Казаков не мог прочитать роман Платонова «Чевенгур», опубликованный лишь в 1988 году, но сегодня мы можем выявить явные переклички в характеристике персонажей. Монолог героя из рассказа Казакова «Трали-вали» обнаруживает переклички с характеристикой Саши Дванова из романа Платонова «Чевенгур», наделенного автором такими качествами, как неравнодушие к миру, стремление к *«счастью взаимной жизни»* и *«деланию», прислушивание к голосам, исходящим от мира:* «Как и каждого человека, его *(Дванова. – **В.С.**)* влекла даль земли, будто все далекие и невидимые вещи скучали по нем и звали его». Прямая перекличка между героями Ю.Казакова и А. Платонова выявляется при сопоставлении фрагментов текстов как в изображении духовного богатства, напряженной внутренней жизни человека, его характерных черт, так и в использовании однородной лексики, слов и выражений, совпадающих почти слово в слово – *«даль земли», «влечет даль земли», «дали зовут», «счастье», «счастье взаимной жизни».*

Процитированный фрагмент текста из рассказа Ю. Казакова «Трали-вали» вызывает аналогии и со стихотворениями А.Платонова «Я сердцем знаю», «Вечерние дороги», в которых через образ музыки Платонов передает слитность человека с природой. Показательно и то, что стихотворение «Вечерние дороги» Платонов включил в книгу «Поющие думы»:

Звезды вечером поют над океаном,
Матерь Бесконечность слушает одна.
Наклонился к миру месяц-странник,
И душа ему моя видна.
О прохладные вечерние дороги
И дыханье – музыка моя!
Песня в поле жалуется долго,
Плачут звездами небесные края.
Все слова таит душа незримая,
Нету ей ни хлеба, ни воды.
Наклонись ко мне, моя любимая,
Мне не перенесть ни песни, ни звезды.

Рассказ Казакова «Трали-вали» с его героем, певцом-забулдыгой рассматривается в литературоведении как одна из аналогий тургеневского рассказа «Певцы». И в рассказе Ю. П. Казакова, и в рассказе Ивана Сергеевича Тургенева повествуется о таланте русского человека, необъяснимом, загадочном, прорастающем из самой души. «И при первых же звуках его голоса мгновенно смолкают разговоры – непонятно, с испугом все смотрят на него! Не частушки поет он и не современные песни, хоть все их знает и постоянно мурлычет, – поет он на старинный русский манер, врастяжку, как бы неохотно, как бы хрипловато, как, слышал он в детстве, певали старики. Поет негромко, чуть играя, чуть кокетничая, но столько силы и пронзительности в его тихом голосе, столько настоящего русского, будто бы древнебылинного, что через минуту забыто все – грубость и глупость Егора, его пьянство и хвастовство, забыта дорога и усталость, будто сошлись вместе и прошлое и будущее, и только необычайный голос звенит, и вьется, и туманит голову, и хочется без конца слушать, подпершись рукой, согнувшись, закрыв глаза, и не дышать и не сдерживать сладких слез», – писал Казаков.

Точное определение стиля прозы, выразившегося в его музыкальности, дал Игорь Георгиевич Штокман в своих статьях «Адам и Ева», «Долгое эхо»: «Зачаровывала и трогала душу уже сама мелодика его письма, – пишет он, – это будто песенная основа, строжайше выверенная тонким, чутким внутренним слухом и безукоризненно выдержанная <...> Тембральный писатель», – сказали мне как-то о нем, и я понял, что имел в виду мой собеседник. Это переливы голоса, долгое, почти певческое дыхание, когда фраза тянется, длится, переходит из строки в строку, а замерев, отозвавшись в тебе тихим, как выдох, последним улетевшим звуком, вновь берет разбег в следующем абзаце, снова нарастает плавно набирающим силу рокотом».

Исследователи творчества Ю.Казакова как характерную особенность стиля писателя отмечают поэтизацию человека труда. Литературовед Ада Сконечная в предисловии к «Северному дневнику» писателя отметит, что герои писателя «...никогда не рассказывали о своей трудной работе, полной иногда смертельных опасностей, как о подвиге». Именно на Севере, подчеркнет Сконечная, Казаков понял, что силы, красота человека, его способности беспредельны», «...именно на Севере он остро ощутил, что степень душевной причастности человека своему делу – это одновременно степень его причастности гармонии окружающего мира и мерило нравственного достоинства... Писатель заболел Севером, здесь с особой силой почувствовал любовь к человеку, и это стало для него главным».

В рассказе «Поморка» Казаков тщательно и бережно прослеживает жизнь одинокой девяностолетней старухи Марфы с юных лет, когда она бы-

ла молодой и, по словам стариков, красавицей и любила своего Ванюшу, и «как талантлива, яростно неуемна была она на любую, даже самую тяжелую, грязную работу», напишет и о том, как она бежала к морю, кидалась в волны, не дождавшись родных, и как она молится перед иконой Николая-угодника. Молится она не за себя – за тех, «кто на рыбных промыслах в Баренце. – Пошли, господи, им поветерь. (…) Не погуби, господи, сохрани их, Николушка! Пошли им погодушку, небушко чистое, водицу светлую». С бесконечным, врожденным трудолюбием продолжает Марфа делать то, к чему была она приучена с ранних лет. «Чего только не переделает она за день», – с восхищением вспоминает о ней герой-рассказчик.

В традициях русской классики, прозы А.Платонова, В.Распутина («Третий сын», «Прощание с Матерой», «Последний срок») прослеживается и готовность принятия смерти героиней Казакова в рассказе «Поморка»: «Умирать ей не страшно. Она непоколебимо убеждена в справедливости жизни, в справедливости и необходимости прихода смерти. – Могилка-то давно меня ждет, – ласково, как о чем-то приятном, говорит она, глядя поверх меня тусклыми глазами. – Там и батюшка, и матушка мои повалены лежат. И сыны там, все там. Небось по мне соскучились. А я, слава тебе, царица небесная, пожила».

В очерке «Тыко-Вылка» Казаков поэтизирует отношение к жизни, к людям, к творчеству талантливого ненецкого художника, учителя, промысловика, «умеющего читать книгу природы» Тыко-Вылки (русское имя – Илья Константинович). «Много мужества нужно было иметь, чтобы жить на Новой Земле, и не только охотиться, кормить детей и себя, и жену свою, но еще находить силы для того, чтобы заботиться о других, постоянно объезжать все становища и избушки, не пропуская ни одной, и каждому приходить на помощь».

«Тыко-Вылка» написан Казаковым в 1972 году, мы не располагаем данными, что Ю. Казаков где-то отозвался о книгах А. Платонова, но очевидна близость его героев платоновским героям в своем мироощущении, в стремлении «очеловечить мир», «искать путь к другому человеку», ждать помощи «от другого человека», противостоять трудностям, делая мир прекрасным. «Вылка был добросердечен и храбр, он был Учитель. Он учил не только ненцев, но и русских, он говорил: не бойтесь жить, в жизни есть высокий смысл и радость, жизнь трудна, но и прекрасна, будьте мужественными и терпеливыми, когда вам трудно! (…) Любите землю, – говорил он, – это наша советская земля! Любите, не обижайте друг друга. Никогда не плачьте, знайте: суровая земля слабых не любит… Будьте крепкими, как Север».

Ю. Казаков был одним из писателей, которые стояли у истоков «деревенской» прозы 60–70-х годов, кто продолжил и развил линию А. Платонова в художественном отображении *«тревоги бедных деревень».* Глубокое чувство действительности, присущее Платонову и возникающее из практики *«тесного, трудного ощущения мира»,* являются неотъемлемой принадлежностью и казаковского рассказа «На полустанке».

Предельно скупо и лаконично описывает Казаков то, что происходит на заброшенной северной станции в холодную пасмурную осень и навсегда разлучит героев рассказа. Прощаются парень и девушка, он уезжает, она остается. Психологические портреты, данные в самом начале рассказа, предваряют то, что произойдет здесь в течение нескольких минут художественного времени и приведет к окончательному разрыву героев. «Возле телеги на чемодане сидел вихрастый рябой парень в кожаном пальто, с грубым, тяжелым и плоским лицом. Он частыми затяжками курил дешевую папиросу, сплевывал, поглаживал подбородок красной короткопалой рукой, угрюмо смотрел в землю. Рядом с ним стояла девушка с припухшими глазами и выбившейся из-под платка прядью волос. В лице ее, бледном и усталом, не было ни надежды, ни желания; оно казалось холодным, равнодушным. И только в тоскующих темных глазах ее притаилось что-то болезненно-невысказанное. Она терпеливо переступала короткими ногами в грязных ботинках, старалась стать спиной к ветру, не отрываясь смотрела на белое хрящеватое ухо парня». Короткой кульминации этой драмы предшествует немногословный диалог, раскрывающий эгоизм, черствость, отсутствие души в герое, именно те внутренние качества, которые были заданы в описании его портрета, переданы в психологических тропах – *«грубый», «тяжелый», «плоский», «угрюмо».*

Из диалога выясняется, что у парня «жизнь-то повернулась», «норму мастера жиманул запросто»: «теперь мое дело – порядок! Чего мне теперь в колхозе? Дом? Дом пустой матери с сестрой достается, не жалко. Я в область, сейчас мне тренера дадут, опять же, квартиру (…) – А я как же? – тихо спросила девушка». В погоне за благоустроенной жизнью герой готов бросить родных, любящую его девушку, которой ему трудно и стыдно перед прощанием заглянуть в глаза: «За границу ездить буду, житуха начнется – дай бог! (…) Мне на рекорды давить надо (…) Мне вот одного жалко: не знал я этой механики раньше…»

Психологический портрет девушки – «*тоскующие глаза», «болезненно-невысказанное в глазах», «бледное, усталое, без надежды и желания лицо»* – дает возможность узнать все, что пережила девушка до диалога на станции. Последней фразой, брошенной уже с подножки тронувшегося поезда, – «Слышь... Не приеду я больше! Слышь...» – парень раскроется до конца. Психологическую функцию выполняет в финале рассказа символическая пластика – «Девушка сидела не шевелясь (...) потом в последний раз оглянулась на полустанок и легла в телеге ничком».

Казаков выразит печаль от несовершенства жизни, прибегнув к излюбленному фольклорному образу, – образу лежащего «вниз лицом» человека (ничком). Образ лежащего *«вниз лицом»* человека – символизирует состояние тоски, душевной жалобы к матери-земле – это фольклорный образ. Вниз лицом ляжет Москва Честнова в романе Платонова «Счастливая Москва» после того, как она проведет ночь с Сарториусом в землеройной яме и Сарториус узнает «всю Москву полностью, все тепло, преданность и счастье ее тела». Поза Москвы (*«Москва отвернулась и легла вниз лицом»*) символизирует душевную жалобу к матери-земле. «Жизни не вышло. Я боюсь, что она никогда не выйдет, и я теперь спешу», – скажет Москва Сарториусу. Мучительное размышление Москвы понимает Сарториус: «Но он понимал мучительное размышление Москвы, что самое лучшее чувство состоит в освоении другого человека, в разделении тягости и счастья второй, незнакомой жизни, а любовь в объятьях ничего не давала, кроме детской блаженной радости, и не разрешала задачи влечения людей в тайну взаимного существования». Авторский голос сливается, как и в заключительной фразе казаковского рассказа, с речью повествователя в разделении тревоги героинь. «Символическая пластика расставляет акценты – смысловые и эмоциональные с определенной жестокостью» (См.: «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества / Ред.-сост. Н.В.Корниенко). Доказательны ссылки литературоведа М. Родкевич на цикл статей Н.Ф. Федорова о регуляции природы, открываемые разделом «Горизонтальное положение и вертикальное – смерть и жизнь».

Казакову дорог мир в его общности и цельности, во всем, что вносит в мир человек, обустраивая жизнь, на деле осуществляя «поиски путей друг к другу» (фраза Платонова из очерка «Че-Че-О»). В автобиографическом рассказе «Какие же мы посторонние» из «Северного дневника» Ю.Казаков на новом витке русской литературы развивает платоновские традиции, актуализирует кардинальную идею Платонова из рассказа «Старый механик» – «А без меня народ неполный!» В рассказе Казакова группа корреспондентов и охотников, среди которых находится и герой-рассказчик, прилетают из Архангельска на зверобойный промысел и оказываются желанными гостями в деревенском доме. Зазывает их в дом дочь старого помора, которая, как потом выясняется, больна и знает о своей болезни. За праздничным столом и происходит разговор, в котором молодая женщина, дочь старика, зазвавшая гостей, высказывает мысли, столь естественные как для казаковских героев, так и для героев Платонова. «Жалко мне вас, – сказала она. – Может, и не увидимся больше. Ведь опухоль какая-то у меня в мозгу, я знаю. А жалко же мне вас! Вот сидим теперь, а потом...

Все уже знали, наверное, про ее болезнь, затихли на минуту и опять заговорили, а мне стало грустно как-то уходящих наших дней.

– Да я о себе не думаю, я вот о других думаю, как они тут будут без меня? Как на свете-то станет без меня, а? Ведь горе же будет, а?

– Еще бы! – серьезно сказал я.

– Вот и я думаю, не тот без меня будет белый свет...

Я стал рассказывать ей об институте Бурденко, она кивнула несколько раз и повеселела...»

В процитированном фрагменте доминирующими являются диалогические отношения, диалог становится сферой духовного общения. «Доминирующим началом человеческого существования является межличностная коммуникация. Диалогичность – это открытость сознания и поведения человека окружающей реальности, его готовность к общению «на равных», дар живого отклика на позиции, суждения, мнения других людей, а также способность вызывать отклик на собственные высказывания и действия», – писал М.М.Бахтин. Диалог, перерастающий в полилог, знаменует возникновение новых смыслов, их неправомерно сводить лишь к противоречию и спору, в данном фрагменте диалогические отношения – это сфера духовного обогащения экспедиторов, прибывших в село Нижние Золотицы под Архангельском, и их единения с местными жителями. Голос автобиографического героя-рассказчика, несобственно-прямая речь, передающая видение и реакцию персонажей на увиденное и услышанное, внесение их комментариев в текст, сказовая манера речи делают рассказ Казакова «Какие же мы посторонние?» пронзительным в осмыслении философских проблем жизни и смерти, вечных ценностей. В рассказе

проявляется суть русской души. Вопрос в самом названии не требует ответа, это риторический вопрос. Автор доносит до читателя мысль, что все люди – братья. Отличительной особенностью рассказа является то, что главными героями выступают не рассказчик со своими друзьями, а простые люди, встреченные во время экспедиции на Север. Больная женщина в праздничный день 8 Марта уговаривает приехавших москвичей отпраздновать праздник у нее в доме, и они чувствуют себя комфортно, уютно. Акцент ставится на последней фразе автора-рассказчика – «Я стал рассказывать ей об институте Бурденко, она кивнула несколько раз и повеселела».

Тема Севера и единения людей становится одной из главных и в этом рассказе. Казаков любил ездить на Русский Север, эта земля влекла его первозданной самобытностью. Простыми, красочными словами описывает писатель пейзажи этих земель: «Пустынная река по сторонам была сначала, далекие берега, поросшие елью. Иногда слева распахивались пространства до самого моря. Но скоро дорога свернула в лес. На реке тянул ветерок, перетягивал через дорогу шнурки сухой снежной пыли. В лесу было тихо. Догорал светлый мартовский день. Небо на западе расчистилось, нежно бирюзовело, но и в розовое одевало. Березы краснели и сизели паутинкой своих верхних ветвей». Описанный пейзаж создает зрительную картину акварели, созданную художником. Север предстает в рассказе, как и во всей прозе Казакова, с его необъятными просторами, с бушующей стихией, своим миром и иерархией. Здесь выживают сильные духом люди, несмотря на все трудности и тяжести жизни, они не теряют своей простоты, гостеприимства и широты души, что является отличительной особенностью национального характера. Таким предстает старик, отец больной женщины, пригласившей людей к себе. Веселый бодрый человек, перенесший много испытаний на своем жизненном пути. Обычные люди, пишущие историю народа.

Важным мотивом в сюжете является мотив памяти, усиливающий доминантную мысль рассказа и объединяющий произведения Казакова в единый целостный сюжет. Автор-рассказчик все время держал в памяти человека, местного жителя Василия Дмитриевича Пахолова, у которого он останавливался шесть лет назад, хотел напомнить ему о себе, узнать о нем. И Пахолов вспомнил, несмотря на то, что столько людей останавливались у него за это время.

Символом Севера в рассказе является женщина, которую экспедиторы встретили в деревне под Архангельском и она пригласила их в дом. Она доказывает героям, что все люди на Земле не посторонние друг другу: «А вы говорили – посторонние! Все люди… Так и помните – все люди на земле… Какие же мы друг другу посторонние? Все люди… Так и помните – все люди на земле…» Ей жалко людей в мире, когда они разобщены и каждый друг другу чужой, где каждый сам за себя. Она не жалеет себя, хотя знает о своей смертельной болезни, она жалеет других. Она пытается сплотить людей, и ей грустно. Фраза «какие же мы посторонние?» – является лейтмотивом рассказа и всего творчества Казакова. Она соединяет миры рассказчика и людей Севера, объединяет людей Вселенной. Символично, что в конце дороги домой герои увидели в темноте мигающий буй в устье реки. Философский рассказ Казакова дает понять смысл фразы, вложенный в уста женщины – «… какие же мы посторонние?».

Созданный Казаковым художественный мир ассоциируется с платоновскими мотивами «житейской нужды», «постороннего». Мотив *«постороннего прохожего»* из рассказа А. Платонова «Афродита» – «Ты на земле не посторонний прохожий» – найдет развитие и сходное разрешение в сюжете рассказа Ю. Казакова «Какие же мы посторонние?», и в сюжете замечательной повести В.Распутина «Последний срок», и станет доминантной идеей об общности людей и цельности мира русской литературы XX – начала XXI в.

Сопоставление прозы А. Платонова и Ю. Казакова позволяет говорить о сходном художественном разрешении проблемы семьи, дома, отношении героев писателей к детям, к смерти. Рассказы Казакова «Свечечка», «Во сне ты горько плакал» близки прозе Платонова тончайшим и глубоким исследованием духовных контактов взрослых и ребенка. В этих рассказах в наиболее концентрированной форме развивается и актуализируется платоновская концепция детства, нашедшая воплощение в философеме из повести «Котлован»: «Насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтобы она *(девочка. – **В.С.**)* была жива». Казаков в духе платоновских «сокровенных» героев фиксирует мельчайшие изменения в переживаниях автобиографического героя-рассказчика за судьбу ребенка. Радость от общения взрослого с сыном сменяется тревогой, страхом за его жизнь, что он может заблудиться во время прогулки в лесу, что могут опять рваться бомбы и литься детские слезы, что может «кануть в небытие (…) счастливое ослепительное время блаженства», и душа ребенка будет «с каждым годом отдаляться отдаляться …». Рассказ «Во сне ты горько плакал» вы-

деляется тонкостью и глубиной психологических наблюдений, обращением к евангельскому архетипу «души»: «Такая тоска забрала меня вдруг... хоть вешайся!» – такими словами начинается рассказ писателя, вызванный тревогой за бытие, духовное состояние сына. «В твоем глубоком, недетском взгляде видел я твою, покидающую меня душу (...) Но хриплым, слабым голоском звучала во мне и надежда, что души наши когда-нибудь опять сольются, чтобы уже никогда не разлучаться. Да! Но где, когда это будет?» В рассказе осмысляются вопросы и жизни, и смерти, и тяготение душ, детской, только явившейся в мир, и взрослого человека, уже умудренного житейским опытом, пережившего смерть друга, сознательно расставшегося с жизнью, и воспоминания автобиографического героя-рассказчика о большом горе, пережитом в детстве, когда он в одной кучке с женщинами и детьми наблюдал за людьми в гимнастерках, охраняющих мужчин, выстроенных в шеренгу, а за шеренгой возвышалась насыпь, на которой стояли теплушки, выпускающий высокий черный дым паровоз.

Бесстрашное распознавание жизни, трагических ее обстоятельств, особенно обострившееся у Платонова к концу 30-х годов, свойственно и перу Казакова. «Торопливо сунув мне тяжелый узелок с бельем и консервными банками, мать подтолкнула меня, крикнув вдогонку: «Беги, сыночек, к папе, отдай ему, поцелуй его, скажи, что мы его ждем!» – и я, уставший уже от жары, от долгого стояния, обрадовался и побежал... (...) Я бежал, поглядывая то себе под ноги, то на отца, у которого я различал уже родинку на виске, и вдруг увидел, что лицо его стало несчастным, и чем ближе я к нему подбегал, тем беспокойней становилось в шеренге, где стоял отец...» Рассказы «Свечечка», «Во сне ты горько плакал» – это рассказы о духовных контактах поколений, о сыне, который спасал отца от одиночества, и о мыслях, переживаниях отцов, о мучительной и счастливой одновременно зависимости от их душевного состояния взрослого и ребенка, о стремлении оградить мир и человека от зла, враждебности, гармонизировать мир, сделать «яростный» мир «прекрасным».

Проза Андрея Платонова и Юрия Казакова не имеет ничего общего с морализаторством, она обогащает опыт чтения, обогащает читательскую способность говорить «да» и «нет» поступкам героя. С А.Платоновым Ю.Казакова сближает внутренняя биография человека, связи человека с другими людьми, поиски пути к счастью. Казаков унаследовал от Платонова жажду постижения самого сокровенного в человеке – богатства его души, включая связи с родной землей, осознание человеком своего долга и ответственности.

□

Вера Дмитриевна СЕРАФИМОВА –

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI вв.

Московского педагогического государственного университета,

литературовед.

Более 40 лет занимается изучением русской поэзии и прозы XX в.

Автор монографии «Андрей Платонов

и философско-эстетические искания русской литературы

второй половины XX века

(В. Шукшин, В. Распутин, Л. Бородин)»,

автор множества научных, научно-методических статей,

учебных пособий.

ЗА ТИХОЙ РЕКОЙ В БЕРЁЗОВОЙ РОЩЕ

рассказ

Константин ГНЕТНЕВ
г. Петрозаводск

1

Начальник аэропорта «Песчанка» Андрей Петрович с утра чувствовал себя неважно. Давило, давило на голову, и плохо слушалась рука.

«Сосуды, наверное, – думал он с досадой. – И в такой день. Это всё жара, чтоб ей...»

Ему хотелось прилечь, вытянуться, расслабить спину. Но в домике аэропорта он был не один. В коридорчике перед распахнутой дверью сидели ещё двое, молодая женщина в ярко-желтых кроссовках на босу ногу и крупный пожилой мужчина в свитере, кепке и сапогах. Через пару дней в посёлке ожидали рейс, и они пришли за билетами. Не то что разговор, даже мысли были ему сейчас в тягость, но молча посетители сидеть не могли.

– Вот ты, Петрович, человек военный, – интересуется женщина. – Скажи, сколько мово в учебке продержат? И чего бы парня не наладить в часть сразу?

– В учебке не держат, в учебке учат с утра до ночи, – отвечает Андрей Петрович, не отрывая глаз от стола. Он старается попасть ручкой в узенькую строчку на бланке, близоруко щурится и тяжело дышит.

– Чему учат-то?

– Коллективу учат, Алексеевна, коллективу. Чтоб товарища рядом чувствовал, ответственности, дисциплине. Ну и оружие, само собой.

– Да знаем мы, какая сейчас ответственность в армии, – вступает мужчина в свитере. – Бардак. Вот в наше время...

– А в части, там уже боевая работа, там приказ. Твоего парня я знаю, не волнуйся, – успокаивает женщину начальник. Копию билета он бросает в ящик стола, а сам билет отдаёт женщине.

– Это у нынешних-то дисциплина, сказал

тоже, – брюзжит мужчина. – Работать не хотят, учиться не хотят. Вот нас, помню, поднимут по тревоге, и тридцать километров...

– Ты где, Степаныч, служил? – обрывает его Андрей Петрович.

Мужчина не отвечает, он тяжело ёрзает и сопит.

– А нам болтать не положено. Подписку давали.

– Да здесь он околачивался, – отвечает женщина. – У пограничников на складе прапором просидел.

– Дура! – завёлся мужчина. – Что ты понимаешь в армии? На складе...

Дело к обеду. Мужчина в свитере, а за ним женщина уходят в посёлок. Тротуар длинный. В распахнутую дверь Андрей Петрович видит, как фигуры тают, растворяются в мареве болотных испарений. Стихает и тоже будто растворяется в раскалённом воздухе шарканье обуви по дощатому настилу.

Он выходит, запирает большим ключом внутренний замок и пытается приладить поперёк двери металлическую полосу. В этих местах полосы-поперечины используют всюду. Они и в деревенских хозмагах, и на почтовой двери, и даже удерживают грузы в рыбацких карбасах. Называют их «перетягами». Левая рука начальника занята большим замком, а правая слушается плохо. Полоса раз за разом звякает, падает, втыкаясь одним концом в доски тротуара.

Наконец «перетяга» на месте и замок заперт. Андрей Петрович устало присаживается в жидкой тени на чурбачок, вынимает носовой платок, такой же аккуратный, как его голубой аэрофлотовский костюм, и ослепительно белый, как сорочка. Вытирает платком лицо и шею и долгим взглядом смотрит на поле аэродрома в высокой непримятой траве, на тонкую нитку дальнего леса и на облака.

«Отдохну немного в теньке и домой, – думает Андрей Петрович. – Катерина ждёт».

Домик стоит на границе аэродрома, за ним болото, а за болотом посёлок. Куда ни глянь, сквозь жесткую траву пробиваются солнечные блики. Это не вода. Это застоявшаяся жидкость неопределенного цвета и запаха. Болотные запахи поднимаются из осоки, наплывают и овевают домик. Запахи густы настолько, что кажутся видимыми.

Крайний Север вокруг на долгие сотни километров. Самый краешек бесконечной тундры. Край, про который обычно говорят: можно бы дальше, да некуда. Пять лет он здесь и никак не может привыкнуть ни к погоде, что меняется три раза на дню безо всяких причин, ни к здешнему пейзажу. Вот, скажем, облака. Минуту назад их и за километр не было видно, а теперь пожалуйста. Облака плывут низко, задевают серыми лохмотьями хвост самолётика, что сиротливо стоит на противоположном краю лётного поля, весь какой-то понурый, будто обиженный.

2

Андрей Петрович оказался здесь по воле случая и, как ему казалось поначалу, на год-два. Произошло это в самый трудный для него час. Он долго и тяжело лечился. И чем ближе надвигалась на него беда под названием ВЛК – врачебно-лётная комиссия, тем более замкнутым и злым становился. Он знал, что у него нет шансов. Комиссия спишет не только с лётной работы, но и со службы вообще.

«Хотя бы оставили, – без всякой надежды думал он угрюмо. – На вышке бы посидел диспетчером или в штабе где. Но не оставят...»

...После комиссии в коридоре его догнал седой полковник в накинутом на плечи халате. Госпиталь был наполнен привычным дневным шумом, шарканьем тапок, звяканьем подносов и склянок из процедурной. Ему хотелось поскорее во двор, уйти, забыться.

– Одну минуту, Андрей Петрович...

На заседании в госпитальном конференц-зале, где только что решилась его судьба, полковник не выступал, листал бумаги и только коротко взглядывал на Андрея Петровича.

«Утешить вышел. Сострадание проявить», – зло подумал Андрей Петрович.

– Что ещё, полковник? Списали, и ладно. О чём разговор?

– Совет хочу дать. Послушай. Если рассчи-

тываешь ещё пожить, брось город и найди тихое место поближе к природе. Иначе не протянешь и года, поверь мне, старику.

– Что, так плохи мои дела? – хотел съязвить Андрей Петрович. Но получилось неважно, показалось даже, немного жалковато, и от этого он ещё больше рассердился.

– Моторесурс у тебя выработан весь. Другому бы не сказал, но вижу, ты мужик крепкий, не сопьёшься.

– То-то ждут меня, инвалида, в тихих местах.

Полковник достал блокнот, полистал, нашёл визитку:

– Тут у нас обследовался областной начальник по авиационной части. Он в прошлом из ваших афганских летунов. Позвони...

«Жара-то ладно, – думает Андрей Петрович, расслабленно сидя на чурбачке в тени домика. – Жару-то повидал. Но воевать при такой погоде, тут уж извини, тут на самом деле здоровье требуется железное».

Он прикрыл глаза, и тотчас за мутным стеклом блистера поплыли выцветшие, красно-жёлтые, как эта трава, скалы. Он вспомнил себя в кабине вертолёта, почувствовал напряжение, подобрался, ощутил ладонью шершавую рукоять шаг-газа, и злой азарт, какой ощущал всякий раз при заходе в атаку, подкатил к сердцу откуда-то изнутри...

И скалы, скалы полетели внизу, совсем рядом. И потянулись нескончаемо длинные, томительные секунды. Даже струйки пота под шлемофоном будто бы щекотно побежали к подбородку. И радость растеклась теплом в груди...

«Вот она, настоящая боевая работа! – подумал он с восторгом. – Не забыл! Ай, не забыл...»

И снова, как много раз на далёкой теперь войне и тысячу раз после, в госпитале и дома, он стал напряжённо вглядываться в горные расщелины, чтобы заметить мгновенную вспышку ПЗРК и успеть увести машину в вираж, уклоняясь от ракеты, или накрыть НУРСами короткие плевки крупнокалиберного ДШК за обломком скалы...

«Это моё, это настоящее, – запело в душе. – Вот для чего я и нужен на этом свете...»

Андрей Петрович открыл глаза и почувствовал, что устал.

– Да, брат, – упавшим голосом сказал себе. – Отлетались мы с тобой.

3

Жара стояла и тогда, в середине декабря 86-го, в крайнем их вылете с Витей. Как это вышло тогда, в тот день шесть лет назад? И главное – почему?

Андрей Петрович вспомнил лица ребят из группы спецназа на борту, сосредоточенные и жесткие, автоматные магазины в узких карманах вытертых о камни разгрузок, рыжие от пыли, сбитые носки сапог... Где они, живы ли? Как бы он хотел обняться хоть с одним из них, посидеть за рюмкой водки, повспоминать, как это случилось только один раз в госпитале: кто и откуда заходил, кто на кого надеялся и кого прикрывал в тот неудачный день...

...Их с Виктором выпустили парой на перехват каравана, и они нашли его и высадили спецназ: Витя с одной стороны тропы, северной, а он с юга. А потом стали утюжить ракетами и пулемётами, чтобы помочь ребятам из группы.

И как они не заметили пуска, до сих пор непонятно ему. Должны были заметить и не заметили. Витина машина упала на склон и загорелась. Так бывало всегда: вначале чёрный вонючий дымок, потом уже и пламя. Хорошо, не было сильного ветра. Он сел неподалёку на плоский каменный пятак в десяток метров, и они приняли на борт экипаж, все в крови, и Витя был ещё жив...

Он совершенно не помнит, как действовал в те минуты. Не мог вспомнить ни тогда, на аэродроме, ни позже в командирском уазике, когда по тряской дороге его везли в госпиталь. Полковник всё спрашивал, спрашивал и зло матерился, а он в полубреду повторял только про пятак, всех в крови и что Витя жив, Витя жив...

...Он бы сам ушёл в тот раз и ребят вытащил. Не впервой. Но какая-то скотина пробила-таки маслопровод пулемётной очередью вдогон. И до последнего дня он не забудет смертельный вой

умирающего двигателя и тишину, свалившуюся на них сразу после...

Андрей Петрович тяжело вздохнул. Что и говорить, сегодня у него тяжёлый день. День этот приходит всякий раз с жарой и муками, от которых, если честно признаться, и в другие дни спрятаться бывает некуда.

«Что стало бы со мной, если не Катя, – подумал он с нежностью. – Днём сидел бы на проходной охранником, а вечерами пил. Если бы вообще выкарабкался, что навряд ли».

В госпитале Андрей Петрович решил, что нужно просто пережить. Просто жить, и всё. Прошлое само по себе затуманится, забудется, стихнет. Они все так думали там. И он долго был убеждён, что так и будет, и даже втайне надеялся как на избавление. Оказалось, никуда оно не девается, и душа болит даже больше, чем раньше. Почему так, не понимал он.

«Спрошу у Кати, – решил и поднялся с чурбачка. – Она всё-таки доктор, должна знать».

4

Посёлок, в котором стоит его дом, при лесозаводе и выстроен на опилках. Завод скоро как два века пилит лес, засыпает опилками тундру вдоль реки и ставит на них дома для рабочих. Андрей Петрович привык к тому, что кругом только опилки, опилки и опилки. Старые, почерневшие, и свежие, ярко-жёлтые, – ими заполняют дорожные выбоины. В палисадах домов поселковые жители насыпают поверх опилок землю, выращивают клубнику и огурцы под плёнкой.

Как и другие здешние обитатели, он смирился, что тротуары и проезжая часть автомобильных дорог выстланы досками. Доски уложены прямо на опилки, пружинят под ногой, «играют», как здесь говорят. Иногда он думает, что если бы залетел сюда хозяйственный южанин, где древесина всегда в жестоком дефиците, точно сошёл бы с ума от вида втоптанного в опилки пиленого богатства. Резкий древесный запах заполняет всё здешнее пространство и поначалу дурманит голову.

– Ну, как ты сегодня, родной, тяжело? Прошу, одевайся легче, ведь жара несусветная, а ты...

Катерина поддержала Андрея Петровича под локоть, провела в сумеречную прохладу комнат.

– Отдохни, я сейчас на стол накрою.

– Ты же знаешь, сегодня я должен быть в форме, и всё равно пилишь.

– Да не пилю, не пилю...

«Господи, до чего же он ещё слабый, – подумала она. – А характер всё такой же...»

Дом у них просторный, из нескольких комнат и с мансардой, на которую ведёт лестница, крашенная желтой половой эмалью. В комнатах иконки в углу, шкафы и полки с книгами, модели вертолётов, фотографии. Весёлые ребята в шляпах-афганках и шлемофонах смотрят из прошедшей молодой жизни. За спиной у ребят вертолёты, а за вертолётами только горы и горы.

Андрей Петрович вышел к столу в парадном кителе с погонами подполковника, торжественный и даже будто бы немножко строгий. Он поставил во главе стола стопку и накрыл краюхой хлеба. Потом ушел в комнату и вернулся с парадным кителем в майорских погонах, с медалями и орденом Красной Звезды. Повесил китель на спинку свободного стула.

– Вот и Виктор с нами. Ну, с праздником вас!

Они выпили и налили ещё раз, а третий тост подняли традиционно, не чокаясь, за Виктора и за всех не вернувшихся с войны. А потом стали вспоминать и почему-то начали с танцев в училище. Ах, какие это были танцы! Ах, какой у них был курсантский ВИА! А Виктор был лучшим в танцах и спорте, а уж юморист, какого не будет больше в училище...

– Он и в части считался первый хохмач, – с улыбкой вспоминал Андрей Петрович. – Летим как-то вдоль советской границы, и Витя говорит: «Командир, вправо не пойдём, там водка по талонам». Или в другой раз доставляем на точку медбригаду. В бригаде женщина-врач в погонах старлея. Он по радио предупреждает: «Командир, по инструкции баба на борту – предпосылка к лётному происшествию». Ему по радио: «Какая ещё баба! Это офицер. Не засоряйте эфир!» Он: «Да пошёл ты... Кто на связи?» Ему: «Два ноля первый...»

Ого! Командующего авиацией послал. Думали, ну, теперь сошлёт в службу авианаводчиков – был у нас такой штрафбат для летунов. Нет, обошлось. А правых лётчиков, которые только из училища, с Витиной подачи стали называть «единственной деревянной деталью в вертолёте»...

5

И такой лёгкий получился у них разговор в этот день, хоть и тема тяжела, и война, и утраты. Только грустинка чувствовалась в интонации и словах, куда же без неё. От того, наверное, что в прошлом всё. Было, было, и не вернёшь теперь, никак не вернёшь. Да и надо ли возвращать, тоже большой вопрос.

В окнах веранды беззаботно и тихо летели пухлые подушки облаков, и каждая в оторочке из сереньких завитков. Во дворе у забора совсем по-детски толкались и пищали воробьи, дружно обсевшие края кошачьей миски с водой.

– Ты не знаешь, почему так происходит? – спросил Андрей Петрович. – Прошлое уходит, а помнится сильней. Не проходили в институте?

Она встала из-за стола, поставила на газ кофейник и, помешивая ложечкой закипающую воду, молчала.

– А, Кать?

– Не знаю, Андрюша. И никто не знает. Может, для того, чтоб мы людьми оставались?

А она вспоминала сейчас, как познакомилась на танцах с Виктором. Андрей учился двумя курсами старше Виктора, носил на рукаве четыре золотые нашивки, старшекурсник, авторитет. И потом себя, выпускницу медфака, на скромной собственной свадьбе рядом с новоиспечённым лейтенантом...

Андрей прилетел из части свидетелем на их торжество, уже кое-что повидавший строевой лётчик. Как звал её с собой, растерянную, смущённую, как уговаривал и горячился. Прямо от свадебного стола готов был увести. И про квартиру говорил, которую дадут вот-вот, и про очередное звание, будто бы представление уже написано. А у Виктора, мол, вилами на воде писано. Даже общежитием пугал...

Они всё время боролись за неё. Она это знала. Ребячье соперничество нравилось ей, даже льстило, хотя, как водится, злилась иногда, фыркала на них, больше для острастки.

Что случилось потом, вспомнить страшно...

Война, это известие, и «чёрный тюльпан», и прячущий глаза виноватый офицер, очень к тому времени нетрезвый, со словами, в которые невозможно поверить и от которых хотелось упасть на землю и выть.

Как она жила первые месяцы после, помнит смутно. Сидела на приёме, говорила какие-то слова, выписывала рецепты. Автомат, робот... Знала точно только одно: жизнь кончилась и нужно привыкать к этому.

Кофе вскипел. Катерина сняла ложечкой пенку и поставила кофейник на стол, чтоб отстоялся. Потом достала чашки, и они тонко звенели в её руках, стучали о блюдца.

Она вспомнила их встречу с Андреем здесь. После госпиталя его комиссовали, и он привёз Витины вещи и награды в красивой коробочке с арабской вязью. Были там и её письма, одно нераспечатанное...

Она попыталась налить кофе. Рука дрогнула, и парящая коричневая струйка пролилась на клеёнку. Воробьи во дворе дружно брызнули от кошачьей миски. С минуту у воды не было никого, а потом показалась ворона. С раскрытым клювом и отчаянными глазами, выглядела она смешно, такой, как рисуют в мультиках. Они бы не удивились, заговори ворона сейчас таким же противным человеческим голосом. Постоянно озираясь, ворона напилась и боком-боком ускакала под навес.

– Помнишь, Андрюша, какая жара стояла тогда? – улыбнулась Катерина. Она справилась с волнением и налила кофе себе и немножко ему.

– Да уж, устроил тебе переполох.

Она помнит тот вечер по минутам. Они с Андреем поговорили, поплакали, и он пошел на пристань, чтобы плыть на катере в город, – исхудавший, пиджак на нём как на вешалке. Он остался один ещё до войны. Жена ушла, когда на командировку в Афган согласился.

Не все ведь соглашались. Некоторые партбилеты бросали на стол, лишь бы не ехать.

Попрощались, а у самой сердце ноет: «Зачем уезжает? Куда? Ведь пропадёт один». Но смалодушничала, промолчала – отпустила. Потом будто толкнуло что. Выглянула во двор, а он возле калитки лежит. И первое, о чём подумала: «Господи святы, да у меня больше нет никого во всём белом свете...»

– Решила, если тебя похороню, то и сама... Чего ради мне тут...

– Ну-ну! Ты это брось! – запоздало пристрожил жену Андрей Петрович.

И когда навспоминались, и напечалились, и замолчали за столом, думая каждый о своём, Катерина запела. Голос у неё звонкий, совсем как у девчонки:

За тихой рекою в берёзовой роще
Распустится первый весенний цветок,
И я загадаю желанье попроще,
И, перекрестившись, взгляну на восток...

Песня текла плавно, как тихая река. И веяло от неё и лёгкостью, и мудрым спокойствием, и грустинкой, что витали за столом в такой день. Да, да, и гарнизонные скитания, и боль, и утраты – всё знали они. Но не только у них это было в разлюбезной нашей Отчизне. И не теперь только. Но жизнь продолжается, и с этим ничего не поделаешь.

А потом хрипловато вступил Андрей Петрович.

Окрасится небо багровой зарёю,
И вечное солнце над миром взойдёт,
И белая птица взлетит над землёю,
И Божье прощенье с небес принесёт...

Он встал из-за стола, обнял её сзади, поцеловал в макушку.

– Спасибо тебе за всё!

Она прижалась щекой к жесткому сукну мундира. От него пахло старым платяным шкафом и немножко жжёной резиной и отработанным авиационным керосином – вечными спутниками аэродромов. Но ей это только показалось, наверное. Потом потянулась к соседнему стулу и легонько погладила майорский мундир по погонам и груди.

– Я знаю, Виктор с нами. Да, Витя?

И медали отзывались на её руку и нежно перезванивали в ответ, будто колокола далёкой церкви за лесом.

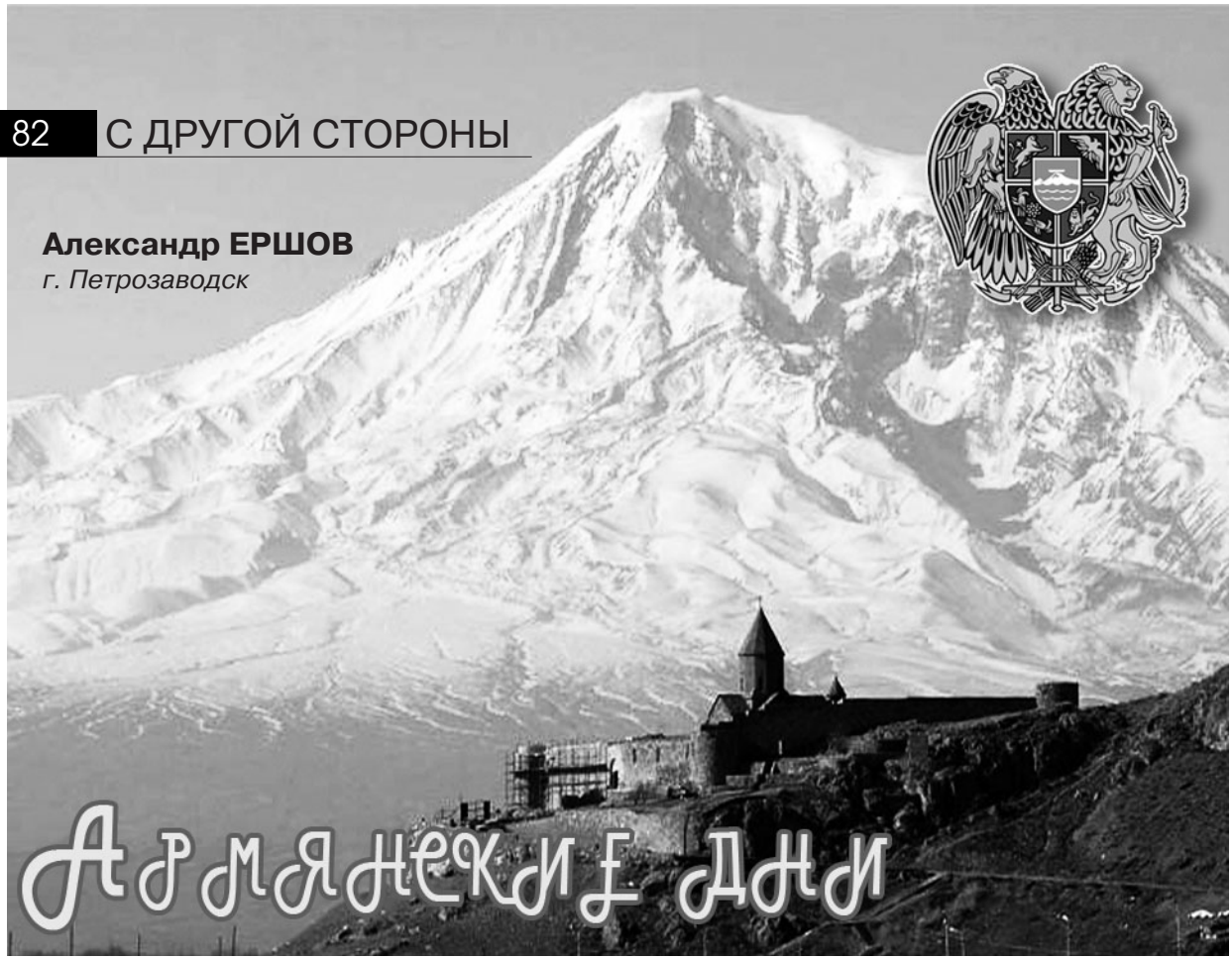
2015 г.

□

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ *(род. в 1947 году) – публицист, писатель, окончил факультет журналистики ЛГУ и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии сотрудником и главным редактором. Лауреат международной литературной премии Союза писателей России «Полярная звезда», победитель Всероссийского литературного конкурса «Бородино» губернатора Московской области, лауреат премии Республики Карелия в области литературы (2008 и 2014 гг.), премии журнала «Север» и специальной премии Союза журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»; заслуженный работник культуры Российской Федерации.*

Александр ЕРШОВ
г. Петрозаводск

Армянские дни

Хочу сердечно поблагодарить всех, кто помогал нам в организации замечательного путешествия в сказочную страну Армению.

Кто помогал нам уже там, кого я сегодня искренне могу назвать своими друзьями.

Огромное спасибо Андрею Александровичу Манину, министру по вопросам национальной политики и связям с общественными, религиозными объединениями и СМИ Карелии, руководителю Карельской национальной культурной автономии армян Гегаму Мкртчяну. Глубочайшая признательность Эдуарду Бабаяну: именно он когда-то подсказал мне идею поездки на эту древнюю и интересную землю. Спасибо жителям Эчмиадзина – Григору Мачаненцу-Бабаханьяну, его жене и детям, замечательной семье – Асмик и Арташу, Соне Матевосян и Кристине Григорян, господину Карену Григоряну – мэру Эчмиадзина, замечательному водителю Володе из города Севан и всем добрым людям Армении, кого мы встречали на своем пути, они любят Россию и хотят с нами дружить.

Это греет душу. Правда…

КАК МЫ УЕЗЖАЛИ ИЗ АРМЕНИИ

Наш самолет на Москву вылетает 6 сентября 2015 года в половине шестого утра.

Значит, встать нам с Ленкой надо где-то в половине четвертого, учитывая, что до аэропорта из Эчмиадзина ехать всего-то минут двадцать. Но вся беда в том, что мы поздно вечером вернулись из Хор Вирапа, где наконец-то нам открылся Арарат во всей его красе.

Потом была нелегкая процедура укладки чемоданов, сопровождающаяся распитием нескольких бутылочек пива… Потом мы умяли целого двухкилограммового осетра, тогда было уже совсем темно…

В общем, вставали мы тяжело…

Когда же, наконец, мы выволокли дорожный скарб в небольшой холл перед номером, моя жена показала мне на дверь: «Смотри!» На ручку двери была нанизана записка: «Ждем вас в винном зале. Григор!!!» И внизу был пририсован смайлик.

Часы показывали без пятнадцати четыре утра по армянскому времени.

Когда мы спустились в подвал старого армянс-

кого дома, в котором и располагалась небольшая гостиница «Machanents Guesthouse», а именно в подвале ее и расположился винный зал, то застали там немало людей.

Конечно же, присутствовал и сам мой новый друг Григор, и его жена Наринэ, и его дети: дочки Арусия и Арпинэ, сын – десятилетний Геворг, и еще незнакомые нам мужчины и женщины. Человек пятнадцать, пожалуй, собралось в подвале гостиницы. При виде нас они радостно закричали.

Григор подошел и обнял мою жену и меня: «Дорогой друг Саша, дорогая Лена! Мы тут специально собрались, чтобы проводить вас домой! Верь мне, Саша, никого мы еще так ночью не провожали. А вас провожаем, друзья мои! Вы нам почти родными стали, верьте мне!»

Мы стояли немного обалделые спросонья…

И тут начался скоротечный и какой-то просто фееричный процесс наших проводов на Родину.

Наринэ наливала свежезаваренный кофе и потчевала нас свеженькими вкуснейшими плюшками. Арпинэ и Геворг нам пели. Остальные – а это оказались греческие родственники моего армянского друга – создавали радостный шум, жали нам руки и пили пиво за наше здоровье.

Напоминаю, это было около четырех утра…

Не знаю, право, как надолго бы проводы затянулись, если бы Наринэ не объявила, что пришла машина и нам пора ехать в аэропорт.

С помощью заспанного водителя мы закинули чемоданы в багажник авто, еще раз расцеловались и наобнимались с нашими замечательными хозяевами и покатили по практически пустой трассе в сторону «Звартноца». Скоро показались и огни главных воздушных ворот Армении.

Невероятно быстро прошли паспортный и таможенный контроли (да были ли они?), пробежались по неплохому магазинчику «Duty free» аэропорта, закупив традиционные армянские напитки: коньяк, арцах и вкуснющее сухое вино, а также чаи с горными травами – а куда же без этого? – и пошли к выходу на посадку.

Самолет покружил над Ереваном и взял курс на Москву. Домой!

КАК МЫ ПРИЕХАЛИ В АРМЕНИЮ. ДВУМЯ НЕДЕЛЯМИ РАНЕЕ…

Незадолго до поездки в эту замечательную страну я сидел в Интернете и случайно выяснил, что если заказать такси к нашему поезду сразу в аэропорт (а летели мы в Армению из «Домодедова»), то это окажется ненамного дороже аэроэкспресса, а выгод – множество. Это мне казалось так.

Зашел на один из сайтов таксомоторной компании, позвонил по указанному там телефону. «Да, пожалуйста, – ответил мне вежливый диспетчер. – Водитель будет ждать вас прямо у вагона, только скажите его номер и номер поезда». Все необходимые данные этому вежливому диспетчеру я дал. И телефон свой тоже. На всякий, как говорится, пожарный…

«Всякий пожарный…» наступил, уже когда мы рано утром проезжали московские предместья. Звонок. Я взял трубку. Голос с мягким украинским акцентом. «Здравствуйте! Это вы такси в «Домодедово» захазывали?» – «Да, мы. Здравствуйте! Вы нас повезете?» – «Да, меня Павел зовут. Только… я немнохо, минут на пять, опоздаю. Пробки тут». – «Ну… пять минут нас не убьют. Подождем».

И вот мы стоим на уже опустевшем перроне Ленинградского вокзала у уже опустевшего состава поезда «Петрозаводск – Москва» и уже двадцать пять минут ждем нашего водителя Павла. И знаете, я этим почему-то не был сильно удивлен. Както вот ожидал чего-то подобного… Павел уже дважды звонил и уверял, что он «уже туточки, только машину припаркует…». Хорошо еще, что запас времени до посадки у нас солидный.

Но наконец появилось наше таксомоторное солнце. Павел оказался молодым улыбчивым худощавым парнем лет двадцати пяти. Он легко извинился за опоздание («Пробки эти московские, это ш черт знает что, вы не поверите!»), подхватил у Ленки чемодан, и мы быстрой рысью поскакали на привокзальную автостоянку.

По дороге наш водитель поделился «по большому секрету» тем, что за нами вообще мог никто не приехать.

«Вы не поверите, диспетчер про ваш заказ совсем забыл, подлюка! Вспомнили о нем только за полчаса, как ваш паровоз в Москву прибыть должен был. И, как назло – зараза! – ни одной свободной машины. Токо я ночную заканчивал, в «Домодедово» как раз и был, клиента привез. И рванул к вам на всех парах. Вот, успел!» – закончил он с гордостью.

Интересно, а если бы про наш заказ вообще бы не вспомнили?! Об этом даже думать не хотелось…

Непостижимым образом Павел умудрялся объезжать одну автомобильную пробку за другой. И, уже подъезжая к аэропорту, поинтересовался:

– А вы куда летите-то?

– В Армению.

– Класс! У меня много дома армян знакомых. А где там будете?

– В Ереване будем. По стране покатаемся. На Севане отдохнем. Это такое знаменитое армянское озеро, слышал о нем?

– А то! А сами откуда?

– Из Карелии. Из Петрозаводска. Наш город тоже на знаменитом озере стоит…

Павел гордо улыбнулся:

– Как же, слышал. Там Байкал! Небось вы вчера там еще купались…

Что тут скажешь… Вот на такой, высокого градуса точности, географической ноте мы и причалили у входа в «Домодедово». Павел пожелал нам удачи и отбыл «отсыпаться к моей Оксане под бочок».

Более до самого отлета никаких происшествий и приключений, достойных упоминания, мною зафиксировано не было.

И вот мы как раз там, куда и собирались прибыть, – в международном аэропорту «Звартноц», что находится в пятнадцати километрах от Еревана.

Немного об этом замечательном сооружении. Аэропорт «Звартноц», что был построен к Московской Олимпиаде и сдан в эксплуатацию, соответственно, в 1980 году – до сих пор является одним из самых современных аэропортов мира.

Да, конечно, с тех советских времен многое изменилось. Его реконструировали в соответствии со всеми международными требованиями уже в этом веке, и он сегодня круглосуточно принимает воздушные борта со всего мира.

В 2004 году здесь началось строительство нового международного терминала, в сентябре 2011 года этот терминал был открыт, и – я свидетельствую! – этот новый терминал просто замечательный. Мы это поняли, когда прилетели в Армению, и закрепили свое ощущение, когда покидали прекрасную страну через этот же аэропорт. Чисто, красиво, безопасно, удобно…

Одна цифра: «Звартноц» обслуживает более чем три с половиной миллиона пассажиров в год.

В 2013 году он был признан лучшим аэропортом СНГ и Балтии. Я это просто к тому, как армяне относятся к приему своих гостей. Не только в своих домах – а уже самим своим главным аэропортом они искренне говорят: «Мы вам рады!»

Когда мы вышли из зоны вылета, то увидели людей, что стояли у выхода с табличками с именами или без табличек. Они буквально вглядывались в каждого выходящего. Кто-то находил своих гостей, родственников, кто-то не находил.

Тут же спокойно, с чувством собственного достоинства, стояли таксисты в ожидании клиентов.

Таблички с моим именем не было ни у кого. Понятно, что это нас не слишком порадовало.

Хочу принести извинения пожилому замечательному ереванскому таксисту, что пытался нам помочь, а мы не приняли его помощь. Дело обстояло так. Когда мы увидели, что нас никто не встретил, то начали немного нервничать. У меня с собой был номер телефона гостиницы, по которому я и начал названивать, чтобы выяснить, что происходит. Сначала там никто не брал трубку. И это встревожило нас с Леной еще больше. Как раз в это время к нам подошел пожилой мужчина и спросил: «Вас не встретили? Давайте довезу куда надо». Я отрицательно мотнул головой, продолжая терзать свой сотовый телефон. Мужчина смотрел на меня, покачивая головой, а потом сказал: «Слушай, может, ты номер неправильно набираешь? Или код не тот? Давай я со своего телефона наберу, а?» И тут я довольно невежливо ответил ему: «Да сами мы разберемся!» Мужчина пожал плечами и отошел. До сих пор за свою грубость стыдно…

Наконец я дозвонился до гостиницы. Испуганная девушка дрожащим голосом спросила: «А вы уже прилетели?! Ой, извините, пожалуйста. Сейчас мы за вами приедем». Не прошло и двадцати минут, как к нам подошли девушка и парень. «Здравствуйте, меня зовут Арусия, – представилась девушка. – Извините, что заставили вас ждать, мы думали, что самолет прилетит только через час». Она сокрушенно покачала головой.

Но извиняться, как выяснилось, надо было мне. Это я по электронке написал им неверное время прилета – по московскому времени.

Когда недоразумение разрешилось, Арусия пригласила нас в машину. Чувствовалось, что она все еще расстроена случившимся. «Сейчас мы поедем к нам, ваш номер уже готов. Ехать недолго. Аэропорт даже ближе к нашему городу – Эчмиадзину – чем к Еревану», – рассказывала по пути она.

Арусия была первой из дочерей замечательного человека Григора Мачаненца-Бабаханьяна, будущего моего армянского друга, которую я встретил в аэропорту. Об этой семье я чуть ниже обязательно расскажу. Хотя почему я? Сам Григор и расскажет.

И вот мы уже въезжаем в Эчмиадзин – небольшой, но очень важный для армян город. Почему – об этом тоже чуть позже. И вот мы уже в гостинице «Machanents Guesthouse».

Запихав чемоданы в номер, мы вышли на улицу и увидели, что в небольшом открытом ресторанчике в центре гостиничного дворика происходит нечто. Перед туристами, сидящими за столика-

ми, танцуют девушки, совсем молоденькие, одетые в национальные армянские одежды. Даже не танцевали они, а скорее разыгрывали какие-то бытовые сценки под музыку. Все это было красиво, очень красиво.

А потом одна из девушек запела. Я впервые слышал песню на мелодичном армянском языке, это было просто чудо. Туристы – то ли немцы, то ли голландцы – даже про еду забыли, так увлеклись представлением. А кто танцевал и кто пел – об этом мне потом рассказал Григор.

Мы тоже присели за столик, и к нам тут же подошла официантка, тоже одетая в армянский наряд.

Обаятельно улыбнувшись, она на не очень уверенном русском языке спросила: «Вы хотите будете кушать и ужинать?» Конечно же, мы очень хотели и очень надеялись, что будем кушать и поужинаем. Меню как такового в этом ресторане не было в принципе. Кстати, как и во многих других небольших частных армянских кафе. Просто красавица перечислила названия блюд, которые она сейчас нам принесет. И ушла.

То, что мы с Леной попробовали в первый день своего пребывания в Армении, было очень вкусным и очень армянским.

Мы уже почти заканчивали ужин, когда в ресторане появилась небольшого роста хрупкая девушка и что-то спросила у официантки. Та махнула рукой в нашу сторону. И девушка подошла к нашему столику. «Здравствуйте, приятного аппетита. Вы из Петрозаводска к нам приехали?» – «Здравствуйте, да». – «А меня зовут Кристина, я работаю в мэрии Эчмиадзина. Мы вас тут ждали, правда. Как долетели?»

Так мы познакомились с Кристиной, нашим первым ангелом-хранителем в Армении, на которую мы всегда могли положиться. Кристина рассказала нам о городе, дала свой номер телефона и тактично откланялась.

А утром следующего дня мы познакомились с другим нашим волшебным помощником – Соной. Собственно говоря, именно Сона – тоже маленькая, хрупкая и очень стеснительная девушка – занималась нашим приемом в Эчмиадзине, и не только. Именно она помогла выбрать билеты до Еревана и обратно, помогла нам найти приют на озере Севан – да еще какой приют! – и помогала нам еще во многих-многих вещах, пока мы пребывали на территории Армянской республики.

Она – тоже работник мэрии Эчмиадзина – в составе делегации города (а Петрозаводск с Эчмиадзином уже десять лет города-побратимы) посетила столицу Карелии.

Кстати, еще в 2005 году Совет старейшин города принял решение переименовать одну из улиц города в улицу Петрозаводскую (мы с Леной гуляли по ней), а на нашей петрозаводской Онежской набережной стоит деревянная скульптура – дар жителей Эчмиадзина столице Карелии.

«Ваш город очень мне понравился, – призналась Сона. – Но как же у вас холодно! Даже в гостинице не могла согреться. И на ваши знаменитые Кижи не поехала – говорят, что там ужас какой холодный ветер…»

Сона передала нам привет от господина Карена Григоряна – мэра Эчмиадзина. Очень известного и популярного в Армении политика. «Вы – гости нашего мэра», – сказала девушка.

«Гостем мэра», как оказалось позже, здесь быть очень почетно.

Кто же на самом деле такой – этот Карен Григорян?

Карен Манвелович Григорян – мэр, имеющий поддержку практически всего населения Эчмиадзина и уважаемый большинством населения страны. Он – воин, награжденный орденами Армении за защиту армян в Нагорном Карабахе. Он – представитель старейшин города, он – юрист и профессиональный востоковед. И, наконец, он – глава Федерации текхвондо Армении.И вот так получилось, что мы – его гости!

Сона – представительница господина мэра – именно она забронировала нам номер в гостинице Григора.

КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ГРИГОРОМ

Григор – человек, который делает добро… детям и птицам.

Итак, наш первый вечер в Армении.

Только что откланялась Кристина, и сейчас мы с женой сидим на террасе открытого ресторанчика.

Сидим и кайфуем. Не только от вкусной еды, но и от наполненного незнакомыми нам ароматами воздуха, от дружелюбных улыбок обслуживающей стол девушки, от нереальной для карельских глаз обстановки. У нас было немного времени перед первой в Армении трапезой для того, чтобы оглядеть интерьеры, в которых нам придется жить чуть более недели. «Machanents Guesthouse» похожа на небольшой замок. Ты входишь в массивную арку на улице Шаумяна, внутри арки, на ее стенах развешаны детские рисунки, какие-то забавные поделки и даже стихи на английском и ар-

мянском языках – и попадаешь в первый двор замка.

Этот двор ограничен стенами трех зданий, предназначение коих пока нам неизвестно. Со стороны двора одна из стен арки украшена какими-то густыми вьюнками, из которых то и дело раздается громкое, но совсем не раздражающее тебя чириканье и щебетание.

В этом первом дворе имеется бассейн с чистейшей голубой водой. Он совсем небольшой и скорее декоративный, чем предназначенный для купания. Рядом табличка, объясняющая, что это – уменьшенная в тысячи раз копия знаменитого армянского озера Ван. Здесь же стоят древние армянские кувшины, в которых во времена оны зрело вино, и растут яркие южные цветы…

Вторая арка. На ее зубчатой вершине надпись по-английски: «Крест армянского единения» и дата: «1990». Вторая арка украшена просто удивительно. Старый уличный телефон-автомат и советский еще почтовый ящик соседствуют с копиями древних наскальных рисунков, со старыми семейными армянскими фотографиями, со старинными серпами, пилами, еще с какими-то неведомыми мне орудиями труда. И даже со старыми башмаками, в которых растут хрупкие зеленые стебельки!

И как раз за этой второй аркой скрывается настоящий армянский дворик! С высушенными тыквами, с колодцем посередине, с коврами ручной работы и даже с медным осликом! Ослик грустно глядит на окружающую действительность и будто ждет, что его сейчас нагрузят тяжелой ношей.

На старых комодах выставлено домашнее вино и всякие лакомства.

Рядом – на верандах, сделанных из старого дерева – расставлены столики. И за одним из этих столиков мы сейчас сидим и вкушаем армянские яства.

– Смотри, Лен, – говорю я жене. – Смотри, сколько здесь пичуг!

Маленькие птички разных окрасов снуют по вьющимся по стенам растениям. Они перелетают с веток на листы, с листов уползают куда-то во внутрь зарослей, прыгают друг на друга – играют? – и поют какие-то свои птичье-армянские песни…

– Они здесь живут, Саня, – говорит жена. – Смотри, какой интересный у них дом! Зеленый, воздушный! Повезло пичугам.

К нам подходит человек, лица которого мы не видим, поскольку у нас за столом приятный полумрак, хотя сам дворик довольно ярко освещен.

– Здравствуйте, – говорит он. – Я приветствую вас! Вы всем довольны?

Голос его тих и приятен.

– Спасибо, – отвечаю я. – Все отлично. Вкусно. А вы кто?

– Я? – Он немного удивляется. – О, я… местный садовник.

– Садо-о-овник? – В свою очередь удивляюсь я. – Вы, наверное, очень хороший садовник! У вас тут все очень красиво!

– Спасибо, стараюсь, – наклонив голову, отвечает человек. – Я всегда здесь.

– А какие у вас заросли для птиц! – вступает в разговор Лена. – Там, у входа. Это вы их специально сделали?

– Конечно! Чем птицы хуже людей? Они должны жить тоже в радости…

Он развел руками.

– Извините, я вам, наверное, мешаю. Меня зовут Григор. Если что – попросите меня позвать, и я приду к вам, помогу всем, чем могу.

И он исчез…

Встретились мы с этим таинственным Григором лишь через десять дней.

Лена и я уже за это время успели объездить половину Армении, искупаться в Севане, познакомиться с замечательными людьми, увидеть множество интересных мест… и вот мы опять в Эчмиадзине.

Идем по улицам старинного города. Мы разморены жарой и очень хотим оказаться в нашем прохладном гостиничном армянском дворике. И тут слышим:

– Здравствуйте! Вы уже приехали, да? И как вам у нас?

Честно скажу: лишь по голосу я узнал нашего «садовника». А он уже протягивает мне руку:

– Мы тогда не успели хорошо познакомиться. Если помните, меня зовут Григор.

– Вы садовник!

– Да. И по совместительству хозяин гостиницы.

Тут мы с Леной и «сели»!

– Ой, извините… мы не знали!

– Ничего. Не надо извиняться. Вы уже мои друзья!

– Почему?!

– Я видел, как вы гуляете по Эчмиадзину. Вам нравится наш город, правда?

– Правда, – искренне ответили мы.

– Замечательно! Если вам здесь нравится, значит, вы – мои друзья. А сегодня я приглашаю вас на экскурсию по своим владениям…

И он опять исчез!

Возник он перед нами вечером. Так же буквально из ниоткуда. И опять сказал свое замечательное: «Здравствуйте!»

– Пойдемте, я покажу вам свой музей…

Музей Григора располагается в здании, что стоит сразу у первой арки. В этом музее – предметы быта армянских семей – от начала века до распада СССР. Все экспонаты собирал он сам, и его друзья, и ученики.

– Советский Союз, – говорит он, – это наша общая Родина. И в этой стране было и хорошее, и плохое. Все было. Сейчас мы – Россия и Армения – разные страны. И сейчас у нас есть и хорошее, и плохое. Кто-то говорит: в Советском Союзе было хорошо, а сейчас – плохо. Кто-то – наоборот. Но что сравнивать? Тогда мы жили в одном мире, сейчас – в другом. Как это можно сравнивать, а, Александр? А здесь, в моем музее, все посвящено моим предкам и предкам других армян. Тем, кто выжил в период геноцида, в репрессиях времен Сталина, кто жил в советской Армении. Это наши корни, наша жизнь…

Он повел нас на второй этаж музея.

– А вот здесь мои стихи в вещах, – с гордостью объявил Григор. – Я придумываю тему, а потом воплощаю ее вот в таких композициях.

Тут все удивительно – изображение Иисуса, нарисованное ребенком; стоящий у старой колыбели и покинутый выпивохами стол с пустыми бутылками и распотрошенными раками; старинный патефон с застывшей на середине пластинки иглой; папаха, кинутая на старый диван, покрытый старыми половиками, иконы, утварь…

– Это все стихи, поверь, – говорит мне Григор. – Это наша жизнь, другой ни у кого нет. Жизнь – это и есть поэзия…

Меня поразила вот такая инсталляция. В старой раме фотопортрет красивой пожилой женщины. На раме висят бусы, а сам портрет залит красной краской, словно кровью. Григор объясняет:

– Эта женщина была с молодых лет очень красива. И любила украшения, золото. И отдавала себя за эти побрякушки. И вот наступила старость. И она – одинокая, всеми покинутая – плачет кровавыми слезами по своей загубленной жизни.

Мне стало как-то не по себе…

Потом мы спустились в его винный зал в подвале гостиницы, где на спинке каждого стула, сделанного из массивного дерева, были вырезаны мысли выдающихся людей о вине. Цитаты из Омара Хайяма, из Пушкина, Киплинга, других западных и армянских поэтов.

Там – в винном зале – его дочь Арпинэ устроила специально для нас камерный концерт. Песни на французском, английском и, конечно, на армянском языках. Поет она замечательно. Мы слушали и пили холодное армянское пиво.

А потом Григор и я читали друг другу стихи. Он мне – на армянском. Я ему – по-русски…

– Григор, дорогой мой друг, – обратился я к нему где-то в первом часу ночи. – Я сейчас просто поражен всем, что здесь увидел, всем, что услышал. Вот когда соберу свои впечатления, то давай сделаю с тобой интервью, а?

– Давай, – легко согласился он. – Давай… завтра я тут буду с самого утра.

Попробуйте поймать Григора с самого утра!

Сначала у него подготовка к церемонии давки винограда для домашнего вина. Ходят по двору девочки в национальных костюмах и выполняют все древние обряды, предшествующие приготовлению хмельного напитка.

Потом у него встреча с воспитанниками театральной студии, затем его куда-то зовет жена Наринэ… потом его срочно ждут на кухне гостиницы. Затем привезли виноград, который будут давить на вино…

После он решает важные хозяйственные вопросы комплекса «Machanents Guesthouse», затем он принимает гостей…

Вот! Наконец он мой! Я поймал Григора и усадил за стол напротив себя в замечательном «армянском дворике»!

Итак…

Интервью,
данное Григором Мачаненцем-Бабаханьяном:

– Григор, откуда ты такой взялся? Такой неизбывно позитивный?

(*Григор смеется.)*

– Не поверишь. Из обычной армянской деревни. Я с детства работал на земле, растил картошку, кукурузу, выращивал виноград. И вот когда я этим занимался, то подумал: надо выращивать новый вид армян.

– В каком смысле – новый вид армян?!

– В прямом. Я хочу, чтобы мои соотечественники были такими, какими их создал Бог, – и не только их, а всех людей – добрыми и честными. Я этим живу. Я верю, что среди – сейчас скажу нетипичную для армянина вещь – турок и азербайджанцев, как среди русских и американцев, представителей всех стран, есть много добрых людей. Добрых и честных. Такие люди – польза для мира. И хочу, чтобы они, как и мои соотечественники, были готовы делиться с ближним своим хлебом и водой. Но хочу, чтобы для всех армян солнце каждое утро поднималось над нашим Араратом. Для

этого всем нам надо много работать вместе, объединяться…

– Именно поэтому у тебя во дворе гостиницы написано: «Крест армянского единения» и год стоит – 1990-й? Что это такое и что это за дата?

– «Крест армянского единения» – это моя идея. А год – это когда я ее оформил у себя в голове.

Друзья говорили мне: «Григор, это как-то слишком официально, может быть, что-то попроще надо?» Но я говорил им: «Пусть будет так!» И друзья наконец сказали: «Да черт с тобой, делай что хочешь!» И вот появилась эта организация «Крест армянского единения». Сейчас она уже известна во всей нашей стране и в мире.

– Но новых армян надо выращивать не из взрослых мужиков и женщин…

– Правильно! Именно поэтому я работаю прежде всего с детьми.

Смотри, что такое «Крест армянского единения»? Это общественная организация, которая занимается ребятишками. Это школа искусств. У нас есть студия живописи, у нас есть студия рисования, есть студия ковроделия, гончарная студия, театральная… Надо идеи добра и традиции армянского народа начинать с колыбели ребенку вкладывать в душу.

Вот в этом моя главная задача.

Вот смотри, это место, где сейчас с тобой сидим, что это? Это гостиница, да? Нет, это не только гостиница. Это и студии для детей, это место работы педагогов, профессионалов, между прочим! Я на этом месте сначала купил один дом, потом присоединил к нему соседний, потом купил рядом еще один…

Тяжело было финансово… да…

– Сколько детей у тебя сейчас занимается?

– Двести мальчиков и девочек.

– И ты все это тянешь на своих плечах?!

– Я сначала создал организацию «Крест армянского единения». А для того чтобы у этой организации были деньги, начал заниматься бизнесом. У меня есть своя фирма, туристическая. Кстати, в моей фирме работают молодые ребята и девушки, в том числе и те, кто, например, плохо слышит или у кого проблемы с речью, с двигательным аппаратом. *(Он очень старался не употреблять слова «инвалиды». – **А.Е.**)* Они могут здесь зарабатывать. Это важно, с работой сейчас в Армении не очень хорошо… Есть гостиница, в которой вы с Леной сейчас живете. Прибыль от этого бизнеса и идет в мою благотворительную организацию. Есть у меня и спонсоры, местные бизнесмены, мои друзья. И поддержка городской власти. Никогда не любил чиновников, но мэр Эчмиадзина господин Карен Григорян – это не только хороший человек, это мой друг, это мой единомышленник. Он поддерживает все мои идеи, помогает мне. Это не чиновник, это – ЧЕЛОВЕК!

– А семья тебя когда-нибудь видит при таком темпе жизни?

– Семья моя – это как раз тот паровоз, который все это тянет. Моя любимая жена Наринэ помогает мне во всем. Без ее поддержки я бы просто не выжил! Моя старшая дочь – Арусия – она же вас встречала в аэропорту, замечательный менеджер. Я ей полностью доверяю гостиницу. Как поет моя средняя дочь Арпинэ, ты слышал. Она уже даже во Франции выступала. Мой сын Геворг, ему сейчас десять лет, очень талантливый человечек, пишет стихи, уже даже свою книжку издал… Очень их всех люблю!

– А ты сам?

– Ну… у меня уже тоже вышло четыре книги стихов, сейчас пятый сборник готовлю, снимаюсь в кино, сам кино снимаю… как-то так.

– У тебя во дворе масса старых вещей. Телефон-автомат, советский почтовый ящик, орудия труда какие-то. Зачем все это?

– Ненавижу, когда выкидывают старые вещи! Это же память наша, это история. Надо их хранить, чтобы наши потомки понимали, как жили дедушки и бабушки, как мы жили…

– И ты еще записал для потомков удары своего сердца…

– Записал, да. Поехал специально в Ереван, и там врач-кардиолог помог мне это сделать. Теперь у меня есть эта запись, могу всем дать послушать. Пусть мои внуки, мои потомки, знают, как стучало сердце Григора…

КАК МЫ ГУЛЯЛИ ПО ЭЧМИАДЗИНУ, ЧТО МЫ ТАМ ВИДЕЛИ И С КЕМ ПОЗНАКОМИЛИСЬ

Конечно же, логичнее было бы начать рассказ о наших странствиях по Армении с Еревана. Столица и очень красивый город. Но я начну с Эчмиадзина.

Как мне кажется, этот небольшой городок для армян более важен, чем административный центр страны. Потому что это ДУХОВНЫЙ центр всех армян, что живут на планете, – во Франции, Америке, Канаде, Германии, Бразилии, России, других странах… И, конечно же, для тех армян, кто живет на родной земле.

Вот так и подмывает начать рассказ о нем с фразы: «Первые поселения на месте современного Эчмиадзина появились…», но нет!

Начну совсем с другого.

Люди. Да, именно люди. Мы много с Леной ездим, много общаемся, но редко где встретишь таких отзывчивых и добрых людей, как здесь: в Эчмиадзине, во всей Армении. Здесь каждый готов тебе помочь, если возникли какие-то затруднения, подсказать, объяснить. Такое искреннее и доброжелательное внимание к незнакомым мы ощущали, наверное, только в Белоруссии.

Это гостеприимство иногда принимало формы, я бы сказал, весьма интересные.

Как-то, гуляя по Эчмиадзину, – это было уже в последние дни нашего путешествия – мы зашли в маленький магазинчик, коих тут великое множество, купить пару холодных бутылок пива на вечер – а он был жарким – и взять несколько бутылочек коньяка «Арарат» для доставки его в Петрозаводск в качестве подарков друзьям.

Так вот, что касается пива. После недолгого спора мы с Леной попросили две бутылки «Киликии», довольно популярного в Армении сорта. Два немолодых армянина, чувствуя наши сомнения, начали наперебой советовать попробовать еще и пиво «Гюмри», и пиво «Арарат». Один из них нахваливал «Гюмри», второй горой стоял за «Арарат». Они так увлеклись спором, что с русского, на котором начали его из уважения к нам, перешли на армянский и через некоторое время просто, как мне показалось, вообще забыли про нас. Лена, я и продавщица магазина терпеливо ждали исхода словесного поединка.

Закончилось все тем, что мы купили к «Киликии» еще по бутылочке «Арарата» и «Гюмри», дабы примирить спорщиков…

А вот что касается коньяка. Все та же продавщица, которая была свидетельницей спора о пиве,.. отказалась нам продать две бутылки знаменитого пятизвездочного «Арарата». И это в Армении!

Нет, поверьте, мы были абсолютно трезвы, и нам можно было продать крепкое спиртное, а «Арарат» в магазине был настоящим, не «паленым» (да и где в Армении найдешь «паленый» коньяк?!). Дело в другом.

– Вы же поедете на сам завод? На «Арарат», я имею в виду, тот, что в Ереване? – осведомилась продавщица.

– Да, обязательно! Там же интересная экскурсия по заводу, – ответил я.

– Очень интересная, – подтвердила наша собеседница. – Так вот там и купите себе коньяк.

– А с вашим что-то не так? – осторожно спросил я.

Она улыбнулась.

– Нет, с моим все нормально. Только стоит он подороже, чем на заводе. Зачем вам тратить лишние деньги?

Мы с Ленкой переглянулись.

– А зачем вы нам советуете это? Могли бы заработать…

– На гостях? – искренне удивилась продавщица. – Вы же наши гости! Зачем на гостях зарабатывать? Что вы о нас подумаете?

На самом деле это прозвучало так естественно… Мы разговорились. И тут выяснились удивительные вещи.

– Вы ведь из России? – Наша собеседница улыбнулась. – Откуда конкретно?

– Из Карелии, это недалеко от Санкт-Петербурга, – начали привычно объяснять мы.

Женщина закивала.

– Знаю-знаю. Сама не была, но в школе учила. Кижи, Онежское озеро, Валаам, Петр Первый там воевал со шведами.

– Примерно так… – Я был удивлен ее познаниями. Хотя что удивляться: фундаментальная система советского образования…

– Я вот что хотела спросить… что думаете о войне этой украинской?..

О-п-па-па…

– А что такое? Вы-то тут при чем?

– Да я там бываю почти каждые два месяца… в Донецке.

– В Донецке? В украинском?! Где бои идут?!

– Да… там. Понимаешь, как получилось. У меня бабушка есть. В Донецке. Совсем старенькая сейчас, восемьдесят два ей. По национальности она украинка. А когда паспорт получала там, в советской Украине, в свое время была записана как русская, папа был из Саратова, хотя тоже украинец был… этнический. Да кто тогда внимание на это обращал, мы же все в Советском Союзе были. Все русские были, понимаешь? Вышла она замуж за донецкого армянина. Родилась моя мать. Потом я. А я тоже замуж за армянина, чьи корни были из Эчмиадзина как раз, вышла. Перебрались сюда вот уже лет двадцать как.

– А бабушка?

– Бабушка? Так она со всеми родственниками как в Донецке жила, так и живет. Сейчас вот в эту войну, слава богу, пока никто не погиб. Но уезжать – старенькие все – оттуда отказываются. Дома там, хозяйства… Хотя никакого хозяйства уже там и не осталось, скот побили… и птицу. Батальоны их там хорошо похозяйничали эти… добровольческие. Мы вот продукты соберем и с мужем в Донецк пробираемся к своим. Кормить их. Не только

еду везем, теплое что-нибудь обязательно, денег немного чтобы было…

– Так как они там?

– Да живы, слава богу. Свечки тут за них ставим…

На самом деле найти в Армении человека, родственники которого пострадали от украинских карателей, было неожиданно. Но любая война касается почти всех. В этом мы убедились сами.

– Кому эта война нужна… – вздыхала наша добрая продавщица.

– А как в Донецк-то пробираетесь?

– Через Грузию, потом Украина, потом уж Донецк…

На второй день нашего пребывания в Армении в Эчмиадзине идем по городу вечером и ищем заведение, которое порадует нас истинно армянскими блюдами. Не теми – дежурными – что подают туристам, а теми, что едят сами жители Эчмиадзина. Но… как-то не получается.

Ходим грустные по центру, прогуливаемся вблизи городской мэрии и тут слышим: «Здравствуйте, Александр! Добрый день, Елена!» Оборачиваемся. Стоит наша замечательная Кристина (помните, та, с которой познакомились вечером по прилете?) и улыбается.

– Могу вам помочь?

– Кристина, тут такое дело… хотим поужинать.

Девушка удивленно смотрит на нас.

– Тут много ресторанов и кафе. Европейская кухня, есть наша национальная. В чем проблема?

– Понимаешь… хотим чего-то совсем местного, не показного кулинарного… ну… как бы это объяснить-то…

Кристина улыбается.

– Ага, Александр, кажется, я поняла. У нас есть маленькие кафе для своих. Вы это имеете в виду?

– Наверное, да…

– Я сейчас позвоню маме… Она нам поможет.

Кристина достает телефон.

– Мам, привет! – говорит по-русски. – У нас тут гости города, хотят сходить поужинать в какое-нибудь кафе наше… ну, ты понимаешь… да… да… вспомнила! Ты туда позвонишь? Скажешь, что уважаемые люди… да… да… хорошо!

Она выключила телефон, с улыбкой посмотрела на нас.

– Я сейчас покажу, куда идти. Тут совсем недалеко, но без меня вы заблудитесь. В этих кафе… как бы объяснить-то… они почти незаметные для приезжих, да. Так, наверное, будет правильно. Они маленькие и только для своих.

Мы идем мимо стены, за которой спрятались главный кафедральный собор Армении и резиденция Католикоса Армянского. Мимо скучающих таксистов и пожилых солидных мужчин, играющих в шахматы и нарды. Один перекресток, второй…

– Вот сейчас направо, – командует Кристина. – Сейчас, сейчас… сейчас… вот… через дом… Вот!

Мы видим вход в магазин и более ничего.

– А где кафе? – бормочет Лена.

Кристина показывает на неказистую дверь.

– Вот!

– Ты уверена?

Наша знакомая девушка приглашающе поводит рукой.

– Уверена? Да!

Она ведет нас вовнутрь.

Мы попадаем в торговый зал, где нас встречает красивая молодая женщина. Встречает широкой улыбкой. Наша провожатая улыбается в ответ и говорит по-русски опять же:

– Вам звонили?

Красивая армянка утвердительно кивает. Кристина показывает на нас.

– Это гости города, уважаемые гости. Накормите?

– Да! Конечно! Добро пожаловать! Вы из России?

Хозяйка встает из-за прилавка и кивком головы отпускает нашу подругу.

– Я все сделаю, – поворачивается к нам. – Пойдемте!

Мы проходим сквозь торговый зал, потом по какому-то помещению, очень похожему на склад. И оказываемся во внутреннем открытом дворике, средь которого плещет небольшой фонтан, украшенный изображением симпатичной лягушки. По краям террасы устроены несколько комнат, где стоят солидные из деревянного массива столы, накрытые скатертями, уставленные по краям такими же массивными стульями.

– Хотите сесть в банкетный кабинет? Или, может быть, на воздухе посидите?

– Посидим на воздухе! – поспешно отвечает Лена. – Да! На воздухе!

Этим вечером было где-то плюс двадцать пять на улице. Какой уж тут банкетный кабинет!

И мы заняли столик рядом с фонтаном.

В предыдущих своих сочинениях я достаточно много места уделял кухням тех стран, где мы с Леной побывали.

Армянской кухне уделять столько внимания, извините, не буду. И тому есть несколько причин.

Первая. Большинство моих читателей, вероятно,

хорошо знакомо с кавказскими блюдами, в том числе и с армянскими.

Вторая. Если серьезно говорить на эту тему, то надо все остальное отбросить и рассказывать только о том, как там все вкусно, подробно останавливаться на особенностях приготовления того же шашлыка в разных регионах страны. Но это будет, как вы понимаете, уже совсем другая история.

И третья причина. Самая главная. Не рассказывать надо об армянской кухне, а просто ехать туда и самим пробовать все это армянское кулинарное волшебство!

Но все же совсем обойтись без рассказов о том, что мы там пробовали, чем восхищались, не получится. А о напитках, производимых в Армении, будет, конечно же, отдельный разговор.

В той маленькой уютной кафешке, о которой я вам рассказываю, – а мы ужинали в ней не раз – я объедался бозбашем!

Ах, эта баранья похлебочка с картошечкой, овощами – морковкой, баклажанами, перчиком сладким и помидорами, конечно! А кусочки вареной баранинки, прежде чем попадут в этот восхитительный суп, еще дополнительно обжариваются. Ох уж этот бозбаш эчмиадзинский, покорил ты мое сердце! И все это с изумительным мягким лавашом, со свежей зеленью, с отдельно поданными обжаренными ломтиками баклажана…

Тем временем «банкетные кабинеты» заполняются мужчинами. Может быть, так выпадало, но мы не видели вечером среди сидящих здесь компаний женщин. Приходят солидные дяди, кушают, немного выпивают и громко обсуждают какие-то свои дела.

Надо сказать, что за обильный стол, на котором было мясо, рыба, овощи, лаваш, тот же бозбаш (ох, бозбаш!) и две бутылки армянского хорошего сухого вина – а сидели Лена и я там вечером обычно часа по два-три (куда спешить-то?), мы платили от тысячи до тысячи трехсот рублей, если перевести на наши деньги. Несколько раз мы просили наших добрых хозяев все, что мы уже были не в силах втолкнуть в себя, завернуть с собой.

Получался еще и обильный завтрак…

Во время наших гуляний по Эчмиадзину мы наткнулись еще на одну подобную кафешку «для своих». Зашли туда. И нас без всяких звонков встретили приветливо, провели в «банкетную комнату», похожую на небольшую пещерку или грот, и тоже очень вкусно накормили. В соседней «пещерке» сидели огромные, но добродушные армянские полицейские и пили холодное пиво после трудового дня…

Эчмиадзин – город небольшой, но очень красивый. Сегодня в нем живет пятьдесят тысяч человек.

И город этот очень древний! На этом месте в незапамятные времена жили таинственные этруски. О них мы еще вспомним.

В 163 году нашей эры Эчмиадзин (тогда он назывался Вагаршапат) уже точно существовал, поскольку именно в этот год он стал политическим и религиозным центром древнего Армянского государства.

В 301 году христианство стало государственной религией Армении. Кстати, эта страна была первой на Земле, где это произошло. А в 303 году здесь была заложена церковь, которая и получила название «Эчмиадзин», в переводе с армянского «Место сошествия Единорожденного».

Как гласит легенда, первому Католикосу всех армян Григорию Просветителю приснилось, что с неба сошел сам Христос и огненным молотом указал ему, где строить храм. Этот храм и стоит по сей день.

Сейчас это Кафедральный собор Армянской апостольской церкви, одной из древнейших христианских церквей на Земле. Естественно, что он не раз перестраивался и даже строился заново. Самое первое здание было деревянным. В седьмом веке храм был отстроен в камне и тысячу лет стоял так, как был построен. Только в семнадцатом веке над ним появились новый купол и колокольня, что стоят и по сей день. Храм очень красивый, великолепные росписи внутри. У стен храма похоронены католикосы Армянской апостольской церкви.

В конце девятнадцатого века в Кафедральном соборе Эчмиадзина были построены помещения для хранения священных христианских святынь. Самая главная из них – «Копье Судьбы». То самое копье, которым римский воин Лонгин заколол Иисуса Христа на кресте. Считается, что в Армению это копье принесли апостолы Фаддей и Варфоломей и хранилось оно до того, как попало в Эчмиадзин, в древнем монастыре Гегард. «Гегард» по-армянски и есть «Копье». В этом монастыре мы с вами обязательно побываем.

Правда, в Ватикане, Вене и Кракове тоже хранятся копья, которыми, как считается, был убит Спаситель.

Но все армяне уверены, что именно эчмиадзинское «Копье Судьбы» подлинное.

Увидеть артефакт может любой желающий. И даже сфотографировать его, что мы и сделали.

В этой сокровищнице есть и кусочек Ноева ковчега, и мощи святых, и древние рукописи, и парадные облачения католикосов – глав Армянской церкви.

Венчаться молодожены из Еревана, и не только, в Кафедральном соборе почитают за счастье. Мы видели здесь немало шикарных свадебных процессий. Лимузины, в которых ехали молодые, были украшены абсолютно по-разному: в виде кареты, например, или в виде венецианской гондолы. Или просто шикарный линкольн их привозил.

Хотя, как говорила нам еще одна наша добрая подруга Асмик, сейчас шикарную армянскую свадьбу себе может позволить далеко не каждая семья. Ушли в прошлое пиры с сотнями гостей. Страна и подавляющее большинство людей живут небогато.

«На нашей с мужем свадьбе было всего шестьдесят человек… – признавалась нам Асмик. – Но в количестве ли приглашенных счастье?» Согласен с ней полностью.

Рядом с Кафедральным собором расположена резиденция католикосов Армянской церкви. Резиденция, кстати, построена на месте дворца древних армянских царей.

Недалеко от Кафедрального собора – Духовная академия Армянской церкви, в которой учатся всего 50 человек. Как нам сказали, знания там студентам дают фундаментальные, и не только в области богословия. Особенно налегают на изучение языков.

Территория, окружающая собор, напоминает более всего красивый и ухоженный парк, украшенный статуями, фонтанами и, конечно же, хачкарами. Об этих замечательных крестах-камнях я еще расскажу.

В парке много туристов, подъезжают они сюда автобусными караванами, весело переговариваются, щелкают фотоаппаратами, с веселым удивлением поглядывают на армянских священников в надетых на голову черных остроконечных капюшонах.

У одного из фонтанов сидит старик лет восьмидесяти, а то и побольше. Чистенько одетый. На его потертом пиджаке награды. Боевые награды. Вижу Красную Звезду, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга». Нашивки за ранения. Сидит, опираясь на палочку. Тут же захотелось его сфотографировать. Достаю фотоаппарат и подхожу ближе.

– Здравствуйте, уважаемый. Я сфотографирую вас. Можно?

Старик посмотрел на меня, пожевал губами.

– Можно. Ты русский, парень?

– Да, русский…

– Мне стыдно говорить… Дай денег, пожалуйста. У меня вся пенсия еще три дня назад кончилась. Маленькая она, да… Ни на что не хватает. Так и живем…

И он замолкает.

Средняя пенсия в Армении составляет примерно сто долларов. Где-то около восьмидесяти процентов от нее старикам приходится отдавать за коммунальные услуги.

Я отдаю ему все деньги, что были с собой…

Недалеко от Кафедрального собора стоит еще один интересный храм. Он посвящен самой, пожалуй, почитаемой армянской святой Гаянэ.

История эта случилась в начале четвертого века. Сорок прекрасных дев-христианок бежали из Рима, где их домогался известный гонитель последователей Иисуса и сластолюбец император Диоклетиан.

Вот бежали они, бежали и добежали до Армении, аккурат до Эчмиадзина. А тут в это время правил царь Трдат Третий, не менее Диоклетиана ценивший женскую красоту. Он увидел одну из девушек, ее звали Рипсимэ, и возжелал ее. Но главная в этом девичьем отряде Гаянэ популярно объяснила царю, что ее младшая подруга и все они – невесты Христовы и никому, кроме Спасителя, принадлежать не могут.

Трдат Третий, конечно же, расстроился и в приступе меланхолии велел пытать, а потом казнить всех их. Причем тридцать восемь дев были убиты и похоронены в одном месте, тоже недалеко от Эчмиадзина, а Рипсимэ – она, как и Гаянэ, была причислена к лику святых – в другом. А Гаянэ – в третьем. Вот там, где, по преданию, похоронили Гаянэ, и был в начале седьмого века воздвигнут собор. На месте гибели Рипсимэ тоже стоит древняя церковь.

Трдат Третий, правда, потом раскаялся в содеянном, уверовал в Бога и стал ревностным христианином. Но… поздно, дев-то не вернешь.

Грустная история…

КАК МЫ ПОГРУЖАЛИСЬ В ГЛУБИНЫ ДРЕВНЕЙ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИИ

Я уже упоминал, что в Эчмиадзине у нас появился хороший друг – Асмик. Сона нас с ней познакомила. Благодаря Асмик мы увидели самые интересные, самые красивые, удивительные места в Армении. И узнали, как сейчас живется в этой стране.

Асмик – выпускница Ереванского университета, изучала там польский язык и литературу, есть у нее сынок двух с половиной (сейчас уже боль-

ше, конечно) лет от роду и замечательный муж Арташ. Отличный парень, между прочим, мы с ним тоже познакомились. Арташ трудится на двух работах, чтобы прокормить семью, а у Асмик пока с работой трудно. Она с радостью взяла на себя миссию показать пришельцам из Карелии свою древнюю землю.

Итак, мы с Асмик отправляемся на холм Арин-Берд.

Стоп-стоп… Тут необходимы пояснения.

Дело в том, что люди на этих землях жили с незапамятных времен, в раннем палеолите еще.

А древние протоармянские племена появились здесь в четвертом тысячелетии до нашей эры. Причем, как показывают археологические находки, это были весьма развитые племена во всех отношениях.

Вот угадайте – где была найдена самая древняя в истории человечества туфля? Правильно, на территории современной Армении. Нашли ее в пещере в местности Арени. И была эта туфелька изготовлена из настоящей кожи и довольно ладно скроена. Когда стали делать радиоуглеродный анализ той самой кожи, то оказалось, что древние армянские мастера соорудили обувку ни много ни мало, а пять с половиной тысяч лет назад! Представляете?

Более того, древние армяне, как выяснили современные ученые, проведя многочисленные генетические экспертизы, были предками этрусков – таинственного и могучего племени, что владело огромными территориями на Средиземноморье! Это племя до сих пор вызывает интерес у историков, поскольку оно неожиданно появилось на древней политической карте, создало мощное государство и так же неожиданно исчезло через несколько веков, оставив после себя следы богатой, развитой и очень интересной культуры.

Вся история Армении с древних времен до наших дней – это история побед, великих открытий, история великих полководцев и битв, святых людей и жестоких царей. Это история горьких поражений и страшных трагедий. Вот такая она – история Армении и ее народа.

Впервые Армения («Арминия») как государство упоминается в летописях легендарного царя Персии Дария Первого, что правил с 522 года по 486 год до нашей эры.

В первом тысячелетии до нашей эры здесь, на армянских землях, образуется могущественное государство, самое могучее в Передней Азии, Урарту.

Со временем оно становится столь сильным, что подчиняет себе огромные территории Закавказья и Южной Европы.

Это сейчас Республика Армения занимает площадь в тридцать тысяч квадратных километров, а когда-то, в древней истории, армянское государство было в десять раз больше!

А на холме Арин-Берд находится сердце Урарту – крепость Эребуни. Сейчас холм находится в городской черте Еревана, собственно сама крепость и есть начало современной столицы Армении.

Эребуни, как и другие крепости-города: Тейшебаини и Аргиштихинили, например, – как раз и были возведены во времена Урартского царства. Но до наших дней «дожила» лишь Эребуни. Эта крепость была основана царем Урарту Аргишти Первым (у подножия холма есть ему памятник) в 782 году до нашей эры.

«Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, эту могущественную крепость построил; установил её имя Эребуни для могущества страны Биайни и для устрашения вражеской страны. Земля была пустынной, могучие дела я тут совершил. Величием бога Халди Аргишти, сын Менуа, царь могущественный, царь страны Биайни, правитель города Тушпы», – так гласит надпись, выбитая на одном из камней крепости. Найти ее трудно там, в крепости самой, но я отыскал.

Аргишти Первый, кстати, не только успешно воевал, строил такие крепости, но и развивал сельское хозяйство, совершенствовал культуру виноделия и активно строил оросительные каналы в Араратской долине. И еще чего много полезного сделал для Урарту.

Как при нем развивались ремесла, металлургия, инженерное искусство, видно на примере тех экспонатов, что собраны в музее Эребуни, что находится также у подножия Арин-Берд. Я все удивлялся: экспонатам тысячи лет, а в какой они сохранности!

Попасть на Арин-Берд оказалось легче легкого. Отъехали от музея и медленно стали подниматься по своеобразному серпантину, что привел нас к одинокому шлагбауму, у которого стоял не менее одинокий полицейский и бегал веселый рыжий пес, который не обратил на нас никакого внимания. И полицейский тоже не обратил… Впрочем, через какое-то время он лениво показал нашему водителю, где можно поставить машину, и тут уж совершенно потерял к нам интерес.

Сегодня Эребуни – одна из древнейших крепостей мира – представляет собой своеобразный ла-

биринт из мощных стен, сложенных из огромных обтесанных камней. Среди этих камней бегают большие рыжие муравьи и постоянно пугают Лену.

Благодаря археологам мы точно знаем, за какими именно стенами находились царские покои, за какими жил гарнизон, за какими располагались мастерские… Сохранилась стена древнего храма, на которой видны фрагменты росписи.

С холма Арин-Берд открывается великолепный вид на современный Ереван.

А теперь мы с Асмик отправляемся еще в одно место, где можно поговорить о древней истории армян. Это храм Гарни.

Он находится километрах в тридцати от столицы Армении в горах.

Когда выезжаем из Еревана, Асмик показывает нам стоящие на окраине города на склоне горы хлипкие домишки, больше похожие на сараи, чем на жилые дома.

– Здесь живут беженцы из Нагорного Карабаха. Когда там началась война, очень много людей к нам приехало. У них же ничего не было, все там – на родине – осталось. Вот и выделили им землю, чтобы строились и хоть как-то жили. Чем-то большим помочь им пока сложно.

У Асмик в Карабахе воевали отец и дядя, как и многие мужчины этой страны.

События в Нагорном Карабахе принято называть «военным конфликтом». Но каждый день армянские СМИ передают сводки об обстрелах, боевых столкновениях, о раненых и погибших. И ты понимаешь, что это не просто конфликт, это полноценная война…

Нагорный Карабах, пожалуй, самая больная и кровоточащая рана, которая возникла в результате распада Советского Союза.

Мы поднимаемся все выше в горы. Недавно тут прошел дождь, и вершины укутаны полупрозрачным туманом. Не то что красиво, а просто волшебно!

И вот уже территория храма, что расположен недалеко от небольшой деревни, которая тоже называется Гарни.

Гарни – языческий храм. Как полагают ученые, он был посвящен Богу огня, очень авторитетному среди древних армян персонажу. Статуи бога не сохранилось, в храме только ниша осталась, где она стояла. Гарни очень похож на древнегреческие храмы: колонны, портики, сложенная из каменных блоков лестница, ведущая ко входу. Собственно говоря, то, что мы видим, – это плод работы советских археологов. Гарни в средние века был разрушен землетрясением, и только во времена СССР ученые собрали старые камни и восстановили его. Он так красив, что посмотреть на это чудо сюда съезжаются тысячи людей со всего мира. Когда мы там восхищались им, вместе с нами тем же занимались японцы, французы и, кажется, англичане…

Первоначально же этот храм был построен в начале первого века нашей эры армянским царем Трдатом Первым. Древним армянским царям так понравилось это место – замечательная природа долины реки Азат и мягкий климат – что постепенно они возвели вокруг храма крепость и дворцовый комплекс. Гарни превратился в царскую резиденцию, фактически в дачу древнеармянских правителей.

Но Гарни был еще и неприступной цитаделью, которая защищала армянское государство от захватчиков более тысячи лет!

Асмик показала нам довольно неплохо сохранившуюся древнюю баню, что была построена для сестры одного из царей. Баня имела три отделения: в первом можно было поплескаться в прохладной воде, во втором было уже чуть потеплее, а в третьем можно было даже париться.

На мозаике пола бани – это нам тоже Асмик показала – на древнегреческом языке выложена надпись, которую можно перевести примерно так: «Мы работали тут, но ничего не получили». Видя ее, можно сделать два вывода. Первый: баню строили не рабы, а, так сказать, приглашенные специалисты из Древней Эллады. Второй: уже в древние времена застройщики-хозяева, выражаясь современным языком, умели «кидать» подрядчиков. И этот нехороший обычай дожил до наших дней…

На обратном пути из Гарни мы остановились в небольшой деревне у импровизированного прилавка у дороги. Рядом с этим сооружением, сколоченным из досок и фанеры, стояли несколько улыбчивых женщин среднего возраста и чуть постарше. На «прилавке» стояли банки с разнообразными вареньями, соленьями и медом.

Асмик сказала: «Ребята, здесь можно купить очень вкусный горный мед и многое другое, что у нас в горах делают. Купите, не пожалеете!»

Моя жена, любительница меда, перепробовала его по ложечке у нескольких продавщиц и наконец остановилась на продукте симпатичной бабули, которая тут же побежала в дом за этим целебным снадобьем.

Кроме меда, нам предлагали варенье из ежевики, помидоров, грецких орехов, закрутки с маринованными местными овощами… Это выглядело

так вкусно, что хотелось взять все! Но как бы мы это все довезли до родного Петрозаводска?!

В конце концов, кроме меда, мы еще приобрели у этих замечательных женщин несколько баночек варенья из грецких орехов – и не пожалели об этом ни разу, вкуснотища! – и тепло с ними распрощались.

Интересно, что общались мы с женщинами почти все время через Асмик. По-русски они говорили очень плохо. Я удивился и спросил у нее:

– Тетеньки-то должны были еще в советской школе учиться. А во времена СССР у вас же должны были всем русский язык преподавать. А они его почти не знают. Забыли?

Асмик улыбнулась:

– Да они его и тогда плохо знали. В деревенских школах его преподавали, конечно, но деревенские девочки и не должны были его хорошо учить, ведь за пределы Армении, а некоторые даже за пределы своего села, вряд ли выезжали. Они же все здесь на земле и работали, в колхозах и совхозах.

– А сейчас в деревнях работа есть?

– Нет почти. Те, кто сейчас здесь остался, лишь своим хозяйством живут в основном. Что вырастят – то и продадут, то и едят. И скот еще держат, конечно…

Еще один памятник древней армянской истории мы посетили уже без Асмик. Это было во время нашего пребывания на озере Севан. И сопровождал туда нас водитель Володя, еще один наш новый друг.

Это Норадуз, старинное армянское село, где сохранилось на сегодня самое большое в мире собрание хачкаров. Раньше самое большое в мире собрание этих «крестов-камней» находилось в селе Джуга в Нагорном Карабахе. Но в ходе все еще идущей кровавой войны оно было уничтожено азербайджанскими военными. Те старинные камни, что удалось спасти из Джуги, сейчас находятся в Эчмиадзине.

На хачкарах обязательно выбит крест с солнечным диском под ним. Остальная часть камня украшена изображениями листьев, гроздьев винограда, гранатов или просто узорами. Ставился он армянами с незапамятных времен в честь каких-то значимых для человека, его рода, его селения событий. Хачкары – это еще и могильные камни. Иногда по тому, что нарисовано на хачкаре, можно понять, кто лежит под ним – ремесленник, крестьянин, ребенок, воин…

Самый древний хачкар на кладбище Норадуз датирован – представляете! – пятым веком! Самый «молодой» хачкар здесь был изготовлен в веке восемнадцатом. В Норадузе их более восьмисот!

Есть такая древняя легенда, связанная с хачкарами Норадуза.

Раз, когда армяне воевали с турками за свою свободу, слуги доложили турецкому владыке Меликшаху, что в Норадузе армянский царь Гегам похоронил и оплакивает одного из своих воевод, павшего в бою. С ним небольшая охрана и безоружные крестьяне. Гегам и вправду был на кладбище вместе с немногочисленным отрядом. К вечеру он узнал, что на него движется войско Мелик-шаха. Как быть? Отступить под покровом ночи? Или ввязаться в смертельную схватку?

Гегам не растерялся и решил применить военную хитрость: он приказал воинам снять с себя доспехи и надеть их на хачкары. А сам встал со своими людьми перед этими камнями. И вот из-за скалы выехали турецкие воины, и их взору предстала страшная картина на фоне надвигающейся ночи. На возвышении стояли грозные всадники во главе с царем Гегамом, а за их спинами – строгие ряды пеших воинов, которым не было видно ни конца ни края. Приняв камни за воинов, турки обратились в бегство, а царь Гегам догнал и перебил их всех.

Такая вот история с хачкарами…

Кстати, жителям моего родного Петрозаводска повезло. Они, не выезжая из своего родного города, могут увидеть настоящий хачкар. Его подарили жителям столицы Карелии армяне, живущие в нашем краю, в честь 300-летия Петрозаводска в 2003 году. Расположен он в парке возле Кафедрального собора Александра Невского.

КАК МЫ ЗНАКОМИЛИСЬ С ЕРЕВАНОМ

Впервые в столицу Армении мы поехали на второй день пребывания в этой чудесной стране. Поехали сами, без сопровождающих. Целью нашей был ереванский аквапарк.

Добраться от Эчмиадзина до Еревана очень легко. Часто ходят маршрутки, проезд на них стоит на наши деньги очень дешево – считаные рубли. По российским меркам, дешево здесь и такси – за двадцать с лишним километров всего 100 рублей. А поскольку мы даже не представляли, где аквапарк находится, то поехали на такси.

Таксист, парень лет тридцати, по-русски не говорил вообще. То есть абсолютно. Но слово «аквапарк» он прекрасно понял и доставил нас туда быстро и с комфортом.

Когда въезжаешь в Ереван со стороны Эчмиадзина, сначала видишь монументальное здание

Полицейской академии Армении, а затем взору открывается огромная территория, огороженная высоким забором, за которым прячутся многочисленные здания. И все это осенено гигантским звездно-полосатым стягом. Видал я американские флаги, конечно, но такой большой впервые мне попался! Это посольство США в Республике Армения.

Американцы в этой маленькой стране, в осколке, можно сказать, Советского Союза, открыли свое дипломатическое представительство, которое является вторым по величине в мире! Представляете?

А первое по величине посольство США находится в Ираке, в Багдаде. Ну, почему там – понятно: надо же как-то удерживать идущую вразнос после американской агрессии страну. Но почему Армения?

Ответ на этот вопрос я нашел у американского же эксперта-аналитика, одного из сотрудников проекта Национальной безопасности Трумэна, Дэниеля Гейнора. Вот что он пишет: «Самое лучшее объяснение – это расположение. Армения, не имеющая выхода к морю, страна с трехмиллионным населением, расположена, возможно, в самом бурном регионе в мире.

Однако, с точки зрения Америки, это самая важная позиция для союзника США, чтобы проводить внешнюю политику Обамы.

Армения граничит с Турцией, Азербайджаном, Грузией, Ираном. Как бывшая советская страна, Армения полагается на Россию в сфере торговли и военной поддержки.

У США есть свои ставки на все упомянутые пять стран, а Армения находится в поле зрения как потенциально мощный рычаг для продвижения американских целей».

Проще говоря, наши американские «друзья» просто делают все, чтобы увести Армению из союза с Россией, прийти туда самим и создать в этой традиционно дружественной нам стране еще один плацдарм для военного, экономического и политического шантажа нашей Родины. Сильно придумано!

Кстати, почти весь забор американского посольства обвешан баннерами с информацией об американо-армянских программах в различных областях культуры. Если не получается пока у этих ребят прибрать к рукам экономику, вооруженные силы и политиков Армении, то они заходят в другую дверь…

Ну, так мы о ереванском аквапарке. Горожане не зря его любят. Очень уютный, чистенький, небольшой совсем, он просто идеально подходит для семейного отдыха. Но не бассейнами и массажами лично мне запомнилось это заведение, предназначенное для широкого культмассового отдыха, а шашлыками! Настоящие армянские шашлыки на косточке, что готовятся на огромном мангале у центрального бассейна. Это же сказка, а не шашлыки, доложу я вам…

Но и поплавали мы в аквапарке тоже вволю. Короче, успели всё!

Обратно в Эчмиадзин нас вез пожилой мужчина, лет так хорошо за шестьдесят. Вот он-то говорил по-русски очень хорошо, и говорил много! Вспоминал, как в восьмидесятые годы прошлого века отдыхал в ведомственном санатории ТАСС в Подмосковье, и вздыхал: «Какую страну мы про…ли, парень. Ах, какую страну! И что получили? Ты не знаешь, как холодно и голодно было в Ереване в зимы девяностых годов. Ни работы, ни электричества, ни продуктов… ничего! И война в Карабахе. Страшная!»

Зашла речь и о России. Таксист оживился: «Это хорошо, что вы свою силу показали, Крым вернули обратно себе. Мы ведь как здесь думаем: сейчас Россия сильная, она нас защищает, вот факт. А если вы ослабнете? Турция, Азербайджан, американцы эти нас разорвут. Так что уж вы будьте сильными… – И без всякого перехода. – Видите справа здание такое красивое… вот, вот оно! Во времена Союза здесь самый модный в Ереване ресторан был. А сейчас здесь посольство Франции…»

Зашла у нас с таксистом речь и о недавних волнениях в Ереване.

Напомню, что в июне 2015 года премьер-министр Армении Овик Абрамян объявил, что тарифы на электроэнергию в стране подорожают на 16 процентов. Это вызвало возмущение в стране. На ереванский проспект Маршала Советского Союза Баграмяна вышли сотни, а затем и тысячи людей. Волнения начались в других армянских городах. Западные СМИ с удовольствием подавали информацию об этих протестах как антироссийские акции. Тем более, что имели на это право: фирма «Электрические сети Армении» является стопроцентной дочкой российской компании «ИНТЕР РАО». Были столкновения, были провокации каких-то странных личностей, были аресты. Все было.

Полиция Армении использовала даже водометы для разгона демонстрантов. Постепенно ситуация нормализовалась. Армянское правительство выделило более двух с половиной миллиар-

дов армянских драмов для компенсации малообеспеченным слоям населения последствий повышения тарифов. К концу июня протестные акции постепенно утихли.

– Что вы о ваших протестах думаете? Это попытка революции была? – спрашиваю нашего собеседника. – К чему это приведет?

– Криками у нас ничего не добиться, – отвечал таксист. – Не надо бунтовать. Мы, армяне, привыкли садиться и договариваться. У нас так дела делаются. А что эта молодежь… вышла, покричала. И чего добилась?

А вот у нашей Асмик на эти события совсем другой взгляд. Она сама с мужем и даже маленьким сыном ходила на проспект Баграмяна.

– Нельзя молчать! У нас, почти у каждого в Армении, и без того небольшие доходы, а тут такое повышение на электричество. В такой ситуации каждый должен сделать свой выбор: отсиживаться или бороться за свои права нормально жить. И мы вышли бороться.

– Асмик, а писали, что эти протесты имели антироссийскую направленность…

– Были отдельные люди, которые что-то про Россию кричали или плакаты такие держали. Откуда они взялись – не знаю, честно. Но народ-то выходил не против России или еще какой-нибудь страны. Мы выходили решать наши внутренние проблемы. Армяне любят Россию и за многое ей благодарны! И мы не хотим революции, а хотим просто достойно жить. Ведь мы не только против повышения этих тарифов выходили протестовать. Многие тоже вышли на улицы – молодежь в основном – когда правительство решило повысить проезд в общественном транспорте со ста до ста пятидесяти драм *(примерно с 12 до 18 рублей. – **А.Е.**)*. Люди ходили и скандировали: «Сто драм, сто драм!» К нам и артисты присоединились, певцы и певицы пели, представляете: «Сто дра-а-ам! Сто дра-а-а-ам!» А актеры это декламировали!

Я отлично понимал Асмик и ее друзей. Ведь минимальная зарплата в Армении сегодня составляет около 133 долларов, средняя – где-то 235. За «коммуналку» армяне отдают примерно 80– 90 долларов, а в зимние месяцы эта сумма может увеличиваться вдвое, а то и больше. Вот и живи… Но армяне не унывают: почти всем им приходится работать больше и больше – их трудолюбие вызывает удивление и уважение – и они с оптимизмом смотрят в будущее…

Но мы отвлеклись от главной нашей цели – от прекрасного Еревана.

Официально считается, что начало свое Ереван ведет от основания Аргишти Первым крепости Эребуни, в которой мы с вами уже побывали.

Но есть армяне, которые не согласны с этой версией и считают, что город появился намного раньше, и его основание связывают с библейским праотцом Ноем, проектировщиком и строителем знаменитого ковчега, который во время Великого Потопа причалил к горе Арарат.

Будто праотец, увидев землю, вдруг закричал буквально по-армянски (освоил за секунды от радости этот язык!): «ЕРЕВАЦ!!!!», что означает: «ОНА ПОЯВИЛАСЬ!!!» Она – это земля. Вот отсюда якобы и появилось название города.

Асмик гуляет с нами в центре города. Вот небольшой парк с прудом, в котором плавают лебеди. И очень красивая скульптура человека в обрамлении кустов, так подстриженных, что их очертания похожи на музыкальные инструменты.

– Так, – загадочно говорит она. – Знаете, кто это?

Я вглядываюсь в лицо. Нет, нет… неужели?! Когда-то его знал весь Советский Союз! И выпаливаю:

– Арно Бабаджанян? Знаменитый композитор?

Асмик с огромным удивлением смотрит на меня.

– Браво, Александр! У нас не каждый молодой человек знает, кто это…

Памятник Бабаджаняну простой, красивый и очень трогательный…

Асмик ведет нас по пешеходной улице, которая обрамлена современными домами, элегантными и абсолютно европейскими! Тут много магазинов, много кафе. Здесь очень классно!

И вот мы выходим на площадь Республики. Это главная площадь столицы Армении. Ее архитектурный комплекс был создан аж в 1926 году!

И скажите мне после этого, что большевики не заботились о развитии своих национальных республик! Здания на площади Республики построены из туфа – очень красивого и многоцветного армянского камня. А еще там замечательные фонтаны! Вечером они освещены и придают просто непередаваемую красоту всему архитектурному комплексу.

Кстати, о фонтанах.

Один из самых известных и больших фонтанов-каскадов в мире расположен как раз в Ереване! Сейчас он находится на реконструкции, но даже

без воды это сооружение просто величественно! Начали строить его в 1960 году. Тогда был сооружен на этом месте один фонтан-водопад. В 1971 году появляется проект всего огромного сооружения, и каскад начинает строиться.

В 1988 году строительство приостановилось – в Армении произошло страшное землетрясение. А в 1991 году совсем остановилось – не стало Советского Союза. И только в 2009 году Ереванский каскад наконец был закончен благодаря деньгам американского миллиардера армянского происхождения Джерарда Гафесчана. Говорят, что после реконструкции каскад будет еще прекраснее.

С вершины каскада – а мы добрались до самой вершины! – открывается просто удивительный вид на столицу Армении. С вершины каскада видна и величественная статуя «Мать Армения», в недрах постамента которой сейчас уютно расположился Музей советского периода истории страны.

У подножия каскада памятник человеку, которого ереванцы почти обожествляют. И не зря, ведь именно он создал в тридцатых годах прошлого века тот облик города, которым сейчас восхищаются туристы. Это Александр Таманян.

А чуть дальше расположена аллея, где нашли пристанище потрясающие скульптуры, созданные архитекторами со всего мира! Чего только стоит чрезвычайно полюбившийся мне «Человек из букв» («Men of Letters Sculpture»). Это реальный шедевр! Сидит себе такой весь слепленный из букв алфавитов разных стран мужик, прижав к груди колени, и о чем-то думает. Автор этого «Человека» испанец Жауме Пленса. Он сделал несколько таких «Человеков». Самый большой – восьмиметровый – «живет» сейчас во Франции. Еще один – в Москве. И еще один – в княжестве Андорра.

А «Черный кот» колумбийца Фернандо Ботеро? А еще десятки не менее интересных и забавных скульптур?

Вообще, на улицах Еревана (и не только Еревана, в других городах тоже, и даже на автомобильных трассах) очень много красивых памятников и скульптур. Впрочем, в Армении не только красивые монументы, но и очень красивые люди.

А как красив Ереванский оперный театр!

Будете в Ереване, обязательно посетите «Вернисаж»! Это просто замечательное место! Но это не выставка в буквальном смысле слова, а скорее… выставка-продажа, вот!

Здесь можно приобрести картины современных армянских художников, старые полотна, изделия серебряных дел мастеров, старые, как сейчас говорят, «винтажные» интересные экземпляры домашней утвари, вышедшие из употребления монеты и банкноты… Книги замечательные здесь продаются на армянском, русском и даже грузинском и персидском (он же фарси) языках. А какие здесь изделия из серебра ручной работы! А кинжалы, а ручной опять же работы ларчики!

И просто сувениры здесь можно найти, в том числе и знаменитые армянские носы, любовно вырезанные из различных пород дерева и до блеска отшлифованные.

Шумит «Вернисаж», шумит! И это не просто место купли-продажи предметов искусства, раритетов или сувениров. Это место встречи коллекционеров, художников, а заодно и мошенников всех мастей. Сам этих мошенников не видел, но так говорят… А может, и не мошенничают эти мошенники здесь, а просто приходят сюда отвести душу в созерцании прекрасного и в общении с творческими людьми…

Кстати, вот что я еще заметил в Ереване.

Там намного меньше, чем у нас, молодежи, что ходит с воткнутыми наушниками, мерно покачивая головой в такт неслышимой остальным музыке, или бредет неведомо куда, уткнувшись глазами в экран смартфона или айпада какого-нибудь. Мне показалось, что в Армении до сих пор любят живое – а не с помощью гаджетов – общение. На каждом шагу можно увидеть и большие группы парней и девушек, и влюбленные парочки, бредущие неведомо куда. И все они общаются, так сказать, «вживую». Лично меня это очень порадовало…

Если идти в Ереване по проспекту Маштоца в гору, то обязательно попадешь в конце этой магистрали в удивительное место – в Матенадаран.

Вся вековая мудрость, вся древняя культура, весь талант этого народа хранится как раз здесь – в Матенадаране!

Матенадаран – это самый известный в мире Институт древних рукописей. И что самое удивительное, эти уникальные рукописи здесь не прячут, а, наоборот, показывают людям и радуются, когда люди проявляют к ним интерес. Конечно же, не все манускрипты здесь можно увидеть, многие просто боятся света, требуют особых условий хранения. К тому ж их здесь хранится почти семнадцать тысяч! Понятно, что все не выставишь.

Меня вот что поразило. В залах этого учреждения сидят замечательные русские бабули-смотрительницы, которые разговаривают на изумительном литературном русском языке и очень напоминают смотрительниц в залах Эрмитажа. Ну просто один в один!

У подножия величественного здания Матенадарана установлен памятник Месропу Маштоцу.

Месроп Маштоц – создатель армянской письменности. Именно он придумал в 406 году нашей эры армянский алфавит, состоящий из 36 букв. И эти буквы еще были и цифрами, представляете?

Месроп Маштоц был выдающимся философом, ученым, политическим и религиозным деятелем. За свои заслуги этот человек Армянской церковью был причислен к лику святых. Кстати, Маштоц создал не только письменность для своих родных армян, но и для средневековых албанцев, например.

Памятник ему у Матенадарана изображает не только этого человека, но и одного из его учеников, который оставил нам жизнеописание ученого.

Вот еще интересные факты: первый текст, что был записан с помощью алфавита Маштоца, гласил: «Познать мудрость и наставление, понять изречение». А самое длинное слово, что создано при помощи этого алфавита, составлено из 35 букв. Это слово «солнцесветлолучеозарение»! По-армянски это звучит так: «арев ач'ач'анчапайцарап'айллат'акууцюнне»! И кто из вас попробует это повторить?

Холл уникального хранилища украшен панно на тему древней истории Армении.

Как я уже сказал, в Матенадаране хранится семнадцать тысяч древних манускриптов. Я видел там и папирусы Древнего Египта, и даже берестяную грамоту из Новгорода Великого, и древние западные духовные книги.

Но главная ценность Матенадарана – это армянские рукописи. Самая древняя из них – Евангелие Девы Марии, что датируется седьмым веком. Армения – страна, которая первой на Земле приняла христианство как государственную религию. И в армянских монастырях издревле совершенствовалось искусство написания духовных книг! В мире их осталось всего тридцать тысяч. Большинство сейчас хранится здесь. Буквы в древних армянских рукописях даже не писались – вырисовывались, как и картины (не поднимается рука их назвать картинками) на листах. И краски, которыми это делалось, не утратили свежести до сих пор.

От хранилища древних рукописей направляемся в не менее священное для армян место.

«Вам обязательно надо там побывать, – говорит Асмик. – Вся боль, весь страх и все мужество армянского народа там…»

Холм Цицернакаберд.

Это место, куда каждый армянин приходит вспоминать и скорбеть о том, что произошло чуть более ста лет назад.

В конце девятнадцатого – начале двадцатого века армянский народ подвергся чудовищному насилию со стороны турков. Армия Османской империи, выполняя политическую установку своего правительства на уничтожение армян, расстреляла, заморила голодом, закопала живьем, задушила и еще более изощренно уничтожила более полутора миллионов человек. 350 тысяч армян бежали от смерти в Европу, Америку, на российский Кавказ.

Массовая резня вызвала ужас во всем мире. За армян вступились выдающиеся политические деятели, писатели, дипломаты, художники и даже знаменитые военные того времени. Но турки продолжали уничтожать беззащитных людей.

Мемориальный комплекс Цицернакаберд – это дань памяти армянского народа всем уничтоженным соплеменникам и напоминание о том, что такое не должно повториться. Хотя уже повторялось – в годы фашизма. И сегодня – в Одессе, где организованно и весело украинские националисты заживо сожгли десятки людей в Доме профсоюзов…

Стела высотой в сорок четыре метра расколота пополам. Это две части армянского народа – одна живет на родной земле, вторая – в диаспорах во всех концах Земли. Но верят армяне, когда-нибудь эти части воссоединятся на родной земле под сенью горы Арарат, которая сейчас находится на отобранной у армян турками территории.

Под комплексом – музей геноцида армян. Там нельзя фотографировать. Но и не надо. Когда идешь по этому музею, видишь свидетельства жутких злодеяний – мороз по коже. И хочется еще и еще раз повторить: «Люди, не убивайте друг друга!»

Но мало кто слышал этот призыв в прошлом и, к сожалению, мало кто слышит и сейчас.

Сегодня геноцид армян до 2016 года признали и осудили 26 стран мира и крупнейшие международные организации. Совсем недавно геноцид армян признала Германия. Она стала двадцать седьмой страной.

Турция за геноцид так до сих пор не извинилась…

На Холме Цицернакаберд в память о погибших в страшные годы геноцида горит Вечный огонь…

И здесь же, в мемориальном комплексе, могилы героев, погибших в ходе войны в Нагорном Карабахе.

КАК МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ОЗЕРОМ СЕВАН И ПЕРЕЖИЛИ ТАМ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Вот! Мы дождались этого дня! На восемь дней едем на озеро Севан!

От Эчмиадзина, где находится наша с Леной «Ставка Верховного главнокомандования по покорению карелами Армении», примерно сто двадцать километров.

По подсказке нашей замечательной помощницы Соны еще из Петрозаводска мы забронировали места в гостиничном комплексе «Голубой Севан». Туда мы и направляемся в сопровождении Асмик. За рулем нашей машины ее муж, симпатичный улыбчивый Арташ.

«Он не говорит по-русски, – предупреждает нас наша подруга. – Но все понимает».

Арташ улыбается и согласно кивает.

Для того чтобы попасть на Севан, нам надо подняться на высоту 1900 метров над уровнем моря.

Едем по хорошей трассе мимо волшебных по красоте мест.

Движение совсем небольшое, попадается масса старых советских авто. Белые и черные «Волги» представительского класса. Они когда-то, лет тридцать-сорок назад, бывшие символом престижа и благосостояния любой армянской семьи, все еще встречаются здесь на дорогах. С оторванными бамперами, проржавевшими дверьми, эти символы богатства времен Советского Союза сегодня везут в открытых багажниках и на крышах ящики с овощами и фруктами.

Видел и старенькие «Москвичи», и даже микроавтобусы «RAF»!

Помните рафики выпуска Рижского автозавода? Не все помнят? Конечно, ведь это предприятие прекратило существование еще в конце девяностых годов прошлого века. Новые латвийские правители нового латвийского государства фактически убили его в угоду европейским автогигантам, выбросив на улицу тысячи людей.

Интересный факт: последним автомобилем, что создал «RAF» – уже после распада СССР – по заказу России, была… труповозка. Двадцать одна труповозка была заказана…

Видя мой интерес к автораритетам, Арташ спрашивает меня через Асмик:

– У вас уже нет таких машин? А у нас вот бегают еще. Многие не могут даже подержанные иномарки купить, в семьях денег нет, особенно в деревнях.

– Армения же очень интересная и богатая историей страна, – говорю я. – Плюс выгодное расположение, плюс полезные ископаемые. Я вот помню, что у вас медь, молибден, свинец, цинк, уран, еще какие-то металлы есть. Один молибден ваш почти восемь процентов мировых запасов составляет. А марганец? А камни ваши – туф, мрамор замечательный, базальт, обсидиан тот же… А развитие туризма какое может быть? И почему же Армения такая бедная?

– Александр, мы живем фактически в блокаде. С одной стороны – Турция, рядом Азербайджан. И война в Нагорном Карабахе. Вы помогаете как можете, да. С Евросоюзом торговля растет. Но для того чтобы развивать экономику, нужны инвесторы, а кто сюда в таких условиях пойдет? И внутренние факторы…

– Предположу: коррупция?

– Да…

Коррупция проклятая. Она ведь и нас погубит…

Мы подъезжаем к «Голубому Севану». По берегам озера то тут, то там недостроенные и уже полуразрушенные здания отелей и санаториев. Асмик объясняет:

– Какие-то объекты начали еще при СССР строить, какие-то позже. Но… я же говорила, что трудно к нам сейчас инвесторов заманить… Надеемся, что все будет меняться к лучшему…

Мы едем вдоль легендарного Севана. О том, как возникло это озеро, есть масса версий.

Мне понравилась вот эта: когда-то давно, когда озера еще не было, в этих краях жила большая армянская семья. И один из сыновей главы семьи женился на красивой, но безалаберной девушке. И вот однажды эта девушка пошла за водой на родник. А родник этот был закрыт тяжелой крышкой, чтобы вода не разливалась. И вот эта молодая армянская жена воду набрала, а крышку, что преграждала путь воде из родника, на место положить и забыла. Вода ринулась вниз, на дно уходили дома и поля. И люди стали кричать: «Пусть окаменеет тот, кто оставил родник открытым!» И забывчивая невестка старого армянина окаменела. И до сих пор стоит в озере утес, который местные называют Арснакар («Камень невестки»).

Но это не более чем красивая легенда.

На самом деле это очень древнее озеро, окруженное суровыми горами. Очень древнее, люди тогда еще здесь не жили.

Это самое большое и красивое озеро Кавказа. Одна его часть называется Большой Севан, вторая – соответственно – Малый Севан.

Севан занимает площадь более тысячи двухсот

квадратных километров, самые большие глубины его – восемьдесят метров, средняя глубина – двадцать семь метров.

Вода прозрачная, чистая и летом для нас, северян, вполне теплая: температура воды достигает 23 градусов. Но когда я купался в Севане, местные и приезжие армяне смотрели на меня с ужасом. Они не привыкли так долго бултыхаться в «слушай, такой холодный вода. Ты живой еще там, а?»

Севан многолик. Сейчас его воды голубые, но вот прошло какое-то время, и они стали темными, как топаз. Еще чуть-чуть времени прошло – они опять поменяли цвет.

В водах Севана обитает множество рыб – а некоторых особей специально выращивают здесь в садках – и их можно попробовать в многочисленных прибрежных кафе. Вкусна форель, бесподобны стерлядь и сом. А какие здесь раки!

Интересно, что в здешних водах плещется и сиг, который был специально завезен сюда из Ладожского и Чудского озер в советское еще время. Здравствуй, родной российский Северо-Запад!

Что касаемо птиц, то их тут тоже немало. И особую радость нам доставляли очень забавные, похожие на громкий смех, крики севанских чаек (есть, оказывается, и такие – это отдельный вид) и черноголовых хохотунов.

Стоит только ради того, чтобы их послушать, съездить на Севан.

Просто представьте: сначала одна такая птица чайка начинает пронзительно-позитивно верещать что-то своим товаркам. Подруги поддерживают ее заливистым «хохотом». Потом еще одна начинает, так же «подхохатывая», «рассказывать» новую «историю». Вся стая просто «покатывается от смеха». И так дальше и дальше. И вот такое «веселье» может длиться полчаса, может быть дольше.

У нас балкон в номере выходил прямо на озеро, поэтому тусовки севанских чаек и их базары мы слышали с утра до вечера. И они нас ни на минуту не раздражали…

Итак, Асмик и Арташ доставили нас на базу отдыха «Голубой Севан».

У парадного подъезда мы тепло распрощались и договорились, когда они за нами заедут, чтобы отвезти в практически уже родной нам город Эчмиадзин.

На стойке регистрации подтвердили, что номер нас ждет. Хороший, с балконом и замечательным видом на озеро.

И тут я выясняю, что в суматохе сборов совсем забыл поменять имеющиеся у меня евро на армянские драмы. Расплатиться, стало быть, за постой нечем…

Вспомнил: изучая сайт «Голубого Севана», видел информацию о том, что здесь есть валютный обменник.

На диване в холле сидел неплохо одетый, с прилизанными волосами скучающий молодой человек, который назвался Арманом. Был он тут кем-то вроде старшего администратора, как я понял.

– Извини, – обратился я к нему. – Скажи, пожалуйста, где у вас здесь обмен валюты. Я читал, что он у вас есть.

– Есть, – вальяжно отвечает Арман. – Я и есть обменник. Сколько менять будем?

– А курс какой? – осторожно интересуюсь я.

– Нормальный… Если не понравится, то езжайте в другой.

– А где другой?

– Двадцать пять километров отсюда. Город Севан, – флегматично отвечает мой собеседник.

– Ну, хорошо. Давай я поменяю сейчас десять евро, и объясни мне, пожалуйста, как вызвать до этого города такси.

– Да пожалуйста, – пожимает плечами он, принимая от меня десятиевровую бумажку. – Такси мы вам сейчас вызовем.

За нами на подержанной иномарке подъехал скромный худощавый симпатичный мужчина лет шестидесяти. Назвался Володей. «Все равно мое армянское имя не запомните», – объяснил он. Так мы познакомились с человеком, который стал нам хорошим другом.

Володя, в общем-то, не совсем таксист. Он имеет работу в городе Севане, а здесь, на базе отдыха, подрабатывает, катая туристов. Мы с ним сгоняли в город и поменяли валюту. У Армана один евро стоил пятьсот драм, а в обменнике в Севане – пятьсот пятьдесят…

– У меня в «Голубом Севане» жена работает горничной, – объясняет Володя. – Вот и поговорила она с администраторами, чтобы меня вызывали, если кому из гостей машина нужна. Так и подрабатываю, зарплаты у нас маленькие, ни на что не хватает.

Володя рассказал нам, что после распада Советского Союза почти двадцать лет работал он в России водителем. Потом попал в крупное ДТП, лишился прав и, соответственно, возможности работать у нас. Здесь выправил новые права и может водить машину.

– А дети есть?

– Конечно! Два сына. Сейчас у вас работают, тоже водители, в Сибири. И дочка еще. – Он улыбается. – И три внука! Мои любимые!

– Слушай, а мы заметили, что молодые армяне, которых мы здесь встречали, почти не говорят по-русски. А твои сыновья?

– У нас много молодежи уезжает в Россию работать. Кто строителями, кто водителями, кто бизнесом занимается… Вот там, как припрет, русский и учат. А кто здесь, на родине, устраивается, тому, твоя правда, русский язык ни к чему сейчас. Но это пока. Туристов все больше из России приезжает, торговля идет хорошо… Опять сейчас учить начнут…

Внуков Володиных мы видели, он как-то привозил их в «Голубой Севан»: симпатичные маленькие джентльмены примерно год от роду, одетые в черные брючки и жилеточки, в белых рубашечках с бабочками.

Володя возил нас по самым интересным местам на берегах Севана, ездил с нами на рынок, привозил сам кукурузу, которую мы варили на кухне ресторана базы, вкусности какие-то, вино… Когда я спрашивал его, сколько мы должны заплатить за его беспокойство о нас, он всегда говорил: «Сколько дадите, столько и ладно…»

Однажды он пригласил нас в одно из прибрежных кафе. Заказал севанских сигов, приготовленных на гриле. Тут же стояло огромное блюдо с севанскими же раками, мы их еще живыми недавно видели в специальной ванне. Стол был уставлен тарелками с зеленью и овощами, бутылками с армянским сухим вином.

И мы просидели за этим столом и проговорили пять часов! Сиги были великолепны, раки – объедение. Сухое красное и белое вино «Армения» юбилейное» – выше всяких похвал!

Ели, пили, говорили за жизнь. Володя успел недолго повоевать в Нагорном Карабахе.

– Знаешь, как страшно на войне, а? Когда воюешь, думаешь, кто ее выдумал – эту войну? Но… если началось – если убивают армян, опять убивают! – надо взять в руки оружие и идти защищать своих сестер и братьев, – с убийственным спокойствием объяснял мне Володя. – Выбора нет. Иначе нельзя.

– А долго ты воевал?

– Несколько месяцев всего.

– А что так мало?

Володя отводит меня за кафе – «Чтобы твоя жена не видела, понял, а?» – и приподнимает футболку. Живот и часть груди в страшных шрамах. «Азербайджанский снаряд, – объясняет он. – Как остался жив – не знаю…»

С Володей на его машине мы добрались до знаменитого на весь бывший СССР города Дилижан. Помните знаменитый диалог из фильма «Мимино» между героями неподражаемого Фрунзика Мкртчяна и гениального Вахтанга Кикабидзе:

– Валик-джан, у нас в Дилижане открываешь просто кран – вода течет – второе место занимает в мире…

– А первое в Ереване… да?

– Нет… в Сан-Франциско.

Киногерой самого знаменитого на советском пространстве армянина Фрунзика Мкртчяна был абсолютно прав: вода, текущая из родников близ города, невероятно чиста и вкусна.

В центре города стоит памятник героям фильма «Мимино»: армянину Фрунзику Мкртчяну, грузину Вахтангу Кикабидзе и русскому Евгению Леонову. А прямо из памятника бьет родник дилижанской вкусной воды. Фрунзику туристы до блеска натерли нос на счастье, Вахтангу – руку, Леонову – плечи…

Жена Фрунзика Мкртчяна – Донара – великолепная актриса, многие помнят ее по фильму Леонида Гайдая «Кавказская пленница», где она играет роль жены веселого мошенника Джабраила, которого Фрунзик и изображал, – умерла именно в городе Севан. Недалеко от нашей базы отдыха – в психиатрической клинике пятнадцатого июля 2011 года. Я видел это здание. Володя мне его показывал.

Она страдала тяжелым психическим наследственным заболеванием, которое передалось и их сыну, и это большое горе великий армянский актер тяжело переживал до конца своей жизни.

А сам он умер двадцать девятого декабря 1993 года в Ереване.

Другой великий армянский актер Хорен Абрамян сказал о нем так: «Фрунзик желал смерти, он рвался к ней, он мечтал о ней, жестоко гася в себе жизненные инстинкты. Его не время погубило и не пристрастие к вину и табаку… Нет, он сознательно шёл к своей погибели, не имея сил пережить болезнь сына и жены – огромное семейное горе… Человек приходит в этот мир с охапкой хвороста, и его задача – сжечь её до конца, чтобы она не превратилась в тлен. К сожалению, Фрунзик не смог все это сжечь, а там было очень много огня. Потеряли мы очень много тепла Фрунзика».

Пока мы любовались Дилижаном, Володя с озабоченным видом куда-то постоянно исчезал.

– Что случилось? – спросил я его. – Ты куда все время убегаешь?

– Слушай, в аптеки, – ответил наш друг. – Понимаешь… у меня очень болеет сестра. Она в Ереване сейчас, в больнице лежит. Лекарства очень нужны. Сказали, что здесь, в Дилижане, они есть, дешевые. У нас же медицина, Саша, вся платная. Страховку медицинскую покупать нам очень дорого. В больницу человек ложится, и за все надо платить. И лекарства самим покупать… Вот я и работаю иногда по двенадцать часов в сутки, чтобы денег на все хватило…

Дилижан – очень красивый и уютный городок. Кстати, благодаря минеральным источникам он известен как хороший бальнеологический курорт. Дилижан и его окрестности – это территория всемирно известного Дилижанского заповедника.

Этот город считается интеллектуальной столицей Армении, здесь жили и живут многие армянские деятели искусств. Наверное, именно они придумали афоризм: «Если бы в раю был лес, горы и минеральные источники, то рай был бы похож на Дилижан».

Впервые этот город упомянут как Дилижан в 1666 году в записках французского путешественника Жана Шардена.

Максим Горький писал о Дилижане так: «… Да, удивительно красиво. Кажется, что горы окутывают и оберегают эту долину живой любовью и нежностью. На высоте 1500 метров воздух непривычно прозрачен и кажется окрашенным в блестящий темно-синий цвет. Наиболее бросающееся в глаза впечатление – это спокойствие, веющее от долины…»

От Севана до Дилижана надо ехать в соседнюю горную долину. Сначала дорога идет по горному серпантину – виды вокруг такие живописные, что хочется смотреть по сторонам, и смотреть, и смотреть. И воздух! Им не дышать надо, его надо пить!

Затем мы въехали в трехкилометровый тоннель, пробитый в огромной горе.

– Этот тоннель, – рассказывает Володя, – начали еще в советские времена строить. Потом страны не стало, денег тоже… И вот достраивали уже при независимой Армении.

И тут мимо нас – прямо навстречу, по нашей полосе – промчался какой-то чудак на крутом джипе. На полной скорости и – еще бы немного – пошел бы на таран старенькой Володиной иномарки. Слава богу, проскользнул на полной скорости буквально впритирку между скальной стеной тоннеля и нами…

– Хозяин жизни проехал, – спокойно прокомментировал Володя…

Вы когда-нибудь купались в облаках? Нет? А я купался. Осмелюсь напомнить, что Севан – озеро высокогорное.

Так вот, в первый день, когда мы приехали в это волшебное место с Асмик и Арташом, было солнце. Потом резко похолодало, и, пока мы ездили в город Севан с Володей менять евро на драмы и покупать армянские вкусности, накатили на небосклон тучи, разразилась гроза, и пошел проливной дождь. Но дождь скоро закончился и вновь выглянуло солнце. Опять стало тепло. И в результате такого переменчивого настроения армянской погоды с близлежащих гор прямо на гладь Севана опустились густые облака. Небо просто слилось с водой. И в этот момент я пошел купаться!

Такого – клянусь! – я не испытывал никогда в жизни. Ты одновременно в воде, но и на небе тоже!

Вообще с погодой нам повезло, надо сказать. Температуры для нас – северных людей – стояли почти все время пребывания в Армении более чем комфортные: где-то от плюс двадцати пяти до тридцати градусов, не выше. В Севане купался каждый день, за исключением того дня, когда мы совершили визит в Дилижан.

В какой-то из последних дней мы с Леной устроили пикник на озерном берегу. Решили себя побаловать и заказали Володе привезти шашлык – настоящий, армянский, на косточке – и огромных вкусных помидоров, купили бутылочку пятнадцатилетнего коньяка, фруктов… Собрали все эти яства в два больших пакета и пошли на старый бетонный причал на окраине «Голубого Севана».

Сидели на ярком горном солнце часа четыре. Ушли с берега, когда солнце начало прятаться за горы…

… Ночью проснулся весь в поту от дикой головной боли. Сердце билось как пойманный в капкан мышонок: быстро и страшно. «Вот так и заканчивается все», – подумал я. Накидал в себя таблеток, выпил безумное количество воды и под утро все же забылся сном…

На следующий день рассказал о произошедшем Володе. Надо было видеть, как он на меня рассердился!

– Ты кепку или шапку какую-то надевал на этот ваш пикник? – сердито вопрошал он. – Надевал или нет?

Ереванский каскад

Ереван

Герб Еревана

Памятник Александру Таманяну на фоне каскада

Скульптура «Черный кот»

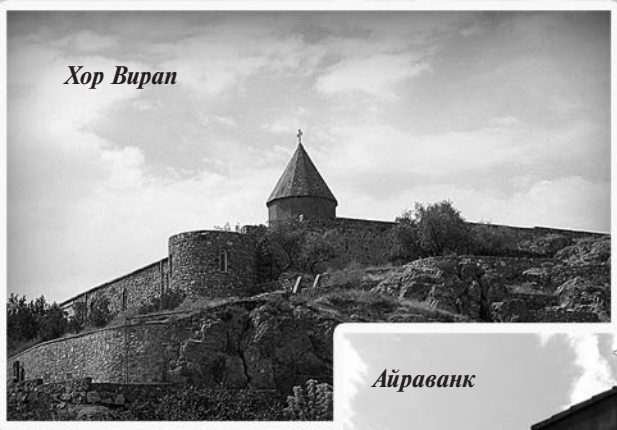
Памятник Арно Бабаджаняну

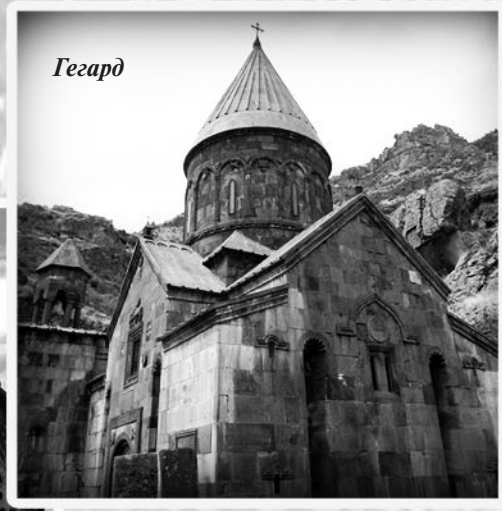
Скульптура «Человек из букв»

Панорама Еревана с вершины каскада

Хор Вирап

Гегард

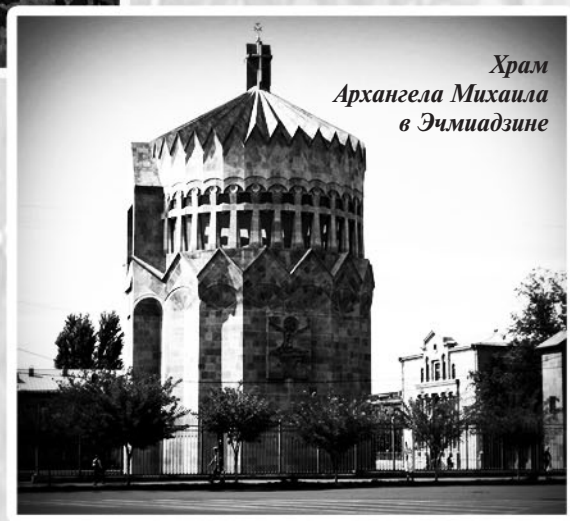
Айраванк

Дилижан. памятник «Мимино»

Гошаванк. Памятник Мхтиару Гошу у монастыря

Храм Архангела Михаила в Эчмиадзине

Озеро Севан

– Нет… – мямлил я.

– А ты меня когда-нибудь без кепки на улице видел? – продолжал он меня допрашивать.

– Нет…

– А почему, знаешь?

– Нет…

– А потому что наше горное солнце очень коварное, понимаешь? Оно легко может убить, понимаешь? Оно тебя могло убить вчера, понимаешь? А ты подумал, как бы твое тело отсюда твоя жена вывозила, а? Ты глупый совсем, да?

– Ну, Володя…

– Чтобы я тебя вообще больше без кепки не видел, понял?!

– Понял…

А однажды мы зашли в ресторан «Голубого Севана» и основательно изучили меню этого заведения.

– Ленка, – обратился я к жене. – Давай закажем стерлядь, а? Смотри, сколько она здесь стоит. Можем себе позволить. Когда мы уже эту царскую рыбу попробуем. Давай?

И мы заказали стерлядь!

Обычно эта особь семейства осетровых достигает длины до шестидесяти сантиметров и массы до шестнадцати килограммов. Разумно рассудив, что такую огромную рыбу нам не съесть, Лена и я заказали стерлядь поменьше. Когда нам ее принесли на огромном блюде, то вес «нашей» стерляди составил чуть больше двух с половиной килограммов. И стоило все это великолепие на наши деньги примерно тысяча восемьсот рублей. Это и с салатом, и с лавашом, и с вкуснейшим соусом и чесноком! Ели мы армянскую стерлядь, не поверите, три дня! Вкусно!

Но какая это пытка – питаться стерлядью три дня!..

Пришло время рассказать о самом «Голубом Севане». Строился он во времена оны и функционировал долгое время как… элитный санаторий Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза!

Здесь до сих пор чувствуется дух тех времен.

Остались коттеджи, в которых останавливались самые высокие партийные начальники, удобные аллеи, где они гуляли, и даже остатки санаторного приусадебного хозяйства сохранились: скелеты огромных теплиц.

Сам Леонид Ильич Брежнев побывал здесь на отдыхе в 1970 году, во время юбилейных торжеств, посвященных 50-летию Советской Армении.

Говорят, что в эти дни резко похолодало, горные перевалы завалило снегом, но генсека все же довезли до «Голубого Севана», и он был очень доволен отдыхом.

В полукруглом холле главного корпуса стоит рояль с инвентарным номером еще того, советского, санатория: «Сан. «Гол. Сев.» Упр. Дел. ЦК КПСС. Инв. № 44». Чтобы прочитать эту надпись, мне пришлось залезть под исторический музыкальный инструмент…

На аллеях комплекса сохранились массивные скамейки из прошлого – может быть, еще великий идеолог мирового коммунистического движения Михаил Андреевич Суслов на них сиживал или министр обороны Маршал Советского Союза Гречко, кто знает? – и даже… гамаки того периода! Лена на них покачалась, и ей понравилось.

Для партийных начальников рангом поменьше на берегу озера были построены несколько деревянных домиков. Можно было заглянуть в их окна и увидеть обстановку комнат, она уж точно не менялась здесь с годов эдак восьмидесятых прошлого века: панцирные кровати с байковыми одеялами, как в пионерском лагере. Стандартные прикроватные тумбочки, одинаковые зеркала над ними, небольшие полированные столы. Вот и все.

Когда мы жили в «Голубом Севане», в один из отдаленных его корпусов поселили группу ребятишек, страдающих детским церебральным параличом, и их родителей и воспитателей.

Поверьте, я никогда так близко не видел этих больных детишек, как на Севане. И меня поразило, с каким терпением, с какой любовью, нежностью, но без сюсюканья, общаются с ними эти женщины. Там были и совсем молодые девушки, и женщины, так сказать, «бальзаковского возраста» и даже чуть старше. Но их объединяло одно – и это реально так – любовь к своим подопечным, сыновьям и дочкам.

Я спросил у администратора, симпатичной девчонки, которую звали Сусанна:

– Это какая-то образцово-показательная группа детишек?

Она посмотрела на меня непонимающе и даже немного осуждающе:

– Обычный детский дом для больных ребят приехал. У нас на их отдых и государство, и спонсоры деньги выделяют. В Армении детей очень любят и никогда не обидят…

И еще во время нашего пребывания в «Голубом Севане» на его берегах снимался клип, как мы узнали позже, невероятно известного в Армении

певца, которого зовут Саргис. Накануне его прибытия весь женский персонал базы «стоял на ушах», делал прически, мазался какими-то кремами и помадами и невыносимо громко шептался.

И вот приехала звезда! Все было – и свита, и почтительные гримеры, и осветители с операторами, и фанатки с открытками (они же персонал «Голубого Севана»), и даже нечто вроде охраны. Правда, может быть, это были водители? Короче, приезд звезды в местных девичьих сердцах вызвал переполох. Уже в Петрозаводске нашел в Интернете клипы Саргиса и послушал. Ничего так себе поет. Душевнее, чем Киркоров, как мне показалось...

... Мы договорились с Асмик и Арташом, что в последний день пребывания нашего на Севане они заедут за нами в одиннадцать утра и вернут наши омытые горной озерной водой тела в Эчмиадзин.

В этот день я встал, как всегда, довольно рано, часов в девять, и спустился в холл, где стоит тот самый исторический рояль. Сел на диван, включил планшет и почитываю себе российские и армянские новости. И тут чувствую, как массивный удобный диван вроде как резко качнулся подо мной. Не успел ничего понять, как этот предмет мебели опять поехал из-под меня. Прошло несколько секунд, и вновь он попытался меня скинуть. Странненько!

Я удивленно помотал головой и пошел в наш номер, где меня встретила удивленная Лена:

– Саня, мне кажется, что кровать как-то качалась туда-сюда. Странные вещи мне тут в последнее утро снятся...

– Да, похоже, не снятся они тебе, а так и есть. Из-под меня вот в холле диван пытался выскользнуть. Землетрясение, наверное, было. Мы же с тобой сейчас в сейсмической зоне. Так что вполне возможно, что потрясло нас тут немножко напоследок.

Чуть попозже я вышел к стойке администратора, за которой меня встретила, тепло улыбнувшись, чуть заспанная девушка.

– Извините, у меня вот тут такой вопрос... странный немного. Нам с женой показалось, что недавно тут... как бы сказать... было землетрясение?

Девушка засмеялась.

– Да, покачало немного. Вы заметили? Это у нас бывает. Испугались?

– Нет-нет! Просто непривычно немного. Первый раз в жизни попадаю в такую ситуацию...

КАК МЫ ПРОБОВАЛИ ТРАДИЦИОННЫЕ АРМЯНСКИЕ НАПИТКИ

Есть в Ереване, совсем недалеко от площади Республики, мост. Любящие хороший юмор жители столицы Армении называют его «Пьяным». Нет-нет, конечно, он имеет официальное название – «Мост Победы» – поскольку возведен был в 1945 году.

Но как его иначе прикажете называть, если на одном конце этого моста расположен коньячный завод «Ной», а на другом – коньячный же завод «Арарат»?!

Мы попросили Асмик достать нам билеты на экскурсию по «Арарату». Эти экскурсии очень популярны среди туристов – особенно российских – и поэтому заказывать места на это шоу надо заранее. Но Асмик ради нас, похоже, была готова преодолеть самые трудные преграды. И она достала нам вожделенные билеты!

– Ребята, вы там осторожнее будьте, – предупредила наша фея-защитница. – Там от одного воздуха опьянеть можно!

Кстати, она была права. Как мы узнали уже на самом «Арарате», работникам, что трудятся в хранилищах и непосредственно на производстве коньяка и ездят на собственных авто, руководство выдает специальные справки для полиции о месте их работы, чтобы добрые армянские гаишники не удивлялись, если алкотестеры показывали наличие у этих людей некоторой доли алкоголя в крови. Она у них там всегда!

Итак, мы направляемся на самое, пожалуй, известное предприятие в Армении – коньячный завод «Арарат»! Или даже правильнее: «ARARAт»! С некоторых пор фирменное написание завода выглядит именно так.

«Арарат» был основан в 1887 году купцом первой гильдии, настоящим армянским бизнесменом Таирянцем. А уже в 1898 году он перешел к другому купцу первой гильдии Шустову.

Именно Николай Шустов сделал завод «Арарат» всемирно знаменитым, и при нем он получил статус «Поставщик его Величества двора». Это было признание высочайшего качества производимых здесь напитков. На заводе можно увидеть портрет Шустова, и даже восстановлен кабинет управляющего заводом начала прошлого века!

Кстати, Шустов был не только гениальным производственником, но и, как бы о нем сейчас сказали, креативным пиар-менеджером. Вот что он придумал, чтобы крупнейшие российские и даже

французские (!!!) рестораны ознакомились с его продукцией и покупали ее. Он нанял множество людей – молодых, красивых, умеющих общаться, с безупречными манерами для розыгрыша таких вот сценок. В самый шикарный магазин или ресторан города заходила красивая молодая пара. Для этих клиентов, обладающих безупречным вкусом и немалыми деньгами, заказывался самый лучший столик. Когда дама и её блестящий кавалер были уже за столом, молодой человек подзывал официанта и требовал подать бутылочку шустовского коньяка. Получив отказ, разгневанный мужчина вскакивал из-за стола, заявляя, что больше не появится в этом заштатном заведении. Удручённый произошедшим скандалом, хозяин тут же заказывал крупную партию шустовской продукции…

Самые редкие и дорогие коньяки «Арарата» спрятаны за массивными дверьми, очень похожими на двери огромного сейфа. Место, где они хранятся, называется «Рай». Но кусочек этого «Рая» мы все же увидели. Часть знаменитых и очень дорогих напитков выставлена в специальных витринах с пуленепробиваемыми стеклами. Самый старый коньяк, что я там увидел, датируется 1914 годом!

А кто не знает, что любимым коньяком Уинстона Черчилля был как раз армянский коньяк, производимый на «Арарате», – десятилетний пятидесятиградусный «Двин»? Я, кстати, видел в хорошо защищенной от пуль витрине такую бутылочку.

Заклятый друг Черчилля Иосиф Виссарионович Сталин посылал своему коллеге ящичек-другой этого нектара регулярно.

В подвалах «Арарата» можно увидеть так называемые «именные» бочки с коньяком, заложенные на хранение в честь визитов на «Арарат» знаменитых посетителей – политиков, артистов, ученых. На каждой такой бочке – специальная табличка: Джордж Клуни, Путин, Берлускони, Лукашенко, кто-то из президентов США сюда затесался. Их много, очень много – бочек!

Здесь же, в хранилище завода, находится и «Бочка мира». Она была заложена в 2001 году по случаю визита сопредседателей Минской группы ОБСЕ по урегулированию ситуации в Нагорном Карабахе, в которой хранится спирт 1994 года, что символизирует дату подписания перемирия в Карабахском конфликте.

Армяне говорят, что это единственная бочка, которую они хотят поскорее открыть. Ведь открыть ее можно, только когда война в Нагорном Карабахе совсем прекратится. Кстати, это единственное место в Армении – завод «Арарат» – где вывешен государственный флаг Азербайджана.

Завод «Арарат» за свою продукцию получил на международных выставках 115 золотых, 48 серебряных и 8 бронзовых медалей.

Самые дорогие и эксклюзивные марки «Арарата»: «Эребуни» – 25 лет, «Киликия» – 30 лет, «Спарапет» – 40 лет и «Ноев Ковчег» – 70 лет выдержки. В магазинах вы их не найдете.

Сейчас «Араратом» владеет международный концерн «Pernod Ricard», который занимает второе место в списке крупнейших алкогольных компаний мира. Именно он производит виски Chivas Regal, Jameson, Ballantine's, ром Havana Club, джин Beefeater, текилу Olmeca, водку Absolut, коньяк Martell, ликер Malibu, шампанские Mumm и Perrier Jouet.

А мы, пожалуй, отдохнем немного в дегустационном зале легендарного завода, отпробуем несколько марок этого замечательного напитка, который, по уверениям представителей завода, придаст нам дополнительные силы. Мы попробовали десятилетний, пятилетний и трехлетний «Арарат»…

Жестокая плановость советской экономики общеизвестна. И плановость эта имела как свои плюсы (которые слизали у нас проклятые капиталисты и неплохо заработали на этом!), так и минусы.

И один из этих минусов был непонятный передел в отрасли виноделия. Ну сами посудите: если Армения, то это что? Конечно же, коньяк!

Если Грузия, то, конечно же, это вино! Грузинский коньяк считался почему-то коньяком второго сорта, а винами второго сорта считались замечательные армянские вина. Несправедливо!

Знаете, где археологи нашли самую древнюю в мире винодельню? Даю маячок: там же и где самую древнюю в мире туфлю… Правильно, в Армении в области Арени!

И этой винодельне ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ!

Только в Армении климат обеспечивает в виноградном соке накопление сахара до тридцати процентов, что служит гарантией высококачественных сухих, крепких и сладких вин.

И опять возвратимся к праотцу нашему Ною. Согласно библейской легенде он, спустившись с горы Арарат после Великого Потопа, высадил в Ереванской долине первую виноградную лозу. То есть виноградарство в Армении заложил сам Ной…

Известно, что уже две тысячи лет назад Армения экспортировала свои вина в приграничные стра-

ны. Древнегреческие историки Страбон и Геродот писали о великолепных напитках страны Наири (те же древние армяне), о замечательных технологиях виноделия на этой земле.

Мы с Асмик и Арташом в поселке – и одновременно в ущелье того же имени – Арени.

Все вместе мы на винном заводе «Арени», что расположился на берегу реки Арпа в чуть более ста двадцати километрах от Еревана. Именно здесь шесть тысяч лет тому назад начали делать армянское вино.

Наши друзья пошли на местный рынок покупать абрикосы для заготовок, а мы остаемся один на один с девушкой в дегустационном зале предприятия…

Сейчас на частном заводе, а он принадлежит семейству по фамилии Симонян, работают всего восемь человек. Когда приходит пора сбора винограда, нанимается еще двенадцать.

Ежегодно в хозяйстве производится четверть миллиона бутылок качественного вина. Половину этого количества радостно выпиваем мы – россияне.

Перепробовав все, что нам предложили в дегустационном зале «Арени», мы с Леной купили бутылочку коллекционного сухого белого вина урожая 2005 года и ничуть об этом не пожалели, когда открыли ее весной в Петрозаводске…

Армянское сухое вино – это чудо! Поезжайте в Армению, попробуйте его, привезите домой. Это дорогого стоит – в холодный день не спеша отпить из бокала глоточек ароматного, ласкового, теплого армянского солнца…

КАК МЫ ЗНАКОМИЛИСЬ С АРМЯНСКИМИ МОНАСТЫРЯМИ И УВИДЕЛИ АРАРАТ ВО ВСЕЙ ЕГО КРАСЕ

Армянская христианская церковь – одна из самых древних в мире. Это факт. И армянские монастыри тоже одни из самых древних. Это тоже факт. Но вот парадокс: древние монастыри Армянской церкви есть, а монахов в Армянской христианской церкви нет! Так уж сложилось исторически. Есть просто неженатые священники, к ним прихожане обращаются «'айр» – «отец» (или «'айр сурп'», что в переводе означает «святой отец»). К священникам же женатым обращение иное – «тэр», или «господин».

Как мне рассказала Асмик, любая древняя церковь, где священники Армянской церкви проводят службы, считается монастырем. А в древних кельях сегодня никто не живет.

Сколько таких монастырей сейчас в стране, она затруднилась сказать. Уже дома в Интернете я стал искать эти сведения, но общего количества тоже не нашел. А по отдельности насчитал чуть более шестидесяти.

У каждого древнего монастыря есть и своя интересная история, и свои легенды. И они строились в таких красивых местах, что все там сливалось в одно: красота Божьего Слова, красота природы и красота самого монастыря. Но в Армении монастырская красота – очень суровая. Нет архитектурных излишеств ни снаружи, ни внутри храмов. Все очень аскетично, но в то же время гармонично. Такая вот суровая красота.

Первый монастырь, в который повезла нас Асмик, был Гегард. Тот самый «Монастырь Копья», где и хранилась одна из главных христианских святынь – орудие, убившее Спасителя.

Гегард армяне еще называют Айриванком («Пещерным монастырем»), потому что его первые помещения в четвертом веке нашей эры были оборудованы в пещере, где до сих пор бьет священный родник.

Асмик подводит нас к нему: «Попробуйте святую воду и лицо умойте». Вода в священном источнике оказалась холодной и очень вкусной.

И до сих пор часть монастыря находится в пещерах, а часть – в помещениях, построенных в последующие века.

Гегард расположен в удивительно красивом ущелье в сорока километрах от Еревана. Монастырь, по преданию, был основан самым почитаемым армянским святым – Григорием Просветителем. Тем самым, что основал и храм Эчмиадзин, в сокровищнице которого сейчас и находится Копье Судьбы. В середине тринадцатого века монастырь был приобретен знатным армянским княжеским родом Хахбакянов. Несколько поколений этих благородных князей много сделали для благоустройства Гегарда: здесь были построены новые церкви, залы, кельи, была создана система водоснабжения. Здесь находится и их родовая усыпальница, над которой выбит в камне герб князей: орел, держащий в когтях ягненка.

Вездесущие иностранцы радостно делают селфи на фоне древних стен и хачкаров, которых здесь немало.

Всех древних и красивых монастырей, конечно же, нам объехать не удалось. Но почти все самые значимые для Армянской церкви, для ар-

мянской истории и армянского народа мы все же увидели.

И один из таких монастырей – Севанаванк. И вновь красота природная и архитектурная образует немыслимое сочетание.

И вновь легенды…

Пока мы отдыхали в «Голубом Севане», этот монастырь мы могли видеть каждый день. Он уютно расположился на высоком утесе прямо напротив нашего пляжа.

В один из дней мы попросили Володю свозить нас в Севанаванк.

Это действительно одна из самых древних обителей Божьих в стране. Основан он был в конце восьмого века несколькими монахами, что возвели на озерных берегах лишь свои скромные кельи и часовенку. Но постепенно монастырь строился, развивался и стал не только почитаемым местом для молитв, но и крепостью.

В 925 году рядом с монастырем произошло крупное сражение армян с огромной арабской армией. В истории оно осталось как Севанская битва. В этом бою царь армян Ашот II Железный разгромил врагов-оккупантов, и с этого момента, говорят историки, в стране начался «Золотой век». Монастырь – свидетель этому историческому событию.

А какой вид открывается с монастырского утеса! Снимки у нас получились просто шикарные.

У входа в монастырь, у старой гранитной лестницы, можно купить картины с видами этого места, сувениры, украшения. Еще ниже – у самого берега – нам предлагают совершить прогулку по Севану на симпатичных корабликах. И даже съездить на рыбалку!

У главного храма Севанаванка нас встретили двое.

Сначала старушка, что продавала бусы из обсидиана и еще каких-то красивых камней. Она объяснила, что эти украшения делают ее родственники в поселке неподалеку и ей приходится продавать их, потому что это самый главный источник дохода в семье. Так получилось…

Мы не знаем, правду говорила она или нет – думаю, что правду – но Лена купила у нее несколько украшений. А они на самом деле оказались весьма симпатичными и оригинальными. Жена с удовольствием носит их.

А второй персонаж, о котором я хочу рассказать, оказался дружелюбным пожилым армянином. У ног его стояла клетка с голубями и какая-то непонятная машинка. На шее – фотоаппарат. Он улыбнулся мне:

– Хочешь счастья, дорогой?

– А кто его не хочет? – улыбнулся я в ответ.

– А жена твоя хочет? – продолжал он странный допрос.

– И она хочет.

– Ну, тогда все просто. Вы стоите на древней святой земле. Легенда, слушай внимательно, говорит…

– Что говорит?

– Что если ты на земле Севанаванка выпустишь голубя и в это время загадаешь заветное желание, то оно обязательно сбудется! Давайте выпустите по голубю! А я вас сфотографирую и тут же фотографию подарю. И всего-то 500 драм *(чуть больше, чем пятьдесят рублей. – **А.Е.**)* за то, что выпустишь голубя. Согласны?

Лена отказалась от такого счастья, а меня симпатичный армянский мужик уговорил. Он достал из клетки птицу и дал мне в руки.

– По моей команде кидай голубя вверх, – проинструктировал фотограф-орнитолог меня. – Так… так… так… выпускай!

Я подкинул крылатого белого бедолагу. Но то ли голубь был еще не проснувшийся, то ли ему в данный момент вообще не хотелось летать, но какое-то время он просто тупо падал вниз под воздействием земного притяжения.

Именно в этот момент я попал в объектив. На фото получилась та еще картинка: широко расставив ноги, я кидаю в небо какую-то сделанную из перьев шляпу…

В конце всего путешествия к земле мой голубь все же проснулся, лениво помахал крылами и, сделав пару кругов над хозяином, сел прямехонько у своей клетки…

Странная штука, что стояла рядом с клеткой, оказалась портативным принтером, на котором и распечатали изображение мое и сонного голубя.

Когда мы уже спускались вниз по древней лестнице, откуда-то из-за гранитной каменной, обтесанной много веков назад глыбы показался наш фотограф и замахал руками:

– Эй, парень! Иди сюда и жену зови. Иди-иди, не бойся. Очень прошу, иди!

И он опять призывно замахал нам.

Мы зашли за глыбу и увидели, что на другом, плоском и большом, камне, у которого сидел еще один пожилой мужчина, была аккуратно разложена чистая газета. На газете были: дымящаяся картошечка в пластмассовом контейнере, помидоры, огурцы, куски вяленого мяса, зелень, хлеб и, конечно, лаваш. Откуда-то из-за камня наш новый знакомый извлек бутылку с прозрачной жидкостью, а в наших руках волшебным образом оказались маленькие стеклянные, уже наполненные стопочки.

– Меня Гамлет зовут, – сообщил фотограф. – А вас?

– Меня Саша, она – Лена.

– Прекрасно, – восхитился Гамлет. – Я хочу выпить за моих новых друзей Сашу и Лену!

Он ловко опрокинул куда-то прямо в горло содержимое своей стопки, жестом показав, что мы должны сделать то же самое. Ну за дружбу же как не выпить?

Удивительно, но на тридцатиградусной жаре водка у Гамлета оказалась чуть ли не ледяной.

– Кушайте, угощайтесь, все тут свое, все свежее, – он приглашающе кивнул на газету и на все, что было там разложено. Сам взял мясо, помидор и стрелку зеленого лука. – Вы откуда, ребята?

– Из России, из Карелии. Петрозаводск, Онежское озеро… слышали?

– Я в Ленинграде учился, на радиоинженера, – чуть обиженно сказал Гамлет. – Неужели про Карелию не слышал, а? Конечно, слышал. А вот быть там – не приходилось… Да вы кушайте, кушайте!

Мясо оказалось необыкновенно вкусным, помидор – ароматным и сочным.

Гамлет потер руки.

– Ну а сейчас мы выпьем сначала за Россию, потом за Армению!

Еще два раза прикладываться к водочке на жаре нам не очень хотелось. И обидеть Гамлета тоже.

– Уважаемый Гамлет! Я предлагаю объединить эти два замечательных тоста в один и выпить и за Армению, и за Россию одновременно. Выпить за нашу дружбу!

– Ай, хорошо сказал! – восхитился Гамлет. Его приятель тоже одобрительно улыбнулся. – Правильно! Давай! – добавил он чисто с русскими интонациями. – Армения хочет со всеми жить в мире. Но так пока не получается. Мы хотим быть независимыми и сами решать, как нам жить. Да! Но Россия была всегда нам братом, и я, Саша, скажу, что без вашей помощи нам не обойтись. Не выжить просто. Вот тот же туризм. Если бы ты сегодня сюда не приехал – то я бы немного не заработал, понимаешь. Приезжайте к нам чаще! Выпьем, Саша!

Еще граммов двадцать горячительного оказалось внутри нас. Мы тепло и быстро попрощались с нашим новым другом, который все же жаждал продолжения банкета, и спустились вниз, где нас уже ждал Володя.

На берегу Севана расположился и еще один совсем маленький – всего один храм и часовня – но завораживающий своим видом монастырь. Айраванк.

Айраванк, как и Севанаванк, стоит на высоком утесе. Собственно, кроме храма и часовни в комплекс монастыря входит еще небольшое старинное кладбище. И все. Но место… само место просто затягивает в себя, околдовывает.

Ученые не могут понять вот что. Сам монастырь был основан в девятом веке. Был перестроен в двенадцатом. Но его архитектура – это архитектура седьмого века! Возможно, полагают они, на этом месте именно в седьмом веке уже стояла церковь. Потом ее могли разрушить враги или землетрясение, но позже по старым чертежам ее восстановили…

Когда мы там были, у подножия утеса, на котором стоит храм, расположилась компания человек из десяти. На привезенных с собой столах они разложили угощение: воду и вино, и сидели, о чем-то негромко беседовали. Никакой музыки, никакого шума. Все чинно и благородно.

В самом храме на полу среди древних украшенных резьбой камней и остатков, возможно, древнего алтаря лежала плита из белого мрамора, на которой по-армянски и по-русски было выбито: «Армянская ССР. Церковь Айраванк. XII век. Памятник архитектуры. Охраняется государством. Порча карается по закону».

…Скажите мне, пожалуйста: много ли вы знаете случаев в нашем полном межрелигиозных конфликтов мире, когда древний христианский монастырь восстанавливался на деньги арабского принца? «Да нет такого!» – скажете вы. И я так думал до посещения Армении.

Володя привез нас в небольшое ущелье, что расположено в восемнадцати километрах от Дилижана. Добраться сюда сложно. Мне было жалко машину нашего друга. «Здесь только на уазиках пробираться», – говорил я. Володя молча кивал, но ехал и ехал вперед. Мы ехали в монастырь Агарцин.

Этот горный храмовый комплекс строился более ста лет. Начало было положено в двенадцатом веке, а закончен он был уже в тринадцатом. Главный храм монастыря, освященный в честь Святой Богородицы, знаменит своим шестнадцатигранным, очень красивым куполом и каменной резьбой. Рядом – храм поменьше, очень похожий на церковь Богородицы.

В монастыре даже сохранилась трапезная, что была возведена здесь в середине тринадцатого века. Сейчас она восстановлена и используется как некий зал собраний для высших чинов Армянской церкви.

Лет эдак десять назад сюда привезли принца эмирата Шарджа – эмират этот в составе Объединенных Арабских Эмиратов – шейха Султана бин Мохаммед аль Касими. Он как раз тогда путешествовал по Армении, знакомился с жизнью страны и ее красотами. Надо сказать, что в Эмиратах существует довольно многочисленная и влиятельная армянская диаспора. Так вот этому арабскому принцу так понравился Агарцин, хотя он был тогда в весьма плачевном состоянии, что он решил профинансировать реставрационные работы в монастыре и выделил на это миллион семьсот тысяч долларов!

Вообще, у принца Султана бин Мохаммед аль Касими к армянскому народу особенное отношение. «Армяне благочестивы, склонны повышать свою образованность и привержены к наукам, что особо ценится в армянских семьях», – говорит он. Более того, принц активно поддерживал строительство в своем эмирате здания храма Армянской апостольской церкви.

Ведь можно же жить мирно, если захотеть!..

«Пошел крестьянин в лес за дровами. Встретил на лесной тропинке змею, хотел зарубить, змея взмолилась: «Не руби, я тебе за это клад покажу!» Опустил крестьянин топор, отвела его змея на полянку, показала, где сундук золота зарыт. Обрадовался крестьянин, предложил змее разделить клад пополам, но змея отказалась: «Ты деньги в дело пустишь, они у тебя расти будут, так что я за своей половиной через пару лет приползу». Принес крестьянин золото домой, поднял крепкое хозяйство, богатеет.

Через пару лет змея приползает за своей долей. Жалко стало крестьянину деньги из оборота вытаскивать, начал жаловаться: дела, мол, идут со скрипом, золото только с большими потерями вытащить, а вот еще года через два…

Согласилась змея. Приползла через два года. Крестьянин к этому времени стал еще богаче, денег ему еще жальче сделалось. Пришел на назначенное место не только с мешком золота, но и с мечом под полой. Подошел к змее, выхватил меч, но змея ускользнула и скрылась.

Прошло еще несколько лет. Все у крестьянина хорошо, только вдруг совесть стала мучить – чужими деньгами пользуется, а как там бедная змея в лесу? Вытащил опять из дела половину денег, пошел в лес, стал змею звать. Приползла змея, и он давай виниться за прошлую алчность и злобу.

Но змея его прервала и сказала: «Нет в том твоей вины. Было время алчности – и ты был алчен. Было время меча – и ты был злобен. А теперь пришло время справедливости, – вот у тебя совесть и проснулась. Давай мою долю и иди с миром».

Эту притчу, как и многие другие интересные и поучительные притчи, басни и истории, сочинил Мхтиар Гош. Великий армянский ученый, правовед, строитель, политический и церковный деятель. Он писал не только притчи. Его перу принадлежит и первый армянский судебник, написанный в конце двенадцатого века, философские и религиозные труды.

Мы с Володей едем в Гошаванк, средневековый монастырь, в строительстве которого принимал участие Гош. Он открыл там семинарию и университет и сделал этот храмовый комплекс настоящим центром просвещения армян. Многие ценные рукописные книги – священные тексты и ученые труды – созданы именно здесь.

Гошаванк был основан в двенадцатом веке, назывался он тогда по имени протекающей рядом реки Гет – Гетик. Но вскоре обитель была разрушена землетрясением.

За его восстановление как раз и взялся Мхтиар Гош. Восстановленный монастырь был назван Нор Гетик («Новый Гетик»).

А после смерти Гоша его стали называть Гошаванком в честь просветителя.

…Володя сначала просит взглянуть нас на монастырь снизу, с дороги, а затем чуть сбоку. Вид монастыря на фоне окружающих гор просто волшебный.

Здесь сохранились несколько церквей и часовен и даже средневековое книгохранилище. У главного храма Гошаванка – церкви Аствацацин – установлен памятник Гошу. А его могила находится неподалеку от монастыря.

В последний день нашего пребывания в Армении мы поехали познакомиться с одним из самых значимых для армян мест – монастырем Хор Вирап.

Асмик серьезно настраивала нас на эту поездку.

– Это не только наша религиозная святыня, но и память о страшных годах геноцида. В Хор Вирап от турецкой резни бежали тысячи людей. И многие не успели дойти, их догоняли и убивали. А кто успевал уйти, то оставляли на стенах храма свои имена, чтобы родные знали, что они там были, что остались живы…

И эти граффити мы видели.

Хор Вирап находится прямо у подножия горы Арарат. Это всего-то в километре от современной армяно-турецкой границы. Со стен Хор Вирапа можно спокойно видеть, что делается на дорогах

этого уже много лет недружественного Армении государства.

Сам холм, на котором расположен монастырь, был местом расположения столицы древнего армянского царства Арташат. Город этот был основан около сто восьмидесятого года до нашей эры царем Арташесом Первым и играл большую роль и как политический центр, и как крепость. И как во всех подобных сооружениях, в городе имелась подземная тюрьма. Глубина ее, как выяснили историки, была от трех до шести метров. Собственно, с этой тюрьмы и начинается история монастыря.

И тут надо вновь вспомнить великого армянского святого Григория Просветителя.

Годы жизни его установлены. Родился он в двести пятьдесят втором году, а закончил земной путь в триста двадцать шестом. Кстати, Русская православная церковь тоже его почитает как Священномученика Григория, просветителя Великой Армении.

Жизнь его почти подробно описана вскоре после его кончины, поэтому знаем мы о нем довольно много. Сохранились даже тексты его проповедей.

Знаем, что его отец, парфянин Апак, по заданию персидского царя убил армянского правителя Хосрова, за что все семейство его было истреблено, но младшему сыну удалось спастись. Спасла его кормилица-христианка, увезла на свою родину, где он, повзрослев, тоже принял христианство и был крещен, получив в крещении имя Григорий. В свое время женился, но жена его вдруг захотела уйти в монастырь, что и сделала. А Григорий, уже холостяком, отправился в Рим и поступил на службу к сыну убитого Хосрова – он в то время там проживал в изгнании – дабы верностью своей загладить вину отца. Сына звали Трдат Третий. Тот самый, что убил невест христовых и святую Гаянэ, помните? Он очень не любил христиан.

В 287 году этот армянский царь с помощью римлян возвращает себе армянский престол. И тут он узнает, что Григорий не только исповедует христианство, но и активно его проповедует. За это он кидает своего слугу именно в ту подземную тюрьму в городе Арташат. И Григорий проводит там долгие пятнадцать лет. Вообще-то, там долго никто не жил и никто оттуда живым не выходил. Только святому Григорию это удалось. Как? Ну, во-первых, с Божьей помощью, конечно же. А во-вторых, была одна добрая женщина, которая все эти страшные годы проникала в строго охраняемые царские застенки и приносила ему еду и воду.

И вот на пятнадцатый год заключения Григорий Просветитель узнает, что его мучитель впал в безумие, и вызывается исцелить его. И, конечно же, приводит его в чувство! Исцелившийся и раскаявшийся Трдат Третий крестился и провозгласил христианство государственной религией страны.

А Григорий эти христианские идеи несет в массы, строит первый храм Эчмиадзин, основывает монастыри и со временем становится первым Католикосом всех армян.

В 325 году Григорий умирает. Его похоронили в Эчмиадзине.

Мощи его почти через тысячу лет оказываются в Неаполе, в местной армянской церкви, и только уже в начале нашего века – 11 ноября 2000 года – они были привезены обратно в Армению и сейчас находятся в Ереванском кафедральном соборе его имени.

А над его подземной темницей возник монастырь Хор Вирап, что с армянского буквально переводится как «Глубокая яма». Тюрьма Григория, куда добрая женщина приходила, чтобы кормить и поить его, сохранилась. Над ней сейчас в Хор Вирапе стоит часовня Святого Григория. Спуститься туда может любой желающий. Лена спускалась, а я из-за больной ноги только осмотрел сверху узкий темный лаз.

Почти как все монастыри Армении, Хор Вирап был не только религиозным центром, но и мощной крепостью, которая не раз спасала от набегов армянские поселения.

Я уже говорил, что монастырь этот находится у подножия Арарата. Собственно, там две горы – Большой Арарат и Малый Арарат. Сис и Масис по-армянски.

Когда мы приехали в Армению, безумная жара, что держалась там почти все лето, ушла, и стало ощутимо прохладно, для армян, конечно. И благодаря такой резкой перемене Арарат был постоянно закрыт дымкой облаков. Когда мы ехали из Эчмиадзина в сторону Еревана, то только пару раз мне удалось увидеть очертания знаменитой горы. Арарат никак не хотел нам показываться!

И вот в последний наш день в Армении мы увидели Арарат во всей его красе! И я понял, почему вековой мечтой армян остается возврат этого чуда на территорию страны. Арарат прекрасен! Как говорит одна моя знакомая, феерично прекрасен. Со стен Хор Вирапа его очень хорошо видно.

Но показался он нам весь совсем ненадолго, на полчаса, может быть. Затем вершина Большого Арарата, покрытая вечными снегами, вновь стеснительно спряталась за облаками…

Когда мы ехали обратно в Эчмиадзин, я обратил внимание, что у придорожных кафе стоят огромные пластмассовые ванны.

– Асмик, что это? – спросил я, указывая на них.

– Это рыба. Живая рыба. Она выращивается недалеко отсюда в садках и доставляется сюда. Вы можете выбрать прямо здесь понравившуюся, и вам ее тут же приготовят.

– Отлично! Лена, давай купим себе на вечер рыбку, а?

– Саня, только не такую большую, как стерлядь на Севане, ладно?

– Ладно…

Мы остановились у чистенького светлого здания кафе, где нас встретил молодой парень, больше похожий на борца, чем на продавца. Он лучезарно улыбнулся и спросил:

– Рыбу хотите? Выбирайте!

В одной из ванн плескался здоровенный сом. Чтобы объяснить, до чего он был огромен, надо сказать, что его голова была чуть-чуть больше моей. Представляете этого монстра?!

– Да кто же его такого большого купит? – спросил я у продавца.

– Купят, много бизнесменов по этой трассе в свои дома едут, официальные делегации из Хор Вирапа возвращаются, – успокаивающе сказал он, и тут, как бы в подтверждение его слов, по дороге промчалась колонна лимузинов. – Вот такие останавливаются и покупают у нас на вечер, чтобы за ужином съесть.

Молодой армянин говорил по-русски удивительно хорошо. Только медленно.

Во второй ванне плескалась форель, в третьей – осетры.

Мы выбрали себе шустренького, килограмма на два, осетра, которого продавец тут же выловил садком. Не больше пяти минут хватило ему, чтобы разделать, посыпать рыбу солью и перцем, кинуть в кастрюлю, потрясти ее и отдать пожилой женщине, которая уже стояла наготове.

Женщина отнесла рыбу на хорошо раскочегаренный гриль. И еще минут через двадцать мы увозили с собой тяжеленький контейнер, в котором истекал соком свежеприготовленный сочный осетр, завернутый в лаваш и прикрытый овощами…

Именно его мы и ели, отдуваясь, с Леной за нашим последним ужином в Армении.

Ну а потом были сборы в дорогу и проводы. Впрочем, я уже об этом, кажется, писал в начале своих записок…

Эчмиадзин – «Голубой Севан» – Петрозаводск
Август 2015 г. – июнь 2016 г.

Фото предоставлены автором

□

Александр ЕРШОВ

родился в 1964 году в Медвежьегорске.

Окончил исторический факультет Петрозаводского университета.

Работал в печатных СМИ и на телевидении,

в настоящее время – в энергетической компании.

Автор книги «Городские истории. Путевые заметки» (Петрозаводск, 2011).

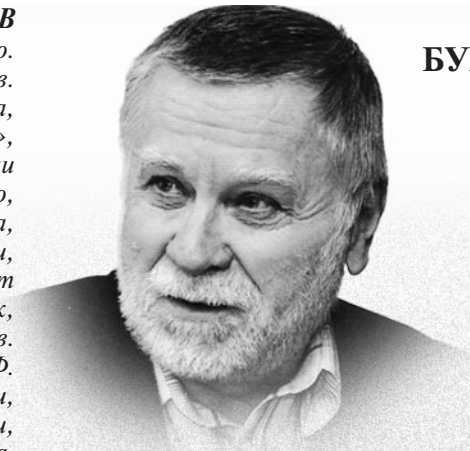
В журнале «Север» публикуется с 2011 года.

Член Союза журналистов РФ.

Живет в Петрозаводске.

Борис БУРМИСТРОВ
родился 8 августа 1946 года в г. Кемерово.
Автор 12 книг стихов.
Лауреат премии им. В. Федорова,
Всероссийской премии «Белуха»,
Всероссийской православной литературной премии
им. Святого благоверного великого князя А. Невского,
лауреат Всероссийской премии им. Н. Клюева,
лауреат Большой литературной премии России,
член-корреспондент
Российской Академии естественных наук,
академик Петровской академии наук и искусств.
Заслуженный работник культуры РФ.
Член Союза писателей России,
член правления Союза писателей России,
председатель Союза писателей Кузбасса.

Борис
БУРМИСТРОВ
г. Кемерово

«Нельзя без Родины, как птицам...»

* * *

Голоса людей, как птицы,
Разлетаются по свету.
Никакой такой границы
Между нами в мире нету.

Голоса людей в пространстве
Словно отзвуки былого.
После долгих-долгих странствий
Я твой голос слышу снова.

Никакого здесь шаманства:
Голос твой все выше, выше...
Есть одно у нас пространство –
Где мы все друг друга слышим.

* * *

Надо выстрадать право –
Называться поэтом.
Пустобрешная слава
Не поможет при этом.

Чтобы снова и снова
В даль летела дорога.
Надо вымолить слово
У судьбы и у Бога.

ИСХОД

Боюсь назвать тот страшный год,
Боюсь пророчества отныне.
Я вижу, как бредет народ
С сумой по выжженной равнине.

Покинув Родину свою,
Бредёт, бредёт живой стеною.
Я эти лица узнаю –
В них много схожего со мною.

Народ мой – стой, остановись.
Нельзя без Родины, как птицам.
Вся наша будущая жизнь
Лишь на земле родной продлится...

* * *

Да будет свет! – сказал Пророк –
И нас из тьмы на свет извлек.
Да будет свет! – изрек Мессия –
И засиял свет над Россией.
Да будет свет! – сказали мы –
И натворили столько Тьмы...

* * *

Не сжигайте в прошлое мосты,
Повечерить позже будет не с кем.
Поливала женщина цветы,
На окне раздвинув занавески.

Отмывала пыльное окно,
Чтобы солнце в комнату светило.
Как же это было все давно,
Боже мой, когда все это было?!

Сколько вод по рекам утекло,
Снегом, пылью замело дорожки,
Но осталось в памяти тепло
От цветов печальных в том окошке.

На рассвете улицы пусты,
Я иду, пытаясь вновь представить –
Поливает женщина цветы...
И сквозь время прозревает память.

* * *

Вся надежда нынче на Мессию,
А другой надежды просто нет.
Мне б вернуться в Русскую Россию
Через сто и даже триста лет.

Кто-то скажет, ничего нет проще –
Просто надо выбрать верный путь,
Чтобы очутиться в этой роще,
Русский воздух с жадностью вдохнуть.

Чтоб услышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я еще с рождения поверил –
Русский мир, как космос, – навсегда.

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Рассыпаю время, семена
Долго, долго всходят, и в пространстве
Вызревают чьи-то имена,
Возвращаясь из далеких странствий.

Рассыпаю время, небеса
Созревают звездами – цветами.
Из глубин Вселенной голоса
Говорят из будущего с нами.

Вечности связующая нить –
На лугу ромашки полевые.
Рассыпаю время, чтобы жить
И побеги распускать живые.

Летний вечер до предела тих,
Лики братьев зримо вспоминаю.
Прозреваю духом среди них.
Русским духом сердце наполняю.

Собираю время, семена
Прорастут в иные времена...

КУКЛОВОДЫ

Нити перепутал кукловод –
Закрутился в панике народ.
Неужели трудно всем понять –
Надо нити в куклах поменять.
Не распутать спутанные дни,
С прошлым перепутаны они.
И кого в случившемся винить? –
Кукловодов дергают за нить.

* * *

Не плачу, не рыдаю над судьбою,
Все испытал: и радость, и беду.
Как хорошо, что я любим тобою
Здесь, на земле, и там, куда уйду.

Все испытав, к чему теперь стремиться?
Куда ни глянь – пустые берега...
Летит, летит над зимним полем птица,
Роняя тень на белые снега.

Виктор СБИТНЕВ
г. Кострома

ДИВА

повесть

«Где ты, звезда моя заветная,
Венец небесной красоты?»
(Иван Бунин. «Сириус»)

Глава первая

Сириус встал над селом уже в сумерки, когда ещё и месяц-то был тускл и туманен. В это время из неказистой, крытой толем избушки торопко вышел лысоватый с лихо закрученными усами мужик и, вольготно развалившись на завалинке, стал мастерски вертеть козью ножку, распространяя окрест дурманящий запах обильно сдобренного травами самосада. Основательно послюнявив отрывной край аккуратной газетной воронки и настойчиво пройдя по нему обрубками большого и указательного пальцев правой руки, мужик достал спички и вскоре уже довольно попыхивал самокруткой то вправо, то влево, разгоняя скопившуюся над головой мошкару. При этом на набирающий силу серебряный месяц он почти не смотрел, а вот голубой Сириус забирал его всё больше и больше. И если бы кто-либо из местных умников наблюдал его в эти минуты со стороны, то наверняка бы заметил, что странный сельчанин очень похож на Икара, который готовится обрести крылья и рвануть к самой яркой небесной звезде, словно к появившемуся после долгой разлуки дому. Но оба здешних умника – председатели сельского совета и колхоза – к этому времени уже изрядно нахлебались дармового самогона и наблюдали разве что красные щетинистые рожи преданных им земляков-собутыльников.

Странный этот мужик, однако, носил привычное для каждого русского уха ФИО – Иван Иванович Фёдоров. Впрочем, никто в селе, кроме соседки Нинки, его ни по имени, ни по фамилии не кликал. Издавна все звали его Дивой Беспалым. Дивой – за дивное отличие от остального сельского населения, Беспалым – из-за отсутствия значительной части пальцев. Разумеется, здесь не лишним будет прояснить, в чём состояли эти отличия, отчего их сочли дивными. И почему у Дивы не хватало пальцев. Отличия были во всём, и было их куда больше, чем сходств. Последние заключались главным образом в наличии у Дивы двух рук, двух ног, головы, туловища и русского языка. Всё остальное – сплошь от-

личия! Во-первых, Дива жил бирюком – на отшибе, на берегу лесной речки, которая питала сельские пруды. Во-вторых, он не был женат, несмотря на то, что после войны замуж за него были готовы выйти более половины местных женщин – как вдов, так и засидевшихся девок, «вековух». Но он не то чтобы презирал бабье общество или там, наоборот, был ходоком по женской части, – нет, он общался с бабами куда охотнее, чем с мужиками, со знанием дела разделяя их житейские заботы, радости и боязни, только вот замуж ни одну из них ни разу так и не позвал. В-третьих, никто из сельских мужиков не мог похвастаться дружбой с ним, и даже не дружбой, а хотя бы тем, что сиживал с ним за бутылкой или косил в паре, или рубил баню, или резал поросёнка. И ни над кем вроде Дива не подсмеивался, никого ни разу не осуждал, ни с кем искони не ссорился, но друзей-приятелей у него в селе так и не появилось. Грубо говоря, к нему ничто человеческое просто не липло: ни дружба, ни ненависть, ни правда, ни кривда. Был он столь свободен и независим, что все встречные люди, как те курьерские поезда с грохотавшей неподалёку транссибирской магистрали, пролетали, не останавливаясь, всё мимо и мимо. При этом он всем вежливо кланялся, со всеми здоровался и даже нередко перекидывался парой-другой казённых фраз, но не более того. В-четвёртых, Дива не состоял в колхозе, хоть и слыл самым сведущим в сельском ремесле. Не раз то председатель колхоза, то главный агроном, то партийный секретарь заводили с ним пропагандистские беседы на предмет вступления в колхоз на самых выгодных для Дивы условиях, но получалось это у них как-то уж очень неумело. Нет, с другими сельчанами были они и красноречивы, и авторитетны, и – главное – убедительны. А с Дивой почему-то ничего не получалось: все их доводы словно зависали в пространстве, слова и отточенные годами фразы вдруг начинали казаться чужими и вообще высосанными из пальца. После одной из таких бесед секретарю партийной колхозной ячейки Иосифу Давыдовичу Небольсину почему-то даже стало стыдно, и он впоследствии больше ни разу на такие беседы не отваживался. Председателя же колхоза «Рассвет» Семёна Дерябина разговор с Дивой ввёл в великое смущение – и это при том, что последний ему ничего крамольного ни о колхозе, ни обо всём кооперативном движении вроде бы и не говорил. Он просто искренне назвал те досадные, с его точки зрения, причины, которые пока что не позволяют ему стать советским колхозником. В-пятых, Дива не имел ровно никаких контактов ни с сельским советом, ни с его председателем Самсоном Ищенко, у которого всякий сельчанин выписывал березняку на дрова, сосняку на строительство и угодья под сенокос. Дива же, несмотря ни на что, добывал всё самостоятельно: траву возил с дальних вырубок, на дрова рубил сухостой или собирал валежник, а за строевыми деревьями ездил в лес по ночам, когда все обходчики и егеря смотрят себе безмятежные сны. Причём он пилил лес таким хитрым образом, что на порубочном месте не оставалось ровно никаких следов. Однажды местный полесчик Пахомыч всё-таки настиг Диву за порубочным занятием, но это ему ровным счётом ничего не дало. Он проговорил с нарушителем ровно пять минут, после чего они мирно разошлись: Дива с распиленной сосной на тачке заспешил в село, а Пахомыч на видавшем виды «Ковровце» – к себе в лесничество. Странно, но после этого случая лесник здоровался с Дивой особо тепло и даже почтительно. В-шестых, Дива бывал на селе крайне редко, только из острой необходимости, отдавая почти всё своё время лесу, полю и домашнему хозяйству. А есть ещё в-седьмых, в-десятых и даже в-двадцать пятых! Именно исходя из последнего, все отличия Дивы от остального Мира и можно назвать дивными, ибо дивна сама по себе столь вопиющая независимость одного человека от всех остальных, и не только от конкретных людей, но и от всего созданного ими на селе. Что же касается обрубленных пальцев, то их молодому Диве отрезали ещё до войны, когда он, пьяный, не сумев доплутать до своей избы, на лютом морозе рухнул прямо под заметённый снегами забор. Самого Диву кое-как отогрели спиртом, а вот половина пальцев на обеих руках отмёрзла начисто. В селе рассказывали, что чудного непьющего Диву подпоили его же беспутные одногодки, добавив в сельповское пойло для верности куриного помёта. Одногодков вскоре убили на войне, а Диву из-за этой их «насмешки» над ним на фронт так и не взяли. И потому, когда война кончилась и в село вернулось дюжины полторы искалеченных лю-

дей, Дива Беспалый оказался среди них самым здоровым и справным мужиком, в связи с чем его первое время даже недолюбливали. Но он был столь сдержан и незлопамятен, что всякие антипатии к нему очень скоро уступили место стойкому умеренному уважению. А обрубки пальцев... они остались красноречивым свидетельством единственного тесного общения Дивы с человеческим обществом.

Глава вторая

Утро девятого мая 1975 года застало Самсона Юлиановича Ищенко в погребе, где помимо бочек с квашеной капустой, мочёными яблоками и солёными огурцами он держал ещё и полтуши копчёной свиньи и несколько ящиков тушёнки из кроликов. Но отнюдь не продукты этим знаменательным утром беспокоили богатое воображение любившего закусить мелкого советского начальника, он лихорадочно шарил меж тушёночных ящиков сразу обеими руками в поисках заветной метрики, которую торжественно в Львовской управе вручил ему в день его совершеннолетия лидер патриотического движения «За ридну Украину» Остап Кол. В метрике значилось, что хлопец Арсений Волосюк добровольно, согласно своим мыслям и убеждениям, вступает в Движение и, понимая и принимая всю ответственность, накладываемую на него этим членством, обязуется то-то и то-то... До почти самого 1945 года он про эту ответственность примерно помнил и даже нередко напоминал тем из сотоварищей, кто по известным причинам начинал во взятых на себя обязательствах сомневаться. Но однажды, узнав от знакомых поляков, что севернее, с территории Белоруссии, советы уже перешли границу СССР, Ищенко страшно испугался своего неосмотрительного членства и стал бешено раздумывать над тем, а как бы это на годик-другой «трохи сховаться». Помогли уцелевшие львовские евреи, которых прежде украинский патриот Ищенко по обязанности разоблачал. За золотые часы и перстень с дрянным рубином, у них же отобранные, местный стряпчий Абрам Карасик изладил патриоту документ со всеми необходимыми печатями, что он теперь не торговец немецкими туалетными принадлежностями Арсений Волосюк, а Самсон Ищенко, простой рабочий с местного мыловаренного завода.

– Где же она, проклятая?! – вслух выругался председатель сельсовета. – Кажись, нашёл.

Он вытянул из-под одного из ящиков небольшой кожаный мешочек с овечьей шерстью, а в ней обозначились заветные жёлто-голубые корочки львовского удостоверения Арсения Волосюка. Можно было, конечно, стать и Иваном Ивановичем Ищевым или Ищеевым, но осторожный патриот понимал, что с его выговором лучше быть Ищенко. Он им и стал. А далее, однажды уже опьянённый кое-какой властью, он попытался добиться её и на территории советской России, куда перебрался с Украины, чтобы не быть случайно узнанным кем-либо из своих прежних недругов. Поначалу, как большинство его земляков, он хотел рвануть либо в Сибирь, на Енисей, либо на Дальний Восток, в Приамурье, но по ходу обратил внимание на то, что в Центральной России, где не вернулось с войны более половины мужского населения, будет куда спокойней. А главное, на таком мужичьем безрыбье ему все карты в руки! Но власть к Ищенко – Волосюку больше не шла: подводили старые стереотипы и воспитанное немцами стремление к железному порядку. Вот как раз порядок в России никто не любил: ни партийные начальники, ни простой трудовой народ. Порядок подводил Ищенко трижды: только-только достигнет он приличной должности, так сказать, стартовой площадки, точки отсчёта, как бац – и всё прахом! Почему? А просто потому, что именно этот подчёркнутый и где-то даже показной порядок ему сослуживцы и не прощали, ибо его им вечно ставили в пример и... они начинали этого аккуратиста ненавидеть и соответственно при случае подставлять, поминая при этом «мудрое» сталинское: нет человека – нет проблемы! Наконец Ищенко это надоело, и он пустил всё на самотёк.

«Ну и хрен с вами, жрите с полу и ссыте по углам, быдлаки!» – молвил он в присутствии своей второй жены Софьи Ефимовны Брейтвейт (своей наследной фамилии Софочка при замужестве не сменила) и устроился заведующим вещевым складом в райпотребсоюз. Там он и просидел более десяти лет, до первой серьёзной ревизии, после которой, чудом избежав посад-

ки, оказался счетоводом в Меже. Далее пришлось завоёвывать авторитет межаков, пробиваться в депутаты и лишь потом претендовать на кресло председателя сельсовета. Но опыта Ищенко было не занимать, а потому стал он через несколько лет мытарств и унижений внешне вполне уважаемым на селе председателем, вокруг которого все, кроме Дивы Беспалова, крутились и вертелись. Больше других этой перемене мест и обстоятельств была рада Софья Ефимовна, собравшая во время мужнина заведования в потребсоюзе богатейший гардероб! И теперь, появляясь на людях всякий раз в новых экстравагантных нарядах, она с наслаждением наблюдала, как тушуются при её великосветском появлении все местные красавицы, даже из молодых, не говоря уж о её ровесницах-дурах, которые моднее пухового платка или аляповатого шерстяного полушалка за всю жизнь ничего и в руках-то не держали. А бывало, что супруг брал её с собою и в райцентр, на партийно-советские сборища, где она тоже положительно всех затмевала, даже дочку местного часовщика Иосифа Петровича Цилевича Соньку, одевавшуюся богато, но совершенно безвкусно.

– Нет, Самсончик, ты видел? – требовательно теребила она мужа по возвращении. – Чего эта дура только на себя не навертела! Юбка кремовая, прозрачная, а через неё синие трусы так и лезут! А ещё она переняла моду... из телевизора, я думаю, появляться на публике без лифчика. И это с её-то дойками! Но ведь они же у неё давно не стоят! Да и стояли ли вообще когда-нибудь? Самсон, ты скажи Осе, чтоб не позорила почтенную фамилию, пусть наденет натитишник!

– Софочка, непременно скажу, завтра же на дне рожденья у начальника милиции, – отвечал блаженно развалившийся на венгерской кушетке муж.

– А ты не возьмёшь меня с собой к этому солдафону Хватову? – с укоризной вопрошала супруга.

– Софа, я бы охотно, но этот солдафон, как ты выражаешься, предупредил, что это будет чистый мальчишник, – отвечал виновато супруг. – Ты же знаешь, родное сердце, что Хват свою жену терпеть не может уже лет десять. С тех самых пор, как эта кляча уморила с трудом появившегося на свет сынишку. Просто забыла его на морозе возле поликлиники. Крупозное воспаление – и кранты!

– А почему он с ней не разведётся, Самсон? – недовольно, словно речь шла о её родном брате, спрашивала супруга Софья. – Взял бы молодую, она бы ему ещё нарожала, и не одного.

– Я думаю, что он за карьеру свою боится, – делился своими соображениями Самсон. – Он мне как-то говорил, что у них с этим строго, за развод врежут хуже чем за пьянку.

– Вот дураки! – сетовала на всю советскую милицию Софья Ефимовна. – Неужели для того, чтобы получить полковника, надо всю жизнь прожить с крокодилом?

– А вот всё у них тут так!– вспомнив свою львовскую молодость, воскликнул Ищенко. – Порядку на деле никакого, а видимость подай! Возьми вот, к примеру, нас, партийных и советских работников. Кто без проблем идёт в рост и загребает разные там поощрения и награды?

– Блатные, что ли? – высказала догадку жена.

– Скажешь тоже! – с усмешкой возразил муж. – Блатные в торговле процветают или в обслуживании. А у нас процветают те, которые больно много не размышляют – «быть или не быть?», а живут по поговорке «Бей своих, чтоб чужие боялись!». Ты вот, Софа, можешь припомнить, чтобы я кого-нибудь из своих тиранил, наказывал? Да можешь и не отвечать, – замахал руками Самсон Юлианович, заметив преданное выражение на лице жены. – Я, наоборот, всегда для своих на всё готов. И дров по лимиту выпишу, и сенокос – извольте, да поближе к Меже, чтобы ноги каждое утро не мять, а сразу по холодку да росе – косу в руки и за дело! Да разве ж оценят это лизожопы городские?!

– Жополизы, Самсоша, – пыталась поправить жена. – Я тебя прошу, просто умоляю, не портить себе здоровье по пустякам!

– И это ты называешь пустяками, Софа? – с отчаяньем спрашивал разволновавшийся не на шутку муж. – Другим – повышения и награды, а меня – на склад. Скажи, за что?

– Ой, Самсон, скажи спасибо, что на склад, а не на... цугундер! – с напором возразила жена. – А что, на складе неплохо жилось. Весь район у нас в ногах валялся: отпустите то, продайте это... Звучит не очень, конечно, – «завскладом», а на

деле – мы в районной элите под первыми номерами значились.

– Не преувеличивай, Софа, – пытался остудить супругу Ищенко. – Я всего лишь снабженец. Думаю, что все они: и Хватов, и предисполкома Насмороков, и даже сам Опалёнов видели во мне всего лишь необходимого поставщика для их благородий: вот Хватову понадобились западные джинсы – он ко мне, Насморку – гэдээровская стенка, опалёновской Ларе – итальянское бельё и французские духи. А сколько у меня было рокировок с продскладом! Я ему финский кафель – он мне два ящика икры и растворимого кофе. Я ему – два блока финской бумаги и немецких презервативов – он мне пяток ящиков «Китайской стены»... И так далее. А здесь, в этой долбаной Меже, не очень ли, знаешь, перед председателем пресмыкаются. Иные, конечно, ради пяти кубов берёзовых дров готовы перед тобой и польку, и краковяк сбацать, а есть и такие, что мама не горюй! Здороваются, и то через нижнюю губу, сволочи... Ни тебе почтения, ни культуры, гадят на морозе и задницы рукавом подтирают, а туда же, к избирательным урнам.

– И кто же тут, в Меже, из таких, как ты говоришь, гордых да независимых? Неужели Машка Лушникова, проститутка? – с ненавистью в голосе спросила Софья Ефимовна.

– Да куда ей! – отрицательно замотал головой Ищенко. – Она через день или с бодуна, или с переблуду. А вот конюх Евсей Хрюков, не понять, – то ли чересчур о себе мнит, мерин, то ли чрезвычайно не воспитан, то ли попросту глупый дурак. И всё тут.

– Я Хрюкова немного знаю, – поделилась жена, – по-моему, он просто тупое животное. Его лошади много умнее – например, Буян. Когда я на нём каталась по зиме, знаешь, он положил на меня глаз, и у него, как бы это тебе сказать поделикатней... Ну, в общем, возникла мужская реакция на меня. Я была просто потрясена. Такие размеры!

– Скажешь тоже, Софа! – с досадой на женины фантазии воскликнул Самсон. – У него на конюшне сразу две пассии есть: Камилла и Бирюза. Вот на них у него и встал. Да, совсем забыл, есть у нас в Меже ещё один странный мужик. Дивой его кличут. Так вот, он вообще ни с кем дружбы особой не водит, но самое главное, ко мне в сельсовет – ни ногой! А ведь живёт-то один-одинёшенек – без дров, без сена, без пенсии... И в колхозе не состоит. Вот уж этот точно о себе много полагает, хотя, знаешь, воспитан, всегда первым поздоровается даже с поклоном, и от других межаков я о нём ничего дурного не слышал.

– А откуда он на нашу Межу свалился, ты знаешь? – спросила у мужа-председателя Софья Ефимовна. – Может, он от алиментов бегает или от милиции скрывается?

– Слушай, а правда твоя. Надо бы, ёлы-палы, пронюхать, что он за птица. А то ещё, не приведи Господь, устроит нам тут какого-нибудь купоросу, век не отмыться будет! – и по лицу Ищенко забегали тени сомненья и испуга.

– Хочу секс-возбудителя!.. – вдруг неожиданно занудела Софья, томно глядя на мужа, которого от этого её нуда нестерпимо потянуло в уборную.

Глава третья

Ближе других к Диве жила Нинка. То есть была она уже далеко не Нинкой, а почти пятидесятилетней женщиной Ниной Сергеевной Ляпнёвой, мужниной женой, матерью троих взрослых сыновей и уже даже бабушкой. Её муж, шестидесятилетний Сергей Михайлович Ляпнёв, инвалид и ветеран войны, поймавший на фронте сразу несколько пуль и осколков и чудом выживший в Ржевской мясорубке, работал на торфяном болоте, бухгалтером в тамошней конторе. Каждое утро около семи часов, неторопливо позавтракав испечённой в печке кашей и ещё тёплым от утренней дойки молоком, он выкатывал из сарая велосипед «ЗИФ» и какое-то время вёл его в горку песчаной тропой по направлению к лесу. Потом, когда горка кончалась, он, коекак перекинув простреляннную ногу через раму, усаживался на кожаное седло и осторожно давил на педали. После этого Нинка ещё долго слышала то и дело позванивавший у него под рулём колокольчик. Затем она шла к заходящемуся в визге поросёнку и задавала ему размоченного хлеба и мятой картошки. Поросёнок до времени затихал, зато начинал жалобно мекать телёнок, привязанный к колышку возле половни. Нинка от-

носила и ему ведёрко с молочными помоями – остатками кислого молока, творога и простокваши вперемешку со ржаными отрубями. Телёнок умиротворённо замолкал, а Нинка уже занималась сначала курицами, а затем и утками, которые буквально прилетали к ней с речки, не довольствуясь одними лишь улитками да жучками. Им тоже полагались корки, остатки варёных овощей и молочные ополоски. Когда, плотно позавтракав, животные дремали – каждое на своём месте, Нинка бежала в сад, к пчёлам, – смотреть, нет ли где роя. Обыкновенно, если день был пасмурный, роёв не случалось, но если парило, то... Словом, роёвню Нинка припасала заранее, а также дымарь и специального дымового гриба – трута. Одной собирать рой было трудновато, с мужем Сергеем она делала это в несколько раз быстрее, но муж летом работал, а потому приходилось ей потеть одной: и большую роёвню подставлять, и веником смахивать с веток агрессивных пчёл, которые всячески сопротивлялись, норовя залезть в рукава и под гимнастёрку. Причём хорошо, если рой высаживался на податливую вишню, отряхать которую было несложно, но если на упругую и колючую яблоню, то собирать его становилось сущим адом! Когда, справившись с очередным ретивым скопищем пчёл, она завязывала роёвню, у её ног хитро выстилалась неразлучная парочка – Мурка с Тузиком, тоже претендующие на её хозяйское внимание. Тут уж Нинка давала волю закономерно нахлынувшим эмоциям:

– Мурка, засранка, ты опять на подушке дрыхла? Как не стыдно, право, валяться с Тузиком в конуре на грязном тряпье, а потом лезть на мою белоснежную подушку?

Кошка в это время с невинным видом тёрлась себе об Нинкины ноги и бормотала что-то примиряющее на своём кошачьем наречии. На Тузика у Нинки пороху уже не хватало. Поэтому она стыдила сразу обоих в том смысле, что ладно-де эти сезонные лентяи, поросёнок с теленком, но вы-то ведь тут «зля меня» всю свою жизнь, вы, что ни говори, свои, а ведёте себя, как эти... Но кто такие «эти», сама она положительно не знала.

Муж приезжал с болота часам к шести вечера. Нередко привозил чего-нибудь к ужину: то карасей из торфяного карьера, то мордовского сыра (неподалёку от болота, на склоне высокого холма, раскинулось богатое село Берёзовка, испокон веку славившееся своими сырами), то татарской баранинки (среди торфоукладчиц было много татарок), а то и просто белых грибов, набранных по дороге. Грибы, особенно белые и маслята, Нинка навострилась жарить стремглав, минут за десять. В Дочкиной сметане (Дочкой звали ляпнёвскую бурёнку) они получались восхитительно. Сергей Михайлович над Нинкиными грибами просто млел! Уничтожив их с полсковороды, а то и поболе, он как-то незаметно отваливал от стола в сад под вишни, где у него всегда был наготове топчан. Следом устремлялись Мурка с Тузиком, после чего из-под вишен начинал доноситься храп с примяукиванием и прилаиванием. Впрочем, спал Нинкин муж об эту пору никак не более часа-полутора, после чего решительно вставал и отправлялся на край села к стадам, за коровой Дочкой. Потом Нинка принималась за вечернюю дойку, а муж Сергей Михайлович резал для Дочки белую – сахарную – свёклу. Она придавала утреннему молоку неповторимый вкус. Более всего Нинка любила вечернее сидение под окнами на лавке, когда всё уже переделано, а до сна ещё далеко. Они сидели с мужем полуобнявшись и говорили-говорили-говорили. Говорили всё больше о хорошем, к которому, между прочим, относили и тяготы минувшего дня. Нинка подробно рассказывала Сергею, как она, снимая со сладкой яблони рой, искала в пчелиной гуще матку, которую следовало придушить, потому что рой вышел из слабого улья и следовало его вернуть восвояси. Сергей же, в свою очередь, поведал жене смешную историю о пьяном мордвине, который, собрав возле себя отдыхавших на обеде торфоукладчиц, стал демонстрировать им своё умение есть местную рыбёшку. Он брал живых плотвичек за голову и, откусывая всё остальное, начинал быстро жевать, блаженно закрывая при этом якобы от наслаждения глаза. Женщины смущённо смеялись, а мордвин безуспешно предлагал им сделать то же самое. В последний раз, повспоминав о минувшем дне, они заговорили о делах сельских. Сначала речь шла всё больше об услышанных Нинкой сплетнях типа – чем удивила всех председательша Софа на поминках у бывшего директора школы Николая Ивановича

Ручкина, опившегося два года назад внезапно завезённой в село, по распоряжению председателя сельсовета, разливной фруктовкой по полтора рубля за литр. Но постепенно перешли на живущие ныне в Меже личности, которые так же, как и они, Ляпнёвы, готовились к июльскому сенокосу и заготовке дров. Первым вспомнили Сёму Кривого с Новой Линии. Сёма был из бывших кулаков, но исправно воевал, и власти ему прегрешения его отцов и дедов охотно через его фронтовые увечья забыли. Сёма ко всему держал ещё и индюков, очень капризных и болезненных птиц. Но у Сёмы, говорят, они не болели, а регулярно приносили ему гору наивкуснейшей индюшатины, которую он исправно продавал в райцентре или обменивал через райпотребсоюз на дефицитные товары типа недавно приобретённых им «Жигулей», которых в свободной торговле не предвиделось и в дальней перспективе, как бы там Брежнев с Косыгиным и не хорохорились. Поэтому к Сёме следовало сходить, посоветоваться. «Может, хоть «Ижа» с коляской куплю, – размышлял про себя Сергей Михайлович. – Вот телка в потребсоюз сдам и куплю». А Нинка в это время размышляла о клюкве, которую в районе также охотно принимали, предоставляя взамен право на покупку разной дефицитной бытовой электротехники: холодильников «Маде ин Хунгари» и стиральных машин типа «Панония», «Рига» и, на худой конец, «Ока». Кое-кто из везунчиков разжился в районе и электрочайниками, и даже самогонными аппаратами (чёрт-те знает, кто и по каким каналам их там продавал!), которые тут же искоренили весь алкогольный дефицит в Меже, и даже в ночное время! Наконец как-то незаметно семейный разговор коснулся соседа Дивы, который по-прежнему был чрезвычайно далёк и от электрочайников, и от самогона. Нинка виновато пожалела его:

– И до коих пор он так, сердешный, маяться будет? Всё один, один, всё сам да сам. А зачем, если тех же дров выпиши вон в сельсовете – и живи себе спокойно? А ведь он, дурачина упрямая, без пальцев каждый день до лесу не по разу ездит на своей таратайке. Гордый, что ли, а?

– Да нет, гордыни вроде в нём ни на грош, – отвечал Нинке супруг. – Тут что-то другое. Какой-то хрен в компоте...

– Чего-чего? – не поняла мужа Нинка.

– Я говорю, странный он. Недаром Дивой и кличут, – отвечал уже внятно Сергей Михайлович.

– Слушай, Серёж, а давно он Дивой-то стал? Я что-то не припомню... – поделилась своими сомнениями Нинка.

– Да и я не припомню, – отвечал Нинкин муж. – Он сначала вроде на выселке жил. Но это давно было, до войны ещё. А когда я с фронта вернулся, он уж здесь избушку выстроил. Так что не странным я его и не знал никогда. И никто не знал. Мне иногда кажется, что он таким и уродился, только не здесь, а где-то там. – И с этими словами Сергей Михайлович указал Нинке куда-то на горизонт. Странно, но Нинка его сразу поняла и даже не переспросила для ясности, а где это – там. Оба они при этом посмотрели на отрезные концы облаков, начинающие пылать оранжевым закатом, на изуродованный остов храма, белеющий внизу на холме, и на стаю крупных, закладывающих посадочный вираж птиц, которые, видимо, целились заночевать в пойме разлившейся после недавних дождей речки.

– А давай его как-нибудь на чай пригласим? – предложила Нинка.

– Да хоть бы и не только на чай, – согласился муж. – Да ведь не пойдёт он. Придумает какие-нибудь сапоги всмятку и откажется.

– А может, и пойдёт, – не совсем согласилась Нинка. – Он меня всё ж середь остальных межаков выделяет особо. И советуется со мной иногда, и даже жаловался однажды...

– Да неужто? – не поверил Сергей Михайлович. – Чтоб Дива кому жаловаться стал... Да быть такого не может!

– Вот тебе и не может! – парировала Нинка мужнино неверие. – Возраст-то, он всех достаёт. Вот и у Дивы радикулит случился, да такой, что ни согнуться – ни разогнуться. Я ему прополиса завтра обещала, и яд змеиный где-то у нас был, в бане, кажись. Сходи-ка, Серёж, принеси!

Когда всё было благополучно найдено, Нинка достала маленькую, с виду совершенно игрушечную корзинку и, сложив в неё снадобья, довольно улыбнулась смущённому мужу.

Глава четвёртая

Настроение у Дивы было хуже некуда. Ещё третьего дня ему приснилась лесная старуха типа кикиморы, которая ловко подставила ему ножку, а когда он свалился на почему-то тёплый болотный мох, дважды огрела его дубовой слегой по пояснице. И вот не прошло и двух дней, как острая нервическая боль прострелила всю его нижнюю часть спины и этакими ветвящимися осколками отозвалась в правой ноге. Скептически относившийся ко всяким своим болям, Дива попробовал растереть себе задницу камфорным маслом, но лучше ему не стало. К фельдшеру идти ему страшно не хотелось, потому что, во-первых, он не очень-то доверял медицине в принципе, особенно после того, как хирурги отхватили ему пальцы, а во-вторых, фельдшером в Меже работала совсем ещё молодая девка, недавняя выпускница областного медицинского училища, и Дива стеснялся спускать перед ней свои держащиеся на тесьме порты. Но что же тогда делать? Как заготовлять дрова на зиму и сено для козы? Как окучивать картошку, собирать редиску, землянику в лесу? И что делать с пчёлами, если они вдруг зароятся? И тут возле колодца, охая при доставании бадьи, он увидел Нинку. К счастью, ему ничего не пришлось ей объяснять, она сама не преминула полюбопытствовать: а отчего это он так охает? Болит что? И видит Бог, никак не помышлял он о жалобах и сетованиях на здоровье. Но проклятый язык сам повернулся в эту постыдную для него сторону:

– Да вот, Нина, радикулит, кажись, у меня завёлся. И не думал-не гадал, что вообще когда-нибудь болеть стану, думал, что так и умру здоровым. – Выговорив последнюю фразу, Дива виновато улыбнулся.

Но в ответ Нинка только нахмурилась:

– Напрасно ты лыбишься, Иван Иваныч! Радикулит – это и не болезнь даже, а для нас, для деревенских, которые постоянно к хозяйству да к скотине пристёгнуты, сущая напасть! И не думай, Ваня, что само пройдёт. Сейчас давай дуй домой и до утра вылёживайся, а рано поутру я тебе всё, что надо, принесу.

Взгляд, которым ответил ей на этот посул Дива, Нинка потом помнила долгие годы. Никто и никогда на неё так не смотрел ни до этого, ни после. Тут надо заметить, что Дива, видимо, любил Нинку, любил той скупой бобыльской любовью, которая не претендует на ответную, то есть абсолютно бескорыстна, ничем плотским и вообще мирским не мотивирована, а потому воздушна, безмятежна и свята. А Нинка, придя домой, как мы уже упоминали выше, стала собирать для разбитого радикулитом мужика-одиночки тревожную аптечку, в которую помимо прополиса и змеиного яда положила собственноручно изготовленный бальзам из полевых трав на топлёном масле и упаковку обыкновенного анальгина, которого у Дивы отродясь не водилось. Всё это она положила на комод под большое зеркало, в которое они нередко смотрелись с мужем на пару, сравнивая себя нынешних с теми, что смотрели на мир с альбомной фотографии довоенной поры. Легла Нинка рано, но долго не могла уснуть, невольно прислушиваясь к мужниным хождениям по веранде и на кухне, где он любил листать «Огонёк», «Известия» и ... «Войну и мир» Льва Толстого. Но вскоре сон сморил избегавшуюся за день женщину, и к ней пришли, как это уже случалось не раз, когда она чересчур переутомлялась за работой, порубежные видения. Они отличались от привычных снов тем, что как будто были и снами, и реальной действительностью одновременно. Когда они приходили к Нинке, то она, с одной стороны, осознавала, что спит, а с другой – были эти видения ещё реальней самой что ни на есть реальной жизни. На сей раз ей привиделся бесконечный ромашковый луг, по которому она бежит за лязгающей на ухабах чёрной телегой из кованого железа. А в телеге везут её тятьку с мамкой, и с ужасом понимает Нинка, что увозят её родителей в какую-то даль недосягаемую, увозят наверняка безвозвратно. И силится Нинка догнать эту страшную телегу, и вот-вот уже достаёт её на краю дороги, но лошадь вдруг наддаёт, и вновь отдаляется телега, поднимая над собой тучи мучнистой пыли. А Нинка всё торопится, всё прыгает и прыгает через луговые бугорки, кричит что-то несвязное и больное, но не слышат её сидящие в телеге, но упрямо глуха к её стенаниям кожаная спина возницы. И в другой раз почти настигает Нинка телегу, но та вдруг разом взлетает на поросший ивами пригорок и стремглав катится с него ко вдруг возникшему в низи-

не мосту через небольшую тёмную речку. И клокастый туман стоит над мостом, густой и жёсткий, как стена, и телега ныряет в него обречённо, словно увлекаемая каким-то особенным магнитом. И только мамка успевает крикнуть напоследок: «Прощай, доченька!» И с этим криком вываливается Нинка из своего тягостного сна, только эхо мамкиного крика ещё долго стоит в ушах, и слёзы не переставая бегут по щекам. И понимает тут Нинка, что ещё долго-долго будет вспоминать она этот сон по утрам, вставая на утреннюю дойку.

... Вот и сейчас, вытерев насухо слёзы тонким льняным рушником, она, прибирая ночную рубаху на себя, легко соскальзывает с кровати в стоптанные собачьи тапочки и, чтобы не разбудить поздно улёгшегося мужа, семенит на цыпочках на кухню, где у неё на печке висит рабочий халат, греются на кирпичах полушерстяные носки и стоят в припечье лёгкие чувяки без каблуков. Облачившись во всё это, она выходит на двор и ласково гладит уже ждущую её Дочку по тёплой, густо дышащей травой и молоком морде. Потом возвращается на кухню, чтобы принести корове ведёрко с разными вкусностями, которые та поглощает неторопливо и с достоинством, хоть и видно, что эта еда доставляет ей истинное удовольствие. Затем Нинка садится на низенький стульчик и аккуратно моет коровье вымя тёплой водицей, потом массирует его обеими руками и лишь после натирает соски топлёным маслом. Начинает доить Нинка неспешно, раздаивая железы плавными упругими движениями, без резких рывков и натягов. В это время Дочка аппетитно хрустит свежим клевером, который Нинка загодя опустила ей в кормушку. Молоко пузырится в ведре, словно пиво, только пена на нем гуще и белее пивной. К слову сказать, Нинка пиво очень любит, только вот не возят его в Межу, разве что муж притянет из района сразу бутылок десять. Нинка спустит их в погреб и изредка достаёт по одной. Муж пива не пьёт даже после бани, предпочитая двойной перегонки самогон, согнанный из яблок, вишни, смородины и даже рябины. Самогон вовсе не пьющая его Нинка гонит лучше всех на селе. Это признаёт даже Лёня Раменский, который никогда не врёт. Подоив Дочку, Нинка разливает молоко по полуторалитровым глиняным кринкам, накрывает их крышечками и спускает в подпол, кроме одной, которую оставляет для мужа. Скоро Сергей Михайлович начнёт кашлять застуженными на фронте лёгкими, потом сморкаться, потом греметь умывальником, харкать и ругать Брежнева типа: «Лёха, блин, когда ты только порядок в стране наведёшь?!», «Когда крестьян уважишь, начнёшь им зарплаты, пенсии нормальные платить?», «Что ж это у тебя только шахтёры да полковники получают, а все остальные с голыми жопами по стране мыкаются?» и прочее, прочее, прочее – до той поры, пока Нинка не крикнет в распахнутую на улицу дверь:

– Серёж, гони Дочку, она уже на задний двор пошла!

Сергей Михайлович вмиг забывает и про Брежнева, и про ненавистного ему Хруща, который ободрал деревню что твою сосёнку, и, ухватив возле входной двери походную трость, идёт к заднему двору – открывать Дочке проход на волю. Над селом стоит розовый туман, из которого то тут, то там пробивается собачья брехня, ещё не поставленные как надо сиплые петушиные тирады и крепчающие волны общего сельского шума, в которых мешается всё: и блеяние овец, и меканье коз, и гаганье гусей, и перебранка не проснувшихся до конца хозяек, и наглый хохот вспоминающих минувший похмельный вечер мужиков, и чих колхозной техники, и летящий к дому со всех сторон щебет многочисленных прикормленных селом птиц. Сергей Михайлович салютует Нинке от сельской дороги, на которой уже обозначился сосед Иван Полубесов со своей Зорькой. Иван почти каждое утро бывает с похмелья, поэтому Нинка показывает встретившимся приятелям кулак. «Ещё чего доброго, – рассуждает она, – и мой из солидарности с ним полстакашки хватит. И не задастся день – к гадалке не ходи... » Но Нинкин муж знает об этом лучше самой Нинки, а потому он, конечно, постоит с Иваном и даже подержит ему стакан, пока тот достаёт немудрёную закусь, и даже закуси этой заодно с Иваном испробует, но пить в такую рань не станет. А зачем? Лучше вечером, после трудов праведных, в саду, в холодке, куда Нинка принесёт плошку груздей, солёных огурцов, мочёных яблок и облепленной укропом печёной картошки. И они будут сидеть под вишнями и калякать о жизни, о благополучных детях и ещё

совсем сопливых внучатах. И он обнимет её преданно, и заглянет с любовью в глаза, и станет целовать её волосы и руки.

Глава пятая

Дива впервые доил свою любимицу козу Маньку, стоя на одном колене. Так у него хоть что-то получалось, хоть коза пару раз и недовольно взбрыкивала, заподозрив, что с аккуратным всегда хозяином нынче что-то неладно. Давала Манька Диве ровно столько, сколько он мог выпить и съесть в виде простокваши и творога. Словом, ела она пятую часть коровьего сена, а молока давала в треть. Это бережливого одинокого мужика даже очень устраивало. Тем более, что Маньку можно было и не гонять к стадам, ей нравилось и возле избы ошиваться. Дива так доверился своей мудрой козе, что в последнее время даже перестал её привязывать. Она и сама куда не надо не ходила. Вот и сейчас, выведя накормленную Маньку на лужок под окна, Дива, невольно ойкнув, осторожно опустился на верхнюю ступеньку, возле самой двери. Оторвав ровный лоскут бумаги, перегнув её по диагонали, он принялся было наживлять её самосадом, но в этот момент из-за забора вынырнула Нинка с небольшим мешочком в руках. На время забывший о её обещанном визите, Дива так и застыл с бумажным обрывком в одной и щепотью табака в другой руке. Да и рот его до поры оставался разинутым, как у Нинкиного Тузика в жаркую полуденную пору. Нинку это несколько развеселило, и она кивнула Диве на пасущуюся поблизости Маньку:

– Как доил-то, Иван?

– Лучше не спрашивай, Нин. Позор один, а не дойка. Ещё ладно, что никто не видел... – Дива обречённо махнул рукой – дескать, их с Манькой дело теперь табак. Не иначе. Но уже в следующий момент он с надеждой глянул на Нинкин мешочек и осклабился. А Нинка только этого и ждала:

– Давай, Вань, стели на лужайке какое-нибудь одеялко, а ещё лучше – овчинный полушубок, задирай рубаху и ложись на живот. Я сейчас тебя сама разотру, а ты, сердечный, запоминай! – И с этими словами Нинка развязала мешочек и ловко извлекла из него несколько склянок со снадобьями. Ни разу в жизни ничего не лечивший, Дива несколько засмущался:

– А может, ты просто мне расскажешь, а я уж потом сам как-нибудь?..

– Вот именно, что как-нибудь, а тут надо строго по правилам, иначе не поможет. Мне Серёжа так и наказал, что если будешь упираться, то всячески принуждать тебя, пока не согласишься, понял? – Вид у Нинки был боевой, и Дива обреченно пошёл за полушубком, который носил по зиме. Кое-как задрав рубаху, он сначала встал на колени, как стрелец перед казнью, а уж потом с охами опустился на пахучий ворс овчины. Нинка села над ним как росомаха и стала что-то шептать в пространство. И странное дело, напряжённый как струна Дива постепенно расслабился, а вскоре и задремал. Ему даже сон хороший приснился, хотя до этого не снилось целый год совсем ничего. А последний сон лета прошлого года лучше бы и вообще не снился. А тут... розовый иван-чай до горизонта, и белый конь его неторопливо щиплет. И хорошо как-то кругом, светло и немного печально, и молодая Нинка подходит к коню и, ласково гладя у него за прядующими ушами, повязывает на конскую шею лёгкую голубую косынку из газа. А потом они втроём идут куда-то по розовому полю, и им радостно от предвкушения какого-то огромного всеобщего Добра. Дива потом плохо помнил, как Нинка с силой мяла его спину, как втирала в неё какие-то мази и как он весь горел под её сильными пальцами. Очухался он на домашней тахте, лёжа всё так же, лицом вниз. Рядом на тумбочке стояла кружка с пахучим травяным отваром, под ней белела записка, в которой, судя по всему, значилась инструкция по применению оставленных Нинкой снадобий. А сами они стояли на большом круглом столе посреди комнаты. Дива стал переворачиваться, хотел привычно охнуть, но у него не получилось. Боли не было. Он лихорадочно схватил записку. В ней сразу под инструкцией синей пастой было написано: «Иван! После растирания тебе станет легче, но это не излечение. Растирания надо повторять, сначала прополисом, а потом и змеиным ядом. Отвары пей три раза на дню. Перед сном обязательно! В инструкции всё есть. Через пять дней должно пройти. Терпи и лечись. Нина».

Прочитав записку, Дива дотянулся уцелевшим безымянным правой руки до глаз и осторожно смахнул несколько крупных слезинок.

Между тем время уже катилось к полудню. Не привыкший бездельничать, Дива затосковал в постели. К тому же на место приятной утренней прохлады в избу заползала стойкая предобеденная жара. Становилось душно, пыльно и потно. Обтеревшись старым застиранным полотенцем, Дива взял коромысло, пару вёдер и направился к колодцу. Колодец был как раз напротив Нинкиного дома, и Диве не терпелось продемонстрировать Ляпнёвым, как он удачно лечится их снадобьями, как ему заметно полегчало уже после первых растираний. Проходя мимо Нинкиного двора, он специально громко чихнул, но реакции никакой не последовало, лишь Нинкин телок с надеждой поднял голову – не несут ли ему чего попить-поесть, и, разочарованно топнув копытцем, стал тереться искусанной слепнями шеей о стоящую неподалёку иву. «Видно, в магазин ушли, – подумал про себя Дива. – Небось, за сахаром. Нинка хвастала, что земляники литров пять с вырубок припёрла. Да и клубника у них ещё не отошла. То-то варенья наварит! Самого вкусного. Факт. Надо бы и мне тоже, хотя бы из смородины. Бабы подсобят собрать из полу: половину мне, половину себе. А смородины у меня нынче непочатый край!» Воду Дива любил набирать неспешно, потому что колодец на краю села был особенный, с водой поистине волшебной, ледяной и звонкой, как специально отшлифованное стекло. Сначала Дива вывернул всего треть ведра и раз пять принимался из него пить маленькими глотками, невольно обливая себе таким образом грудь и живот. Ледяная вода бодрила, решительно прогоняла сонливость, запуская вдоль позвоночника вереницы шальных мурашек и знобкое ощущение глубинной подземной остуды. Неторопливо пережив эти глубокие ощущения, не раз переходящие в душе даже в подобия некоторых переживаний, Дива вновь отматывал цепь и теперь уже цеплял бадьёй по самый верх – так, чтобы при поднятии её из холодных недр колодца вода обильно лилась на его мшистые дубовые срубы и звонко падала вниз, на глянцевую рябь поверхности. Иногда видел Дива в колодце как будто бы своих тайных двойников, которые делали ему приглашающие знаки и хитро лыбились в косматые чёрные бороды. Дива твёрдо знал (сам не понимая – откуда), что у него там, в той жизни, осталось трое братьев, которые время от времени давали о себе знать то неожиданной прорисовкой своих обликов на полуденном небе, то упрямым, непреодолимым зовом полуночного Сириуса, то знакомыми и родными всхлипами на вечернем пруду, то вот так в колодце, хитрыми ухмылками из-под влекомой валом бадьи. Между тем, поставив одно ведро на колодезную скамью, Дива опускал бадью за вторым. И вновь всё он делал неторопко, не пускал, как иные, вал во всю ивановскую, а медленно раскручивал его, с удовольствием слушая и звяканье цепи о ручку ведра, и гулкий постук бадьи о сруб, и её громкий плюх о поверхность колодезной воды. Потом бадья шумно захлёбывалась, со всхлипом выдавливая из себя воздух, цепь нервно натягивалась, и отягощённый вал начинал свою размеренную подъёмную песню: уфыр-уфыр-уфыр... Дива ещё раз прикладывался к ведру, минуту-другую стоял, о чём-то рассеянно думая, и лишь потом сажал вёдра на коромысло, которое плотно вдавливалось ему в плечи. На сей раз, пока донёс воду до избы, дважды стрельнуло в поясницу, и Дива тут же вспомнил Нинкину записку – дескать, надо растирать спину регулярно в течение как минимум пяти дней. Составив вёдра на кухне, он и взялся растирать по второму разу. Самому делать это было не совсем удобно, но Дива понимал, что другого выхода нет: за независимость надо платить. И он платил, прекрасно понимая, что платить ему не переплатить ещё ох как долго, возможно, до скончания жизни.

Глава шестая

Вечером по привычке Дива слушал по радио девятичасовые новости. Радио у него было допотопным, ещё с предвоенной поры. Оно представляло из себя чёрную эбонитовую коробочку с колёсиком звука, обклеенную с обеих сторон чёрной же просмолённой бумагой в виде рупора. На подоконнике имелся у Дивы и радиоприёмник «Альпинист», но он предпочитал слушать «рупор», всего одну, зато очень внятную программу, по которой ещё совсем недавно говорил сам Левитан. По ней люби-

мый всеми детьми страны сказочник Николай Литвинов рассказывал детям про Бабу Ягу и Маленького Принца, а сатирик Аркадий Райкин доводил собиравшихся на работу взрослых до колик в животе и полного неприятия спускаемых сверху глупостей. Ещё не успели до конца доложить про погоду, как неожиданно для Дивы в дверь настойчиво постучали. Дива поспешно откинул крючок, и из сеней, прямо к нему на кухню протиснулся угловатый как скала Сергей Михайлович, а за ним и Нинка прошмыгнула. Тут они встали возле печки, что твои Филимон с Бавкидой, и какое-то время, неопределённо глядя друг на друга, подавленно молчали. Наконец Нинка проговорила с нарочито беспечным выражением:

– А мы, Иван, уж прости, по-соседски вот решили тебя проведать, потому как ты есть больной и не женатый ещё. Вот блинов тебе принесли со сметаной и магазинной булки, потому как ты сам нынче до магазина ходок неважный. – С этими словами Нинка выложила на кухонный стол небольшой газетный свёрток и пол-литровую баночку с белым содержимым. Дива в ответ лишь смущался да блуждал беспомощно взглядом, не решаясь сказать что-либо определённое. И тут вдруг Нинка остро почувствовала изначальную ненужность этого визита и тот досадный конфуз, в который они, дураки правильные, ввели этого, очевидно самим Создателем обречённого на одиночество, человека. А он и в самом деле то ли по неопытности, то ли по доброте душевной просто не знал, как себя вести с ними. И тогда она, незаметно дёрнув мужа за рукав, громко проговорила в сторону Дивы:

– Ну, вот и ладно, Иван. Натирайся, выздоравливай, видим, что тебе уже лучше стало, – с этими словами Нинка вопросительно посмотрела на Диву. Тот, словно почувствовав облегчение, согласно закивал. И она, тоже в это мгновение всё для себя решив, закончила начатую мысль: – А мы, Иван, извиняй, пойдём. Работы дома – непочатый край! Смородину пора собирать, и вишня на подходе! Да и рои замучили, собаки! – Нинка ещё раз дёрнула Сергея Михайловича, на что тот тоже произнёс что-то в том духе, что действительно пора и что при случае они всегда готовы прийти на помощь.

С этим Ляпнёвы и откланялись, разрядив неловкую ситуацию. Отойдя от Дивиной избы на пяток саженей, Сергей Михайлович в свою очередь дёрнул Нинку за рукав кофточки и с полным непониманием на лице требовательно спросил:

– Так зачем мы ходили-то, ёлы-палы? Я думал, ты ему спину разотрёшь, а я пока пчёлок его погляжу, козе корму задам, за яйцами курьими на гнёзда слазаю.

– Серёж, не обижайся ты, ёлы-палы, – попросила стушевавшаяся Нинка. – Он хороший, но совсем не то, что мы с тобой. Ему посторонние люди противопоказаны, как старообрядцу – городские красавицы. Сам он и козу накормит, если его коза вообще что-либо сейчас ест, кроме травы, и до яиц как-нибудь доберётся, и пчёлы его любят, не роятся почти. Зря мы пришли, в общем, он не любит, а скорей всего, просто не может быть кому-то хоть в чём-то обязанным. Помнишь, мы с тобой «Робинзона Крузо» читали?

– Ещё бы! – с нескрываемым восхищением воскликнул Сергей Михайлович. – Самая дельная книженция. Я её и без тебя ещё дважды потом перечитывал.

– Так вот, – заставила замолчать мужа Нинка. – Стало быть, ты помнишь, как Робинзон завёл себе друга из папуасов, как научил его говорить на своём языке, а потом и окрестил. Думаешь, зачем он это сделал?

– Да тоскливо ему было одному, хоть в петлю лезь, – почти не задумываясь, отвечал муж. – Собака у него издохла, а человеку одному – труба.

– Вот именно, обычному человеку... – голос Нинки дрогнул. – А такой, как Дива, не стал бы себе заводить никаких друзей. Может, завёл бы ещё одну собаку вместо издохшей. Он по самой сути своей одиночка. Такие встречаются, хоть и очень редко, и, как правило, немного всё же общительней, ну и попроще, что ли, чем Дива. Так, у нас в Меже есть ещё такой Питилка. Мне его жена жаловалась, что за сорок лет, что они живут вместе, он сказал не более сотни слов. А ведь у них и дети есть, и внуки.

– Слушай, а ведь точно, – согласился с женой Сергей Михайлович. – Он и водки с нами никогда не пил, и поросят колол сам, втихаря, а спросишь чего, так и ответа-то никогда не последует.

Все уж привыкли. Его даже и кличу- то Нипелем – дескать, туда дуй, а обратно... хрен! Я поначалу думал, что это он из жадности такой, ну, чтобы не тратиться там ни на что. Ан нет. Тут недавно соседке своей Агафье Прокиной, у которой дочка от рака умерла, дал на похороны и поминки сотню целковых и сказал, чтоб и не думала отдавать. А старику Петру Семёнычу Вахиреву, ему девяносто восемь недавно стукнуло, вырыл на огороде колодец, чтобы, значит, дедушка за водой так далеко не ходил. А я тебе скажу, нынче за колодцы меньше двух сотен не берут! Вот так.

– Знаешь, Серёж, Дива, конечно, разговаривает, общается, но только не с людьми, – поделилась с мужем своими наблюдениями Нинка. В это время они как раз проходили мимо своего сада-огорода. – Видишь вон, сорока сидит на вишне? Мы их дубинкой гоняем, чтобы ягод, собаки такие, не портили. А он выйдет к садовой калитке, посмотрит на них, и они – готово... сами улетают. А однажды я видела, как он с козой своей Манькой разговаривает. О, это чудеса Христовы! И ведь коза ему отвечала, ей-богу! – Нинка перекрестила лоб и указала мужу на усыпанную плодами яблоню:

– А с деревьями как он говорит! Прислонится щекой к стволу и что-то нашёптывает, а лицо в это время у него такое... такое... – И было Сергею Михайловичу видно, что его умнейшая Нинка не может подобрать нужных по случаю слов.

– А отчего он такой, Нин, а? – спросил с тревогой и даже некоторым испугом Сергей Михайлович. – Мы ведь с тобой тоже вроде не упёртые, как, к примеру, продавщица из сельмага Дуська Дрожилкина. У той, хоть и всякого обсчитать норовит, всё равно после каждой ревизии недостача. И читаем, и кино смотрим, и в город катаемся, и лес не меньше Дивы любим, но мы вот такие, а он совсем другой... Непонятный, я бы даже сказал, убогий, если бы не видел, как он косит, столярит или там дрова колет.

– Ну и как? – с вызовом спросила Нинка.

– Как-как... – растерянно отвечал муж. – Ты знаешь, что я кошу так, что всякий позавидовать может. Беру широко, кладу плотно: за мной разбивать да ворошить – одно удовольствие! А он...

– Что он? – нетерпеливо переспросила Нинка. – Берёт уже и кладёт жиже?

– Скажешь тоже. Жиже... Во-первых, когда он косит, даже звука никакого нет. Как будто коса и травы не касается вовсе. Знаешь, я наблюдал. Это колдовство какое-то! Вот он ведёт косу, а трава как стояла – так и осела. Не косит он, а бреет. После его косьбы ни одного вихра не остаётся. Короткое окосиво, как на городском стадионе. И столярит так же. Особенно топором мастерски орудует, ему ни рубанок, ни фуганок не нужны. А раз я видел, как он топором бреется...

– Да иди ты, Серёж! – высказала недоверие Нинка. – Это же из сказки какой-то или анекдота.

– Вот тебе и сказка! Сказываю, бреется топором – значит, так оно и есть, – злился всерьёз Сергей Михайлович. – Я тебе хоть когда-нибудь врал?

– Когда замуж звал, – смеясь отвечала Нинка, краснея до самых кончиков волос. – Наврал моему бате, что лошадь купил и борону на сельповском рынке.

– Ну так ведь он тогда собирался тебя за Костю Бороздова выдать, – стал без особого желания вспоминать Сергей Михайлович. – Того тогда на новый трактор посадили, начал он зарабатывать, вот и... Ну, пришлось. Что тут делать было? Да ты чай сама меня и надоумила. Я помню!

– Ладно, убедил, – согнала с лица улыбку Нинка. – А что ты там про дрова говорил? Их, по-моему, все одинаково колют.

– Но не Дива, – не соглашаясь, замотал головой Нинкин муж. – Этот два раза по одному полену сроду не ударит. Он каждое сначала изучит – причём стремглав, а потом уж бьёт ровно туда, куда только и надо, – в аккурат по поговорке «где тонко, там и рвётся». Строение, структуру дерева он знает куда лучше нас с тобой, и даже не знает, а чует. Нутром! Я однажды видел, как он не колуном даже, а обычным топором комель берёзовый в два обхвата расколол! Никому такое не по силам, а ведь Дива далеко не Иван Поддубный, ему даже до меня далеко. И тем не менее... А трельяж ты у него в избе видела?

– А то! – Нинка даже обиделась, что муж спрашивает её про такие очевидные вещи. – Разве ж такое не заметишь? Зеркало на пол-избы! А он, знаешь, сядет перед ним и давай усищи свои подкручивать! Удобно, небось, наблюдать свою внешность сразу в трёх зеркалах? А ещё меня его

тюль смущает. Навешал его и где надо, и где не надо. Хоть бы тогда не курил дома-то, а то ведь весь тюль жёлтым станет...

– Да ладно тебе, не злословь ты, – пробовал урезонить жену Сергей Михайлович. – Живёт он один-одинёшенек, а трельяж, тюль – всё ж таки признаки семейственности, уюта. Вот он их купил... вместо того, чтобы жениться.

Глава седьмая

После трёх дней растираний Дива почувствовал себя совсем уверенно: поясница гнулась, как у молодого, в ногу не простреливало, и весь позвоночник – от шеи до копчика – ощущался как единое здоровое целое, а не как узловатое непредсказуемое нечто. «Нет, пару деньков, как наказывала Нинка, я ещё полечусь, – рассуждал Дива. – Мало ли что? Откуда он берётся, радикулит этот? Поди узнай! Простуда, язва, нарывы там разные – это всё напасти известные, а потому их можно избежать. А радикулит... он как снег на голову. От него не уберечься». Рассудив так и несколько этим себя успокоив, Дива решил прогуляться до магазина – посмотреть чего-нибудь к чаю. Обув клеёнчатые чувяки и перекинув кирзовую кошёлку через плечо, он двинулся к спуску, этакому устройству между двумя сельскими прудами, которое позволяло стравливать воду из одного пруда в другой. Устройство представляло из себя бетонный шлюз с опускаемыми и поднимаемыми деревянными воротами. Когда проходили дожди и вода в верхнем пруду заметно поднималась (в него, кроме того, впадала и небольшая речка), специальный дежурный поднимал шлюзовую дверь-заглушку, и лишняя вода спешно уходила в нижний пруд, который, в свою очередь, стравливал её ещё ниже, в прокопанный межаками канал, который разносил эту воду по многочисленным сельским садам и огородам, на которых также имелись свои небольшие прудки для полива. Над шлюзом пролегал прочный деревянный мост, по которому Дива и ходил к центру села, как и все остальные межаки из домов, что лепились ближе к лесу. За спуском Дива почувствовал неприятный запах горелой шерсти, который усиливался по мере продвижения его к центру села. А вскоре он увидел перед собой, за поворотом, и столб серого дыма, который медленно расползался над крышами центральной Межи. Невольно ускорившись и быстро дойдя до поворота, он увидел объятый пламенем магазин и снующих вокруг него женщин, которые непонятно что делали. Тут до него стали долетать вопли, из которых следовало, что в магазине, то есть в пламени, остались люди. Дива побежал. Уже через минуту-другую он вышибал принесённым кем-то топором тяжёлые магазинные рамы, которые никак не хотели поддаваться. Тогда соседствующий с магазином кривой Архип, по кличке Заноза, притащил лом, которым Диве, в конце концов, удалось подцепить среднюю на фасаде раму и опрокинуть её вовнутрь. Из оконного проёма тут же рванул густой дым, в котором Дива под вопли собравшейся публики (кроме женщин, к магазину прибежали несколько стариков) там и скрылся. Появился он всего через минуту, и не один, а с каким-то сухоньким тельцем на руках. С тельцем он не церемонился, а буквально перекинул его через подоконник, прямо на траву. Минуты через две он принёс ещё двоих: женщину и совсем малюсенькую девочку, которых тут же принялись откачивать. В это время часть горящей кровли обвалилась внутрь кирпичного строения, и Дива вывалился из магазина и сам. Когда задохнувшиеся в магазине пришли в себя, послышались звуки пожарного рожка. Это местная пожарная лошадь везла к магазину бочку с ручной помпой. Сам же местный пожарный белобилетник Колька Семёнов был, как водится, сильно пьян и чрезвычайно недоволен пожаром.

– Ну что, в вашу мать, горите? – спросил он испуганных старух. – А ведь я вам говорил, чтобы не курили на складе. Там ведь пакли полно, а она как порох: раз – и на тебе факел! – С этими словами Колька забрался на телегу и через минуту-другую уже направлял струю в проём, куда провалилась часть кровли. Вскоре пошёл белый дым, и приехали районная пожарка и скорая. В последнюю уложили вынесенную первой из магазина сухонькую старушку, которая отравилась угарным газом и была готова вот-вот отдать богу душу. Ей тут же поставили капельницу и дали кислороду... К Диве стали было лезть с расспросами и благодарностями, чего он по природе своей никогда не любил. Поэтому он незаметно завернул за угол и широкими семимильными ша-

гами понёсся к клубу. Там, слава богу, никого не было и можно перевести дух. Отдышавшись, он увидел на повороте к магазину милицейский «воронок», над которым бешено вращалась тревожная мигалка. Диве стало как-то нехорошо, потому что он предвидел скорые допросы. Они и начались... уже этим вечером. Диву, как он ни прятался, разыскали быстро, ибо Межа помнила своих героев. Только вот допрашивали его вовсе не как героя, а в лучшем случае как «пока» свидетеля. Причём следователь из района дал понять, что если Дива и далее будет так же «изгаляться», то он, капитан милиции, откроет на него уголовное дело на предмет поджога. После этого отвечавший односложно Дива замолчал вовсе, поскольку положительно не понимал, чего от него добивается этот светловолосый желчный человек с водянистыми глазами. И вообще, от ареста Диву спасла Нинка, которая на ухо сообщила капитану, что Дива просто больной, то есть «не совсем того» (при этих словах она характерно повертела у себя пальцем возле виска), после чего тот сразу как-то успокоился и поехал по порядку допрашивать других очевидцев.

– Я же тебе, Иван, говорила, чтобы лечился. Какого рожна ты в магазин попёрся? Сидел бы дома – никто бы к тебе и не приставал.

Дива на это ничего не отвечал, но смотрел на Нинку с пониманием и благодарностью. После этого он не ходил в центр почти неделю, окончательно залечивая свой радикулит и заготавливая сено и дрова. Траву он косил в овраге за колхозным полем. Но сушить на месте косьбы не решался, боясь каких-нибудь кар со стороны либо властей, либо частных лиц, которые запросто могли посчитать эту траву своей. Поэтому он скашивал ровно столько, сколько помещалось на его тачку. Укладывал траву граблями, перетягивал её верёвкой и рысью вёз к себе под окна, где благополучно и сушил на июльском солнышке. За дровами он ездил в березняк ближе к вечеру. Здесь он выискивал сухостойные деревья, которые валил при помощи ножовки и топора. Если сухостоя не хватало, он докладывал тачку валежником, который использовал для растопки. И за эту неделю его поленницы в сарайке существенно выросли. Но через неделю совсем вышли продукты и хлеб, и он пошёл в ларёк, который торговал неподалёку от сгоревшего магазина. Собственно, ларьком называли обычный магазин, разве что несколько поменьше сгоревшего. Теперь он стал в Меже основным и торговал против прежнего с восьми до восьми. Дива пришёл в ларёк ближе к вечеру, перед тем как идти к стадам за Дочкой. В помещении было людно. Народ стоял за растительным маслом, две бочки которого привезли из района после обеда. Заодно люди покупали хлеб, пряники и, разумеется, водку. Впрочем, местные опойки нажимали больше на «Агдам», дешёвый, но весьма суровый портвейн, который и пился легче водки, и по ногам бил что надо. Войдя в заведение, Дива первым делом громко со всеми поздоровался, тут же уловив особое к себе внимание. Опойки, глянув на него с откровенной опаской, ретировались куда-то внутрь очереди, где их было совсем не видно, а вот старушки, напротив, обступили Диву со всех сторон и стали его нахваливать да славить, как настоящего межевского героя.

– От, – указывали они на него местным тщедушным мужичкам, – не побоялся ни огня, ни дыма, а полез прямо в пекло енто и спас людёв. А коли бы не он, так схоронили бы нонче и Пашку Емелину, и Грушеньку с Бутырок, и внучку её Поленьку.

– А вы, бабы, в газету напишите, в «Сельску трибуну», – посоветовал Заноза. – Можа, Диве кака награда полагатся? Или вон хоть ентому оглоеду, Грищенке. Нехай его, раз он наших граждан спас, местна советска влась поощрит!

– И напишем! – заорали бабы решительно. И было видно сразу, что никуда они не напишут. Но Диву это нисколько не волновало. Главное, чтоб впредь с допросами не лезли и чтобы этот с рыбьими глазами больше не приезжал в Межу. В это время из дальнего угла магазина, ровно оттуда, где стояла вторая бочка с маслом, стал доноситься сначала недовольный ропот, а затем и громкие вопли возмущения. Присмотревшись, Дива увидел испуганного пастуха Колю Жесткова, которого с обеих сторон крепко держали под руки дюжие колхозницы. Тут же кто-то навесил Коле крепкую оплеуху, затем вторую. Потом его повалили на пол и начали месить ногами, более других старались опойки, целясь в лицо, нос, скулы и по вискам. Тут до Дивы как-то сразу дошло, что пастуха попросту убивают, что это массовая расправа и что на фо-

не расследуемого пожара всё кончится для межаков тюрьмой. Он громко выкрикнул:

– Стоять!

Все встали и, осоловело глядя на Диву бешеными глазами, долго соображали – а что это со всеми ими происходит? Коля ворочался на замазанном кровью полу и жалобно стонал. Наконец один из только что пинавших пастуха, державший в правой руке бутылку «Агдама», глухо спросил у Дивы:

– А нафига он в бочку с маслом нассал? Мы что, скоты, али как? – в каждом слове сквозила пьяная ненависть. Все согласно зашевелились.

И вдруг Дива улыбнулся своей застенчивой и в этот момент несколько виноватой улыбкой:

– Бочку, конечно, жалко. Но что толку убивать-то? Пусть лучше он масло возвращает, раз испортил! А так убьёте его – и что с того? И масло вернуть некому будет, и вас всех пересажают.

После этой реплики наступила гробовая тишина: народ явно обмозговывал только что высказанную Дивой перспективу. И она обществу явно не понравилась. Колю подняли с пола, дали ему под зад и вернулись к закупочному процессу. Диве же так никто ничего и не сказал: все с ним, очевидно, согласились, но молча, без признания своей горячности и глупости. Ну, не любили в Меже каяться. Тоже, кстати, хорошая, не типичная для русских черта. И Дива уже не впервой обнаруживал это в своих земляках. Вернувшись домой, Дива поставил в запечек только что купленную в ларьке «маленькую», выложил в ящик хлеб, опустил в подпол несколько банок рыбных консервов, которые любил употреблять с картошкой и малосольными огурцами. Потом принёс из сеней веник и торопко произвёл в избе лёгкую уборку, отложив мытьё полов на потом. «А сегодня, – проговорил сам себе, – я истоплю баню. Прежде всего, она плохую память отбивает, что мне нынче – в самый раз. А потом... пропарю спину хорошенько. Авось радикулит больше ко мне и не вернётся!» С этими словами Дива принёс из чулана два беремя первоклассных берёзовых дров, заготовляемых им именно для бани, которую считал для себя самым лучшим отдыхом, а где-то даже и развлечением. Потом наколол он из двух поленьев аккуратной лучины, которую сложил шалашиком в печке, ровно над полудюжиной трубочек оторванной от одного из поленьев бересты. Лучина, а следом за ней и полешки занялись с первой спички. Тесное банное пространство наполнилось едким берёзовым дымом, и Дива сначала вышел в предбанник, а затем и на волю. Глянул на банный конёк. Синий дымок легко вился из печной трубы. Вода, как в чан для подогрева, так и в нижний бак для окачивания, была им наношена заранее. Он возил её из Нинкиного колодца в двух алюминиевых флягах. На сей раз, опасаясь ревматизма, он не стал поднимать тяжёлые шестидесятилитровые фляги за ручки, а преднамеренно вычерпал их до половины ковшиком. Подбросив в прожорливую печь ещё полберемени дровишек, он пошёл глянуть на пчелиные наставки. Для этого ему пришлось водрузить на голову специальную маску по типу накомарника и натянуть на всякий случай матерчатые перчатки. Но пчёлы на сей раз вели себя вполне мирно, лишь одна случайно куснула его в указательный палец, пробив-таки своим жалом перчатку и затравленно при этом загнусавив. Он знал, что пчела после укуса подыхает, а потому растёр её на куске белой марли и некоторое время с удовольствием вбирал ноздрями её острый лечебный дух. Обследовав пару рамок, Дива пришёл к выводу, что пора делать первую качку. Цвет в этом году был что надо, погода пока что тоже не подводила, а потому явно пчёлы натаскают и на вторую. Это Диву чрезвычайно обрадовало, потому что мёд был едва ли не главной статьёй его скромных доходов. «Надо завтра к Ляпнёвым за медогонкой сбегать, – с неутихающей радостью подумал он. – Заодно их вареньем из одуванчиков угощу. Они, чаю я, такого николи не ели». Дрова в бане за это время вновь успели прогореть, и Дива добавил ещё, теперь уж в последний раз, поскольку вода в чане стала обжигать руки. Когда прогорели и эти, он достал чёрную прокалённую кочергу и стал ворошить угли по всей печи, чтобы догорали до конца и не дымили, поскольку угорали в Меже довольно часто, особенно по пьяному делу. До смерти, правда, угорели лишь раз, но головы у горе-банщиков болели довольно часто. Когда угли побелели и практически перестали шелестеть, Дива прикрыл задвижку на трубе и стал копить жар. Копил он его не менее получаса, после чего взял чистое исподнее и, покрякивая, вошёл в продымлённый предбанник. Здесь на лавке он неторопливо разделся, снял с сушил но-

вую мочалку и шагнул через высокий порог в саму баню. Жару тут накопилось выше крыши. Самое время париться. Парился он на невысоком полке, предварительно плеснув в печную лунку пару ковшей горячей, которая тут же превратилась в пар и кинулась на распростёртое Дивино тело. Дива обмахивался сразу двумя вениками – берёзовым и дубовым. Берёзовый вкусно пах, а широколистный дубовый давал больше жару. Парился он трижды, всякий раз обливаясь холодной колодезной водой и переводя дух в прохладе предбанника. В бане духмянило зверобоем, чистотелом и ромашкой. Добавлял Дива в припарку и мяты, и клевера, и медуницы. Напарившись до одури, мылся Дива вяло, без особого удовольствия, как говорится, по необходимости, а помывшись, долго пил чай прямо здесь, в сосновом предбаннике, из раскочегаренного сапогом самовара. Потом, вытерев третий пот, Дива надел кальсоны с рубахой и, кое-как вставив распаренные ступни в чувяки, прошёл в избу, где его ждала четвёрка водки и аккуратно нарезанные малосольные огурцы с картошкой и хлебом. Ничего сколько-нибудь «тяжёлого» Дива после бани не едал. Водку он тоже никогда не допивал до конца. Ему вполне хватало ста-ста пятидесяти граммов. Единственный раз он выпил гораздо больше, и это стоило ему половины пальцев. И вообще, он выпивал лишь для «радости мысли» и того розового полусна, в котором он обычно пребывал некоторое время после пропарки лесными травами и специальным мхом-долгунцом, который всякий раз забирал его сознание и уносил его куда-то далеко-далеко, к падающему за окоём солнцу. Всего однажды он рассказал об этом заплутавшему в их лесах городскому поэту, которого он привёл к себе в избу, напоил чаем и дал ночлег. И тот примерно через месяц прислал ему короткое стихотворение, написанное как бы от имени самого Дивы. И заканчивалось оно так:

Кажется, где-то там,
В гаснущих окнах дня,
Сняли квадраты рам,
Сели и ждут меня.

Не единожды вспоминая эти строки, Дива всякий раз удивлялся точности ощущений, которые он испытывал вечером после бани и которыми поделился только раз, с этим пришлым молодым человеком. И как это сумел почувствовать и передать городской парень, молодой, модный, суетный?

Глава восьмая

А в эти самые миги, когда Дива летал к закатному солнцу, председатель сельсовета Самсон Ищенко размышлял над тем, что ему делать с этим окаянным магазинным пожаром. А тут ещё, как доносил Заноза, в ларьке, куда после пожара переместились основные массы платёжеспособных межаков, этот пьяница пастух, это животное Жестков умудрился помочиться в только что привезённый дефицитный продукт. «И как это у него, гада, получилось? – задавал себе невероятно сложные вопросы председатель. – Ведь пробка у бочки находится на самом верху, так сказать, на верхней крышке. Что он, залезал, что ли, на эту бочку, как на унитаз? Так ведь и унитазов-то в Меже всего два: у меня да у Небольсина, остальные в ямы валят. И ведь кругом люди в это время стояли! Заноза говорил, что ларёк был под завязку. Неужели никто не видел, не остановил этого негодяя, ведь масла-то прислали только-только?.. Ну и народ, блин! Сено вовремя убрать – дождь мешает, навоз с фермы – транспортёр сломался, а совершить какую-нибудь мудрёную пакость – это у них запросто. Нет, за такую выходку, случись она в войну, я бы этого Жесткова под расстрел подвёл. Впрочем, по словам Занозы, народ там тоже едва этого ссуна не порешил, да Дива помешал. Хорошо, конечно, что обошлось без смертоубийства, но досадно, что опять Дива: то людей из огня вызволяет, то пресекает самосуд. Этак он у меня весь властный авторитет утямит! Надо что-то делать. Как-то его подставить хоть, что ли... Говорят, он не от мира сего, открытый и доверчивый. Это хорошо, этим мы и воспользуемся». И, решив так, Самсон Юлианович томно воззвал на кухню, из которой доносились дивные запахи тушённой с хреном и сметаною куры:

– Софа, я весь в ожидании твоей божественной стряпни!

На что последовал лаконичный ответ:

– Айн момент, Самсоша! Я уже в пути.

Высоко оценив это «Я в пути», Самсон Юли-

анович с чувством опрокинул в плохо выбритую пасть гранёную стопку вишнёвой горилки и тут же стал заправлять за неживой воротник кримпленовой рубахи бумажную салфетку.

Сергей же Михайлович примерно за полчаса до того, как Ищенко с утробным стоном вонзил свои зубные протезы в куриную гузку, лечил приболевшую ногою пеструху, которая неслась вдвое чаще остальных обитателей домашнего курятника. Ногу пеструхе, видимо, отдавил на дворе глупый телёнок, который ещё не усвоил привычек спокойной матери, а напротив – топтался по всему двору в вечном нетерпении. Успокаивая пеструху плавными поглаживаниями по хохолку, Сергей Михайлович наложил раненой шину, крепко примотав её к тощей костлявой ноге специальным бинтом, пропитанным мазью от ушибов. Освободившись из рук хозяина, курица дважды клюнула раненую ногу и бодро заковыляла к своим товаркам, которые смотрели на её гипс несколько диковато. В это время скрипнула кухонная дверь, и Сергей Михайлович понял, что его Нинка направляется на двор доить корову. Поскольку Дочка этим вечером вела себя беспокойно, Сергей Михайлович отрезал в сенцах краюху чёрного хлеба и посыпал её солью.

– На вот, – протянул он хлеб выскользнувшей в сени жене. – Дочка сегодня с быком гуляла и немного не в себе. Я ей в серку немного валерианы подложил, и хлебца пусть пожуёт. Глядишь, и успокоится.

Нинка с благодарностью взяла хлеб и приложилась к его щеке тёплыми губами.

– Серёж, ты про Диву-то слышал? – спросила она, перекладывая подойник из руки в руку.

– Это про людей, которых он из магазина вытащил? – задал риторический вопрос Нинкин муж и, конечно же, сам на него и ответил: – Молодец он, слов нет, только вот, говорят, его допросами замучили, словно он не спасатель, а поджигатель. И хоть бы кто заступился, сказал бы что-нибудь в защиту, как свидетель. Полсотни человек это видели и все молчком рассосались то ли из боязни, то ли из зависти...

– Да равнодушие это всё, Серёжа, наше русское авось: авось без нас разберутся, без нас наградят, без нас осудят, без нас изберут и так далее. Всё без нас, и мы тоже сами по себе. Жизнь, она всегда всех расставляла по своим местам – кто чего стоит. – Нинке явно не нравилась философия своих земляков. Но она сказала о другом: – Нет, я не про пожар. После него ещё один случай вышел, в ларьке. – И Нинка рассказала мужу про пастуха Колю, бочку с маслом, расправу и то, как Дива эту расправу остановил, предотвратив тем самым новый круг допросов и сразу несколько тюремных сроков для местного мужичья, которого в Меже осталось и так кот наплакал!

– Мудрый поступок! – искренне похвалил Диву Сергей Михайлович. – Жестков, конечно, человек с изъянами, но, как говорится, не нам решать, скоко ему в сей жизни назначено. И вообще, может, он ещё и героем станет? – заинтриговал жену Ляпнёв.

– Это как же, интересно? – с сомнением в голосе спросила Нинка.

– Да очень просто! – отвечал повеселевший муж. – Сегодня он в наше масло напрудил, а завтра нашему председателю за шиворот навалит! Во хохма будет! На весь район.

– Серёж, я его тоже не люблю, – призналась Нинка. – Склизкий он какой-то, с двойным дном. Помню, бывало, говорит, говорит... минут двадцать, а уйдёт куда, и враз ничего не помнишь: что говорил, о чём, для чего? Думаю, что волей-неволей мы с ним ещё пересечёмся. Знаешь, я тут его с Дивой сравнила...

– Это ещё зачем? – выразил недоумение муж.

– Да знаешь, непроизвольно как-то получилось, по контрасту, что ли: чёрное – белое. То есть Дива – вольно или невольно – ведёт себя по жизни в полный противовес Ищенко. Как специально, хотя понятное дело, что это не так.

– Это как? – ничего не понял Сергей Михайлович. – Ты, Нин, поясни.

– Ну, Дива напрочь отрицает всё из того, что говорит и делает Ищенко. А Ищенко – полное отрицание Дивы. То есть председатель наш много болтает и всегда на людях. А Дива, наоборот, почти немой и нелюдим. Краснобай Ищенко почти ничего не делает, а неразговорчивый Дива помогает везде, где в этой помощи возникает хоть какая-то необходимость, – проговорила Нинка, постепенно светлея лицом от собственных выводов.

– Ну, Нинка, тебе бы в академии преподавать! – восхитился Сергей Михайлович и вдруг вспомнил об Ищенко: – Знаешь, он, увидав у ме-

ня Толстого, сказал как-то, что тоже очень любит читать, но почти не читает, потому что всегда стремится быть на людях... Решает, мол, вопросы, а чтение, дескать, дело уединённое, не по нему. В общем, Нин, не наших он кровей, не наших правил. Тягостно ему с самим собой. А почему? Может, совесть не чиста или боится чего-то. Вот и семенит ножками, словно спешит куда-то, а скорее всего, от чего-то.

Согласно кивнув, жена шагнула на двор, где её терпеливо дожидалась загулявшая этим днём Дочка. Вскоре, уже дёргая за коровьи соски, Нинка сообщила мужу недовольным голосом:

– Серёж, нынче парного лучше не пей, я тебе давешнего из подпола достану. Полыни она, сердешная, наелась. Так что...

– Да я Дочкиного и с горечью выпью, – не согласился с женою Сергей Михайлович. – Полынь не белена, пиво вон тоже горькое, а ты же его любишь?

И, покрякивая, он полез в подпол жене за пивом, решив по ходу и сам выпить. По его подсчётам, прошлогодняя медовуха, которую он не пробовал с зимы, должна была набрать уже градусов пятнадцать-семнадцать! А главное, тщательно процеженная, она уже давно высветлилась, «съела» лишний сахар и теперь уж точно не расслабит живот. Когда Нинка принесла пенящийся по верху подойник, Сергей Михайлович уже сидел в ожидании за наскоро сервированным столом. К Нинкиному пиву он тонко нарезал домашней ветчины, а себе положил первой вишни и мочёных яблок. Увидев такое, Нинка даже молоко разливать не стала, а прямиком села к столу. Муж налил ей стакан «Жигулёвского», затем булькнул из глиняного графина себе и предложил выпить за удачный сенокос (он этим летом выдался поздним – травы только-только добрались до необходимой спелости, то есть обрели жёсткость, необходимую для качественной косьбы). Они с удовольствием выпили и принялись с аппетитом закусывать. Аромат ветчины, которую Сергей Михайлович коптил на банной печке, и лесных яблок, которые Нинка замачивала в домашней капусте, был божествен! По второй выпили за Диву, за его тернистый путь «к своим», как сказала Нинка. «А его «свои» – это кто?» – спросил вдруг растерявшийся муж. Но жена лишь неопределённо пожала плечами.

Глава девятая

Тачка, на которой Дива возил из лесу всё для своего нехитрого хозяйства, была сделана на зависть всем межевским мужикам. Во-первых, она была на резиновом ходу, то есть на хорошо накачанных мотоциклетных колёсах. Во-вторых, Дива не преминул оборудовать её рессорами, что позволяло ей не дёргаться и не прыгать на ухабах даже в случае перегруженности. В-третьих, на тачке можно было легко менять верхнюю, грузовую часть. Здесь Дива предусмотрел три варианта: для перевоза травы, для перевоза дров и слег и для перевоза песка, грунта, навоза, торфа и иных сыпучих фракций. Ранним июльским утром он оборудовал тачку под траву и, хватив кружку чаю с мятой и зверобоем, заспешил на дальнюю вырубку, где ещё третьего дни заприметил густые лужайки клевера и иван-да-марьи. Миновав гречишное поле и подлесок, он с удовольствием ступил под прохладные сени сосен и берёз, кое-где разбавленных дубняком и осинником. Здесь отчётливо пахло грибами, но Диве сейчас было не до них. Все его мысли были о любимой козе Маньке, его единственной постоянной подруге и кормилице. Вспомнив горьковатый, терпкий привкус Манькиного молока, Дива наддал ходу и вскоре оказался на вырубке. Вырубка была уже довольно старой, а потому густо заросла орешником, крушиной, а местами и малинником, ягоды на котором уже начинали краснеть. «Малиновое варенье, – подумал Дива. – Вот ещё забота будет. Без него ни одной зимней хвори не излечишь. А с моими пальцами собирать мягкую ягоду всё равно что дрова тупым топором рубить. Одни мучения, а результату – ноль! Надо будет Машку Лушникову за мёд нанять и её подружку Любку Докукину в придачу, чтоб им на пару не скучно было. Странные всё же люди на свете живут! Отчего-то не могут в одиночку ни думать, ни работать, ни отдыхать. А ведь одному и думается лучше, и видишь всё кругом чётче, и делаешь быстрее, а главное – правильнее и умнее». Ну да ладно. Каждый живёт как может, как ему сподручней и уютней. Замаскировав тачку кустом калины, Дива достал косу, брусок и встал в позу точения. И вдруг увидел большую рыжую лису, которая внимательно за ним наблюдала из зарослей иван-

чая. У лисы была белая бабочка на груди и тёмные подпалины на ногах. Ни испуга, ни даже обычной звериной настороженности во всём лисьем облике не наблюдалось. «Ну-ну, – сказал вслух Дива, – наблюдай, милая. Я не охотник и не живодёр, и мне до тебя дела нет. А косить вдвоём даже приятней!» Наточив косу и глянув на лису ещё раз так, словно испрашивая у неё разрешения на начало косьбы, Дива расставил как надо ноги и сделал первый взмах. Лёгкость пришла, как он и ожидал, после третьей заточки. Перестала «скулить лярва» под ложечкой, спало напряжение в спине, пришли к согласию мускулы на руках и ногах, подсох первый пот. Лисы к этому времени уже за иван-чаем не было. Видно, ушла ловить мышей в дубняк, где их всегда водилось больше, чем в остальном лесу, или сторожит куропаток, которые сейчас привязаны к своим выводкам. Да и перепела вон кричат, сигналят своим глупым птенцам. Нет, лисе сейчас фартит! Ну, и лисятам соответственно. Дива достал грабли из-под тачки и начал неторопливо сгребать траву. Была она в росе, из-за чего косить её было одно удовольствие, а вот везти будет тяжеловато, хоть и тачка у него – первый класс! Подсушить бы, но это долго и рискованно. Могут увезти конкуренты, те же мордва с Горы. Они даже лыки прошлым летом у Сергея Михайловича умыкнули, а позапрошлой зимой вывезли с края села целый дом, в котором и не жили-то всего год! Нет, надо пластать траву на тачку. Под окнами высушу. Иван-да-марья почти не пахла, а вот от клевера исходил густой медовый дух, отчего даже во рту сладко становилось. Но как ни старался Дива, травы на тачку убралось не более половины ото всей им скошенной. Пришлось рассчитывать ещё на одну поездку. «Ну что ж, – подумал сметливый Дива. – Сделаю-ка я пару копен, оставлю дома косу с граблями, а возьму с собой только вилы. Так будет и легче, и удобней, и куда быстрее». Копны он сложил за каких-нибудь десять-пятнадцать минут и, благословясь, направился к дому. Тачка катилась ладно, дорога шла с горы, была она ровной, безухабистой. Но на опушке что-то Диву остановило, словно толкнул кто в спину. Он обернулся и увидел прямо на дороге лису с бабочкой. Она спокойно и внимательно смотрела ему куда-то в подбородок. Он в ответ виновато развёл руками – дескать, извини, красавица, Манька траву ждёт, поехал я с твоего разрешения. Но скоро вернусь за остатками. И лиса, как явственно заметил Дива, согласно повела головой и неторопливо поплелась по дороге назад. Он даже успел заметить, что на конце хвоста у неё тоже белая опушка.

Выгружал, разбивал и ворошил траву Дива около получаса, сильно при этом вспотев и проголодавшись. Потому зашёл на кухню, поставил вариться яйца и нарезал белого хлеба. Пока ел яйца, закипел чайник. Дива достал плошку с мёдом и, отхлёбывая крепко заваренный чай, заедал его извлечёнными из плошки сотами. Мёд всегда действовал на него как утренняя похмелка на алкоголика. Усталость как рукой сняло, а тревожные мысли о наблюдательной лисе уступили место ожиданиям полуденного купания. Вторую тачку Дива нагрузил ещё быстрее, чем первую. И вновь любопытная лисица наблюдала за ним со стороны. И странное дело, он уже не удивлялся такому поведению зверя, внушая себе мысль о том, что лисе, наверное, просто стало скучно одной в лесу. И вообще, это, скорее всего, лис, которому не надо кормить своих щенков. Вот он и ошивается поодаль, может, даже надеясь на то, что ему от странного человека что-нибудь перепадёт. Впрочем, на сей раз лиса (или лис?) до опушки Диву не провожала, а отстала где-то на полдороге. В это время у Дивы появилось явственное ощущение резкой перемены: долгое время до этого за ним внимательно наблюдали, и вдруг раз – и ничего нет, наблюдение снято. Он даже вздохнул с облегчением, словно его наконец отпустили из какого-то замкнутого пространства, в котором свои правила игры, порядки и своя философия жизни, имеющая с межевской действительностью очень мало общего. После того как с травой было покончено, Дива ещё раз испил чаю и стал собираться на пруд. Там, под тремя развесистыми ивами, имелось у него своё заветное место, даже в знойный полдень хранившее приятный утренний холодок. Здесь, на влажной шелковистой лужайке, лежала принесённая им накануне охапка соломы, в которую он и сел перевести дух. Мышцы на его спине сильно набрякли от проделанной однообразной работы, руки висели как плети, а икры на ногах даже сводило. Сделав над собой усилие, Дива

стянул с торса рубаху и спустил свои бумажные порты, оставшись в длинных сатиновых трусах. Вода в пруду была тёплой, как парное молоко, и ещё не взбаламучена сельской ребятнёй. Дойдя до серьёзной глубины, Дива лёг спиною на воду и осторожно поплыл, наблюдая, как всё дальше и дальше отодвигается от него берег. «Наверное, – подумал вдруг он, – что если бы вон из-за той ивы на меня сейчас глянула та рыжая лисица с бабочкой, я бы пошёл камнем ко дну». Он вновь вспомнил вырубку, запах скошенного клевера и этот пристальный звериный взгляд со стороны. «Видимо, что-то она мне хотела передать, – подумал он и вдруг почувствовал, что обогащён после этого лесного вояжа каким-то новым знанием. – Значит, видимо, передала». И в этот момент Дива понял, что, сам того не желая, он плывёт на груди назад, прямо на старую разлапистую ветлу, наполовину выгоревшую снизу и беспорядочно облепленную чёрными грачиными гнёздами сверху, возле самой макушки. Самих грачей в это время на ветле не было, все они, видимо, улетели кормиться либо на колхозные поля – первым обмолотом, либо на молокозавод – сырными обрезками и остатками обрата. У Дивы был один знакомый грач, который каждое утро прилетал к нему на забор и настойчиво каркал до той поры, пока хозяин не выносил ему хлеба и немного зерна. Грач явно не нравился Дивиным курам, а особенно петуху, который, кажется, путал его с коршуном, укравшим в начале лета у клушки почти половину цыплят. Ощутив пятками мягкий ил, Дива побрёл к берегу, по которому только что пробежала ватага мальчишек. Они любили нырять с рухнувшего в пруд дерева, в которое ударила по весне молния первой грозы. Вот и сейчас они с воплями кидались в воду с верхнего толстого сучка, вытворяя в воздухе чёрт-те что. Дива улыбнулся в усы, вспомнив, что когда-то давно он был точно таким же беспечным пацаном, купальщиком, драчуном, заводилой. Но потом, в юности, что-то случилось с ним, какой-то перелом произошёл в его душе, и мир сразу изменился, поделившись надвое: на внутреннюю его сущность, о которой, кроме него, почти никто из людей не думал и не гадал, и на внешнюю среду обитания, которая Диве была интересна лишь постольку, поскольку от неё зависело его физическое существование и само пребывание там, куда он стремился всем своим существом. Да и не мог он иначе.

Эта его отстранённость не единожды пробуждала к нему интерес сельского священника отца Ефрема, который пытался залучить его под своды храма, неназойливо пытался, а по-учёному, осторожно, словно спугнуть боялся. Нет, Дива был не из пугливых, но задушевного разговора у них почему-то не получалось. Священник говорил об одном, а Дива думал совсем о другом. Господь, апостолы, Евангелие, христианские таинства... Особенно Дива не понимал исповеди. Ему было страшно даже подумать, что он кому-то станет доверять свои сокровенные мысли и чувства. И не потому, что он их стыдился, а потому, что их не познал и сам.

– Отец Ефрем, – говорил он молодому ещё священнику, – мне сперва надо самому в себе разобраться, а потом уж с этой ношей идти к вам за помощью, если такая потреба появится. Священник пытался ему возражать в том смысле, что в церковь и приходят для того, чтобы во всём, в том числе в самом себе, разобраться. Но в ответ Дива лишь виновато пожимал плечами – дескать, кто как, а я сам хочу. А вообще, Диве в любых стенах всегда было тесно, кроме, пожалуй, стен родной избы, бани да половенки. Да и людно было в церквах, даже в небольшом сельском храме всегда кто-нибудь молился и возжигал свечи. И Дива искренно не понимал, как он сможет на людях разговаривать с Создателем, ибо всегда мыслил этот процесс исключительно интимным, без посредников и соглядатаев. Однажды он видел, как в городском храме один ещё молодой мужик, встав перед иконой на колени, стал рьяно биться лбом об пол, и это Диве не понравилось. Во всяком случае, себя на его месте он представить никак не мог. Зачем часами стоять под образами, исступлённо биться головой о твёрдый каменный пол, назойливо выспрашивая НЕЧТО у пропахшего ладаном и свечным воском пространства, если вокруг раскинулся огромный, живой и говорящий мир? Любое дерево, любая озарённая солнцем опушка, любой отороченный кустами лужок скажут человеку много больше, чем самый начитанный, самый преданный своему промыслу священник. И хорошо ещё, если промыслу, а не каким-нибудь су-

губо мирским фетишам. Нет, Дива никогда не богохульствовал, не спорил с верующими, отнюдь не разделяя атеистические ереси, но его вера была совсем другой, и если бы он больше читал, то, вероятно, позиционировал бы себя этаким современным язычником... без идолов и обрядовых культов. Просто он был частью перелесков, полей и рек, их долгожданным порождением из тенёт явленного Создателем мира. Вот в Создателя он верил безоговорочно, но не идентифицировал его только с православным или с каким-то ещё Богом. Он был, по его ощущениям, куда выше и могущественней, потому что создал и богов тоже.

Глава десятая

А в это время Самсон Ищенко наконец придумал, как ему скомпрометировать Диву. «Всё очень и очень просто, – рассуждал председатель сельсовета. – Межаки не раз видели Диву на пруду, где он мочит лыко. А рядом с ним, помнится, отмокают лыки инвалида войны Павлика Кабанина. Найму Занозу, и он эти лыки ночью достанет и накрошит ими возле Дивина двора. Если повезёт, можно будет и подложить эти лыки прямо Диве в сарай, а уже поутру его и уличить. Поссорить этого умника с ветеранами войны... Что может быть лучше?» Ищенко от предвкушения предполагаемого конфликта веселило всё больше и больше, и он рассказал о своих планах жене. Та неожиданно для мужа очень долго думала, а потом высказала предположение о том, что межаки в вороватость Дивы могут и не поверить, в связи с чем, чего доброго, ещё и станут искать провокатора. И вот тут Заноза может не выдержать и признаться, а главное – во искупление своих грехов сдать его, председателя сельского совета.

– Как пить дать сдаст! – с пафосом закончила Софья свою пораженческую концепцию. – Не связывайся, Самсон. Что мы, плохо живём? Или кто на твоё место зарится? Подумаешь, лидер у межаков появился?! Ну, появился. И что? Да лучше такой, как этот беспалый блаженный, чем кто-нибудь из местных злопыхателей и хитрецов! Ну и пусть его людей спасает, а ты в «Сельскую жизнь» статейку тисни, что такие поступки жителей Межи являются реализацией общих установок местного Совета.

Опешивший от такой вдруг наметившейся перспективы, Ищенко сначала было хотел поднять жену на смех, что-де кто он и кто Заноза, кому, так сказать, межаки, если что, скорее поверят. Но Софа опередила его своим контрпредложением:

– Знаешь, я тут подумала немного и решила, что обойдёмся мы и без Занозы. Чем меньше людей знают, тем предсказуемей результат. Управимся сами и с лыками, и этим его сараем. В крайнем случае, кинем эти лыки прямо ему на огород, под забор. Да кто там разбираться станет, где они лежали. Главное, на территории его местожительства. Проблема в другом.

– Интересно, в чём же? – спрашивал уже заинтригованный Ищенко.

– Через кого и как распространить эту информацию о воровстве? – отвечала задумавшаяся не на шутку Софья Ефимовна. Впрочем, в глазах её горел гончий азарт.

– Думаю, что надо печатными буквами написать Павлику записку, что у него свистнули лыки, – не мудрствуя лукаво, предложил Ищенко. – И в записке же указать, что следы этих лык замечены возле избы Дивы Беспалова. А чего мудрить-то? Главное, кинуть тень, а там пусть отмывается. Как бы там ни случилось потом, а всё равно былого доверия уже не вернёшь. А нам ведь и не надо, чтоб его по уголовной привлекали, верно? Мы ведь не злодеи какие-нибудь, а?

– Ну, если его в районном отделении денёк-другой продержат, делу нашему это не помешает, – со знанием дела возразила Софья Ефимовна. – И всё-таки, друг мой, обозначь мне почётче причины, ради которых мы этой ночью, выражаясь на языке моего бедного папочки, пойдём с тобой на дело?

– Понимаешь, Софа, тут как минимум две причины, – Самсон Юлианович обозначил в воздухе правой ладонью очертания цифры «два». – Первая – это то, что такая вот вопиющая независимость одного члена, так сказать, общества вселяет её, эту независимость, непокорность во всех его членов. Наказать бы здесь кого надо, чтобы приучить этих разгильдяев к элементарному порядку. Порядок был и есть превыше всего! Тогда и работать начнут как на-

до, и в бочки ссать перестанут. – Ищенко вдруг представил, как он на межевской площади самолично сечёт Диву... розгами по рябой синей заднице. Почему рябой, он не знал, но так ему почему-то представлялось, словно он где-то видел и хорошо запомнил эту задницу, хотя сейчас почти не помнил и самого Диву.

– А во-вторых что? – вывела его из задумчивости жена.

– Во-вторых, обыкновенная предосторожность. Дива, как ни крути, очень подозрителен. Помню, во время войны таких всегда брали на мушку и перепроверяли. И очень часто это давало свой положительный результат. Такие люди оказывались либо бывшими дезертирами, либо антисоветчиками, а то и самыми натуральными диверсантами, шпионами. Вот и Дива мне этот кажется каким-то как будто засланным или завербованным по ходу. Сейчас вот авторитет у здешних пентюхов заработает, а потом раз – и молокозавод рванёт или воду в колодцах отравит. А обвинят потом меня, что не разглядел, не проявил бдительности.

– Эко ты куда хватил, Самсоша! – с кривой усмешкой воскликнула Софья. – Да Сталина-то уж больше двадцати лет нету. И этот его сумасшедший тезис, что по мере развития социализма классовая борьба только усиливается, давно забыли. Ну какие диверсанты, право? Самый первый диверсант в Меже – это наш председатель колхоза «Рассвет» Сёмка Дерябин, который пьёт третий месяц на пару с главным агрономом Поповым, а на полях у них бурьян, вьюн да лопух. Вот ты бы их персонами и озаботился. Я думаю, тебе надо в район съездить и тайно переговорить с первым секретарём Громовым Аркадием Петровичем. Он сам сельское хозяйство курирует. Да попроси у него каких-нибудь дельных людей вместо этих пьяниц! Он тебе только спасибо за этот сигнал скажет, потому как на последнем бюро райкома Жопов этот, который пьяного председателя замещал, на него голос повысил. Мне секретарша громовская по дружбе проболталась...

– Если дельных, то я тебя попрошу назначить, – попытался иронизировать Ищенко, но Софья Ефимовна эту иронию восприняла по-своему:

– А что? – вполне серьёзно и даже как-то надменно произнесла она. – Я бы этот ваш «Рассвет» и в самом деле сделала бы рассветом, а не закатом, чем он по сути своей нынче является. Ты только посмотри, сколько ещё хорошей техники гниёт возле колхозных ферм! А на посевную не знали, что в поле выводить. Сейчас вот будут искать, где взять на уборочную. Вот это самое настоящее вредительство. А ты про какие-то отравленные колодцы... Да не станут капиталисты нас травить. А кому им тогда свои излишки продуктов продавать?

Посмотрев на Софью с некоторой опаской, Ищенко погладил её пухлую руку и, стесняясь чего-то, ласково попросил:

– Ты, Софа, пожалуйста, очень тебя прошу, никому другому этого не говори. Ладно? Мне по дружбе кагэбист районный сказывал, что нынче из Москвы новая установка спущена – брать под особое наблюдение всех острых на язык и не пускать их во власть там и вообще в общественное присутствие. А ты у нас дама общества. Так что... Я пока не знаю, как они установку эту начнут выполнять, но уверен, что ничего хорошего из этого для нас с тобой не получится. Начнут прошлое ворошить, вытряхивать из него там всякую вонь – ну, в грязном белье в общем копаться. А они, как ты помнишь по своим родственникам, всегда с этим отлично справлялись. Вот и теперь найдут, чего доброго, сначала твоего папу-уголовничка, а потом и деда с бабкой, которые нэпманами были, ювелирным промыслом занимались ещё с царских времён. А ты тут в аккурат колхозы ругаешь. Ну и за меня, советского работника, возьмутся. А я, если веришь, и сам толком не знаю, что на меня могут накопать. По молодости-то ведь знаешь – все дураками были. Поэтому если захотят – накопают. И про Сталина ты зря. Он, если хочешь знать, у многих там, в руководстве, в головах крепче, чем Ленин ваш, сидит. Ты думаешь, если при Хруще его из Мавзолея выкинули, так и нет его вовсе? Фигня. Это Хруща твоего через десять лет уже и в помине нет, а если и помянёт кто, то потом долго чертыхается: «Чур меня! Чур меня!»

– Самсоша, и что ты, право, Хрущёва моим называешь? С какой стати? – обиженно всплеснула руками Софья Ефимовна.

– Да брось ты, Софья, на пустяки обижаться, – зло щёлкнув зубным протезом, оборвал жену Ищенко. – Ну а чей же он, Хрущ? Трудовым лю-

дям, как я, он на хрен не нужен. Это вы там, в своих еврейских кругах, с ним носились: свобода, оттепель, реабилитация! А чем всё это кончилось? Совнархозами, кукурузой, дефицитами и самым настоящим голодом! И заметь, даже в чернозёмной зоне, где сегодня воткни сухую слегу – завтра из неё дерево вырастет, крестьяне всё равно голодали. И лишь теперь мы кое-как из этой бедности вылезли. Словом, ты меня поняла? – уже далеко не дружеским тоном закончил бывший член западноукраинского патриотического движения.

– Поняла, Самсоша. Я буду нема как рыба. – На лице Софьи Ефимовны читался явный испуг и за своё еврейское вольнодумство, и за какие-то неведомые ей ошибки мужа.

– Нет, немой как раз быть не стоит, – сменил гнев на милость Ищенко. – Ты, если зайдёт речь о политике, либо постарайся увести разговор в сторону, что ты всегда очень умело делаешь, либо говори о терпимости нынешней власти. А тут и врать-то особо не надо, потому что оно так и есть: живут нынче спокойно, никаких «чёрных воронов» сегодня по деревням не ездит, за трёп никого пока что не посадили, ветераны войны получают хорошие пенсии, подарки вот я им к Дню Победы готовлю, работяги на заводах стали вообще получать как полковники. Ну, сельское хозяйство – да... Но на селе у нас почитай с двадцатых годов хреново, и я думаю, что там, наверху, попросту не знают, а что такое в сельском хозяйстве надо поменять, чтобы оно возродилось и стало работать так, как надо. При нынешнем строе это невозможно. Поэтому лучше молчи.

Глава одиннадцатая

Остаток лета и осень прошли в Меже без особых событий. Дива на селе почти не появлялся, а всё больше корпел у себя на огороде да в лес ездил каждый день, и не по разу. Он насушил и насолил грибов на два года вперёд, заготовил столько сена, что его не только козе, но и дюжей бы корове хватило, навозил и нарубил два сарая дров. Не подвёл его и огород, с которого он собрал десяток мешков картошки, много кабачков, помидоров, огурцов, гороха и бобов, капусты, свёклы, моркови и репы. Накачав вдосталь мёду, он в октябре утеплил ульи соломой и тряпьём, а в предзимье заколол поросёнка, накоптив из него окороков и закатав двадцать банок тушёнки. И таким образом ушёл Дива в зиму с полным радостным осознанием своей выживаемости и ещё большей, чем прежде, независимости. К концу лета он даже две четверти вина поставил: из загнивающих яблок и черноплодки. Вино получилось гораздо вкуснее магазинной фруктовки, и Дива порой позволял себе стаканчик перед ужином под ветчину с жареной картошкой и мочёными помидорами. Как подошла зима, заметить он не успел. Проснулся однажды вялым и с ломотой в костях, глянул в окно, а там белым-бело! И тут вдруг почувствовал Дива, что ему уже хорошо за пятьдесят и эта не являвшаяся ранее ломота в костях – тому прямое подтверждение. Тут же кинулся он к заветному Нинкиному мешочку и, отринув две или три склянки, нашёл то, что ему сейчас было нужно. На маленькой, запечатанной пчелиным воском баночке он прочёл Нинкину инструкцию: «Мажь понемногу и, главное, массируй и втирай. Много нельзя – потому что мазь очень крепкая, со змеиным ядом. Лучше потом немного добавишь, но сразу не переусердствуй!» Дива так и сделал, хотя уже после первой робкой смазки спину его зажгло сильнее, чем возле разогретого подтопка. Дива глухо стонал, но терпел. Потом намазал ещё. Жгло уже не так. «Наверное, выдохся на мне яд гадючий», – сказал про себя Дива, памятуя о том, что гадюка прежде уже дважды могла запросто отправить его туда, откуда ещё никогда никто не возвращался. Один такой случай он помнил довольно чётко. Дело было в прошлом сентябре. Он пошёл в Крутые Вершины за чёрными груздями. Взял две огромных бельевых корзины. По пути ни разу не останавливался, хоть и кивали ему с краёв дороги красные подосиновики и целые бугры коричневых опят. Он решил выполнить план по засолке крепких груздей, которые прежде никогда его не подводили, то есть не плесневели и не теряли первоначального ядрёного вкуса. Они оставались упруги и крепки даже в нехолодной среде, а когда на них появлялась первая плесень, её следовало просто смыть. Грибов она не портила, даже, напротив, придавала им той особой кислоты, которая, как считают знахари и говорят врачи, является родной сестрой всякому здоровому же-

лудку. И вот, дойдя до заветных мест, он сразу обнаружил мшистые холмики. Разворошив крайние из них, он увидел чёрные кругляки грибов, отдававшие тёмной синью. Первую корзину он набрал очень быстро, хоть и очищал каждый гриб от налипшей листвы и иголок. Но когда первое грибное месторождение себя исчерпало, пришлось искать второе, а за ним и третье... В третьем грузди были на порядок крупнее и уже не прикрывались лиственными шапками. Особенно его поразил один груздь, вымахавший сантиметров на десять над игольчатым покровом в сосняке. Дива даже не сразу стал его срезать, а некоторое время сидел на корточках и любовался. Потом согнулся и сунул руку под шляпку гриба. Но под пальцами вместо прохладной грибной ножки оказалась тепловатая подвижная поверхность, и в следующее мгновение из-под шляпки гриба скользнула прямо Диве под ноги небольшая тёмно-серая гадюка. Угрожающе зашипев, она заструилась тёмной лентой к ближайшему кусту акации, где и скрылась. Почему она не прокусила сжавшую её руку, Дива так и не понял, но был благодарен Провиденью, потому что до дома от Крутых Вершин было никак не меньше пяти километров, а действовать яд начинал уже через несколько минут.

Потянулись блёклые декабрьские дни и длинные вечера. Несколько раз Нинка приглашала Диву на чай, но он, по привычке благодаривший и даже выражавший искреннюю радость по этому поводу, всякий раз оставался дома. Сам не зная почему, он не мог стать частью огромного человечьего сообщества. Разумеется, он уже не раз слышал и читал про человеческую гордыню, про то, что это смертный грех, но никакой гордыни в себе он не чувствовал, никем не пренебрегал, даже Колей Жестковым, которому всегда наливал домашнего вина, а затем отпаивал чаем с особыми травами, желая прикончить его беспробудное пьянство. Принимал он и других, «опущенных» земляками мужиков – всех тех, что родились или в войну, или сразу после неё, кровавой. Они, как заметил про себя Дива, всю жизнь «расплачивались» за фронтовую славу и авторитет своих отцов. Тех уважали, по крайней мере внешне, звали на разные заседания и праздники, а послевоенных как будто и не было на свете. Так, дети фронтовиков. Ни своего места в советской истории, ни своей особой, как это велось с семнадцатого года, судьбы. Они, к слову, о чём уже не успел узнать Дива, потом и пропали, растворились в других поколениях – тех, что хрипели про войну до них, и тех, что орали трубно со стадионов. А пока... пока Дива в очередной раз собрался в лес, хоть и не было у него особой надобности в этом. Просто душно стало в избе и захотелось принести сюда немного можжевельника. Опустив осторожно на высушенный морозом снег свои промазанные воском салазки, Дива скатился на них далеко-далеко, почти до самой Нинкиной избы. Тут к калитке вышел степенный Сергей Михайлович, спросил по-соседски:

– Далёко ли собрался, брат?

– Да что-то можжевельника отведать захотелось, брат, – отвечал искренно, как обычно, Дива.

– Ну что ж, можжевельник – штука приятная, мы его тоже под матрацы суём, но погода-то скоро разладится. Не боишься бурану? Прошлый год в эту пору случился – так на версту ни зги не было видать. Повременил бы, а?

– Да я туда-обратно, Сергей Михалыч! Ты Нинке только не проговорись, а то она станет беспокоиться, тебя деребанить, зимнего лешего поминать, а я, меж нами говоря, с ним лажу. Надеюсь, что он и теперя мне обязательно поможет. – И с этими словами Дива направился к лесу. Про зимнего лешего Сергей Михайлович, конечно, не поверил, но Нинке ничего говорить не стал. Дива же, проваливаясь поминутно в глубокие сугробы, всё более и более начинал ощущать свою отстранённость от остального людского мира. Мир природы сейчас замер, стал суровее и однообразнее, а главное – почти перестал с ним говорить, словно предлагая и Диве вместе с ним помолчать, подремать в какой-нибудь трещинке, ямке или вон в домашнем подполье, как это делают мухи, жучки, жабы и даже барсуки с медведями. Но Дива, окунувшись в юности всей своей душой в этот мир, телом и образом жизни своей всё же остался человеком, хоть и особенным, как и большинство зверей, проводя значительную часть своего времени наедине с самим собой. Когда-то давно, будучи ещё молодым мужиком, он начинал тяготиться этой своей особенностью, ощущая её как бремя, а порой и как болезнь. Но с годами он привык к зимнему без-

молвию природы, как звери привыкают к сезонной линьке, а змеи – к болезненному процессу смены кожи. Однажды Дива, влекомый сельскими девками, сходил в клуб на модный в шестидесятые годы фильм «Человек меняет кожу» и, подивившись на точность воспроизведённых в кино его тайных ощущений, сумел понять, что хоть все люди и различны по своему восприятию мира, их проживание в нём, по сути своей, едино. И таким оно всегда было и, судя по всему, останется. А тут ещё добрый и хитрый отец Ефрем подкинул Диве «Маугли» Киплинга, и Дива, ошарашенный концом этого занимательнейшего повествования, впал в тяжкие раздумья. «Всё ж таки Маугли, – размышлял он, – вернулся к людям юношей, в полном соответствии с наступлением брачного цикла, то есть вернулся, чтобы найти себе пару и продолжить род. А я? Уже почти старик! И было со мной как раз всё наоборот: повзрослев, я стал избегать людских привязанностей. Почему? Монахи, по крайней мере, преданы Богу и живут миром, в тесных кельях, по нескольку человек. А я в такой келье, наверное бы, сошёл с ума. Мне нынче даже в избе своей стало душно». А он всё шёл и шёл, преодолевая снега, густо выпавшие на Крещенье и уже собранные ветрами в сугробы. Тут Дива посмотрел на горизонт, и он ему не понравился. Несмотря на то что над головой пугливо порхали лишь мелкие облачка, с юго-запада наползала на Межу огромная тяжёлая туча. «Ничего, успею, – успокаивал себя Дива. – Раскидаю снег и вилами загружу сено, пластами один на другой. Тут и надо-то не больше десятка минут. Даже если буран быстрее, чем я думаю, придёт, тропу к дому ему всё равно сразу не замести». Ускорив свой спотыкающийся о сугробы шаг, Дива уже через десяток минут был на опушке, где ещё дважды провалился едва ли не по грудь. На краю оврага вообще сугробы были куда глубже, чем на равнине. Кое-как вывалившись из снежного бархана, он придержал санки и, затем переместив на них всё своё тело, съехал на дно неглубокой балки. Здесь он без особого для себя труда обнаружил схваченную наледью копну. Наледь он довольно легко сбил вилами, а вот дальше всё пошло не так, как он предполагал ранее. Увы, промоченное осенними дождями сено смёрзлось и не хотело расслаиваться. Дива орудовал вилами буквально как отбойным молотком. Но результаты были более чем скромными. А потому на перегрузку сена в салазки времени ушло втрое больше, чем Дива рассчитывал. Да и работа так утомила его, что остро потребовался хотя бы небольшой отдых. И вот когда Дива, отдышавшись, стал подниматься с салазок, окрест резко потемнело и наступила какая-то странная, цепенящая всё живое тишина. «Сейчас начнётся, – понял он с тревогой, – теперь главное – встать на тропу и, несмотря ни на что, продираться по ней к Меже. Главное, дойти до Нинкиной избы, а там заборами и до своей с полверсты, а то и меньше». С сеном вылезать из балки не так легко, как валиться в неё порожняком. Когда Дива кое-как вылез на бруствер, села уже видно не было. По полю суетно бегали снежные смерчи, а сама линия, разделяющая небо и землю, не улавливалась даже пристальным взглядом. Но, тем не менее, пришлось вставать и выходить из лесного затишья на буранную замять. По сторонам Дива старался не смотреть, а лишь упрямо ставил ноги в старые, протоптанные получасом назад следы. Их, между тем, очень быстро заметало, и Дива стал спешить, поддёргивая за собой санки с сеном и поправляя выбивающийся из-под воротника шарф. И, скорее всего, минут через пять он бы достиг Нинкиной околицы, а там... Но вдруг его санки как будто дёрнули его назад, он даже потерял равновесие и едва не повалился спиной назад. Кое-как удержавшись на ногах, он повернулся вокруг и... увидел двух крупных волков, один из которых тормозил санки передними лапами. Совершенно опешив от такой наглости, Дива в следующее мгновение замахнулся на волков тут же вырванными из возка вилами. Задний волк испуганно мотнул головой и, тут же сдав назад, затем исчез в снежной мути, а тот, что тормозил Дивины санки, остался стоять на своём первоначальном месте, только весь подобрался и несколько присел. Дива, ощутив невольный холодок внутри, сразу понял, что он готовится к прыжку, и выставил вилы вперёд с учётом угла падения. Волк на это выпрямился и прыгать не стал. Концы вил были так отшлифованы, что сверкали как штыки даже без солнца. Волк смотрел на них и обиженно выл. И слышалась Диве в этом вое досада на несознательного человека, который не хотел уступать волчьему аппетиту. И тогда Дива, передразнивая волка,

тоже стал похоже завывать. Странная, должно быть, открывалась снежному лешему картина: стоят в голом поле друг против друга волк и человек, смотрят друг дружке в глаза и воют. Так и простояли они до тех пор, пока буран неожиданно не стих. Тут сразу же разъяснило, за спиной Дивы возник заснеженный Нинкин дом, завидев который, волк, издав отчаянный вопль, поспешил к лесу. Вернув вилы в возок, Дива неспешно стал пробираться к околице. Здесь его встретил заметно встревоженный Сергей Михайлович.

– А я уж на поиски думал отправляться, – озабоченно сказал он. – Шутка ли, такой буранище пришёл, а ты вон, смотрю, даже санок не бросил. Без приключений дошёл-то?

– Да всё нормально, Сергей. Ты только, смотри, двор надёжней запирай, – посоветовал устало Дива и, взвыв по-звериному, добавил: – Волки тут, возле тебя, шалят.

Сергей Михайлович раскрыл от удивления рот, но сказать ничего не успел. Дива неожиданно ускорился и через минуту был уже у дальних сараев.

Глава двенадцатая

В один из долгих, метельных февральских вечеров к Диве забежала Нинка. Прямо с порога, наскоро смахнув с валенок снег, она предупредила сразу встрепенувшегося Диву:

– Сиди, сиди! Я на секунду. Книжку вот тебе принесла, Пушкин, «Капитанская дочка».

Дива с удивлением смотрел то на положенный прямо на стол небольшой зачитанный томик, то на саму румяную, весёлую Нинку.

– Я тут тебе отчеркнула карандашом один кусок, в школе его, помнится, «Буран в степи» называли. Ты вот тоже недавно в буран попал, тебе прочитать это просто необходимо. Ну, бывай, однако. – И Нинка упорхнула ещё быстрее, чем появилась.

Дива привстал с дивана, протянул руку, взял книгу за корешок, положил её себе на колени. «Издательство «Детская литература» – прочёл он внизу, невольно улыбнувшись набежавшей мысли: «Что же это меня Нинка за дитё малое держит? Впрочем, а кто я на самом деле для большинства межаков? Дитё и есть! Может, поэтому и не лезет ко мне никто, даже вон пьяницы местные за заёмными трёшками не заглядывают, как к большинству здешних одиночек». Раскрыв книгу, Дива увидел рисованный профиль Пушкина с гусиным пером и его уже виденный где-то автограф. Сама повесть тоже начиналась каким-то беглым, явно старинным рисунком: мужики с дубинами, солдаты с ружьями, остриженный в кружок казак с печальными глазами. Сначала Дива разыскал в книге выделенный Нинкой текст и тут же начал его читать: «Я выглянул из кибитки: всё было мрак и темень...» И Дива тут же вспомнил, как глянул он с опушки на село и увидел примерно такую же картину. Дочитав описание бурана до конца, он понял, что в степи бы он точно пропал, а так лес всё ж таки не даёт ветрам разгуляться. Потом он вернулся к началу и стал читать про историю недоросля Петруши Гринёва. Читал он очень долго... пока повесть не кончилась. Но за повестью, шрифтом помельче, в книжке имелась ещё и «История пугачёвщины», которую Дива также внимательно перечёл с уже меньшим энтузиазмом, понимая, впрочем, что имеет дело с сухими документами. На следующий день, набрав воды в колодце, Дива заглянул к Ляпнёвым и, вернув изученный им от корки до корки томик, попросил ещё. И хорошо бы опять Пушкина, на что получил школьное издание «Повестей Белкина» и подарочный вариант «Маленьких трагедий». Быстро одолев «Пиковую даму», Дива невольно вспомнил, как он ещё до войны сопливым подростком отказался играть с городскими блатарями «на интерес». «Разделили бы до трусов!» – подумал он вслух и принялся читать дальше. «Барышню-крестьянку» он дочитывал, только что не всхлипывая. И вообще, «хеппи-энды» ему нравились куда больше, чем «документы суровой действительности» типа «Станционного смотрителя», хоть он и понимал, что второе в жизни встречается гораздо чаще первого. «Маленькие трагедии» ему было читать странно, а вот присовокуплённую к ним «Сцену из «Фауста» он перечитывал несколько раз: «– Мне грустно, бес! – Что делать, Фауст? Таков вам положён предел...»

– А ведь и в самом деле грустно, – разговаривал сам с собою Дива. – Скорее бы весна приходила! В конце марта уже закашляют на вётлах грачи. А там, глядишь, и пернатая мелочь в саду защебе-

чет. Выгоню Маньку на проталину, загляну в ульи: сколько сдохло, а сколько выжило? Разведу им медового сиропа – нехай им подкрепляются после зимы. А потом и соловьи защёлкают – тут уж за соком пора в березняк. Надо будет на сей раз банок десять поставить – и в подвал его, чтобы не закис. Там заодно и сморчков можно набрать на первую в этом году грибную жарёху. Подснежников, медуниц в кувшин поставлю, потом – черёмухи... И грусть минует, и снова всё пойдёт как надо – с рассвета до заката.

А пока... пока приходилось жить, слушая одну разве что пургу. Отложив до поры чтение, Дива достал душегрейку, носки с валенками и стал одеваться. «А схожу-ка я за сосной в крайний бор, – сказал он себе. – А то размечтался тут о весне, а столбов для палисадника в хозяйстве нет. Вот и запасу нынче, пока времени – вагон».

Погода была ясная, хоть и сильно ветрило. Закутав нос и губы шерстяным шарфом, Дива пошёл чётко на встречный ветер, к синеющему справа от основного лесного массива бору. Этот сосняк был посажен ещё в войну застрявшими в селе из-за нехватки вагонов маршевыми ротами. Председатель колхоза в ту бесхлебную фронтовую пору накормил солдат с одним условием – они посадят в голом поле строевой лес, саженцы которого осели в местном лесничестве во время проезда здесь на Урал эвакуируемой из Ленинграда лесной академии. Поскольку солдаты жутко проголодались и делать им в селе было положительно нечего, посадка леса была осуществлена в кратчайшие сроки. И через несколько лет, вскоре после Победы, в молодом сосняке уже собирали маслята и землянику, а лет через двадцать пять повадились сюда межаки и за самими строевыми соснами. На сей раз вставший на широкие лыжи Дива добрался до сосняка за четверть часа. В сосняке зимой было уютнее, чем в лиственном, голом и почти не живом лесу. Это чувствовали и синицы, и дятлы, и даже в принципе не любившие хвойного леса вороны. Все они здесь шевырялись в тяжёлых лапах, клевали шишки и роняли на снег куски поеденной жучками-червячками коры. Здесь и Диве сразу стало как-то веселей, и он вдруг почувствовал совсем живую, лишь присмиревшую до срока, но внимавшую ему природу. И он смиренно прислонился к самой невзрачной в бору, не оправившейся от какой-то древесной болезни сосенке и стал чуть слышно шептать ей слова сочиняемого им по ходу заклинания:

– Дорогая моя сосенка, милая, хорошая! Возьми у меня мою человечью силу, – говоря это, он теснее прислонился к её стволу. – Возьми её и оберни в свою, древесную. Пусть она принесёт тебе исцеление, даст силы, приумножит теченье смолы под твоей корой, и чтобы корни твои углубились и разошлись во все земные концы и достигли бы питательной влаги.

Проговорив это, он вдруг понял, что рубить в этом лесу больше никогда не станет. Он вспомнил вдруг тех голодных, кое-как экипированных пацанов-солдат, которые, ползая и обдирая колени, сажали этот всем на зависть теперь красивый стройный бор. Он вспомнил эти лица, уже в этом тыловом селе помеченные знаком смерти. Да, он читал потом в одной учёной книге, что призывники двадцать третьего – двадцать четвёртого годов рождения не вернулись с войны почти полностью. И сажали этот бор именно они, мальчишки восемнадцати лет от роду. Подумав так, он стал шарить взглядом окрест и скоро заприметил занесённый снегом штабелёк, явно припрятанный какими-то местными, а ещё, скорее всего, пришлыми браконьерами, или бракушами, как их «ласково» именовали в Меже. В штабеле, между прочим, были сложены ничего себе сосны – ровно такие, какие были ему необходимы под столбы. Он нагрузил на санки с десяток двухметровок и тронулся в обратный путь. И странное дело, когда он вышел в поле, то заметил, что «гнилой угол» вновь завесила низкая чёрная туча с лохматыми белёсыми краями. Но на сей раз он успел, лютый буран налетел на Межу, когда он уже достиг своих картофельников. Кое-как заслоняясь от секущих потоков снега, он ещё сумел разгрузить свои санки и сложить деревья под навес возле дровяника. И лишь потом, повесив свою верхнюю одежду на крюк в сенях, прошёл к кухонному окну и стал смотреть через голый сад в поле, где, как он только что прочёл у Пушкина, «закрутились бесы разны». «Да и на самом деле, – думал Дива. – Не так уж Пушкин и преувеличивал. Если внимательно присмотреться к этой снежной вьюге, то там действительно угадываются бесы. Отдельные друг от друга снежные смерчи, которые то схо-

дятся друг с другом, то опять расходятся. И сугробы под ними то встают белёсыми кисейными занавесками, то выстилаются мятыми белыми простынями. Буран на этот раз был долгим и закончился лишь с приходом тьмы, когда в Меже затопляли печи. Собравшийся проверить погоду, Дива долго не мог открыть заметённую снегом дверь. Сумев отжать её всего на длину своей стопы, он стал откапываться через образовавшуюся щель. Процесс этот длился более получаса. Когда дверь наконец поддалась, он увидел перед собой ясный серебряный месяц, а неподалёку – голубоватый, всегда волновавший его Сириус.

Глава тринадцатая

Восьмого марта, когда почти все межевские доярки опились нагнанным в доильном агрегате самогоном, у Дивы на карнизе повисла первая сосулька, чему он был рад не менее нынешнего секретаря парткома Небольсина, когда того принимали в партию. «Сосулька, – весело размышлял Дива, – это первый предвестник весны. И до прилёта грачей будет их ещё с десяток». Подумав так, Дива решил, что пришла пора сходить ему в ларёк за хлебом и заодно глянуть, как там неподалёку новый магазин отстраивается. Говорят, сам Громов приезжал на открытие строительства и якобы они совместно с председателем сельсовета Ищенко перерезали там какую-то ленточку. Кстати, этот самый Ищенко, которому никогда не было до Дивы никакого дела, недавно остановил его на спуске и стал расспрашивать про родителей якобы для каких-то метрик. Дива ему сказал, что родителей своих не знает и не помнит и что вырастила его на выселке Алексеевка чужая тётка, которая ещё в войну умерла от скарлатины. Ищенко на это подозрительно хмыкнул и сказал неопределённое: «Ну-ну...» Дива только и понял, что ничего хорошего ему это самое «ну-ну» не предвещало. Но забивать себе этим голову было глупо, поскольку плохих дел Дива ни в Меже, ни на этом свете вообще не вершил, никого ничем не оскорбил, ни у кого ничего не брал. Разве что про вывезенные из сосняка деревья кто просигналил? Так они в штабеле всё равно наверняка бы сгнили... Да и не числятся они ни в одних документах, поскольку спилены бракушами и, вероятнее всего, почему-то просто забыты. Были, конечно, в Меже неприятные случаи по лесу, но очень давно, ещё при Сталине. Помнится, «чёрный ворон» тогда забрал двоих лесников-калымщиков и пильщика с пилорамы, который помогал прохиндеистому Питилке строить баню: возил ему готовые брёвна и прочий пиломатериал за самогон. Но времена эти давно ушли вместе со Сталиным, который, как известно, сам ничего у государства не брал и другим этого делать «не советовал». Нынче же даже в глухой Меже про вороватость всего советского руководства ходили анекдоты. Но, рассказывая их про руководителей и начальников, простой народ и сам не стеснялся: тянул отовсюду кто что может. Доярки отливали для своих нужд и на продажу колхозного молока, работники молокозавода несли домой сливки и сыры, хоть многие из них и имели собственных коров, пильщики с пилорамы выносили, естественно, доски, рейки и брус, а директор местного ДК (клуба) вынес с места работы телевизор, за что его судил товарищеский суд. Дива же возил необходимое из леса, но делал это так, что лесу от этих его вояжей лишь лучше становилось. Трава после Дивиной косьбы вырастала лишь гуще и породистей, что ли, – например, исчезал разный сорняк, вьюн и прочие паразиты. И, напротив, больше вырастало клевера, пырея, иван-чая, ромашки, васильков... Дива вывозил валежник – и в лесу замирали процессы гниения, Дива валил сухостой – и лес становился чище и светлее. Он протоптал в заветных борах десятки троп, по которым любили гулять грибники и, как ни странно, местные лоси. Возле этих троп почему-то было гораздо больше муравейников, чем в остальном лесу. Дива нередко специально обходил их, и все они носили разные привычные людям имена. Например, муравейник Серёга нравился Диве за почти красный цвет. В него Дива любил опускать руку, а когда мураши облепляли её, он стряхивал их, а затем обонял свою пропитанную муравьиным спиртом ладонь с обалденным наслаждением. Муравейник Никита был просто бурым, но с чрезвычайно большим песчаником вокруг, на котором прекрасно просматривался весь механизм муравьиной деятельности. Присев на корточки, Дива любил наблюдать, как мураши тянут в свой дом упирающихся жучков и

гусениц, палочки, ворсинки, лепестки, хвоинки, а бросишь им хлебных крошек – потянут и их. В двухвершинный муравейник Дуся (он и в самом деле напоминал женскую грудь!) Дива любил зарывать бутылку с сахаром на дне, которую изымал когда через день, а когда и через три. За это время в бутылку успевали набиться сотни мурашей. Дива затыкал бутылку и ставил её в кипящую воду. Через некоторое время он сливал из неё граммов пятьдесят чистого муравьиного спирта (кислоты), который годился для растираний и как средство от ангины и иных простуд. А были ещё муравейники Маша, Паша и Степаныч. Последний, подобно пчелиному рою, облепил большущую сосну, на которую его обитатели в основном и лазили за пропитанием и строительным материалом. Но сейчас, решил Дива, надо в село, а муравейники подождут до мая. Он быстро оделся, снял с вешалки кошёлку и заскрежетал талым снегом к калитке. Дойдя до спуска, он вдруг вспомнил про недавние расспросы Ищенко про родителей, вспомнил его хитрые маленькие глазки на налитом салом лице, и стало ему как-то зябко, неуютно и совестно, словно раздетому донага на сцене нетопленого сельского клуба. «И почему этот разговор меня так задел? – спрашивал себя Дива. – Как будто он меня застал за чем-то постыдным, предосудительным. А мои мать, отец... кем они были, что делали, почему исчезли из моей жизни так рано? Да откуда я знаю? Сколько себя помню, всегда был один, только я и никого рядом. Даже тётка, у которой я рос в Алексеевке, меня не любила. А приютила, чтобы заработать себе прощение у советской власти: дескать, раз советского детдомовца усыновила, то Феликс Эдмундович все прегрешения скостит». Дива поднял воротник у своей душегрейки и ускорил шаг.

Когда подошёл к ларьку, то обратил внимание на какую-то странную нелюдимость окрест. Обычно в это время на ступенях ларька кто-нибудь из местных бабушек либо обсуждал только что сделанные покупки, либо, как в Меже выражались, попросту точил лясы, то есть обменивался новостями и мнениями. На сей раз ни на ступенях, ни на сельской площади никого из межаков не просматривалось. Из ларька тоже никто не выходил. «Что-то неладно здесь»,– подумал Дива и потянул железную дверь на себя. Она не поддалась. Поскольку таблички «Закрыто» на двери не висело, Дива настойчиво постучал, потом ещё и ещё. Наконец что-то за дверью грохнуло, послышался недовольный голос продавщицы, и дверь приоткрылась. В освещённом проёме Дива увидел бледное лицо завларьком Дуськи Дрожилкиной. Некоторое время она как-то странно молчала, но потом, словно получив какой-то знак из-за спины, приоткрыла дверь пошире и протянула невесело:

– Ну, заходи, раз такой настойчивый.

И Дива, вобрав голову в плечи, чтобы не удариться макушкой о дверной косяк, шагнул через порог на вытертый подошвами пол. На некоторое время он невольно зажмурился от чрезвычайно яркого освещения, но, моментально продрав глаза, в следующее мгновение обнаружил, что стоит посередь торгового зала, в кругу присмиревшей и какой-то даже подавленной публики, среди которой без труда угадывались знакомые лица. Только вот на всех этих лицах застыла какая-то одинаковая гримаса то ли испуга, то ли тревожного ожидания. Даже всегда не в меру разговорчивая Верка Соткина странно молчала, словно её только что примерно наказали за излишнюю болтливость. И вдруг его больно кольнуло в левую часть груди: в самом центре безмолвной толпы межаков стояла его соседка Нинка Ляпнёва, несколько виновато глядевшая на него исподлобья. Дива перевёл взгляд на прилавок и увидел за ним незнакомого человека в чёрной фуфайке, который целился в него из двуствольного обреза и активно двигал головой снизу вверх, из чего Дива понял, что ему приказывают поднять руки, что он и сделал в следующее мгновение. Целившийся опустил обрез перед собой на прилавок и поднёс к губам горлышко пузатой коньячной бутылки. Сделав пару глотков, он сказал Диве низким хрипловатым голосом:

– Чтобы без фокусов! Стреляю без предупреждений.

И тут Дива вдруг увидел в углу, прямо на залитом кровью полу, странно, конвульсивно изогнутое тело межевской красавицы Машки Лушниковой. Перехватив взгляд Дивы, человек в фуфайке хищно улыбнулся и проговорил с издевательской усмешкой в голосе:

– Вот эта сучка меня почему-то не поняла, а теперь, видишь вот, остывает. И если кто только дёрнется, тоже станет остывать. В принципе, вы нам на хрен не нужны. Поэтому обещаю, через час-два отпустим... Так, Андрон?

Из подсобки выглянул ещё один в фуфайке, огромный, под два метра ростом. У этого из крупной волосатой ручищи торчал воронёный пистолетный ствол. Он отхлебнул из горлышка шампанского, сочно рыгнул и, смахнув свободной левой муху с потного носа, повесил над заложниками столь мудрёное грязное ругательство, что даже шесть раз побывавшая замужем продавщица густо покраснела.

– А чичас, – сказал вальяжно тот, что с обрезом, – мы выберем себе бабу для обслуги, а все остальные смогут сесть... ну, прямо там, где стоите. В ногах правды нет, сидеть-то, как-никак, легше. Так, Андрон?

– Не, сидеть больше не тянет, Губа, – отвечал Андрон. – Вроде и зона у нас была ништяк, и в хате всё путём, но на воле лучше. Давай бери вон ту, – к ужасу Дивы, Андрон показал на Нинку, – пускай она нам закуски зарядит с собой. И через час мотаем отсель, а то как бы мусоров не принесло. Мало ли кто стукнул...

Тот, которого только что назвали Губой, подошёл к Нинке и резко дёрнул её за руку. Нинка отпрянула, сделала шаг в сторону и отрицательно замотала головой, видимо, понимая, что там, в подсобке, ей, скорее всего, заткнут рот и изнасилуют. Понимая, что Нинка его вполне понимает, Губа грязно ухмыльнулся и обхватил Нинку за спину. Обрез при этом он опустил до полу. Нинка отчаянно завизжала, что, по-видимому, огромного Андрона лишь ещё сильнее возбудило, и он заорал в нахлынувшем на него предвкушении:

– Ты тащи её, тащи на матрац. Там и разложим!

И в этот момент, когда все, кто стоял вокруг Дивы, стали невольно опускаться на пол и закрывать лицо руками, как бы отгораживаясь от происходящего, самого Диву, напротив, что-то неимоверно сильное и упругое бросило вперёд на грубо лапающего Нинку Губу. Не будучи ни десантником, ни спецназовцем и даже году не прослужив в армии, Дива не мог действовать так неотразимо и молниеносно, как это показывали в советских боевиках про шпионов и «будни уголовного розыска». Он просто рванул опущенный Губой обрез на себя, а самого Губу пнул ногою в пах. В результате обрез оказался в руках у Дивы, а Губа, переломившись пополам от нестерпимой боли, присел на пол. Вот только выстрелить в человека почти в упор Дива не смог, а стал ловить стволом только что стоявшего за прилавком Андрона. Но тот, воспользовавшись Дивиным замешательством, успел спрятаться под прилавок. Оттуда он и послал в Диву первую пулю, которая пробила ему правую ногу несколько выше колена. За первой полетели вторая и третья. Но стрелял Андрон неважно, и обе пули задели Диве только ноги. Наконец до Дивы дошло, что его сейчас убьют, а потом начнётся расправа над остальными. И он выстрелил ровно в то место, откуда через щель в прилавке вёл огонь Андрон. Сильно подскочив в Дивиной руке, двенадцатикалиберный обрез с силой хлестнул по прилавку сгустком крупной самодельной картечи. Здоровенный Андрон даже вскрикнуть не успел, а грузно рухнул в узкий проход лицом в пол. Половину черепа ему снесло, словно топором. Кровь хлестала из убитого, как из сорванного под напором крана. Дива от такого «пейзажа» явно опешил и потерял Губу из виду. А тот, наоборот, успев отдышаться и быстро сообразив, что положение начинает принимать скверный оборот, рванулся к стоящему вполоборота Диве и ударил его выхваченным из-за голенища ножом. После этого Дива ещё успел обернуться и разрядить второй ствол обреза прямо в лицо атаковавшего его зэка. Потом ноги его подогнулись, и он, судорожно хватаясь за стену, марая её кровью, стал медленно заваливаться на правый бок, противоположный тому, в который только что получил коварный ножевой удар. Нинка успела ухватить его за затылок, чтобы он не ударился об пол. Телефон в ларьке был бандитами испорчен. Побежали в сельсовет, который, разумеется, оказался закрыт. Осталась почта. Лишь оттуда с третьего раза дозвонились до почты райцентра, куда сообщили о произошедшем и вызвали милицию и неотложку. А в это время неразговорчивый Питилка уже вёз беспамятного Диву

к его дому на своём синеньком «жигулёнке». Нинка хлопотала над раненым, меняя на нём быстро напитывающиеся кровью повязки. На них она в клочья разорвала всю свою хлопковую сорочку и всё шептала над то и дело теряющим сознание Дивой какие-то заговоры и заклинания.

– Только не молчи, милый! – просила она исступлённо. – Потерпи немного. Скоро неотложка здесь будет. Сейчас медицина не то что раньше... Ты выживешь. Терпи!

По приезде Дива попросил положить себя на диван, над которым был густо развешан белый тюль и несколько вырезок из «Огонька». Раньше Нинка отчего-то не замечала этого. А с вырезок, взятых в самодельные рамки, смотрели на Нинку, словно живые, леса художников Шишкина и Куинджи. И вдруг стало больно Нинке от того, что она так и не сходила с Дивою в лес, где он по-настоящему только и жил все эти годы. И ещё она без тени всякого смущения и без какого бы то ни было чувства вины перед мужем вдруг остро почувствовала, как любит этого умирающего на её руках человека. И от чувств этих она даже плакать не могла, а лишь дышала ему на лицо этой своей любовью и шептала, шептала что-то, чего сама потом так и не смогла вспомнить. И тогда он приподнялся на локтях и пронзительно, как никогда прежде, глянул ей в глаза:

– Ну, вот и всё теперя, Нина. Людям я худого не мыслил и не делал, хотя в церкву не ходил, и вечная жизнь не про меня. Закопайте меня на опушке сосняка, пожалуйста. Пусть они поплачут надо мной.

– Кто, Иван, кто поплачет? – пыталась добиться ответа Нинка.

Но Дива лишь натужно дышал, отчего тюль над ним шевелился как живой. Потом в груди его что-то тенькнуло, и следом за этим тюль бессильно обвис вдоль стены. Несколько минут Нинка беззвучно плакала, а потом долго пыталась завесить огромное тройное зеркало.

Эпилог

...Я успел застать Диву, будучи совсем ещё молодым человеком, студентом историко-филологического факультета. Несмотря на ощутимую разницу в возрасте, он всегда здоровался со мной первым. Здороваться с ним было приятно не только потому, что он обычно при этом очень приветливо и по-доброму улыбался, как бы говоря, что ему радостно меня видеть, но и оттого, что за секунды этой короткой встречи он каким-то невероятным образом успевал перекачать в меня целую вереницу неких позитивных образов и эмоций, которые впоследствии подпитывали моё оптимистическое настроение до глубокого вечера, когда мы любили выходить на «наш лужок» – смотреть на божественный Сириус, к которому он всегда имел некую особую потаённую тягу. Конечно, Иван был очень странным человеком, мало способным к тесному общению. За несколько моих студенческих каникул мы сказали с ним друг другу едва ли сотню слов. Но, воспроизводя их сегодня, я понимаю, что среди них не было ни одного, которое бы соскользнуло с языка случайно. С ним не получалось говорить вообще, а только по существу, предметно: о том, что надо прочистить колодец, после чего я опускал его на верёвке в холодное колодезное нутро и он его чистил. О том, что нашу корову раздуло от съеденной ею мокрой вики, и после этого он приходил к нам на двор и выпускал из коровы лишний воздух. О том, что на нашей вишне появилось много лишаю, после чего он приходил к нам в сад и я помогал ему этот лишай успешно выводить какими-то его растворами. Он показал мне, как правильно колоть дрова, как, не уставая, косить и при этом реже прибегать к заточке, как читать Пушкина так, чтобы с первого раза запоминать его наизусть. И всегда при этом лишь два-три предложения. И всё. Несколько раз я собирался разговорить его на что-то большее, что позволило бы мне, например, узнать о его прошлом или о том, почему он общению с людьми предпочитает общение с лесом и его обитателями, но всякий раз что-то останавливало меня, и я неизменно откладывал всё на потом, наивно полагая, что жизнь длинная и нам ещё с ним говорить не переговорить. Потом, когда его не стало, моя младшая сестра рассказала мне, что однажды она, осмелившись, спросила его, отчего он не женится. И он ей, по своему обыкновению са-

мокритично, ответил: «А куда лучше ими (женщинами) издали любоваться, чем совместно мучиться». Тогда она спросила его, а как же дети? Говорят, они цветы жизни! И он сказал ей, что настругать детей – дело нехитрое, в городе, дескать, охотников на это пруд пруди. Другое дело – вырастить, сделать их людьми. А цветы, сказал он, в Меже чаще, увы, несут на похороны. И некоторые умные люди так и говорят, что мы и живём ради неё, достойной смерти. Дива умер очень достойно, можно сказать, что как герой, хоть после его смерти о нём некоторое время и ходил слух, что якобы он увёл у местного инвалида войны лыки из пруда. Но это, конечно, чушь, плод чьей-то непреодолимой зависти. А я с недавних пор завёл себе привычку: когда небо ясно, я ищу сначала Луну, а потом и его, что неподалёку, синий и отчего-то такой уже близкий Сириус. Впитав его синюю суть, я успокаиваюсь и потом живу весь день спокойно и осмысленно, как Дива в ту давнюю, в ту спорную пору семидесятых годов прошлого века.

И чем дольше я живу на этом свете, становясь с годами мудрее, тем всё больше и больше кляну себя за юношеский инфантилизм, за нереализованное любопытство, за эти оттяжки нашего с ним серьёзного разговора. Ведь сегодня я уверен абсолютно, что, может быть, лишь со мной этот одинокий и чрезвычайно умный человек и решился бы быть вполне откровенным. И тогда бы я, вероятно, смог узнать что-то очень важное о нас, людях, вообще. Потому что было в нём нечто такое, чего всем нам – кому больше, кому меньше – сегодня чувствительно не хватает. Мне уже и тогда, а особенно сегодня представляется всё отчётливее, что Дива не был безродным сельским мужиком, которого воспитывала какая-то полуграмотная тётка с выселков (на выселках жили практически изгнанные из сёл крестьяне). Его «нарисовал» сам Создатель. Точнее будет сказать, что он рисовал Сына Человеческого, а Дива был лишь одним из десятков эскизов, забытых этим великим Художником где-то на лесном пленэре. Потом этот эскиз подхватил шальной ветер и понёс по привычке его из одного мира в другой, но... его случайно поймала разделяющая миры Межа. Вот и всё, однако.

□

Виктор Альбертович СБИТНЕВ –

прозаик, поэт, журналист.

Родился в Москве в 1955 г.

Окончил филологический факультет и аспирантуру

ЛГПИ им. Герцена.

Печатался в «Нашем современнике», «Литературной России»,

«Мире Севера», «Губернском доме» и др.

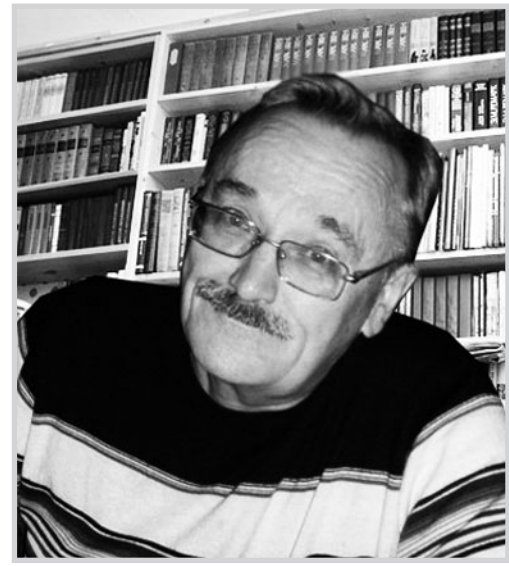
Автор трёх книг прозы.

Главный редактор

литературного альманаха «Костромской собеседник».

Живёт в Костроме.

В журнале «Север» публикуется впервые.

За бугром

Анна СОСНОВА
г. Кондопога, Карелия

рассказ

Помня сказанные накануне слова отца, что дважды будить не будет, я поднялась быстро, на цыпочках пробежала по ледяному полу старого деревенского дома к умывальнику и, бросив в лицо две пригоршни воды, пошла к столу. Видимо, отец встал давно – завтрак для нас был готов. Привычная глазунья с колбасой, остывая, плевалась нерафинированным растительным маслом, словно сопротивляясь своей участи. Ели молча, неторопливо, прямо со сковороды – есть в этом все-таки что-то объединяюще-семейное. В углу – печка с разинутым ртом, куда с вечера были аккуратно сложены вокруг кудрявой бересты дрова, выпрашивала огонька, но нам было не до нее, и, словно обидевшись, вместо тепла источала она через потрескавшуюся побелку каменную прохладу. Сделав первый глоток свежезаваренного горячего чая, отец улыбнулся и произнес:

– Ох, хорошо! Ну что, грибница, проснулась? Надо бы поторопиться!

Я кивнула в ответ и, дожевывая на ходу бутерброд, пошла одеваться. Темно-синие спортивки с вертикальным кантиком на каждой штанине, любимая футболка с главным героем популярного тогда мультфильма про лисенка Вука. Её подарила тетя на очередной день рождения. Старая выцветшая куртёнка, хлопчатобумажный бабушкин платок, завязывавшийся на деревенский манер – обязательно закрывая шею, и сапоги с приятными войлочными стельками – все было приготовлено с вечера, а потому уже через пять минут я стояла на крыльце с корзиной, на дне которой лежал маленький складной нож. Именно такой мне выделили в целях безопасности – я частенько падала в самых неожиданных местах.

Папа оделся привычно: рабочий костюм цвета хаки и тоненькая белая кепка с уплотненным козырьком, подчеркивающая загар на лице. Казалось, только для того она и нужна, потому что солнце в лесу не пекло, а от дождя не спасала. Проверив, есть ли в нагрудном кармане сигареты, отец спустился с крыльца и направился к калитке. Я послушно побрела за ним.

Раннее августовское утро, закутавшись в туман, обдавало сыростью. Шторы-задергушки на окнах соседних домов были расправлены – верный признак того, что люди еще спят. Выйдя на дорогу, ведущую к соседней деревне Ватнаволок, отец закурил и пошел размашистыми шагами, держа большую корзину на согнутой в локте руке, изредка он оборачивался на меня убедиться, что не отстала. Идти было недалеко, километра полтора, потом отворотка налево, еще метров пятьсот, и вот оно – папино грибное место.

Я всегда ждала с нетерпением этих походов с отцом. Если где-то в городе он частенько водил меня за руку, то здесь, в лесу – нет. Казалось бы, такая мелочь, но она придавала мне ощущения значимости, взрослости. Наверное, это и есть настоящая любовь родителя к своему ребенку – давать возможность делать самостоятельные шаги.

Разнокалиберный лес по обе стороны от дороги что-то шептал листвой, словно просил избавить его от туманной поволоки и, не надеясь на наше участие, покачивал ветками осторожно, усердно – так снимают с себя внезапно прилипшую паутину. Я шла, стараясь не отстать, и смотрела на эту живую махину, вдыхая полной грудью ее свежесть.

Дойдя до нужного поворота, отец остановился, достал из корзины брезентовый плащ и протянул его мне:

– На-ка, надень! Травы на дороге много – через минуту до нитки вымокнешь! Роса спадет – снимешь! – и, видя мои сомнения, добавил: – Давай-давай, а то заболеешь еще. Мамка мне тогда задаст!

Надела нехотя. Плащ источал едкий запах резины, а я в нем походила на живой вигвам: широкие полы свисали конусом и волочились по земле, вместо верхней части – моя голова. Рукава отец бережно закатал по длине моих рук.

Мы свернули на лесную дорогу. Напрямик идти не получалось: то тут, то там под ногами оказывались вылезающие из земли камни или сброшенные деревьями ветки, да и травы, намокшие и оттого согнувшие свои худенькие станы почти до земли. Мне мешал еще и плащ – приходилось семенить, чтобы не ударяться в него коленками, но я не жаловалась. Солнце уже поднялось высоко над лесом, заставляя туман сворачивать свои пожитки и идти прочь. На смену уходящей сырости прорывалось по-настоящему летнее тепло. Скоро я смогу снять тяжелую брезентовую рубашку и превращусь из неповоротливой куклы в обычную девчонку-сорванца. Ура!

– Еще немного пройдем по дороге и будем заходить, пожалуй! – закуривая очередную сигарету, сказал отец. – А там смотри внимательнее – грибы любят в траве прятаться, в ямках!

– Знаю! Ты же в тот раз объяснял! – самоуверенно ответила я, вспомнив прошлый удачный для меня поход за грибами: полкорзины красноголовиков, белых и лисичек вызвали зависть соседских мальчишек – я ходила гордая до вечера.

– Давай отсюда начнем! – голос отца выдернул меня из победных воспоминаний. – Снимай-ка плащ! Шуму от тебя в нем много – лес этого не любит.

С удовольствием скинув с себя брезентовые оковы, я поспешила в глубь леса, чтобы не дать отцу шанс передумать. Спешка привела к закономерному результату: через семь шагов, зацепившись за корягу, я свалилась на траву, затревожилась, не потеряла ли нож. В это время сильные папины руки уже поднимали меня над землей.

– Осторожней ведь надо, дочь! Расшибешься когда-нибудь! Вот неугомонная! – улыбаясь, сказал он.

– Я вон туда пойду! – с досадой освобождаясь от прилипших листьев, хмуро пробубнила я и стала отдаляться. Совсем не страшно было бродить по лесу. Пока я, пристально вглядываясь в траву в поисках грибов, исследовала кусок леса десять на десять метров, отец успевал пройти не один километр, но как только внутри меня начинала зарождаться тревога, он появлялся в зоне видимости, будто и не отходил ни на шаг. Так было и в этот раз.

– Ну, как успехи? – отец шел мне навстречу с заметно потяжелевшей корзиной в одной руке и целлофановым пакетом, из которого углом выглядывал плащ, – в другой. – О, молодец! – сказал он, заглянув в мою корзину и увидев, что дно ее уже плотно закрыто грибами.

Распираемая чувством гордости, пытаясь скрыть улыбку, я с видом знатока своего дела осмотрелась и, увидев метрах в пятидесяти за ёлками темную землистую возвышенность, уверенно сказала:

– Пойду вон за тем бугром посмотрю! Там, наверное, белые растут!

Отец взял чуть правее и тут же слился с лесом. Вглядываясь под ноги, я иногда поднимала глаза, измеряя расстояние до своей цели. Уж за ней-то ждет меня целая поляна грибов! Только меня! Но, подойдя ближе – почти дотянись рукой, я встала как вкопанная. Мой бугор вдруг зашевелился и, меняя цвет с земляного, почти черного на бурый, начал поспешно вставать. Через мгновение с какой-то неимоверной для моего малого роста высоты на меня уже смотрела пара большущих черных глаз и в ушах вместо лесной тишины зазвучало тяжелое дыхание. Медведь!.. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, а потом я бежала без оглядки.

Что есть сил неслась вперед, почти интуитивно огибая деревья и перепрыгивая ямы. Сердце не стучало – оно топало как ребенок, который надел родительские сапоги и шагает, боясь согнуть коленки и поджимая внутри пальцы ног, чтобы только не потерять этой возможности побыть взрослым, – и топало, казалось, где угодно, но только не в моей груди. В какую-то минуту то ли здравый смысл, то ли отключившийся инстинкт самосохранения заставили меня остановиться. Рядом никого! Осмотревшись по сторонам, я немного отдышалась и попробовала позвать отца. Возвращающееся, казалось, на

место сердце опять ринулось вон – звука не было! Сорванные когда-то связки давали о себе знать – в минуты сильного волнения голос предательски пропадал и появлялся потом только когда ему вздумается. Получается, что и бежала я скорее всего молча, а значит, отец не знает, что со мной приключилось и где я.

Постояв еще немного, я приняла решение вернуться. Шла, еле переставляя ноги то ли от усталости, то ли от испуга. Сдерживала подступающие слезы – нужно было успокоиться, чтобы вернулась речь. Сделав еще несколько шагов, я заметила, что в мою сторону движется, причем довольно быстро, спасительная белая кепка, тут появился и сам отец:

– Ну наконец-то! Что ж ты? Я весь лес уже обежал! – взволнованно сказал он. – Наделали вы с мишкой шуму! Ты ведь от него так стреканула? – отец натужно-ободряюще улыбался.

Слезы предательски потекли по моим щекам:

– Я т-т-туда... А он – т-там... бугор... А п-п-потом глаза... Я б-б-бежала, – запиналась я.

– Ладно-ладно, это бывает! Хорошо, что не медведица! Не плачь! – отец крепко прижимал меня к себе и гладил дрожащими руками по растрепавшимся волосам. – А корзину-то из рук не выпустила, грибница ты моя! Пойдемка домой! Хватит на сегодня приключений!

Мы вышли из леса на знакомую дорогу и пошли в сторону деревни. Уже не таким волнующим казался мне наш короткий путь, не так легко мне дышалось, и даже трофеи в корзине не вызывали привычной радости. Пока не замаячили знакомые крыши домов, каждый звук, даже просто шорох, заставляли меня прислушиваться. Я держала отца за руку, а он шел рядом, замедлив привычный шаг, и с притворным спокойствием курил одну за одной сигареты.

– Здорово, Константиныч! Ты, как всегда, с полной корзиной! – сосед дядя Витя уже закрыл калитку и подходил к крыльцу, где мы с отцом чистили грибы. – Здравствуй, Анюта! Удачно сходили?

– Да есть малёха! – обычной для такого случая фразой ответил отец. – Дочь вон даже медведя хотела принести, да больно тяжелый оказался! – добавил он, пытаясь скрыть усмешку в усах, и стал рассказывать соседу о моей встрече.

– Пойду к маме схожу! – сказала я обиженно и сиганула в дом.

Беседа была долгой. Через открытую форточку лился в нашу кухоньку грубоватый голос соседа с редкими вставками папиного – родного, и, несмотря на то что говорили уже о другом, выйти я не осмеливалась.

Закончив свою работу, отец зашел в дом, поставил кастрюлю с чищеными грибами на плиту и сел напротив меня за стол. Я шустро организовала ему горячего чаю.

– Ну что, дочь, завтра за грибами пойдем? – хитро щурясь, отхлебнул он из чашки. Увидев, как настороженно я кивнула в знак согласия, добавил: – Только, чур, без меня за бугор не ходить!

□

Анна Васильевна СОСНОВА

родилась 28 декабря 1978 года

в г.Кондопоге Республики Карелия.

Работает в ОАО «РЖД» дежурным по станции.

В 2013 году стихи были напечатаны

в журнале «Север» в рамках материалов,

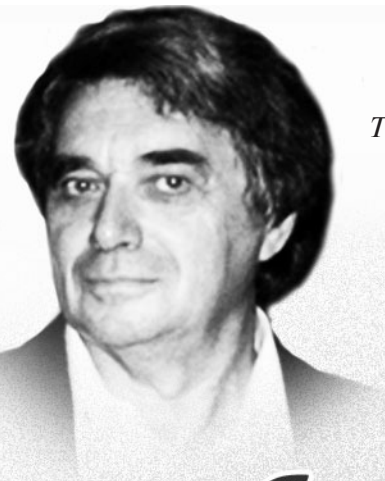
посвященных 75-летию города Кондопога.

Лауреат литературных конкурсов

«Северная звезда-2014», «Северная звезда-2015».

Александр КОГАН
г. Бежецк Тверской области

Александр Леонидович КОГАН

родился 16 мая 1948 года.

По образованию — инженер-электрик.

Печатался в Казахстане, где прожил 40 лет, в журналах, в шести московских изданиях.

В 2007 году вышла в свет его книга «Лицо».

В журнале «Север» публикуется впервые.

«Гроздьями рябины одинокой...»

МОЛИТВА

Она течет степенно из глубин,
Отображая звездные скрижали,
От истины мгновенье пригубив,
Слова свою мелодию рождали.

Молитва длится долгие века,
Берет начало от истоков звука,
И не один народ ее алкал,
Томясь от истощившегося духа.

Молитва исходила от огня,
Журчала, расколдовывая души,
Внезапно проложила путь в меня.
Слу-ша-ю.

ОСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

Гроздьями рябины одинокой
Сумерки окрест освещены,
Свет стекает по лугу полого
До реки, где бакены видны.

Взгляд струится по упругой глади
За далекий перекат реки,
Где осина скидывает платье
Холодам грядущим вопреки.

А вода уходит и уходит
Времени стремительному вслед.
Я стою на краешке природы,
Медленно растрачивая свет.

* * *

То ли долы, то ли доля,
Рок в ракитовом окне,
Растекается в раздолье
Шума шепот в тишине.

Счастья щедрое леченье,
Тихой осени судьба.
Ощущенье очищенья
И с тобой, и без тебя.

Дождик капает вечерний.
Дым, спадающий на дом.
Очищенье ощущенья,
Дон, дон, дон да диги-дон,
Диги-дон...

Семен РАБОТНИКОВ
г. Переславль-Залесский
Ярославской области

МАТЬ

документальная повесть

1

Когда в деревне узнали, что Маша выходит замуж, да не за кого-то, а за лейтенанта, недавно окончившего военное училище, парни ее ровни взбунтовались и потребовали от жениха выкупа. Иначе, грозились, не отдадут. Девушка была уж больно хороша, небольшого роста, поджарая, со строгими чертами лица. Трудилась не в колхозе, а в Переславле-Залесском на ткацко-прядильной фабрике в тростильном цехе. Попадала на работу и с работы пешком, автобусы тогда не ходили.

Ходко ступала крепкими ногами по проселочной дороге, вившейся по широкому полю, затем по дубовой роще и шоссе – шеса, как произносили селяне, – вымощенному булыжником, по которому проносились машины с кипами хлопка в кузове из ближайшей станции Берендеево. Иногда ее подвозили. Сама она не просилась, не голосовала.

И вот древний город с четырехэтажными красными корпусами на окраине ткацко-прядильной фабрики со странным названием «Красное эхо», прежде «Товарищество Переславской мануфактуры», где день и ночь шумели станки, в цехах кружились очесы хлопка, называемые угарами. Фабрика работала в три смены.

Маша входила в свой тростильный цех, с которым за несколько лет сроднилась, и начинался труд не из легких. Но он не тяготил ее. В ней было понимание, что надо работать и приносить в дом копейку. На фабрике, где работало большинство женщин, платили, хотя не так уж и щедро. А вот в колхозе, где трудилась ее невестка Поля, жена брата Федора, отделывались пустыми трудоднями. Маше в деревне завидовали:

– За деньги работает. А мы за что?

В один из летних вечеров в саду, где устраивали танцы для фабричной молодежи, Маша познакомилась, как оказалось, с лейтенантом Алексеем Ананьиным. Явился он на танцы не в военной форме, конечно, а в штатском. Серый костюмчик и светлая рубашка с галстуком ладно сидели на его невысокой стройной фигуре. Знающий бы сразу определил, что этот человек служит или недавно отслужил армию. Чувствовалась военная выправка. Алексей только что окончил Подольское военное училище и приехал в от-

пуск к родителям. Тщательно одевшись и причесав коротко подстриженные светло-русые волосы, вставшие ежиком, он ступил под старые липы, тихо шелестевшие листвой. Начало июля, и липы как раз цвели. Днем их облепляли пчелы, налетевшие из окрестных деревень. Вечером пчелы уже не летали, и липы отдыхали, устав от пчелиного гула и копошения.

У танцевального пятачка Алексей увидел девушку – в голубом платье, с правильными чертами лица. Это была Маша. Взгляды их встретились, и началось то, что обычно называют игрой взглядов, хотя игры в прямом понимании этого слова и не было. Был интерес друг к другу. «Какой светлый парень!» – подумала Маша. Со своей прической ежиком, похожей на одуванчик, в сером костюме и рубашке он действительно производил впечатление чего-то светлого. Алексей же, в свою очередь, про себя произнес: «Пригожая девушка».

Так все и началось. Случалось, он провожал ее из города до самой деревни. Восемь километров туда и столько же обратно надо было ему топать ради девушки. Они не любовались окружающей их природой. Она сама входила в их души – запахом полей, лугов и лесов. Не замечали, как проходили дорогу.

Вот и ее родная деревня Болшево, раскинувшая посады на склоне пологого холма, окруженная дубовыми и березовыми рощами.

Избы, крытые соломой, колодцы, колхозные хозяйственные постройки на краю деревни.

У первого колодца Алексей останавливался, опускал в темень деревянного сруба на цепи ведро и, крутя ручку ворота, поднимал. Из ведра на дно колодца звонко падали капли. Ставил ведро на сруб и прямо из него жадно пил студеную воду, чувствуя, как в животе становится прохладно. Маша, стоя рядом, посмеивалась. Он отправлялся назад, а она к своему дому, стоявшему в центре деревни, с четырьмя окнами наперед.

Они не говорили о любви и чувствах. Любовь была как бы сама собой разумеющейся в их отношениях. Так зачем о ней говорить? На первом или втором свидании она узнала, что он военный и служит в Подмосковье. Но скоро их часть куда-то переведут. Куда – знает только высшее начальство.

Когда отпуск закончился, Алексей отбыл в свою часть, и Маша думала, что на этом и закончились их отношения. Не будет больше длинных прогулок, и ей теперь придется ходить одной. Она шибко загрустила. Жизнь как бы пообещала счастье – и обманула.

2

Алексей приехал в конце лета на выходной и опять проводил ее до самой деревни. Произошел важный разговор.

– Маша, пойдешь за меня замуж? – сильно волнуясь, заговорил Алексей, когда миновали последние дома города и ступили на дорогу, ведущую на железнодорожную станцию. Было отчего волноваться. А вдруг откажет? Тогда прощай мечты о счастливой семейной жизни. Три недели, пока не виделись, он только и думал о Маше.

– Не хочу тебя обманывать, – продолжал он. – Жизнь военного – переезд с места на место. Поднимут по тревоге и увезут незнамо куда.

– Это и хорошо! Зато увидишь другие края! – заговорила она.

Счастье заполнило ее. Дожидалась этого мгновенья, и оно пришло. Почувствовала необыкновенную легкость, подумала, что сейчас, как птица, взмоет вверх.

– Так ты, значит, согласна? – не поверил своему счастью Алексей и остановился, взяв ее за руку.

– Да! – кивнула она.

Тут они первый раз поцеловались, неумело, только скользнули губами. Губы их были сухие от волнения.

Сразу заговорили о практических делах. Когда поженятся? Осенью после уборочной до Рождественского поста. Так что ждать предстоит недолго. Поженятся – и пусть их часть посылают куда угодно, хоть к черту на кулички. Вдвоем ехать совсем не страшно.

После, так сказать, официального предложения Маша привела Алексея в старый родительский дом и познакомила с матерью Анной Никитичной, братом Федором и его женой Полей. Алексей сразу всем понравился, скромный, спокойный молодой человек, к тому же – командир Красной армии.

Вскоре и вся деревня узнала, что у Маши есть жених, да не простой. Подруги ей, естественно, позавидовали, а парни заартачились:

– Пущай жених платит выкуп за невесту. Да не скупится. А то мы ему Машку не отдадим.

С ними согласились. Такой уж порядок заведен нашими предками на святой Руси, и не нам его отменять. Выкуп, конечно, не в денежном эквиваленте, а в угощении. Федор нагнал первача – с ног сшибает, Анна натушила в русской печи целый чугун картошки с бараниной, наложила из кадки большую миску соленых огурцов, и все это Федор перетащил в дом Степана Дронова, где намечалось гулянье.

Степан, заводила среди парней, длинный и сухощавый, выпроводил из дома к соседям на посиделки всю свою большую семью. Под вечер стали сходиться парни. Федор с будущим зятем Алексеем явились среди первых. Вскоре всю избу заполонили парни. Всем места за столом не хватило, и расселись на лавках вдоль стен, даже на полу на корточках.

– Прямо скажу: хорошую ты девку отхватил, Олеха, – заговорил Степан, глядя выпученными глазами на Ананьина. – Да чтобы мы ее так отпустили без выкупа – ни в жисть!

Он хлопнул стакан первача и захрустел огурцом, откусывая большими кусками. По подбородку тек огуречный рассол.

– Правильно! – загалдели со всех сторон парни. Жених только улыбался. За него слово держал Федор.

– Да мы рази против. Мало будет – еще принесем. Ешьте, пейте, робята!

Началась разухабистая широкая русская гульба. Все друг друга хорошо знали, некоторые доводились родственниками во втором, третьем и далее колене, и Алексей почувствовал себя среди них своим. Хоть и увел у них девушку – никто не глядел на него враждебно. Других найдут. Вон их сколько! Весело гуляли, не забывая вести разговор о серьезном.

– Как ты думаешь, Олеха, война будет? – Степан уставился на него.

– Не должна. С немцами заключили пакт о ненападении, – отрицательно покачал головой Алексей.

– Да что пакт! Вон с финнами поцапались. Да еще как! В одной нашей деревне трое не вернулись. А по всей стране сколько?

Федора, уже отслужившего срочную службу, тоже было призвали, но пока ехал, война закончилась. Слыхал он, что жертвы были огромные. Стояли трескучие морозы, и малейшее ранение и потеря крови приводили к гибели. Бывали случаи – бойцы замерзали в землянках. Здесь, в средней полосе, от морозов пострадали яблони.

– Хватит угощения или еще принести? – Федор оторвался от стула.

– Хватит! – Степан лез к нему целоваться. – Что мы – жмоты какие!

Федор с Алексеем ушли первые, оставив шумевшую компанию допивать первач и доедать закуску.

3

После выкупа невесты задумались о свадьбе. Выкуп что, выкуп – пустяки. Вот свадьба – другое дело. Она требовала расходов, и немалых. Конечно, можно обойтись и без свадьбы. Но их осудила бы вся деревня. Нет, без свадьбы нельзя.

Никитишна полезла в красную укладочку, стоявшую под кроватью, отомкнула ключиком и с самого дна укладки достала пожелтевший от времени платок, завязанный крепким узлом. Развязывая узелок, помогала немногими оставшимися во рту зубами – и высыпала на дубовую столешницу пять золотых монет с изображением последнего русского царя Николая Второго. Каждая монета достоинством в пять рублей!

– Сберегла к радостному дню, – лицо старушки сияло, будто сама выходила замуж.

История монет такова. Муж Анны Никитичны Илья Гаврилович вернулся с фронта домой в деревню в 1916 году по болезни, дослужившись до чина унтер-офицера, и привез двести семьдесят пять рублей николаевками. Двести пятьдесят рублей она положила в банк, надеясь получать проценты, а двадцать пять рублей, завязав узелком в платочке, спрятала в укладку, где они хранились до нынешнего дня. Много раз возникала необходимость потратить их, но Анна откладывала трату до более нужного часа. И вот он наступил, и ей не было жалко денег.

Илья Гаврилович, прожив дома несколько месяцев, умер от чахотки, и Маша, Марька, как мать звала ее в детстве, родилась уже после смерти отца. Анна осталась вдовой с тремя детьми, восьмилетним Федором, шестилетним Семеном и новорожденной дочерью.

В октябре 1917 года пошла снимать деньги в банке. Там ей сказали: лопнули ваши денежки.

На золото в торгсине можно купить все, что душа пожелает и чего нет в обычных магазинах.

Никитишна со знакомым попом из Красного села отцом Григорием и церковным старостой Иваном Петровичем Ерохиным договорилась о тайном венчании дочери с Алексеем, предупредив, что будущий ее зять военный. Священник поначалу испугался и наотрез отказался венчать молодых.

– Боюсь доноса, – налегая на «о», изрек он.

– Отец Григорий, обвенчаем их тайно, и никто не узнает, – уговорил его Ерохин, бородатый крестьянин села Красного, несший нелегкое бремя церковного старосты, за что не раз подвергался опале. Он настолько привык к гонениям, что уже ничего не боялся.

Поставив колхозному конюху бутылку первача, Федор запряг двух лошадей, одну – в легкую таратайку, другую – в обыкновенную телегу, накидав побольше соломы, и ввечеру повез молодых в Красное село на венчание. В таратайке сидели жених с невестой, и правил сам жених. На телеге все остальные: Никитишна, Поля, Федор, их десятилетний сынишка Юрка, не отставававший от родителей, и престарелые мать с отцом Алексея Ананьина. Все молчали, сознавая важность происходящего.

Под колесами и копытами похрустывал ледок. Целую неделю мокрило, а потом стукнул мороз и лужи подернулись льдом.

Все, кроме Федора, оставшегося в овраге стеречь лошадей, двинулись к белевшей в темноте церкви. Часа через полтора вернулись торжественные и довольные.

Чтобы справить в избе свадьбу, зыбку с младенцем сняли и отнесли соседям, к крестной матери Настасье Самойловой. Дом был просторный, но уж больно старый. Никитишна опасалась, что переворы не выдержат наплыва людей и лопнут. Федор полез под пол и дополнительно поставил дубовые чурбаки. Вдоль стен расставили столы, возле них скамейки для гостей, для молодоженов стулья с торца стола под божницей. Столы ломились от яств: тушенная с бараниной картошка, нарезанная толстыми ломтями свинина, знаменитая с Плещеева озера копченая ряпушка, разделанная с луком керченская сельдь, источавшая сок, пироги, начиненные и капустой, и мясом, и яйцом, и всякой всячиной. Поднимали горлышки бутылки с красным и зеленым вином – так называли селяне водку.

Впрочем, свадьба была нешумной и немногочисленной. За столом сидели только самые близкие родственники да две-три ближайшие подруги невесты, без куража, пьяных выкриков и драки.

Настал момент, когда толпившийся возле дома народ пустили в избу поглядеть на невесту с женихом. Избу заполнила огромная толпа баб, мужиков, парней, девушек и даже детей. Задние напирали на передних, и передние оказались возле самых столов, ощущая запах яств и проглатывая слюнки. Всем хотелось лицезреть новобрачных. Они сидели под образами, невеста в белом подвенечном платье и фате, жених в черном, как жук, костюме и белой рубашке с галстуком, оба юные, красивые, переполненные чувством радости.

Плясать отправились на проулок. Федор повесил керосиновый фонарь «летучая мышь» на гвоздь на крылечном столбе. Нашелся гармонист, которому вынесли стул, и начали выкаблучивать с частушками, уханьем и взвизгиванием до глубоких потемок. Далеко окрест разносились звуки, и народ знал: в Болшеве справляют свадьбу.

Все близкие родственники гуляли на свадьбе, только одного меня не было. Прямо в зыбке, сняв ее с оцепа, отнесли в соседний дом к моей крестной матери коке Насте Самойловой. Оцеп вставлять не стали, а просто привязали к кольцу, ввинченному в матицу. Накормленный, я спал беспробудным сном, не ведая, что в нашей семье совершается великое событие – тетя Маша выходит замуж.

4

В мае 1941 года воинская часть, в которой служил лейтенант Алексей Ананьин в должности командира взвода, передислоцировалась из Подмосковья к западной границе под город Брест. Простившись со всеми близкими: матерью Анной Никитичной, братом Федором, невесткой Полей, племянниками, поклонившись родительскому дому, в котором родилась и выросла, Мария вместе с мужем отбыла в неизвестность, в далекое далеко. Тревожно и радостно было на сердце.

За свои отношения с мужем не беспокоилась. С каждым днем они все больше свыкались друг с другом и вскоре стали одним целым, которое не разделить. Чем-то и внешне стали похожи, точно перенимали друг у друга черты. Им говорили, что они как брат и сестра. Жизнь супружеская – великая тайна. Недаром в Библии говорится: да прилепятся муж и жена друг к другу…

Не особо волновали ее дорога и предстоящие хлопоты с поселением на новом месте. Мария не сидела сиднем в деревне и районном городе, а при всякой возможности ездила и в Москву, и в областной Ярославль, слушала концерты и смотрела спектакли. Однако в самом воздухе висело нечто тревожное: как бы не быть войне. На эту тему часто говорили люди, сходясь где-нибудь на улице. В природе бывает ощущение предстоящей грозы, хотя ни облачка на небе, ни тучки. Но сильно печет солнышко, парит, и народ угадывает: нынче не миновать сильной грозы, и не дай бог кого-то убьет или ударит в дом. И точно – из-за окоема выползает черная туча с белыми прожилинами и заволакивает все небо. Грохочет так, что заставляет приседать. Молнии беспрерывно то змейкой, то широкой вспышкой освещают землю. Хлещет дождь.

После замужества она изменилась. Мария по-

несла. Об этом перед самым отъездом поведала матери, та – невестке Поле. Такой вестью женщина делится с женщиной. Да и опытный женский глаз сам замечает: походка не та, округлилось тело. Обе к сказанному отнеслись серьезно, сами рожали, Поля – дважды, мать – десять раз. В живых осталось двое, Федор да она, Марька. Остальные умирали в младенчестве, кроме Семена. С Семеном особый случай. Помер в возрасте 26 лет от разрыва мочевого пузыря, простудившись в вешную Николу у тещи в деревне Пономаревке. Смерть взрослого сына здорово подкосила старушку. Через полгода после похорон Поля родила мальчика, и в утешение Никитишны его нарекли Сеней. Так в семье появился второй Семен.

Узнав о беременности жены, Алексей несказанно обрадовался и в то же время посерьезнел: он – будущий отец, а это накладывает на него дополнительные обязанности.

Алексей ухаживал за женой так, как будто она была на последних неделях беременности. Бегал за чаем, не разрешал ничего поднимать. Сидя друг против друга, часами смотрели в окно на мелькающую природу, сравнивая, как у нас и как тут. Впрочем, природа не сильно менялась, так как ехали по параллели, а не по меридиану, с востока на запад. Всю дорогу их сопровождал запах черемухи. Как раз она была в полном цвету и буйствовала на опушке леса справа и слева вдоль железной дороги. Даже на каком-нибудь глинистом бугорке – и там, глядишь, рос кусточек весь в цвету, радуя глаз. Вряд ли кого оставит равнодушной цветущая черемуха, а у Марии к ней было особое отношение. Под окнами ее родительского дома красовались две черемухи, посаженные еще отцом. Все свое детство, когда не трудилась по дому и огороду, а работать крестьянские дети начинают чуть ли не с младенчества, она провела на черемухе, сидя, как в седле, в развилке сучьев, мать даже упрекнула ее, что она, как мальчишка, лазает по деревьям.

Сблизив у вагонного окна головы, они с Алексеем не могли глаз отвести от цветущей черемухи, и хотелось сойти с поезда и поселиться где-нибудь здесь.

Между тем поезд мчался все дальше на запад. Одни пассажиры выходили, другие садились. Супруги замечали, как меняется человеческая речь. Язык был везде русский, но произношение слов разное. Проехали Смоленск, а за ним начиналась Белоруссия. Вот тут язык переменился, но все же оставался понятным. Страна огромная, и чего же вы хотите, чтобы везде говорили как в столице.

Наконец поезд достиг границы. Дальше чужая земля.

5

Край, куда приехали супруги Ананьины, менее двух лет как был возвращен Советскому Союзу, и народ здесь жил другой. Все страшно боялись колхозов. «Вот придут русские – и нас загонят в колхозы, и заставят задарма трудиться на советскую власть», – так примерно рассуждал люд.

Поселились в местечке в полусотне километров от Бреста. Местечками здесь называли нечто среднее между деревней и поселком. Сняли комнату у старика и старушки, седеньких, чистеньких, всегда ласково улыбающихся, непонятно какой национальности.

По-русски они изъяснялись сносно. Молодожены считали, что им с поселением здорово повезло. Комната просторная, светлая, с отдельным входом и плитой, на которой можно готовить пищу и зимой обогревать жилище.

Мария, как свойственно любой женщине, начала вить семейное гнездышко. Полутораспальную кровать, отданную хозяевами во временное пользование, украсила вышитым подзором. Кое-какое постельное белье, данное ей как приданое, прихватили из дома. Съездили на автобусе в Брест и приобрели две перьевые подушки, ватное одеяло и кое-что по мелочи.

Об этом Мария обстоятельно писала своим аккуратным почерком домой матери Никитишне, брату Федору и невестке Поле. Особенно радостно и лестно было слушать сообщаемые новости старушке. Сама она читать не умела. Поля читала по складам, проучившись три-четыре месяца в ликбезе. Вот Федор был грамотный. Он-то и прочитывал по нескольку раз письма и писал ответ от всей семьи. Слушая письма, а их успели получить немного, Никитишна думала: «Слава богу, вырастила дочь. Поставила на ноги. Замуж выдала. Теперь мне и помирать не страшно».

– Маша, не покупай много вещей, – говорил Алексей. – Только самое необходимое. Нынче мы здесь, а завтра, глядишь, на Дальний Восток переведут. Жизнь военного похожа на цыганскую.

Мария понимала, но не могла удержаться, чтобы не купить красивую вещь. Так приобрела коврик с лебедями, который повесила на стене рядом с супружеским ложем. Из-за этого они даже немного повздорили.

– Не нужен никакой ковер! – поморщился Алексей.

– Погляди, какой красивый! – Мария ласкала ковер взглядом и гладила ворс ладонью.

Оказывается, у них разные привычки и взгляды.

До простой истины, что так и должно быть, ведь он – мужчина, а она – женщина, дошли не сразу.

Рано поутру в начищенных сапогах, так, что отражались солнечные зайчики, в галифе и гимнастерке, перетянутой широким ремнем с портупеей, Алексей уходил на службу. Чем он там занимался, жена особо не интересовалась, но знала: обучает военному делу красноармейцев. Возвращался поздно, уже в сумерках, пропыленный, усталый и чем-то озабоченный.

Мария, привыкшая с малых лет трудиться, тяготилась тем, что она не работает. Алексей утром уходил, а она оставалась одна дома. Готовила пищу, стирала, мыла полы, но это бытовые мелочи, которые любая женщина выполняет между делом. Она хотела постоянной работы. Алексей не возражал. Да и деньги нужны. Но куда пойти? В местечке ткацко-прядильного производства нет.

Работа сама нашла ее. Пришла в военторг купить ниток и иголок – ее заметила заведующая Зоя Петровна, солидная дама, постарше Марии. Муж ее майор Зуев служил в одной части с Алексеем.

– Не желаете ли, милочка, потрудиться? – обратилась к ней майорша с вопросом. – Вы ведь недавно сюда приехали?

– Да, недавно. Очень хочу работать. Кем?

– Как-кем! Продавщицей, конечно.

Мария ожидала, что ей предложат уборщицей, и она готова была согласиться. Но неожиданно ей предложили такую почетную и ответственную работу. Засомневалась – справится ли? Так она встала за прилавок и за короткое время освоила новую для себя специальность. Об этом написала в очередном письме, чем вызвала большую радость и гордость за нее у матери Никитишны, брата Федора и невестки Поли. Надо же! Продавщицей стала наша Машка. А недавно в тростильном цехе крутилась и выходила с работы вся в вате, потому что бытовок на фабрике не имелось. Отряхнувшись, всю вату с себя не снимешь, молоденькие девушки так и топали домой, и народ сразу видел: работают на ткацко-прядильной фабрике «Красное эхо». А теперь Мария с работы и на работу ходит нарядная.

На новенькую продавщицу приходили глядеть неженатые командиры да и красноармейцы, отпущенные в увольнение. Пытались с ней заговорить, но, заметив на правой руке обручальное кольцо, смущенные уходили. Внимание мужчин несколько льстило ее женскому самолюбию, но кокетства в ней не было. Алексей же немного ревновал.

– Лучше бы сидела дома.

– Вот рожу – и сяду.

6

Новизна отношений, они муж и жена, поднимали их над обыденной жизнью, делая ее праздничной. С женитьбой жизнь человеческая круто меняется. Прежняя семья отходит в прошлое.

Супруги создавали новую семью. Каждый из них теперь не только чья-то дочь или чей-то сын, а в первую очередь она – жена, а он – муж. От одних этих слов радостно щемит сердце, и впереди их ждет одно счастье. Кажется странным, что совсем недавно, несколько месяцев назад, они не знали друг друга, даже не подозревали о существовании. А теперь – самый дорогой человек на свете, без которого невозможно жить.

Мария любовалась Алексеем, как он собирался на службу. Роста он был, как и она, невысокого, но ладный. Гимнастерка с петлицами красиво обтягивала его широкие плечи. Ремни подчеркивали военную выправку. Держался, будто аршин проглотил. В военном училище их здорово муштровали, добиваясь выправки. В свою очередь, и она ловила на себе его восхищенные взгляды.

Между тем тревога нарастала. Люди, жившие в пограничье, знали больше, чем самое высокое начальство в Москве. Говорили, что немецкие войска стягиваются к самой границе и уже даже не таятся. Открыто и нагло продвигаются и поглядывают в нашу сторону. Об этом и еще о многом судачили женщины, жены военнослужащих, приходя в лавку военторга, с оглядкой, не подслушивает ли кто посторонний. Детей, кто их имел, в начале лета отправили подальше от возможной беды на восток к родным и близким. А сами остались здесь, чтобы разделить участь своих мужей.

В тот вечер, когда состоялся их разговор, Алексей пришел со службы очень поздно с таким странным выражением на лице – подавленность и тревога, – что Мария испугалась, не случилось ли чего.

– Нет, у меня на службе все в порядке, – на немой вопрос жены ответил он. – Не лучше ли тебе, Маша, уехать отсюда? Только не говори никому: не сегодня-завтра начнется война, – произнес он страшное слово и взглянул на нее. Мария вздрогнула: вот и конец их счастливой жизни.

– Но ведь Красная армия защитит нас.

– Всякое может случиться, – уклончиво сказал Алексей.

– Ты хочешь отправить меня домой? Может, я тебе надоела? – закапризничала Мария, хотя знала, что это не так.

– Что ты, Маша! Я думаю о тебе и о нашем будущем ребенке. Но смотри, дело твое. Чтобы ты меня ни в чем не упрекала.

– Подождем еще немного. Может, слухи о войне пустые.

На том и порешили. В этот вечер долго не ложились спать, а когда легли, подумали: может, это последняя проведенная вместе ночь.

7

В субботу 21 июня Алексей пришел со службы пораньше.

– Нынче в клубе кино. Сходим? – обратился он к жене.

– Конечно, – обрадовалась Мария, уж очень охочая до фильмов, особенно про любовь. Ну кто их не любит! Иные смотрели по пять-шесть раз одну и ту же картину, млея при поцелуях на экране. – Про что кино? Про любовь?

– Нет. Кажется, про войну.

Она огорченно вздохнула.

– Но там, думаю, будет и любовь, – утешил ее муж. – Не бывает фильма без любви.

Собрались, одевшись во все лучшее. На Марии было крепдешиновое платье цветами, несколько скрадывающее ее растущий живот, и туфли на каблуках, на которых, впрочем, ходить по деревенской улице не совсем удобно. Каблуки вязли в земле. Но не могла она лишить себя такого удовольствия – пройтись на каблуках под руку с мужем. Они делали ее выше и стройнее. Алексей снял военную форму и облачился в серый костюм, тот самый, в котором она впервые его увидела в летнем саду.

Выходя из дома, встретили своих хозяев, старика и старушку, как всегда ласково улыбающихся.

– А вы нейдете в кино? – поинтересовался Алексей.

– Нейдем, – оба отрицательно покачали седенькими головками.

– Могу взять на вас билеты.

– Нет, не надо брать билеты.

Их заискивающие улыбки и слащавость вызывали у молодоженов настороженность.

В местечке появилось много новых подозрительных людей, что-то высматривающих. Кто они? Откуда взялись?

У клуба встретили сослуживцев Алексея, тоже пришедших в кино с женами, и разговорились о странных людях и об обстановке. Один поведал, что по ту сторону границы немцы, не маскируясь, прямо под открытым небом складируют снаряды. В этот субботний вечер праздничного настроения не получилось. Алексей даже подумывал, не уйти ли, добраться до Бреста и посадить жену на московский поезд, пока они еще не перестали ходить.

Фильм действительно был про войну, только показывалось все как-то облегченно. В зале присутствовали и подозрительные люди, которые нагло смеялись.

– Что это за война! Вот завтра начнется настоящая война!

Знали даже, когда она начнется. Только в Кремле ничего не ведали и не готовились, надеясь на пустую бумажку. Стало ясно, что в зале сидят провокаторы и шпионы, каким-то путем проникшие к нам. Наверно, они были вооружены. Алексей подумал: хорошо, что не в военной форме, его могли убить здесь. Об этом догадались и его сослуживцы.

– После сеанса сразу расходимся, – шепнул один. Ни у кого из них не было пистолета. Покидая воинскую часть, личное оружие сдавали под расписку.

Кино закончилось поздно, но было еще довольно светло. Наступили самые длинные дни в году. Именно в такое время и начинаются войны, почти день в день. Это тоже должно было знать высшее руководство. Но ничего оно не предприняло, войска у границы не были развернуты и приведены в боевую готовность.

8

Только легли спать и чуть задремали, как в дверь тревожно забарабанили. Оба моментально проснулись, и им показалось, что спали не более минуты. Алексей соскочил с кровати – и к двери. Оттуда могли выстрелить, и он встал за косяк. Пожалел, что нет пистолета. Как сглупило начальство, отдав приказ, чтобы сдавали оружие, покидая часть. Их могли взять голыми руками. Мария завозилась на постели, готовясь встать. Махнул ей, чтобы лежала.

– Кто? – тихо спросил он.

– Посыльный Савосин. Товарищ лейтенант, тревога. Приказано всем командирам явиться в часть, – ответил голос из-за двери.

Алексей узнал, голос действительно был красноармейца Савосина, служившего в его взводе.

– Я мигом оденусь. Подожди.

– Не могу ждать, товарищ лейтенант. Мне еще двух командиров надо оповестить.

– Тогда беги!

На улице застучали тяжелые сапоги убегающего красноармейца. Алексей быстро собрался и, подойдя к двери, помедлил:

– Это война, Маша.

– Да. Война, – согласилась она.

Вернулся к кровати и обнял жену.

– Прощай. Увидимся ли? Береги себя и ребенка, – он хлопнул дверью и растворился в предрассветных сумерках.

Стоя в ночной рубашке у отворенной двери, долго глядела ему вслед, хотя ничего не было видно. Что их ждет впереди? Вечная разлука?

То, что началась война, вскоре подтвердил натужный гул бомбовозов, летевших бомбить наши города и села. По рокоту моторов можно понять, что их загрузили до предела. Летели они не спеша, уверенные в свой мощи и безнаказанности, грозно урча, строем, десятки, сотни, тысячи самолетов.

А потом загрохотало вдоль всей границы, справа и слева, и особенно сильно в той стороне, где находился город Брест. В первые минуты Мария могла бы, быстро собравшись, бежать на восток. Но подумала: Алексей вернется – а ее нет. Что скажет? Бросила женушка. Нет, лучше остаться. Будь что будет. В голове было вроде тумана, и жизнь представлялась не реальной, а призрачной. Нам все это только кажется, говорили старухи философы в деревне, приходя на посиделки к матери Анне Никитичне и рассуждая о жизни и смерти. И вот эта призрачная жизнь – перед ней. Утратила чувство времени,

Местечко заполонили немцы. Холодные жесткие лица, серая одежда – все было чужое. Они что-то выискивали и вынюхивали. Боевые части ушли дальше на восток, а это были вторые или даже третьи эшелоны, устанавливающие свой, немецкий, порядок. Теперь уходить было уже поздно. Спрятавшись за косяк, Мария тихонько наблюдала в окно, что происходит на улице. Там хозяйничали немцы, а местные все попрятались и вот так же, как и она, следили в щелку за улицей.

Открыто у окна никто не стоял: могли выстрелить. Всем хотелось стать незаметным, превратиться в букашку и залезть в тараканью щель.

Марии ничего не оставалось делать, как молиться. Достала икону Казанской Божьей Матери, которой ее перед венчанием благословляла Никитишна, и с жаром принялась причитать:

– Матерь Божья, спаси и сохрани. Прости грехи наши...

Вдруг удар чем-то тяжелым в дверь. Крючок отскочил, и дверь отворилась. За дверью стояли два немолодых немца в военной форме с винтовками на плечах.

– Ви есть жен командир! – ткнул в нее пальцем один из немцев.

«Вот и смерть моя», – мелькнула мысль, и в голове буквально закипело. Откуда они могли узнать, чья она жена? Нетрудно догадаться – выдали услужливые, всегда заискивающе улыбающиеся седенькие старик и старушка. Теперь они заискивали перед немцами, как недавно перед ними.

Грохоча сапогами с короткими голенищами, вошли в комнату и обыскали. Заглянули даже под кровать с вышитым подзором. Стащили с ее пальца золотое обручальное кольцо, которое Мария забыла снять и спрятать. Долго вертели в руках икону. Поняв, что оклад на иконе медный, бросили на пол. Война – это еще и мародерство. Больше ничего ценного у молодых супругов не оказалось.

– Шнель! */быстро/* – приказали ей и повели. Немцам самим, видно, показалось неловко вести по местечковой улице небольшого роста с наливающимся животом женщину вдвоем. Один, старший, приказал другому, чтобы он вел один, а сам свернул в сторону и отправился дальше шарить по домам.

Ее привели в клуб, в котором только вчера, в последний мирный день, смотрели кино, теперь превращенный в комендатуру. Быстро немцы обустроились – ничего не скажешь, порядок любят. За столом сидел тоже немолодой немец. Его светло-водянистые глаза скользнули по ее животу. Догадался, что она ждет ребенка.

– И где есть ваш муж-командир? – взгляд немца стал колючим. Научились, сволочи, русскому языку, чтобы вести допрос, не более. Мария не считала нужным ничего скрывать и просто ответила:

– Нынче ночью по тревоге ушел в свою часть, и больше я его не видела,

– Ви лжет, нехороший женщин! Ви скрывать его! Еще раз спрашивать: и где ваш?..

Мария повторила ответ. Немец встал из-за стола и что-то сказал в дверь. Вошел сивогривый верзила с овчаркой на коротком поводке. Отцепив поводок, подал команду собаке. Рявкнув, черной масти с рыжими подпалинами собачина бросилась на женщину и начала рвать на ней платье, обнажая тело. «Это все, конец!» – думала Мария, инстинктивно загораживая жи-

вот руками. Страх притупился, и Мария желала одного, чтобы все это побыстрее закончилось. Порвав на ней платье, собака отошла и легла на пол, тяжело дыша и высунув язык. Свирепости в ее глазах уже не было. Но оба немца, начальник и собаковод, по-прежнему кидали на нее злые взгляды. Стыдясь, Мария собирала на себя клочья платья и прикрывала обнажившееся тело, думая: неужели такое возможно на белом свете? Ну, убили бы ее, если считают врагом. Она готова была к этому. Но так издеваться над беременной женщиной… Нет, это не люди и даже не животные. Они хуже самых свирепых хищников. На теле осталось несколько царапин от когтей собаки, но укусов не было. Собака, видно, была так обучена – рвать на человеке одежду, но не кусать тело.

Ее отпустили. Шла и не верила, что осталась живой. Все внутри замерло, закостенело, и жизнь представлялась как в тумане. У дома мелькнули хозяева, старик и старушка, но тут же скрылись. Сбросила с себя лохмотья, помылась в корыте и надела чистое.

Через местечко потянулись длинные колонны пленных красноармейцев под бдительной охраной конвоиров, один обязательно со здоровенной собакой. Жены военнослужащих, несмотря на опасность, высыпали к дороге в надежде увидеть своих. Пленные шли молча, подавленные. Если кто и улыбался при виде русских женщин, то улыбка получалась вымученной, жалкой. На лицах же конвоиров довольство. Немецкие солдаты славно потрудились, захватив столько русских в плен. Казалось, вся армия у них в плену и воевать больше некому. Немцы выиграли войну за один день. Появлялась досада – сколько кричали, что наша армия непобедима, что враг, если нападет на нас, расшибет лоб о пограничный столб. Где этот несокрушимый столб? На деле все обернулось иначе.

Без конца тянулись колонны военнопленных, молодые русские ребята в гимнастерках. А вот и строй командиров, заметно выделявшихся своим возрастом.

– Майора Зуева среди вас нет?! – крикнула Зоя Петровна, бывшая заведующая военторгом.

– И лейтенанта Ананьина Алексея?! – последовала ее примеру Мария, жадно всматривавшаяся в строй.

Командиры, проходя мимо, отрицательно помотали головами. Как зыркнули на женщин конвоиры! Даже автоматы на них наставили, готовые дать очередь, да помешала обязанность зорко следить за пленными, чтобы никто из них не сбежал. Думалось, конца и края не будет этой колонне подавленных людей. До позднего вечера простояли женщины, всматриваясь в лица, и потом разошлись.

Мария думала, что издевательства больше не будет, но все повторилось несколько раз. Ее вызывали в комендатуру и натравливали собаку, которая рвала на ней одежду, но не кусала. Она настолько привыкла к издевательству, что и страх в ней притупился.

– Лукавый русский женщин, – щурил глаза немецкий начальник.

Так же поступали и с другими женами военнослужащих. Немцы народ дотошный. Но в конце концов от них отстали, ничего не добившись. Да и что могли знать эти женщины? Видно, такая простая мысль долго не приходила немцам в голову.

Со всего местечка женщин собрали и поместили в конюшню, оставшуюся от польской кавалерийской части. Не охраняли, куда они могли убежать, но ежедневно пересчитывали – несколько десятков женщин, все молодые, красивые своей молодостью, от двадцати до тридцати лет, цвет человеческой жизни. Марии, родившейся в конце 1916 года, шел двадцать пятый год. Самой старшей, майорше Зое Зуевой, – тридцать первый.

9

Сооруженная из дерева конюшня давно пустовала, и запах навоза и лошадиного пота выветрился, но все равно ее нужно было приводить в порядок. Женщины ретиво принялись за дело, чистили, мыли, скоблили. Если большинству мужчин все равно, в каких условиях обитать, то женщине – нет, не все равно. Свивая себе гнездо, она старается его украсить. Занавесочки кое-где появились, ширмочки, и конюшня приобрела жилой вид.

Ее стали называть бараком.

Женщины даже порадовались, что есть крыша над головой и на них не капает. А вот военнопленных красноармейцев, слыхали от одного местного жителя, расположили на открытом поле, обнеся его колючей проволокой. Пленные выкопали себе норы, в них и обитали, голодные, мокрые. Начался повальный мор.

В бараке у женщин в лидеры вышла майорша Зоя Петровна. Она была и постарше, и пограмотней. От своего мужа майора Зуева переняла командирские нотки в голосе. Она прошла через

те же испытания, что и Мария Ананьина, даже побольше, потому что муж был в звании выше – как-никак майор. Радовалась тому, что вовремя отправила дочь и сына, девяти и шести лет, к старикам родителям на Волгу, до которой врагу не дойти.

– Терпите. Осенью нас освободят, – убеждала она подруг.

Были и такие, которые впадали в отчаяние,

– Пусть убивают! Не хочу больше жить! – рвала на себе волосы молоденькая бабенка.

– Замолчи, дура! Без тебя тошно! – зашикали на нее со всех углов. Все они поняли, что самое ценное у человека не жизнь, а свобода. Надежда, что когда-нибудь вновь обретут ее, и поддерживала их.

Заметив наливающийся у Марии живот, майорша поцокала языком.

– Вот не вовремя ты родить затеяла, Маша!

Их гоняли на разные работы, в основном на ремонт дорог, под присмотром пожилого немца-инвалида с двойным косоглазием – оба глаза сведены к носу. Вооружения у него не имелось, кроме палки, которой он только размахивал, понукая быстрее работать, но никогда не применял. Ему досталась легкая работа – командовать бабами. Вот уж и потешались они над бедолагой, отводя душу.

– В детстве чего-то испугался. Потому и глаза к переносице скосились. Ничего не видит, кроме собственного носа.

Немец, конечно, догадывался, что смеются над ним, багровел, покрикивал, махая палкой, заставляя быстрее работать, но ничего с ними поделать не мог. Они слушались майоршу. Она знала, сколько времени отдохнуть, чтобы не вызвать неудовольствие косоглазого охранника. А то он наябедничает начальству, их могут наказать и перевести на более тяжелые работы. Потихоньку насыпали на носилки песок и гравий, несли на дорогу, засыпали и ровняли ямины. Глядишь – и порядочно сделали. Не к чему придраться, даже если захотят.

– Орднунг? */порядок/* – обращались к немцу.

– Орднунг, – кивал косоглазый, довольный их работой.

– Фрау, фрау у тебя есть? – расспрашивали его о семейном положении. Немец от долгого общения с русскими женщинами начинал понимать нашу речь.

– Ист.

– Красивая?

Конвоир молчал, не понимая вопроса или делая вид, что не понимает.

– Наверно, такая же косоглазая, как и он. Только у нее оба глаза косят в разные стороны, – женщины хохотали, потешаясь над немцем, но особо не усердствовали, знали меру.

Им выдавали кое-какие полуиспорченные продукты, и они сами себе готовили на плите в бараке. Среди них нашлась повариха, которая чуть ли не из топора суп могла сварить. Женщины и тут были женщинами. На вещи, оставшиеся у них, выменивали у местных жителей продукты, в основном картошку. Когда на огородах пришла пора срубать капусту, собрали оставшиеся капустные листья и нашинковали целый ушат. Так что они были относительно сыты.

Вся пропаганда безбожия, в той иной мере действовавшая на сознание, слетела с них как шелуха. Каждая обращалась к Богу с горячей молитвой, но делала это про себя, тайно. Засыпая на своем соломенном ложе, шептали молитвы, прося Всевышнего вызволить из неволи. Мария никогда не переставала верить в Бога. «Вы там что хотите говорите, – думала она, – а я буду верить, как мои родители, деды и прадеды».

Но веру свою не выставляла напоказ, а держала глубоко в сердце. Молилась за себя и за всех близких. Вспоминала мужа Алексея. Как резко оборвалась их только начавшаяся совместная жизнь! Ушел по тревоге в свою часть – и все, больше она его не видела. Что с ним? Получил ли одну из первых пуль и погиб или оказался в плену, выжить в котором невозможно? Когда думала о муже, было больно, горько. Часто вспоминала и дом, мать, брата, невестку и племянников, и эти воспоминания были ей отрадны. Она как бы переносилась туда.

Ее беспокоили приближающиеся роды. В каких нечеловеческих условиях ей предстоит родить! Как супруги радовались бы, да и вся родня появившемуся на свет новому существу мужского или женского пола! Как привольно росли дети в крестьянских семьях, качаясь в зыбке, подвешенной к оцепу! Только тронешь – и пойдет качаться зыбка вверх-вниз, оцеп – скрип-скрип. Зыбка занавешена ситцевым пологом, и младенец, накормленный и сухой, спит целыми сутками и не замечает, как вырастает. Глядишь, еще года нет – а он уже стучит пятками по половицам – тук-тук.

Мария думала, как бы подать весточку матери, что она живая. Ведь мать, не получая вестей, сильно о ней беспокоится. Так бы и превратилась в маленькую птичку – и улетела. Брат Федор, конечно, призван на войну и, если еще жив, воюет.

Мария не выходила на работы, оставаясь

дневалить. Помогала чистить картошку, подметала сбитый из глины пол, делала всякую другую работу.

Слухи разными путями доходили до них. Да немцы сами широко оповещали, что они уже под Москвой и вот-вот возьмут оплот большевизма.

10

Приспело время родить. Среди женщин оказалась акушерка, которая, осмотрев Марию, успокоила ее, сказав, что роды должны быть благополучными. Плод выношен, подает признаки жизни. Правда, из-за скудных харчей матери маленький, но это и лучше: легче родить. Живот у нее действительно был невелик, и все утверждали, что родится девочка.

Марию поместили на топчане рядом с печкой, застелив свежей простыней. Кто-то для будущего ребенка раздобыл у местных жителей кроватку-качалку.

В один хмурый ноябрьский день начались схватки. Таков уж удел женщин – рожать. Они иногда говорят: хоть бы один мужчина родил, тогда бы понял, какое это трудное дело.

Вернувшись с работы, разбрелись по своим конурам и затихли, прислушиваясь к тому, что происходит у печки. Рядом с Марией оставалась одна акушерка, молодая симпатичная женщина. На плите в баке и ведрах грелась вода. Печь беспрерывно топилась, обогревая малопригодное для обитания людей жилище.

Схватки были тяжелые, внизу живота что-то рвалось. Но Мария, глядя вверх на стропила, поддерживающие соломенную крышу, молчала, сжав зубы. Ей, столько перенесшей, было совестно стонать, хотя акушерка советовала:

– Покричи, покричи, милая. Полегчает. Все кричат, когда рожают. Ничего зазорного нет.

Мария не размыкала губ, и только по выступившей на лбу испарине было видно, как ей нелегко приходится.

Женщины между тем перешептывались.

– Не подает голоса. Значит, схватки прекратились. Знаю случай... – начались пересказы разных происшествий, связанных с родами. – Одна баба в деревне рожала на большой русской печи, на соломе. Бабка-повитуха взяла родившегося младенца – а он, как ей почудилось, весь в червях. Подслеповатыми глазами не сразу разглядела, что к тельцу прилипла солома.

– А то вот еще случай. Была у бабы двойня, о чем ни она, ни акушерка не догадывались. Родила она первого ребенка, глядь, за первым второй младенец показался. Сказала акушерка мужу роженицы, который в коридоре дожидался. А у них уже было пятеро детей. Муж растерялся от такой прибавки в семье и закричал: «Хватит! Скажите жене, чтобы больше не рожала!»

Женщины тихонько посмеялись. Вспомнив, что одна из них в это время страдает, умолкли.

– Сходить, что ли, глянуть, что там, – поднялась любопытная с соломенного ложа. На нее зашикали, и она угомонилась.

Вдруг в их жилище раздался новый звук, не плач, а писк новорожденного. Появился он на Божий свет бездыханным, но умелой рукой акушерка встряхнула его и шлепнула ладонью по ягодицам. Младенец хлебнул живительного воздуха и тоненько запищал.

– Ну вот, все говорили, что будет девочка. А родился мальчик, – оповестила акушерка роженицу.

Мария лежала на топчане, укрытая одеялом. Как только услыхала писк, ее пронзила, несмотря на усталость, острая любовь к новорожденному. Теперь у нее появилась новая забота. Раньше думала только о себе, а теперь еще о сыне.

На помощь акушерке пришла майорша. Вдвоем перевязали пуповину, обмыли и, спеленав крохотного ребенка, как куклу, подали матери. Как раз подошло молоко к соскам, и младенец умолк, зачмокал, начал глотать, насыщаясь, и наконец заснул. Его переложили в кроватку-качалку, укутав еще одеялом.

Женщины продолжали переговариваться.

– Уже родила, а мы и не слыхали – как. Знать, роды легкие. Некоторые так орут – за версту слышно.

Тут же обсуждали судьбу родившегося.

– Что родила – хорошо. Опросталась. Но не выжить ребенку в таких условиях, нипочем не выжить. Да уж побыстрее бы его Бог прибрал, чтобы не мучился.

Все согласились, не желая худа матери, даже как бы в утешение ее.

– Ананьина – баба молодая, после войны народит детей. Только бы муж вернулся, – и задумались о судьбе своих мужей.

Утром над Марией склонилась Зоя Петровна.

– Живая? Здоровая? – и, убедившись, что с ней все нормально, спросила: – Как мальчика назовешь?

Роженица немного подумала. Многие убеждали ее, что появится девочка, которую твердо решила наречь в честь матери Анной, но вот

всему наперекор родился мальчик. Имя для него она не выбрала. После небольшого раздумья ответила:

– Назову Виктором.

– Ты знаешь, что значит это имя?

– Нет, не знаю.

– Виктор – победитель.

11

У брата Марии Федора судьба оказалась тоже непростой.

Его каждое лето на 2-3 месяца призывали в лагеря для обучения резервистов. В начале 30-х годов отслужил четыре года срочной службы пограничником на старой польско-советской границе, был подготовленным воином. У него имелось предписание: в случае объявления войны, не дожидаясь повестки из военкомата, в тот же день явиться на сборный пункт, имея при себе кружку, ложку и пару белья.

22 июня, простившись с семьей, матерью Анной Никитичной, женой Полей, сыновьями Юрой и Сеней, соседями и сродниками, прибыл на сборный пункт в Ростов Великий, где и прослужил более трех месяцев, обучая военному делу новобранцев и резервистов.

Жена несколько раз навещала мужа, привозила из дома гостинец. Уходили на берег озера Неро, и муж шепотом говорил жене, что ничего не готово к войне. Новобранцев обучают вытесанными из досок «ружьями». Так и отправляли с пустыми руками на фронт, обещая, что там их вооружат.

В октябре в результате окружения под Вязьмой нескольких наших армий на фронте сложилось трагическое положение. Путь на столицу врагу был открыт. На угрожающие участки в бой бросали всех, даже курсантов военных училищ. Федор со своей частью оказался в самом пекле и принял участие в уличном бою. Он называл населенный пункт, да жена Пелагея запамятовала. Федор и немец, по-видимому офицер, выскочили из-за угла дома навстречу друг другу и выстрелили почти одновременно. Бывают на войне подобные случаи. Вражеская пуля угодила Федору в грудь чуть выше сердца. Выстрел из трехлинейки попал немцу в самую середку и сразил его наповал. Зажав рану, Федор даже смог подойти к поверженному врагу и убедиться, что он мертв.

Несколько месяцев Федор пролежал в госпитале в Пушкино под Москвой, и жена опять ездила к нему с гостинцами. Привозила литровую банку меда. Ее старшая сестра Александра держала пчел. Пирогов собственного печива, четвертинку первача, настоянного на травах, и прочего. Он поведал жене, как был ранен и открыл счет врагу.

Приехала Пелагея в очередной раз к мужу – а его в палате не оказалось. Сильно перепугалась, подумав, не случилось ли самое страшное. Заметив волнение, раненые бойцы, находившиеся в палате, успокоили:

– Выписали его, гражданка. На днях отбыл. Где-то воюет. Ждите письма.

Неудобно возвращаться домой с гостинцами, и она выложила их из сумки, поставив на подоконник, как всегда, литровую банку меда, чекушку первача и прочего.

– Кушайте, солдатики, на здоровье. Поправляйтесь.

Дома ее ждало письмо, в котором муж извещал жену, чтобы она к нему не приезжала: его выписывают и отправляют на фронт.

12

Пришло распоряжение: эвакуировать жителей прифронтовой полосы. Враг обтекал столицу с северо-запада, и до Переславля-Залесского оставалось два-три танковых перехода. В Болшеве обеспокоились и заволновались. Куда ехать на зиму глядя? Кто их ждет? Колхозных лошадей распределили по семьям, одна подвода на два-три дома, в зависимости от количества людей. Поля срочно строчила на ножной швейной машинке «Зингер» младшему сыну из овчины шубейку.

Никитишна, осунувшаяся, потемневшая, сидя на лежанке и прислонясь спиной к теплой печи, неподвижно уставилась перед собой. С самого лета, как началась война, она только и думала о дочери Марии, Марьке. Что с ней? Жива ли? Оказывается, неизвестность хуже самой печальной вести. Старуха не раз говаривала:

– Ежели бы узнала, что ее нет в живых, я бы поплакала и успокоилась. А тут мне нет покоя ни днем, ни ночью.

Ей оставалось одно – обращаться к Богу, и, встав на колени перед киотом, она молилась, вкладывая в молитву весь жар своей души. Она знала, что дочь оказалась в тех краях, откуда началась война. Зятя Алексея, наверно, уже нет в живых. Но он – воин. А Мария – женщина, к тому же – беременная. Что могло случиться с ней? Ни-

какие другие мысли не приходили в голову. Утомленная тяжелыми думами, начинала с вечера клевать носом и засыпала, лежа бочком на теплой лежанке. В полночь просыпалась и до утра не смыкала глаз, ворочая в голове одну и ту же мысль.

– Поля, вы езжайте в эту самую экуацию, – обратилась она к невестке. – А я никуда не тронусь из дому. Останусь тут.

– Убьют. Говорят, враг уж больно лют и никого не щадит, ни малых, ни старых, – ответила невестка.

– Пущай убивают. Я смерти не боюсь.

На том и порешили. Поля с сыновьями уедет, а Никитишна останется дома. Корову, которой скоро телиться, тоже не возьмут и овец оставят. Чем их кормить в дороге? Животные от бескормицы падут.

Иней выбелил траву, и снежок порхал в воздухе, но, как всегда в предзимье, быстро стаивал – и снова черная земля. По вечерам в сумерках на северо-западе освещалось сполохами небо, как бывает летом, когда поспевают хлеба. Но то не зарницы играли, там шли смертельные бои.

Люди выходили из домов и глядели в ту сторону, где мелькали сполохи. Гула не слышалось, но ощущалось дрожание земли. Тревожно было в душах людей.

Потом вдруг перестало освещаться небо в той стороне. Пришло новое распоряжение: эвакуация отменяется. Началось наступление наших войск под Москвой, и враг был отброшен.

13

Словно сорока на хвосте принесла – пришло известие женам, а может, вдовам военнослужащих в барак: наши наступают и к весне их освободят. Откуда узнавали об этом, сами не знали. Как будто у кого-то из местных жителей имелся приемник и хозяин приемника кому-то шепнул, тот – другому, и пошло гулять по местечку, пока не докатилось до женщин. Открыто и бурно не радовались, каждый переживал про себя. Лица их, раньше времени увядшие, будто засветились надеждой. А косоглазый немец заметно приуныл, возможно, не столько от дурных для него известий, сколько от русских морозов, во всю силу затрещавших с приходом зимы. Уже не брал с собой палку и не размахивал ею; скрючившись, стоял или подпрыгивал, чтобы согреться.

Женщин гоняли на расчистку дорог от снега. Надев на себя все, что имелось, превратившись таким образом в кули, вооружившись широкими лопатами, гуськом двигались по дороге. От стужи поневоле будешь работать. Бросали на обочину снег. Раньше бы залюбовались его радужным блеском на солнце, но теперь им было не до красот природы. Освободив ухо из-под толстой шали, прислушивались: не слышна ли на востоке канонада. Но ничего не было слышно. Однако не теряли веры, что их рано или поздно вызволят из неволи.

Короток декабрьский день. Вот уже кровавая заря растеклась по небу, предвещая в ночь сильный мороз. Толпой возвращались в барак, думая согреться глотком кипятка, ложкой какого-нибудь варева.

На зиму они еще больше утеплили бывшую конюшню, ставшую для них домом, завалили где можно соломой, заколотили окна досками. Печь день и ночь топилась, раскаляя чугунную плиту докрасна. Вокруг нее и жались, протягивая иззябшие руки к жару. Тепло берегли и маленькую калитку понапрасну не открывали, чтобы не напустить с улицы холода.

Все это время с ними жило крохотное существо – Витя, большую часть времени спавший в кроватке-качалке рядом с печью. Как он не погибал – трудно сказать. Материнского молока не хватало. Нажевав хлеба и положив в чистую тряпочку, мать совала в рот ребенку, и тот потихоньку сосал жеваный мякиш и насыщался. Так делали испокон веку в деревнях, коли недоставало молока у матери, и вырастали здоровые крепкие люди.

Мария держала сына сухим, замывала у печи и стирала пеленки. Тряпок ей надавали много, берегла их и понапрасну не выбрасывала, используя по нескольку раз.

Постепенно внешность младенца стала определяться. Мать разглядела в сыне большое сходство с отцом Алексеем: нос крючком, длинный разрез глаз, округлый, как пяточка, подбородок, хотя в таком возрасте трудно что-либо с достоверностью определить.

– Ничего, Витя, перезимуем, – говорили ребенку материны подруги. Он таращил на них глаза и как будто соглашался.

14

Весна не принесла им, как ожидали, освобождения. Вместо одной зимы им пришлось прожить в неволе целых три.

Всем приходилось нелегко, а Марии Ананьиной вдвойне трудно. Она, как кошка, которая лишь на короткое время оставляет своих котят и тут же возвращается назад, обеспокоенная, не случилось ли чего за время отсутствия с ее потомством. Так и она бежала со всех ног к ребенку, хватала его и прижимала к груди, глядела и слушала: дышит, значит, живой. В то же время, как ни странно, он давал ей дополнительные силы. В ней билась неистощимая энергия, порожденная материнской любовью.

Витя рос хилым рахитичным ребенком, да еще удивительно, что рос. Ни в год, ни в два он не пошел. Стоял, и то нетвердо, пошатываясь. Здоровые дети начинают ходить в десять, даже в девять месяцев. Если Марии удавалось у местных жителей за какую-нибудь работу получить кружку молока, было большой удачей. Не хватало пищи – ползал подобно кутяшонку на четвереньках. Чаще всего лежал на спине и моргал, уставясь вверх. О чем думал? Запомнится ли ему это время? Некоторые слова – мама, тетя – он научился произносить.

Его все жалели и старались чем-нибудь наделить. У всех женщин в какой-то мере проявлялось к нему чувство материнства.

Случалось, он хворал, голова горела, его рвало. Вокруг слышался шепот:

– Нет, не выжить ему. Нипочем не выжить. И так удивительно, что он столько живет.

Мария вся обмирала и спасалась молитвой. Молитва ли помогала, жизненные ли силы, заложенные в ребенке, но, к удивлению всех, он поправлялся, жар спадал, во рту торчала тряпочка с жеваным хлебом, который он потихоньку сосал.

– Ожил наш Витя, ожил! – говорили женщины. – А мы-то думали…

Впрочем, они не докучали ему и держались на почтительном расстоянии, чтобы какой-нибудь микроб не занести. Истощенные, они сами частенько хворали…

Время освобождения близилось. Борьба с сильным коварным врагом продолжалась. Дух нашего народа не сломлен. А потом до них стали долетать и вести о победах. Так, зимой 1943 года вся Германия погрузилась в траур по погибшим и взятым в плен под Сталинградом. Как далеко в глубь страны зашел враг!

15

Восток во всю свою ширь заговорил: загрохотал, по вечерам освещался, вначале чуть слышно и еле видно, а затем все сильнее и виднее. Оттуда тяжело, как в 1941 году с запада на восток, только теперь с востока на запад летели бомбить вражеские позиции самолеты со звездами на крыльях, наши самолеты. Да и по поведению немцев, представлявших в местечке администрацию, заметно стало, как они обеспокоились и засуетились, подобно муравьям, когда в муравьиную кучу сунешь палку. Собирали вещички и готовились улепетывать. Женщины уже не скрывали радости: шло освобождение.

Тут встал вопрос: что им делать? Оставаться ли в бараке и дожидаться своих или что-то предпринять? Их могли угнать в Германию, и освобождение бы отложилось на неопределенный срок. Более того – могли расстрелять. От врагов, натравливающих собаку на беременную женщину, можно ожидать всего.

Порешили: схорониться в лесу, благо густой лес простирался во все стороны на несколько километров. Конвоира женщины прогнали.

– Иди, косоглазый, к своей фрау, пока тебе глаза в другую сторону не вывернули, – и немец покорно пошел.

Собрав пожитки и кое-какие харчишки, женщины ушли в лес, и он укрыл их своими ветками, растворились среди деревьев и трав, словно их и не было.

Более двух недель прожили как первобытные люди, питаясь ягодами, грибами, разными кореньями, с ними и Мария Ананьина с ребенком, которому шел уже третий год. Но он еще не ходил, и мать таскала его на закорках.

На ночь устраивались в ямах или сооружали шалаши из веток. Землю устилали еловым лапником, клали какую-нибудь дерюжку – и засыпали, моля Бога, что еще один день минул благополучно, и думая, как хорошо, что их пребывание в лесу пришлось на лето, на август. Невозможно было бы выжить в лесу зимой.

Воду брали из ручья, протекавшего по дну оврага. Костер не разжигали, опасаясь быть обнаруженными, но потом, осмелев, разводили огонь под густой елью, чтобы дым рассеивался в густых потемках. Дым, путаясь в ветках, незаметно возносился к небу. Вокруг толпились женщины, огонь освещал их сосредоточенные лица. Каждая думала: ей тяжело, а каково Марии Ананьиной с мальцом. Но она ни на что не жалуется. Женщины старались чем-нибудь угостить мальчика, ягодкой на веточке, завалявшимся сухариком. Мария держала при себе бутылочку с остывшей кипяченой водой и по глоточку давала ребенку. Воду кипятила на костре в консервной банке.

Витя, по-видимому, быстрее всех привык к лесной жизни. Широко раскрыв глаза, разглядывал ветки, траву, ползавших букашек. Тянулся ручонками, чтобы ко всему прикоснуться, потрогать.

Все ужасно обносились и действительно стали похожи на первобытных людей.

Фронт прокатился над ними, загрохотал в другой стороне, и все затихло.

Отправили в разведку шуструю Клавку. Она вернулась скоро, махая руками и крича:

– Наши, наши! Выходите!

Женщины дожидались ее на опушке леса, прячась среди кустов и деревьев. Клавке вначале не поверили. Неужели в самом деле пришло освобождение? Этого часа ждали более трех лет, и поверить сразу было невозможно. Запыхавшаяся, точно после долгого бега, Клавка рассказала, что в местечке расположилась наша часть и никаких немцев нет.

Тронулись в местечко, но осторожно, готовые в любое мгновение повернуть назад и укрыться в спасительном лесу, с которым успели свыкнуться.

Клавка не обманула. Среди домов сновали наши солдаты при погонах. На груди некоторых – медали и ордена. Пока женщины томились в плену, форма изменилась и стала похожа на форму прежней русской армии. Командиров стали называть офицерами, и звания обозначались на погонах звездочками. Дымила кухня, разнося забытый мясной аромат.

Солдаты окружили женщин, с любопытством разглядывая их. Откуда они взялись, и среди них – небольшого роста бабенка с ребенком на руках? Женщины, стесняясь, прятались друг за друга. Пришлось старшей Зое Петровне объяснить, кто они такие, и рассказать, что они больше двух недель скрывались в лесу. Они не простые бабы, а жены командиров. Она, например, жена майора Зуева.

Доложили командиру расположившейся в местечке части. Пришел среднего роста мужчина с посуровевшим за время войны лицом в чине подполковника. Зоя повторила свой рассказ. Лицо подполковника сморщилось, он готов был заплакать, но пересилил себя.

– Так вы, дорогие мои, с первого дня войны здесь?

– С первого, – ответила майорша.

– Долго мы шли к вам! – как собственную вину признал он и распорядился: – Помыть, одеть, накормить, – глянул на ребенка, который таращил глаза на всех. – А это чей?

– Лейтенанта Алексея Ананьина, – ответила Мария и с надеждой спросила: – Не встречали такого?

– Нет, к сожалению, не встречал.

У остановившейся на отдых воинской части имелась и баня на колесах. С таким наслаждением женщины никогда не мылись, хлеща себя березовыми вениками, смывая пот, грязь и копоть костра. Витя, сидя в тазике, бил ладошкой по воде и радовался разлетающимся брызгам.

Им выдали и нижнее белье, правда, мужское. Юбок на всех не хватило, и надели брюки-галифе. Гимнастерки очень шли им, а пилотки сидели так изящно, что впору влюбляться.

Выпили по чарке наркомовской и вдоволь поели гречневой каши с тушенкой, ощущая забытый вкус мяса. В августовских сумерках над местечком разлилась фабричная песня: «Чудный месяц плывет над рекою. Все в объятьях ночной тишины. Ничего мне на свете не надо, только видеть тебя, милый мой. Только видеть тебя, бесконечно любоваться твоей красотой…»

Как будто и не было трех лет неволи.

16

Придя из соседнего села с почты, молоденькая девушка-почтальон вручила Анне Никитичне письмо и удалилась. Случалось, она сама читала старым людям, не знавшим грамоты, письма. Но в доме был грамотей – Юра, окончивший четыре класса. Старушка вертела письмо в руках, рассуждая сама с собой:

– Не от Федора, Федорову руку я знаю. От кого же письмо? – она насторожилась.

Юра вскрыл письмо и стал читать:

– Здравствуйте, мои дорогие, – мамаша, Поля, Юра и Сеня, а также все сродники. Федора, конечно, дома нет, воюет. Пишет вам Мария. Пишу сразу, как освободили…

Никитишна ахнула и чуть не лишилась чувств. Письмо от дочери, от которой не было вестей более трех лет, так что и руку ее забыла! Какое превращение произошло со старушкой! Подавленная, с потемневшим лицом, она точно ожила. Нашлась, нашлась ее Марька, да не одна, а с сынишкой, которому третий год! Уберегла ее Царица мать Небесная, которой Никитишна денно и нощно молилась. Не могла удержаться и заплакала от радости.

Вскоре в избу набилось полно народу. Пришли родственники, соседи, подруги Никитишны. Письмо перечитывалось десятки раз, и она вы-

учила его наизусть. Вдумывалась в каждое слово. Что, какое переживание стоит за ним? Письмо было скупым. О муже сообщала, что знала – ушел и не вернулся. Но оставалась надежда. Мария торопилась получить весточку из дома и обещала в следующем письме написать подробней.

– Садись, Юра, пиши ответ, – попросила она внука.

Юра достал школьные принадлежности и своим еще не устоявшимся детским почерком настрочил на двух тетрадных страницах письмо. Написал и о здоровье Никитишны, и деревенские новости, и какую живность держат на дворе.

В тот же день написали и Федору, что Мария нашлась, и дали ее адрес. Может, навестит сестру?

Федор в звании старшего лейтенанта с портупеей на диагоналевой офицерской гимнастерке и кобурой на ремне, двумя нашивками за ранение, красной и желтой (второе ранение получил в 1943 году, осколком задело ногу), узнав из письма адрес сестры, завернул к ней на часок в местечко. Конечно, сильно обрадовались встрече.

– Здравствуй, сестра!

– Здравствуй, брат!

Пошли расспросы – что и как. Мария и брату особо не распространялась о перенесенных лишениях. Федор сам догадывался, сколько ей пришлось пережить всего. Потатушкал племянника Витю. Сестра, устроившись на хлебную должность в пекарню, немного поправилась, и Витя намотал щеки, но все еще не ходил.

– Домой пока не поеду, – сказала Мария. – Буду ждать здесь мужа.

– Жди, сестра, жди! Может, вернется, – одобрил ее брат, про себя подумав: надежды мало, что он живой.

– А ты что собираешься после войны делать?

– Кончится война – сразу домой. Хочу сыновей порастить, мать порадовать, с женой пожить. Увидимся после войны.

Но увидеться им не пришлось. Конец войны был уже близок. В феврале 1945 года пришла похоронка, осьмушка желтой бумаги, где блеклыми чернилами было начертано: «Старший лейтенант Работников Федор Ильич заболел и умер. Похоронен в г. Белостоке». Ныне это территория Польши.

Вот жизнь человеческая! Из каких перепадов складывается!

17

На должности пекаря в те голодные времена Мария была сыта и накормлен ребенок. От производства ей выделили комнату в коммуналке. Улыбчивые старик и старушка, у которых супруги жили перед войной и которые выдали ее, приглашали поселиться у них, обещая, что никакой платы не возьмут. Стояли перед ней на коленях, прося прощения. Мария отвернулась от них.

Большинство ее подруг по неволе разъехались кто куда. Некоторые остались тут дожидаться мужей. Да и ехать было некуда: дом разорен. С ними Мария встречалась, обсуждали новости.

Через некоторое время после окончания войны потянулись эшелоны с нашими солдатами, побывавшими в плену. Вернулась только малая часть. Остальные сгинули, умерли с голоду, от непосильной работы, побоев и прочего.

Недалеко от местечка возник фильтрационный лагерь, где бывших пленных тщательно проверяли, – как попал в плен и не служил ли врагу. С одним Мария познакомилась. Это был чуть выше среднего роста худощавый парень. Его не посадили, но и не отпустили домой. Чем-то он вызвал у энкавэдэшников подозрение, и его оставили на неопределенный срок дожидаться решения. Он ходил свободно и однажды увидел Марию, прогуливающуюся с ребенком.

– Почему мальчик плохо ходит? Болеет ногами? – поинтересовался он. Мария не успела ответить, как он сам догадался: – Побывал, как и я, в плену. Ничего, окрепнет и побежит.

Протянул ему руку, тот ухватился за палец, и они повели ребенка вдвоем.

Парень, с которым Мария познакомилась, был моложе ее на целых семь лет, уроженец Курской области, курский соловей, как он себя называл. В плен попал летом 1941 года под Могилевом, где немцы окружили значительные наши силы. Звали его Иваном Михайловичем Дьяконовым. Изведал все: и холод, и голод, и издевательство. Спасло то, что перевели на сельхозработы к фермеру средней руки. Фермер кормил сытно, понимая, что голодный не работник, но с немецкой педантичностью требовал работы от и до, с раннего утра и до сумерек. После обеда давал часок отдохнуть. Как-то залез Иван в сарае на сеновал и заснул крепким сном. Сквозь сон услыхал:

– Ивэн, ком! Ивэн, ком!*/иди/* – хозяин требовал идти на работу.

Так Ивана разморил полуденный жар, что не захотелось вставать. «Пошел ты, немчура, к едре-

ной матери! Дай еще пять минут полежать», – подумал он про себя и не откликнулся на зов хозяина. Тот недовольно засопел, взял вилы и не черенком, а острием ткнул в сено, на котором лежал Иван, и пропорол ему бок. Потекла кровища.

– Ах, гад! – слезши с сеновала, Иван замахнулся деревянным башмаком на хозяина. Не говоря ни слова, немец сел на велосипед и закрутил педалями. Привел двух полицейских. Досталось ему от них.

Освободили американцы, которые предупреждали бывших советских военнопленных, что их дома могут посадить, потому что считают предателями, и предлагали остаться на Западе. Из нескольких сот человек, бывших с Иваном, не захотели вернуться тридцать-сорок, не более. Остальные торопились домой, в том числе и Иван.

Мария рассказала, что ждет мужа.

– Какая ты женщина! – восхитился курский соловей. – Мне бы такую жену!

Она понимала, что если бы Алексей был жив, то прилетел бы к ней на крыльях или подал бы весточку. Значит, нет его на свете. Как он погиб, при каких обстоятельствах – никто никогда не узнает.

Тянули с решением Ивановой судьбы долго, и только в следующем, 1946 году после разных проволочек ему вышла ссылка в Карелию на три года, как и многим подобным ему бедолагам. Не захотела власть сразу отпускать домой. Побывал в плену – значит, виноват. Но чья вина, что миллионы русских солдат оказались в фашистском плену?

Все это время Мария подкармливала Ивана, проникаясь к нему, нет, не любовью, а уважением. Иван привязывался к женщине и ее сыну.

– Маша, поедешь со мной в Карелию? – предложил ей Иван. – Обещаю любить тебя и не обижать твоего сына. Он будет и моим сыном.

Что оставалось женщине с ребенком? Хотелось опереться на мужское плечо. После некоторого раздумья ответила:

– Поеду.

18

Недолго пожив в Карелии, Мария с сыном поехала на родину мужа в Курскую область и по дороге завернула к нам. Я, семилетним, впервые увидел свою тетю Машу и двоюродного братца Витю. Она показалась мне женщиной пожилой, хотя ей не исполнилось и тридцати лет, с сухими строгими чертами лица, похожей на мою бабушку, ее мать, Анну Никитичну. После долгих лет разлуки мать и дочь наконец встретились и наглядеться не могли друг на друга. А Витя, моложе меня почти на три года, был мал ростом и несколько напоминал старичка. Дружба у меня с ним не сложилась, но и вражды не было. По малолетству я многое не понимал.

Жизнь в стране была неимоверно трудная.

Шел 1946. Я стал себя хорошо помнить именно с этого года, поэтому, наверно, он и врезался в память. Нехватка всего: хлеба, соли, спичек. За всем – огромные очереди. Возникал вопрос: мы победили или нас победили? Власть может быть враждебна своему народу, и она, эта власть, подмяла народ, особенно крестьян, под себя, обложив непосильными налогами и заставляя бесплатно работать. А надо было накормить изголодавшийся народ.

Тетя Маша уехала из Карелии, потому что жить с ребенком там было невозможно. Негде было достать кружку молока. В нашей местности народ спасался от голода картошкой. Ее терли на крахмал и добавляли в муку, отчего хлеб получался некачественный, отставала корка.

Погостив, тетя Маша с Витей отбыла в Курскую область. А вслед за ней из северных краев улетел курский соловей, не выдержав, чем только усугубил свое положение.

Какое-то время ему удавалось скрываться, а потом на него донесли. Ивана обложили, зафлажили как волка. Он лихо отстреливался из пистолета и ранил одного энкавэдэшника в локоть. Там, где гремела война, оружие достать было просто. Патроны кончились, пришлось сдаться. Его избили так, что не осталось живого места, сплошной синяк. Какая-то нечеловеческая, звериная выносливость помогла и на этот раз выжить. Ивана судили, дали десять лет лагерей и отправили под Воркуту. Оттуда не убежишь.

Освободил его 1953 год.

Хотя в том памятном году отменили непосильные налоги, жизнь оставалась нелегкой. Впрочем, легкой она и не бывает. Тетя Маша работала в колхозе, где за труд по-прежнему платили пустыми трудоднями. Жили огородом, подворьем, держали корову, поросят и птицу: гусей, уток, индюшек. Приехав погостить к тете Маше, я удивился: на дворе, вытянув шеи, гоготали штук тридцать молодых гусей, четыре гусыни и гусак, который, увидев во мне чужака, полез драться.

От второго брака у тети Маши родились сын и дочь. Виктор был уже юношей, и мы с ним гоняли по округе на велосипедах.

19

Минувшим летом, совершая на машине поездку на юг к Черному морю, мы – сын Дмитрий, внук Данила и я, сделали небольшой крюк в деревню Ржава, к моему двоюродному брату Виктору Алексеевичу Ананьину. Давненько мы с ним не виделись, и я не сразу распознал его дом, окруженный хозяйственными пристройками.

Виктор с женой Валентиной на приусадебном участке выкапывали картофель. Лето заканчивалось, и, пользуясь погожими днями, торопились все убрать. Валентина, миниатюрная, худенькая, всю жизнь проработала на колхозной ферме дояркой. Глядя на Валю, я удивлялся: в ней была некая интеллигентность, в общем-то не свойственная людям этой профессии. Виктор много лет шоферил, у него побаливали ноги. Выглядели они для своих лет неплохо, и в доме был достаток. Все лето у них гостили две внучки и внук и вот недавно уехали. Я пожалел, что не застал их. Виктор с Валентиной вырастили трех дочерей, они жили в районном центре неподалеку от родителей.

Моей тети Маши уже не было в живых. Она пережила своего второго мужа и умерла на девяностом году жизни. Бог дарует таким людям долгую жизнь.

Вспомнив рассказы тети Маши о злоключениях в плену, я спросил Виктора, помнит ли он что-нибудь из того времени. Он ничего не помнил. Тогда он жил в другом измерении.

Пробыв недолго в гостях, мы расстались, пообещав друг другу видеться чаще.

□

Семен Федорович РАБОТНИКОВ

родился в 1939 году в д. Болшево в крестьянской семье.

Окончил филологический факультет

Ленинградского университета.

Издал три сборника повестей и рассказов, повесть для детей «Солнце играет», романы «Столица мироздания», за который удостоен премии им. И.З. Сурикова, и «Времена и сроки».

Печатался в журналах «Север», «Русь», «Природа и человек. XXI век», «Мера».

Член Союза писателей России.

Русская поэзия

Последнее время в русской литературе проявляет себя широчайший спектр для откровенного разговора о проблемах нашего поэтического творчества. Есть основания поговорить о том, соответствуют ли слагаемые нынешними стихотворцами строки уровню «поэзии третьего тысячелетия» или же нет, что подталкивает нас к спорам о вреде и пользе равнения на западную литературу и помогает поэтам понять, чего им, собственно, не достаёт для победоносного прорыва к читательским душам и возвращения поэзии утраченного ныне ею звания «властительницы дум».

Поговорить здесь действительно есть о чём, тем паче что и ответы на многие актуальные для развития поэзии вопросы как бы уже намечены и даже частично проговорены в стихах самими создателями поэзии. К примеру, в таких, как следующие строки нижегородского поэта Валерия Шамшурина: **«Без Бога и любви в России пусто. / Не славой, а позором будут дни, / что низвели высокое искусство / до буффонад и пакостной мазни…»**

Чтобы не мучить читателя долгим вступлением, я сразу скажу, что основной бедой российской поэзии XXI века (а может быть, и её *виной* – не случайно же Евтушенко утверждал когда-то, что «поэт в России – больше, чем поэт») считаю её почти полную идеологическую выхолощенность, причём не какую-то там цензурную, что говорило бы о наличии у поэтов неких опасных для нынешнего режима крамольных мыслей, а, так сказать, доморощенную, свидетельствующую об отсутствии у большинства тех, кто занимается поэтическим творчеством, даже малейших признаков какой бы то ни было самостоятельной политической, философской, религиозной, мировоззренческой или хотя бы эстетической платформы. А ведь Лев Николаевич Толстой говорил, что **идеал – это путеводная звезда, ведущая за собой художника, а за ним – и адресата его творчества,** так за чем же идти сегодняшнему читателю, если наше современное искусство (включая и поэзию) напрочь лишено даже малейшего мерцания?..

К сожалению, всё это является прямым следствием того, что никакой всеобъемлющей общенациональной идеи нет сегодня и у самого нашего государства, о чём неоднократно говорил в своих последних интервью классик отечествен-

Николай ПЕРЕЯСЛОВ
г. Москва

НА ФОНЕ XXI ВЕКА

ной драматургии Виктор Розов. Такое положение не может не сказываться на состоянии художественного творчества во всех жанрах искусства, поскольку из-за отсутствия большой национальной идеи художникам просто нечего озвучивать и не с чем спорить. В годы советской власти, говорил в своём интервью Виктору Кожемяко Сергей Бондарчук, у государства «была **великая идея – преобразование общества на началах справедливости,** и художники в неё поверили. Для них это стало сильнейшим творческим стимулом…». А вот в идею капитализма, похоже, сегодня никто не поверил, поэтому за последние полтора десятилетия не появилось ни одного полюбившегося, как когда-то «Семнадцать мгновений весны», фильма, ни одного захватившего всю страну, как «Вечный зов» Иванова, романа и ни одной подхваченной всем народом, как «День Победы», песни. Даже мультиков типа «Ну, погоди!» или «Крокодила Гены» и то не появилось.

Таковы культурные реалии страны, не имеющей государственной идеологии. Не важно даже, какой – прогрессивной или реакционной. Важно, чтобы у страны была своя **собственная**, ясно осознаваемая всеми программа её бытия в истории – «американская мечта», «русская идея», «моральный кодекс строителя коммунизма» и тому подобные фишки. Тогда поэзия или совпадает с ней и воспевает её в одах и гимнах, или противоборствует ей и разражается обличениями и сатирой. **Государство же без общенациональной идеи – это фикция,** и поэты в нём задыхаются, точно рыбы во внезапно высохшем озере.

Самый невиданный в истории как нашей страны, так и всего человечества пример востребованности поэзии государством совпадает с периодом реализации в СССР самой грандиозной из всех когда-либо рождавшихся в мире идей – построения счастливого равноправного общества, вся полнота власти в котором принадлежит народу. *(Следует ведь признать, что поэзия – это многовековая привилегия элиты: Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Фет и подавляющее большинство других дореволюционных поэтов были отнюдь не крестьянами и не пролетариями и писали свои стихи по большей части для людей своего же круга. Кардинальный переворот произошёл после 1917 года, когда элитой был объявлен весь народ и поэзия стала достоянием многих миллионов – отсюда переполненные поклон-*

никами поэтического слова «Лужники» и хронический дефицит на художественную литературу в шестидесятые-семидесятые годы.)

Суперидея, положенная в основу создания Советского государства, была настолько нова и фантастична для XX века, что потребовала для своего внедрения в народные массы объявления всеобщей мобилизации всех мало-мальски пишущих и рифмующих граждан. Необходимость её озвучивания подтолкнула руководство страны к таким действиям, как партийный призыв трудящихся в литературу и создание опекаемого и поддерживаемого государством Союза писателей СССР, который – при всех наличествовавших в его деятельности негативных моментах – превратился в условиях политики тотального атеизма в подлинное **Министерство Духовности.**

Сегодня же, как сказал в одном из своих интервью драматург Виктор Розов (см. в книге В. Кожемяко «Лица века» – М.: ИТРК, 2002), в России происходит не что иное, как убийство русского духа. «Утратить дух, – как сказала однажды известная российская актриса Татьяна Доронина, – значит, утратить силу». И, пытаясь вышибить из нашей литературы остатки русского духа, Запад ослабляет нас не меньше, чем заставляя нас в первые послеперестроечные годы распиливать наши стратегические ракеты и атомные подводные лодки. Я как-то слышал от писателя Владимира Личутина такое выражение: «Подпусти в свою землю инородника, – сказал он, – и он рассыплет её». То же самое, на мой взгляд, можно сказать и в отношении нашего искусства, нашей литературы и поэзии: это ведь тоже **земля**, только – **духовная**, и подпусти в неё инородные тенденции – и они рассыплют её на ничего не значащие осколки «текстов», убив самобытное и целостное искусство. (Бродский попытался расширить зону поэтического земледелия, перенеся акцент творчества с идейной стороны слагаемых стихотворений на сам их синтаксис, и добился на этом поприще довольно заметного личного успеха, но он же этим самым сузил поле воздействия поэзии до незначительной кучки интеллектуалов, довольствующихся сугубо формальными экспериментами.)

Поэзия, не заключающая в себе мощи национального духа, – слаба и беспомощна, а кому и чем может помочь в нашем мире *слабый*? Вот отечественный читатель и отвернулся от не помогающих ему стихов. Увы, мы живём во времена, которые можно без всякой натяжки назвать меркантильными, ибо всё в них теперь измеряется понятиями «полезно» – «не полезно», «выгодно» – «не выгодно». В этом свете почти никакого значения не имеет чисто версификаторское трюкачество, которым балуются многие соблазнённые лёгким успехом либеральные поэты. Единственным оправданием кажущейся бессодержательности стихотворения может служить подлинная красота его формы, поскольку **красота – это способ проявления Бога в нашем мире**, и таким образом, как сказал однажды известный псковский критик Валентин Курбатов, даже не упоминающее имя Господа стихотворение может быть *глубоко православным.*

Да и вообще новизна поэтической формы – это не более как миф, ибо вся та революция в области рифм, ритмов и метафор, которую нам преподносили в своём творчестве Пастернак, Маяковский, Кручёных, Вознесенский, Вегин, Соснора и иже с ними, давным-давно уже опробована поэтами предшествующих эпох, начиная от Симеона Полоцкого, писавшего столь любезные сердцу Андрея Андреевича стихи-видеомы, и до украинских поэтов-новаторов начала XX века, предсказавших весь наш последующий модернизм. Да в стихах у одного только Иннокентия Анненского была заложена вся парадигма дальнейших формальных поисков! Так что всё уже неоднократно было, и одной только голой формой сегодня никого не тронешь, хотя сами по себе поиски её обновления и могут носить достаточно интересный характер.

Если проанализировать стихи самых любимых народом авторов, то станет видно, что главное из того, что люди всегда искали в поэзии, это:

а) необычность стихотворной формы, оригинальность стиля, яркость образов;

б) новый взгляд на ставший уже давно нам привычным мир, способность открывать и удивлять, необычность авторского взгляда на вещи;

в) созвучность содержания стихов мыслям читающего, близость мировоззрений читателя и автора;

г) узнаваемость воссоздаваемой поэтом реальности, боль за её несовершенство;

д) музыкальность и магия поэтической гармонии;

е) подсказки путей выхода из сложных душевных состояний, нравственная, духовная и эмоциональная подпитка;

ё) эхо Господних заповедей, напоминающее читателям о Боге и Его любви к человеку.

Зная всё это и зная сегодняшнюю поэзию, нельзя не задать самому себе один стучащийся в сознание вопрос: если всё это до сих пор имеется в стихах наших современных поэтов, то почему же тогда произошло столь заметное охлаждение к поэзии русских читателей? В чём всё-таки проявляется не замеченное нами изменение качества поэзии?..

Ответ на это напрашивается сам собою: **другим** стало качество не столько *поэзии,* сколько самого *народа*. А народом на текущий момент востребована от поэзии, главным образом, не столько её *ДУХОВНАЯ* сила, сколько *ПРАКТИЧЕСКАЯ* польза, способная оказать хотя бы какую-то сиюминутную выгоду людям в быту, а именно – тосты, поздравлялки, рекламные куплеты, тексты для эстрадных хитов и мюзиклов и так далее.

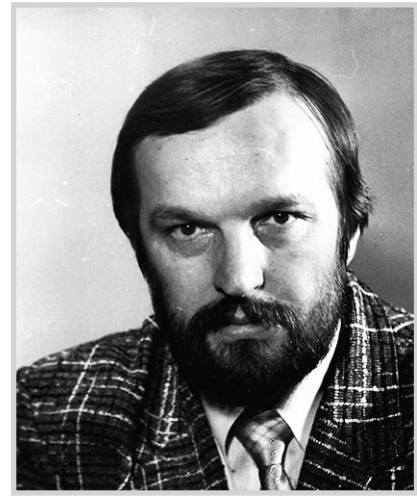
Перед сегодняшней поэзией наступившего XXI века, на мой взгляд, открываются два основных пути, способных возвратить нынешнему обществу её былую востребованность. Первый из них – это встать на путь обслуживания потребностей нового, всё отчетливее перерождающегося в полуамериканца-полуевропейца жителя России, предложив ему себя в качестве дополнения к необходимому набору товаров и услуг и войдя в его жизнь рекламными слоганами, политическими куплетами, юмористическими хохмами, праздничными поздравлениями и другими произведениями исключительно бытового назначения. Ну, а второй путь – значит, взять на себя роль народного духовника и водителя, вернуть нации потерянную идею и попытаться заставить страну поднять лицо от корыта с похлёбкой и вспомнить о наличии над головой Неба.

Первый путь сулит его апологетам некие прижизненные дивиденды и даёт поэзии возможность остаться в повседневном обращении народа, став чем-то вроде разменной монеты в области культуры. Второй – обещает ей длительные гонения и испытания, которые, возможно, приведут нас к концу XXI века к духовному расцвету страны и торжеству поэтического слова. А возможно, и не приведут. Но не случайно же ведь было сказано, что лучше один раз попить живой крови, чем сто лет питаться падалью…

При оформлении использованы картины И.С. Глазунова

□

Николай Владимирович ПЕРЕЯСЛОВ *родился в 1954 г.*
Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького по жанру критики и литературоведения.
Автор пятнадцати книг стихов, прозы и критики, также множества публикаций в периодике.
Лауреат литературных премий им. А.П. Платонова, А.Н. Толстого и Большой литературной премии России.
Член редакционного совета журналов: «Всерусскій соборъ» (С.-Пб), «Донбасс» (Донецк), «Север» (Петрозаводск), альманаха «День поэзии», всеславянской газеты «Небесный Всадник» и других изданий.
Печатался в литературных журналах России, Украины, Беларуси, США, Германии, Болгарии, Китая и других стран.
Член Международной федерации журналистов, Международной ассоциации писателей и публицистов, Союза журналистов Москвы и Союза писателей России.
Секретарь правления Союза писателей России.
Живёт в Москве.

Игорь ПАНАСЕНКО
г. Апатиты
Мурманской области

Вот и будет вдвоём веселее поэту и Богу...
Что за чудо – поэт, что за чудо – замызганный Бог...
На кладбище в ночи обнимаются двое убогих,
Не поймёшь по приметам, а кто же тут больше убог.
Вениамин Блаженный

По плодам их узнаете их.
Матфея. 7:16

– Богохульник! – он это не выкрикивает, а выдыхает, деловито и отстранённо, словно выполняет рутинную и не очень приятную, но важную работу. И так же деловито впечатывает кулак мне в живот. Мне полагается согнуться от боли и остановки дыхания, ослепнуть от искр в глазах. Но меня почти одновременно чувствительно лупят по почкам, болит всё, что может болеть, дыхания и так уже нет, а в глазах плавают не искры – солнца. Поэтому ни изображения креста, ни надписи «Православие или смерть» на его футболке я тоже не вижу.

Обрабатывают меня, наверное, в четыре руки. «Православие» спереди, ещё один сзади. Третий ухватил меня слева за бороду и удерживает на ногах, не даёт упасть и свернуться, чтобы хоть что-то прикрыть. Бороде тоже должно быть больно, но на общем фоне – всего лишь небольшая капля в океане.

Остальные руки не марают – эти точно из породы наблюдателей. Посмотреть, как других отделывают, – любимое занятие. А ещё они любят комментировать. Сейчас тоже кричат, орут и вопят – аж уши закладывает.

– Богохульник! – деловито повторяет «Православие».

– На кол его! – вопит женский голос справа.

– На костёр! – басят сзади.

– На кол! – упорствует женщина.

– На костёр! – настаивает бас.

– И повторять, повторять, повторять! – радуется неподалёку чей-то фальцет.

– Богохульник!

Голоса сливаются и колокольным эхом катаются в голове, там, внутри, в пустоте испуганно мечутся две мыслишки. Первая: «Когда же они меня наконец добьют?» И вторая: «Почему именно сейчас тебя нет рядом, Изя?»

Он появился в моей жизни неделю назад. Дело было вечером, делать – в полном соответствии с детским стишком – было нечего, я после трудов праведных готовился завалиться спать. Сидел себе тихо и расслабленно на картонке возле костерка, прислонившись спиной к старому полузасохшему тополю, прихлёбывал из честно заработанной дневными трудами чекушки дешёвую и, по правде говоря, отвратительную водку да прислушивался к себе, определяя момент, когда надо гасить огонь и заваливаться в уютную, обжитую за два года картонную конурку. Зимой там, конечно, бывало прохладно, а вот летом, как сейчас, – благодать. Место я себе для жизни облюбовал укромное, в самом дальнем углу кладбища, под чудом сохранившимися остатками каменной стены. Здесь не доставали ни соплеменники, тусующиеся на свалке через дорогу, ни кладбищенские сторожа, ни даже менты. Не ждал я никого и аж вздрогнул, когда сгущающиеся сумерки сказали:

– Мир дому сему.

Голос был чистый, молодой. И тот, кто вышел из мрака к костру, выглядел молодо, лет на тридцать. И к тому же чисто: аккуратная бородка, волосы хоть и длинные, но не спутанные и не засаленные, одет в чистую брезентуху, без заплаток. Кроссовки аккуратные, не то что мои лапти. Даже плотно набитый солдатский вещмешок – и тот чистый. Ну прямо белые одежды – был такой перестроечный роман о преследовании генетиков. Нет, ребята, российские бродяги такими чистыми не бывают. Мент под прикрытием, гадом буду.

– Проходи, – сказал я. Не нужны мне компаньоны, тем более такие.

Мент понял по-своему, присел к огню и принялся развязывать свой мешок.

– Проходи мимо! – я повысил голос, чтобы получилось поубедительней. И сказал, конечно, другими словами. До мента дошло – он уставился на меня. Мешок, правда, в покое не оставил, копошился в нём на ощупь – значит, не маскарадный реквизит, давно при нём. И взгляд у него оказался открытый и беззащитный, совсем не ментовский. Мне даже как-то не по себе стало. А он посмотрел-посмотрел да и сказал совсем уж неожиданное:

– Так ты что – даже и не закусишь за компанию?

При мысли о еде желудок перевернулся. Меня бы вывернуло прямо в костёр, если бы было чем. День оказался не очень удачным, на чекушку я денег раздобыл, а на закусь не хватило. По уму обойтись бы всухую, но с едой, да вот была у меня особая причина. Так что ужином мне были два траченых чёрствых куска хлеба и карамелька, стыренные на могилах. Нехорошо покойников обирать, но всё равно достались бы воронам.

Мент – или всё-таки не мент? – посмотрел на мои гримасы, покачал головой и протянул мне толстый хлебный ломоть с не менее толстым куском сала. Всё свежее, и мягкое, и пахнущее так, что отказаться невозможно. Гость отвёл глаза на огонь, чтобы не смотреть, как я давлюсь, и неторопливо рассуждал:

– Правда, сейчас пост, да и вредно тебе жирное, но лучше так, чем совсем натощак пить. Всё меньше печень сажает.

Я спохватился и протянул ему чекушку – хоть и незваный гость, но на вежливость надо отвечать правильно. Гость выставил перед собой ладони:

– Я не пью.

Теперь я уставился на него квадратными глазами. Не потому даже, что непьющие мне встречались редко – знал всё же, что существуют такие, – а потому, что отказался он таким тоном, каким группу крови сообщают. Не укорял меня, не кичился своим трезвенничеством – просто объяснил ситуацию. Судорожно проглотив, я спросил:

– На службе, что ли?

– Вроде того, – не стал отпираться гость. Но тут же уточнил. – На работе.

– В органах?

– Нет, – гость радостно улыбнулся. Понял, что я про него подумал. – На вольных хлебах.

– Не понял, – честно признался я. – Какая такая работа?

– Спасатель я, – гость выудил из мешка сухарик, положил в рот и принялся неторопливо обсасывать.

– Эмчеэсник? – я и сам понял, что вопрос идиотский, а гость просто сделал вид, что не расслышал. Запутал он меня окончательно. – И кого спасаешь... в такое время?

– Заблудившихся.

– Ага...

Я приложился к чекушке, прикидывая, не предложит ли мне спасатель ещё что-нибудь на ужин. Вообще-то, можно уже и на боковую, вот ещё минуток пять...

– Зови меня Изя.

– А? – я проснулся и снова вылупился на гостя. – Ни разу не встречал бродячего еврея.

– Места надо знать, – улыбнулся Изя. – На самом деле по паспорту я Изяслав Осипович Назаров. Так что, если тебе Изя не нравится, зови Славиком.

– Да зовись как хочешь... – вторую часть переиначенной поговорки я оставил при себе. Но Изя понял.

– Ты прав, в печку нам пока рановато.

Я поглядел на чекушку. Добавить или заначить на попозже? Ах, да...

– А меня здесь все Дрюней зовут.

– Дрюня... – протянул Изя, словно бы пробуя имя на вкус. – Дрюня... Андрей, значит. Хорошее имя. Святое, – он тихо рассмеялся. – Хотя ты больше на Николая Угодника похож. Лысый, бородатый и весь в красном.

Это он про мою куртку. Хорошая куртка, я её два года назад на свалке подобрал, перед самым переселением сюда. Почти новая тогда была. Толстая, лёгкая, от холода замечательно защищает. И от жары тоже – если не двигаться и голову капюшоном накрыть, можно спокойно сидеть на самом солнцепёке. Потому я и ношу её постоянно, за что меня ещё Санта-Клаусом кличут. Но это Изе знать пока необязательно.

– А рыбной ловлей ты промышляешь?

– Чего?

– Тут же речка рядом, – пояснил Изя. – Можно на ужин наловить. Сейчас поздно уже, а завтра попробуем, а?

– Ты откуда сюда пришёл? – спросил я этого горе-рыбака.

– Издалека.

– Оно и видно. Завтра сходи к реке, посмотри. Она вся химией загажена, если там чего и водится, то само уже ядовитое. Объедки со свалки и то полезнее для здоровья.

– О, – неподдельно огорчился Изя. Видать и правда рыбак. – А вообще ты когда-нибудь рыбу ловил?

– В детстве. С отцом. Тогда она ещё водилась.

– Вот и славно, – Изя удовлетворённо кивнул и ушёл в собственные мысли. Я опять начал клевать носом, да и костерок догорал уже. Пора, пожалуй.

Похоже, я пересидел. Нога затекла, я наступил на рядом лежавшие ветки, потерял равновесие и рухнул прямо на больную руку. Она-то и была одной из важных причин для выбора в пользу чекушки. Дня четыре назад я получил в руку мерзопакостную занозу, вытащить не смог, теперь она гноилась и болела дёргающей болью. Спать было невозможно. От водки начинала болеть печень, зато руку отпускало ровно настолько, что удавалось заснуть. А тут я на еле успокоенную болячку рухнул всем весом. Конечно же, заорал. Изя легко подхватился и терпеливо стоял рядом, пока я не закончил пространно объяснять мирозданию, что о нём думаю. Дождавшись, взял мою руку и внимательно осмотрел грязную тряпочку, которой я свою болячку повязал.

– Поранился?

– Заноза, – простонал я.

– Гниёт, значит, – сделал вывод Изя. Посмотрел на тёмное небо, на угли в костерке. – Сейчас темно, завтра утром посмотрю.

Я обнаружил, что сжимаю в здоровой руке ополовиненную чекушку. Молодец, вовремя и плотно закрыл, не пролилось ни капли. Я снова приложился, успокаивая руку.

– Ты вот что, – Изя пощёлкал ногтем по горлышку чекушки. – До утра всё не выпивай, оставь глотка полтора. Понадобится.

В другое время и в другом состоянии я бы его с такими указаниями послал. А сейчас молча выслушал и даже морально приготовился к исполнению.

– Спокойной ночи, – сказал Изя. – Я тут сам порядок наведу.

Они всё-таки повалили меня и теперь лу-

пят, лежачего. Настроены по-прежнему серьёзно и точно бы забили, но кто-то из троих – может, тот же «Православие» – сгоряча взгромоздился мне на плечи, придавив задом голову, и лупит со всей дури по почкам. Его колени крепко сжимают мои бока. Спасибо этому обалдую, он меня прикрыл максимально, для издевательств доступны только ноги и ягодицы. Руки я вовремя успел прижать к груди. Он плотный и тяжёлый, а пыли на дороге изрядный слой, и я глотаю её вместо воздуха, потому что поднять голову не в силах. Если эта гора костей и мяса не раздавит мне рёбра и не сломает позвоночник, я попросту задохнусь.

Мне плохо слышно сквозь чужую задницу, но обсуждение способов моего умерщвления продолжается. Позиции почти не поменялись:

– На кол!

– На костёр!

– Утоплю богохульника!

– И повторять!

Ну, что вы там телитесь?! Вы же опытные ребята, разойдитесь, дайте простор кому-нибудь одному, чтобы он меня умело и быстро прикончил! Ну, куда опять бьёшь, дурак? В пах хотел или в печень? Ну, ведь не попал же! А всё равно больно...

Похоже, Изя наводил порядок всю ночь. Когда я выполз наружу, на месте костерка был выложен из кирпичей натуральный очаг и на этом очаге грелась невесть откуда взявшаяся старая эмалированная кастрюля. Заначенных для костра веток явно прибавилось. Место картонки под тополем занял аккуратный деревянный чурбачок, в самый раз высокий и широкий. Картонка, впрочем, тоже никуда не делась, Изя её хозяйственно прислонил к тополю. Рядышком стояли два пятилитровых пластиковых пузыря с водой. Сам Изя, бодрый и довольный жизнью, склонившись над очагом, помешивал в кастрюле металлической ложкой. Брезентовую куртку он снял, оставшись в сером свитере грубой вязки – «под Хэма», тоже, разумеется, чистом, как и всё у него.

– Доброе утро, – приветствовал он меня. – Как спалось?

Спалось неважно. Как обычно, под утро разболелся зуб, бывший вторым аргументом в пользу чекушки. А поскольку я честно выполнил Изин наказ и полтора глотка не допил, да ещё вечером вынужден был лишний глоток сделать, то и промаялся больше обычного. Изя, взглянув на перекошенную морду лица, понял по-своему и сказал:

– Ничего, сейчас будем лечиться. У тебя в хозяйстве ножик есть?

– А у тебя? – я покосился на наглухо завязанный мешок.

– Это неприкосновенный запас, – предупредил Изя. – На крайний случай, когда времени нет. А так надо пользоваться тем, что Господь посылает.

– Оп-па, – я посмотрел на кастрюлю и ложку в руках у Изи. – Так это...

– Ну да. Всё здесь нашлось. Ага, – он подобрал лежащие у костерка тряпочки, тоже, видимо, посланные свыше, подхватил закипевшую кастрюлю, взболтал как следует и выплеснул в ближайшие кусты. – Теперь чистая, – Изя наполнил кастрюлю из пузыря и снова водрузил на огонь. – И вода тут недалеко. Насчёт реки ты прав, там даже мыться нельзя. А вот в колонке вода нормальная. Для питья кипятить, разумеется, надо.

Колонка была недалеко, в сотне метров. Значит, он туда ходил. Точно, волосы у Изи были ещё слегка влажные.

– Значит, нет ножика? Ладно... – Изя нисколько не огорчился. Огляделся по сторонам, сделал пару шагов в сторону, нагнулся, поднял и радостно показал мне металлическую вилку. – Смотри, Господь опять послал чудо. Хорошая нержавейка. Сейчас мы из неё скальпель сделаем, – он подобрал обломок кирпича и принялся скоблить по нему вилкой, удобно пристроившись на чурбачке. – Ты пока сходи помойся.

Тащиться до колонки я, как обычно, поленился. До выгребной ямы, в совсем уж глухие кусты, конечно, дошёл, руки о лопухи вытер, пожалел, что росы нет, и вернулся. Изя продолжал сосредоточенно шкрябать вилкой по кирпичу.

– Понятно, – сказал он, быстро глянув на меня и не найдя отличий. – Повязку ты не менял и рану промыть не догадался. Вот потому и гниёт.

И опять в его тоне не было никакой укоризны. Только голые медицинские факты.

– Мне ещё долго, – продолжил Изя тем же медицинским тоном. – Можешь, разумеется, подождать так, ты сам себе хозяин. Но лучше помойся. Почувствуй себя человеком.

Я понял, что он, как настоящий мент, своего обязательно добьётся. Будет вот так спокойно и доброжелательно капать на мозги, пока не сдамся. Странно, я должен был озлиться, но никакого раздражения не было. Злиться на Изю почему-то совершенно невозможно, настолько он безобиден.

– Стой, – сказал Изя мне в спину. – Водку оставь. Целее будет.

А он оказался прав. Похоже, как всегда. Омыв морду, я почувствовал себя бодрее. И просветлённее мозгами. Повторив процедуру, понял, что это не просто хорошо, а очень даже здорово. Прополоскал как следует рот. Зуб от холодной воды заныл, но как-то быстро успокоился.

– Смотри! – радостный Изя показал мне железку, в которой я опознал памятный по инженерно-паяльному прошлому режущий инструмент. Рядом – уже на земле, возле ног его – стояла парящая кастрюля. Кирпич Изя успел куда-то прибрать.

– Проверяем, – в руке Изи откуда ни возьмись оказалась пустая пластиковая поллитровка из-под газировки. Не иначе Господь послал. Изя повёл своим импровизированным скальпелем, крутанул бутылку в руке, и она легко распалась на две половины. – Вот, у нас и стакан имеется. Не гранёный, зато не разобьётся. И воронка нам, возможно, пригодится, – верхнюю половину поллитровки с горлышком Изя аккуратно пристроил к тополю, возле картонки. – А теперь садись, – показал он на чурбачок, – будем лечиться.

Он сам помог мне устроиться поудобнее, плотно прислонил спиной к тополю и дал очищенный от коры обломок ветки.

– Это зачем? – удивился я.

– Зажмёшь зубами. Крепко.

– Зачем?

– Делай что говорю.

Я смирился, а Изя принялся разматывать грязную повязку на руке.

– Уже смердит, чувствуешь?

Я чувствовал только запах своего тела да дымок костерка. Изя зачерпнул стаканом из кастрюли и плеснул на больное место. Я замычал. Заорал бы, да ветка во рту мешала.

– Терпи, это ещё не больно, – Изя оттирал грязь вокруг раны. Взял мою чекушку с остатками водки, капнул на кожу. Капнул на чистую тряпицу и протёр ею скальпель. – А вот теперь будет больно. Зажми крепче.

Когда хоровод солнц в глазах поредел, Изя уже сосредоточенно промывал рану, щедро поливая из стакана. Почему-то особо больно уже не было, так, слегка. Посчитав дело сделанным, Изя плеснул на рану из чекушки.

– Щиплет?

Я утвердительно помычал.

– Вот и славно, – Изя перевязал мне руку чистой тряпицей. – Вовремя мы это сделали. Ещё немного – и потерял бы руку. Это в лучшем случае, – он заглянул мне в лицо и расхохотался. – Ты сейчас похож на терьера, который держит добычу. Такой сосредоточенный...

Я достал изо рта ветку – оказывается, зажимал с такой силой, что почти перекусил.

– Почему на терьера?

– Тот тоже бородатый.

При взгляде на ветку заныл потревоженный зуб.

– Слушай, а ты зубы тоже можешь лечить?

– Ну, давай посмотрим, – легко согласился Изя.

Я разъявил насколько мог пасть и показал пальцем. Изя изучал больного долго и придирчиво, сначала просто разглядывал со всех сторон, потом потрогал специально ради этого промытым пальцем, потом скальпелем, на промывку которого ушли последние капли из чекушки. Наконец отступился и сказал:

– Закрой.

– Ну?

– Не провоцируй на грубость, – Изя помолчал, что-то обдумывая. – Запустил ты зуб. Рвать надо. Только нечем сейчас. Ну ладно, это не смертельно. Придётся помаяться.

Я разочарованно скривился.

– Ничего, – сказал Изя. – Перекусить перед трудами зуб тебе не помешает?

Ответ он прочитал на моём лице.

– Вот и славно. Пособирай ещё дров, пригодятся. А я тут займусь.

Когда Изя счёл, что дров в запас теперь достаточно, в кастрюле уже вовсю булькало что-то вкусное. Изя помешивал варево ложкой и подбрасывал в огонь мелкие веточки. Я не стал мешать проявлению инициативы и присел к своей конуре, прихватив от тополя привычную картонку.

– А скажи мне, Андрей, – начал Изя, продолжая показывать мне спину, – почему ты себя так не любишь? Если не секрет.

– Чего? – не понял я.

– Ты себя не любишь. Зуб запустил напрочь, руку... тьфу-тьфу-тьфу... Ты вообще когда в последний раз мылся? – Изя обернулся и уставился мне в глаза. – Что молчишь? Ты себя целенаправленно гробишь. Как в таком состоянии можно людей любить? Их же надо любить, и не просто любить! Я... – он вдруг запнулся, отвёл глаза и после секундного колебания скомканно закончил, – думаю, что тот, кого распяли... не зря говорил, что людей надо любить как самого себя.

Он отвернулся и преувеличенно внимательно занялся очагом.

– А за что мне их любить? И зачем?

– Андрей, ты не прав. Люди тебе нужны. Хотя бы просто потому, что ты им нужен.

– Кому я тут нужен? Скорей бы сдохнуть, – я поднялся, намереваясь уйти натощак, лишь бы это прекратилось.

– Успеешь, – Изя, захватив пальцами концы рукавов, поставил кастрюлю с очага на землю. – Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста. Хозяину первая очередь, – он протянул мне ложку. Просторные рукава свитера съехали, обнажив руки по локоть, и я разглядел у него на запястьях странные шрамы – словно кто-то гвозди в руки вбивал.

– Погоди, – я попытался схватить Изю за руку. – Это что у тебя?

Изя спрятал руки за спину.

– Не надо было тебе этого видеть.

– Я уже видел. Колись.

Изя вздохнул.

– Это пираты.

– Какие в наше время пираты?

– Сомалийские.

Я тупо хлопал глазами.

– Понятно, – сказал Изя. – Похоже, ты дальше свалки и кладбища ничего не знаешь. Короче, есть такие пираты, промышляют в Аденском заливе. Это возле Африки.

– Ага, – так же тупо сказал я. – А ты что там делал?

– Я работал на морском спасателе. Они нас захватили. А это от кандалов.

Что-то он мне наврал. Про самих пиратов, может, и правда. А вот кандалы таких следов оставлять не должны. Да и зачем пиратам кандалы?

– И что дальше?

– Ну, ты же видишь, освободили. Господь мне чудо такое явил. Только меня успели записать в покойники и из списков благополучно вычеркнули. Так что я теперь вольный спасатель.

Я не заметил, когда они бросили меня обрабатывать. Похоже, отключился на какое-то время. Осознаю, что на мне никто не сидит и никто меня никуда не колотит. Поблизости малоразборчивое: «бу-бу-бу», – комментаторы, налим их забери...

– ...и пусть себе лежит. Мало ли алкашей шляется. Встретились, подрались...

– Подохнет – туда и дорога.

– В ад. Прах к праху.

– Одним побирушкой меньше, прости Господи.

Бубнение удаляется и затихает. Я лежу неподвижно – вдруг оглянутся и заметят шевеление. Да и сил шевелиться – никаких. Болит, кажется, всё. Рожа утопает в глубокой дорожной пыли, этой пылью забит рот. Там тоже что-то болит и, наверное, кровит, потому что пыль постепенно пропитывается влагой. Не знаю, чем я дышу, потому что нос тоже забит пылью по самое горло. Похоже, это финиш. Прах к праху. Не свидимся мы, Изя.

– Что за хрень? – спросил я у стены и кустов. Другими словами спросил, более доходчивыми. Кусты и стена не ответили, им пофиг. А мне было обидно. Во время дневных трудов по обшариванию помоек я нашёл очень хорошую ложку. Радовался, что теперь у каждого будет своя. А тут такой облом: кастрюлю с оставленной в ней ложкой в отсутствие хозяев нагло спёрли.

Загнали меня обратно в дикое состояние. Сучары-ба, вас бы так.

– А я думал, ты тихий, – сказал Изя. Я за обидой своей и не заметил, как он пришёл. Словно из воздуха соткался. – И в чём беда?

– Кастрюлю упёрли, гадюки! – я это другими словами сказал. – Нашу кастрюлю.

– Ну и ладно, – Изя ничуть не огорчился. – Туда, – он показал рукой вверх, – ты всё равно ничего из вещей и денег не возьмёшь. Я... – Изя неожиданно замер с приоткрытым ртом на пару секунд и скомкал фразу, – думаю, что тот, кого распяли... не зря это постоянно повторял.

– Козлы вонючие... – я никак не мог успокоиться.

– Кастрюля всё равно не наша, – продолжил увещевания Изя. – Господь дал, Господь взял. Видимо, кому-то она сейчас нужнее. И я рад, что Господь явил чудо не только нам. А нам он тоже чудо явил. Смотри, – он продемонстрировал мне большую, литра на полтора, эмалированную кружку. – Сейчас кашу сварим. Но сначала, пока светло, давай руку. И водку тоже давай, не прячь.

Я подчинился и даже рот с готовностью раскрыл, устроившись на чурбачке. Изя посмотрел на меня сверху и расхохотался. Правда, совершенно необидно.

– Птенчик ты мой голодный... сейчас мамочка покормит, – он присел рядом, разложив на коленях запас чистых тряпочек и пристроив рядом мою чекушку да кружку с водой. – Закрой, сильно больно не будет.

И опять Изя оказался прав. Через пару минут он уже споро завязывал свежую повязку, а утреннюю, пропитанную кровью и сукровицей, бросил в костерок. Содержимое чекушки убыло на глоток.

– Вот так, – сказал Изя, зачем-то пристально глядя мне в глаза. – Уже подживает. Это хорошо. Через пару дней повязку можно будет снять.

Я дёрнулся было встать.

– Подожди, – Изя, правой рукой удерживая меня на чурбачке, левой надавил на мой правый бок. Аккуратно надавил, несильно, но печень возмутилась, и я вместе с ней. – Да-да. Пора тебе с палёной водкой завязывать. На свете есть более полезные для здоровья жидкости.

– С какой радости? – на самом деле я догадывался, с какой.

– Печень у тебя в хлам. Глаза жёлтые, как у гепатитчика. Не поменяешь режим – загнёшься. Признавайся, давно пьёшь?

Надо сказать, что питейный стаж у меня изрядный, чуть меньше жизненного. Ещё мама рассказывала, как в нежном возрасте, года полтора от роду, на какой-то вечеринке, проходившей в саду, я ползал под деревьями и облизывал выпитые бутылки. Потом родители меня, конечно, блюли более пристально, и в следующий раз крепкий напиток я попробовал на выпускном вечере в школе. Что это было – не помню, наверное, какое-то сухое вино. Зато, поступив в столичный институт и удалившись от родительской опеки, исследованию винно-водочных изделий я предался со всей страстностью. В моём послужном списке есть и «мерзкое что-то, похожее на каберне» (так, строки ещё помню, а имя автора из мозгов вымыло), и разливное пиво (в металлических бидонах, потому что такого засилья полиэтиленовых пакетов, как сейчас, ещё не было), и грузинские «квадратные» (шестнадцать градусов спирта и шестнадцать процентов сахара) креплёные вина, и «Агдам» с «Тремя семёрками», и водка (которая в те благословенные времена ещё не была палёной), и гаванский ром, и разнообразные самодельные наливки, и коньяк однажды затесался, и «шило», и даже одеколон как-то пробовал. Парфюм с тех пор переношу с большим трудом. Несмотря на столь бурную жизнь, институт я окончил с почти красным дипломом – видимо, в силу молодости и пока ещё крепкого здоровья, не испорченного в детстве фастфудом и забугорными детскими смесями. Вернувшись же домой, влился в дружный научно-исследовательский коллектив. Лаборатория базировалась в отдельном домике и держала два компьютера, которые занимали каждый по залу в пятьдесят квадратов и назывались электронно-вычислительными машинами. Не было в те времена в русском языке слова «компьютер». В английском было, а в русском нет. Самое главное, что для поддержания этих электронных монстров в рабочем состоянии лаборатории полагалось невероятное количество

спирта. Само собой, монстров чистили более другими, гораздо менее съедобными жидкостями, а спирт живо употреблялся во время и после демонстраций на Первое мая и Седьмое ноября, а также в процессе долгоиграющих встреч Нового года. На банкеты по случаю защиты диссертаций в пивбаре (единственном на город и потому уточнению не подлежавшем) покупался бочонок пива, которое пили от пуза, а остатки разносили по домам всё теми же металлическими бидонами. Когда спирта с пивом вдруг не хватало, скидывались и отправляли в ближайший магазин «быстрого Гонзалеса», назначаемого по жребию. В общем, иллюзий в отношении своего будущего я не питал, был твёрдо уверен, что годам к тридцати пяти сопьюсь, получу инфаркт и буду упокоен где-нибудь здесь, неподалёку от кирпичных руин стены. Помешала перестройка.

По случаю объявления антиалкогольной кампании я принялся керосинить с такой интенсивностью, что через год мне это вдруг опротивело. Года три я не пил вообще, за это время успел жениться и прижить дочку. Потом начавшееся безобразие пустых магазинных полок, мотание с семьёй по съёмным квартирам, попрёки жены в неумении выбить жильё, ссоры с родителями – всё это подвигло меня на снятие стресса извечным народным способом. Появление на свет младшей дочери меня не остановило. Знаменитый путч мы с коллегами праздновали неделю – как девятнадцатого августа начали, так только двадцать шестого под утро разошлись. С наступлением рынка, больше всего напоминавшего коммунально-квартирный базар, поводов для стресса только прибавилось. Кончилось тем, что сразу после вторичного объявления подушколицего президентом всея Руси меня тихо уволили по сокращению штатов. Пьяные инженеры-электронщики с дрожью в паяльнике никому были не нужны. Трезвые, впрочем, тоже. Я пытался устроиться в сторожа и после первой же ревизии был вытолкан взашей, спасибо, что не заставили погашать недостачу. Пытался разгружать вагоны, но для бывшего интеллектуала это оказалось не по силам. Ещё где-то с год я пил на деньги жены, училки-англичанки, бравшейся за дополнительные часы и за любой перевод, лишь бы в доме что-то было. А потом, в неожиданный момент просветления, понял, что я в этом доме давно лишний, и ушёл навсегда в чём был.

Если бы я остался, то, наверное, больше года не протянул бы. А жизнь на свежем воздухе и вынужденное, от хронического безденежья, регулярное воздержание не только от выпивки, но и от еды, меня не то чтобы спасли, но задержали на этом берегу Леты. Обитатели свалки, куда я вскоре прибился, как-то быстро уходили – кто спивался, кто замерзал, кто просто исчезал в никуда, – я продолжал существовать и даже стал чем-то вроде местной достопримечательности. Мне прощались мелкие нарушения обычаев, делались облегчающие жизнь подношения, ко мне даже за советами ходили, как к бабе Ванге. И продолжалось это не помню уже сколько лет, пока очередное поколение соплеменников не стало меня раздражать. Очень уж шумные они стали и безбашенные, и таким же шумным, безбашенным и бесцеремонным оказался Толян, пожелавший стать в нашей стае главным. Именно «в стае» – Толян, похоже, в розовом своём детстве подвинулся на мультиках о Маугли. Тех ещё, советских. Регулярно цитировал заклинание про единство крови и нёс ещё какую-то ахинею про закон джунглей. Он меня по-своему уважал, по крайней мере пакостей не делал, называл, по настроению – то Балу, то мудрейшим Каа. Себя же он числил Акелой и Шерханом одновременно и постоянно требовал ото всех признания его главенства. Меня это не устраивало, я не хотел быть ни первым, ни вторым, я хотел быть просто сам по себе. Поэтому плюнул и ушёл. Оно и к лучшему, наверное. Из достопримечательности я превратился в легенду, захаживать на свалку по личным надобностям Толян мне не мешал, при каждой встрече демонстрируя своё расположение и покровительство. На кладбище же меня вообще никто не трогал. Идеальное место для жизни.

Пёс его знает, зачем я всё это рассказал Изе. Он словно и не слушал: раскочегарил костерок, закипятил в кружке воду, сыпанул туда какую-то порционную кашу и сидел рядом на корточках, помешивая в кружке, кидал веточки, подливал из бутыли – в общем, был занят бытом. Даже не счёл нужным согнать меня с захваченного чурбачка. Но когда я закончил, подвёл итог:

– Богатая биография. Есть что вспомнить.

– Я знаю, что сам виноват. И отвали с поучениями.

– Поучать не буду, живи как хочешь. Только спасать тебя надо всерьёз. А то глупо как-то получается – руку вылечил, а всё равно на тот свет. А тебе туда рано.

– Изя, мы это уже проходили.

– Мимо, Андрей, мимо. Вот когда до тебя дойдёт – будем считать, что прошли окончательно.

– Ты мне так и не сказал, кому я тут нужен.

– Погляди на тополь.

Я закинул голову.

– Ну?

– Про баранки сам вспомнишь? Смотри внимательно.

– Что я должен увидеть, сучара-ба?! – заорал я, попутно обнаруживая, что ору сверху вниз. Сам не заметил, как вскочил.

– О, правильный вопрос! – обрадовался Изя. Ради такого случая он даже голову ко мне повернул. – Смотри: тополь старый, засыхает. Но ещё живёт. А вон там, – он махнул рукой вдоль забора, – такой же примерно тополь, только весь высох уже. Знаешь почему?

Я пожал плечами. Изя снял с очага кружку с кашей, занял освободившийся чурбачок и с аппетитом заработал ложкой. Я терпеливо ждал. Изя ополовинил кружку и поглядел на меня снизу вверх.

– Стало быть, не знаешь. И знать не хочешь. И думать не хочешь. Тот тополь, – Изя опять показал рукой, – он одинокий. А у этого есть ты. Ты под ним сидишь, он тебе нужен, вот он и держится. И ты ему нужен, чтобы он дальше жил.

Я хмыкнул.

– И это всё? Один неодушевлённый тополь?

– Душа у всего есть, – серьёзно сказал Изя. – Один тополь – уже немало.

– А люди?

– Всё-таки хочешь быть нужным для людей. Это правильно, – Изя поднялся с чурбачка и стоял, глядя мне в глаза. – Здесь и сейчас ты нужен мне. Я ведь собирался тебя ужином накормить. Пожалуйста, – он вручил мне ещё горячую кружку и улыбнулся. – Кушай, птенчик.

Я было снова вскипел, но от его беззащитной улыбки растаял окончательно. Невозможно было на Изю сердиться. Так, стоя и глупо улыбаясь в ответ, смолотил всё, что в кружке. От горячего заныл больной зуб. Неожиданно сильно заныл и от полоскания рта не успокоился. Я потянулся к чекушке, которую Изя никуда не припрятал, поставил открыто под тополем. Изя шлёпнул меня по руке.

– Оставь лекарство в покое. Пора о здоровье заботиться, пора.

Я обиженно зашипел.

– Зуб? – Изя потянул из-за ворота какую-то цепочку. Я ожидал увидеть крест, или магендовид, или даже полумесяц, но на цепочке обнаружился небольшой пузырёк тёмного стекла. Изя отковырнул пробку, капнул в стакан, долил воды, взболтал и протянул мне.

– Не пей. Прополощи рот как следует, особенно зуб. И не глотай, понял?

Я отшатнулся.

– Это что?

– Не бойся. Соль Мёртвого моря. Рассол.

Я осторожно влил жидкость в рот и начал двигать языком и щеками. Раствор, хоть и сильно разбавленный, оказался невыносимо горек, зубы свело. Больной занемел, как от новокаина. Я покорно работал языком, Изя рассказывал в пространство:

– Не совсем из Мёртвого моря, правда. Я собрал рассол, выпарил, а потом развёл водой из Иордана. Примерно то на то получается, других рек в Мёртвое море всё равно не впадает, но вода из святой реки, с места, где Иоанн крестил... того, кого распяли, – снова споткнулся он, – это дополнительное воздействие. Святая вода, можно сказать. Ну как?

Я подвигал губами и помычал.

– Достаточно. Плюйся.

– Слушай, – сказал я, с трудом шевеля потерявшими чувствительность губами, – ты случайно зубным врачом не работал?

– Наблюдал за работой, – Изя посмотрел на меня и усмехнулся. – Да не хлопочи лицом. До утра зуб тебя не побеспокоит. Проверено. Господь плохого не пошлёт.

– Крепкие у тебя капли.

– Это чтобы крепче спалось.

И не наврал ведь.

Времени нет. Света нет. Тьмы, впрочем, тоже нет – кто её распознает, без света-то. Есть бесконечная пульсирующая боль, она отдаётся в ушах эхом чьих-то шагов. Хотя кому здесь, в этом пустом безвременье, ходить. Нет, шаги приближаются. Сейчас подберёт меня местный собиратель заблудших душ и отнесёт в скупку. Если не прямо на свалку. Прах к праху, ведь так?

– Кто это тут бедствие терпит?

Я вскидываюсь. Потом понимаю, что мне это кажется – я неподвижен, бревно бревном, и один, хоть не в пустоте, а в дорожной пыли. Никого здесь нет. Но шаги продолжают звучать, и знакомый голос тоже:

– Приметная у тебя куртка, издалека видать. Только место для лёжки всё равно неподходящее. Давай вставай, пойдём домой нормально отдыхать.

Приблизившись, Изя ласково зовёт:

– Андре-ей!..

Я собираюсь с силами и выдавливаю из себя неопределённый звук – не мычание, не рычание, не сип. Он слышит.

– Живой – уже хорошо. Я тебя хоть немного, но уже знаю, ты ведь так просто где попало не ляжешь. Значит, точно терпишь бедствие. Сейчас помогу.

Он не то наклоняется надо мной, не то садится на корточки. Я слышу судорожный вдох.

– Хорошо тебя обработали... – произносит Изя совсем другим тоном. – Лежи, не шевелись.

Пальцы осторожно касаются моей лысины, затылка, проходят по шее, слегка нажимая на позвонки.

– Больно?

Я утробно мычу – утвердительно и отрицательно одновременно. Больно, конечно. Но Изя, кажется, о другом.

Он отпускает мою шею, нащупывает лоб и подбородок, бережно приподнимает голову, поворачивает слегка набок, подкладывает какую-то тряпицу. Я вижу свет. Больше не различаю ничего, потому что глаза так же забиты пылью. Текут, просто ручьём льются слёзы – не от боли, не от радости или облегчения, а просто потому, что свет.

– Ну, и что мнёшься? Раздевайся. Нечего красну девицу изображать. Тем более передо мной. Я много чего видел.

Он заставил меня помыться. Два дня капал на мозги. Я отбрыкивался как мог, но Изя был хоть и мягок, зато настойчив. И я сдался. Утром, только я успел вернуться от выгребной ямы, мы сделали две ходки до колонки и притащили в итоге восемь пузырей воды – сорок литров. А раздеваться я вдруг застеснялся. Причём не Изи почему-то, а непонятно кого. Хоть и укромный уголок, а всё же мало ли кто вдруг придёт.

– А давай вон туда, в кущи, – предложил Изя.

Кущами оказалась совсем уж уединённая полянка, под самой стеной, за такими густыми кустами, что и мы не сразу пролезли. Дальше отступать было некуда. Я скинул одежду, Изя принялся поливать меня из баллонов. Утро было прохладным, вода из колонки – вообще ледяной, я моментально замёрз, но покорно принимал душ. И это было невыразимо приятно. Правда, поначалу многомесячная грязь отходила плохо.

– Ты землицу возьми, намылься, – посоветовал Изя.

– Чего-чего? – обалдел я.

– Ты думаешь, зачем свинья в грязную лужу лезет?

– Чтобы мухи не доставали, наверное.

– Да, и для этого тоже. Но ещё и потому, что грязь к грязи. Когда эта корка отваливается, сходит вся грязь, какая была, и свинья чистая. Попробуй.

С землицей – вместо мыла – действительно пошло лучше. Даже вроде теплее стало.

– Ну вот, – удовлетворённо сказал Изя, вылив на меня последний пузырь. – С лёгким паром! – Отступил, полюбовался издалека. – И с преображением. Ты теперь на апостола Павла похож – лысый, бородатый и чистый. В самый раз для белых одежд. Извини, белых нет, есть просто чистые.

В поисках этих одежд мы с ним позавчера полдня ходили по свалке. Я этого похода слегка опасался, готовился защитить Изю от наскоков Толяна. Но Изя глянул на Толяна распахнутыми глазами, пожелал доброго здоровья и доброй охоты, и тот вдруг растаял, понёс обычную свою ахинею про единство крови и закон джунглей, назвал Изю зорким Чилем и даже позвал к себе отметить встречу. Изя в ответ выставил ладони:

извини, во-первых, я не пью, а во-вторых, у нас срочное дело, вот в следующий раз обязательно. За эти полдня мы собрали полный комплект вполне пригодного белья и одежды, даже джемпер какой-то, почти целый, отыскался, и вчера Изя заставил меня всё это постирать. Теперь я облачался в чистые одежды, а он сортировал моё старьё. Когда я вышел к нему из кущ, ветхое бельё уже тлело в костерке.

– Куртку не отдам, – сказал я. – Она хорошая.

– И не надо, – согласился Изя. – Ты только её как следует проветри. Один день без куртки походишь. Образ немного пострадает, но это не смертельно.

Он вывернул куртку наизнанку и пристроил на самом солнцепёке. На запашок сразу налетели мухи.

– Ты что? – возмутился я. – Упрут же!

– Господь сохранит, – сказал Изя.

– Ага. Сохранил он нашу кастрюлю.

– Так Он же нам взамен послал сосуд лучше, – Изя продемонстрировал почти новую трёхлитровую кастрюлю из нержавейки. – Знак это был, – он наполнил блестящий сосуд остатками воды из пузыря и водрузил на очаг.

– Какой такой знак?

– Ну, например, что нельзя слишком сильно цепляться за вещи, – Изя поворошил пучком веток в очаге. – Или что не надо прекращать поиски лучшего, получив хорошее, – он аккуратно распределил ветки на расчищенном пространстве.

– То есть ты точно не знаешь?

– Разумеется. Господь же неисповедим. Мы можем только догадываться, доходить до всего своим умом. И тут каждый понимает по-своему.

– А Библия тогда – что? Там же написано... И этот... который заповеди придумал?

– Вот что придумал – это ты правильно сказал. А Библия... и не только, ещё Тора есть, Коран... Так вот, все священные книги написаны людьми.

– И там про то, как Бог творил, что думал и за что наказывал.

– Так, – Изя оторвался от костерка и посмотрел мне в глаза. – Начинаем сначала. Запомни – Господь никогда никому ничего открытым текстом не говорил. Не в Его правилах. Господь посылает знаки, а люди эти знаки истолковывают. Каждый по-своему. Теперь понял? – и снова повернулся к костерку, не дожидаясь моего ответа.

Понять я, конечно, понял. И не поверил. Слишком уж всё просто выходило, так в жизни не бывает. Но Изю не переспорить, поэтому я смолчал и принялся обходить свою полянку дозором. Не стоять же столбом.

– Подай мне колбасу, – буднично сказал Изя.

– А? – я споткнулся на ровном месте.

– Колбасу. Будь добр. У тебя под левой рукой.

Четвертинка полукопчёной колбасы лежала на чурбачке под тополем. Рядом с коробкой порционной пшеничной каши. Я нагнулся, вручил колбасу Изе, он поблагодарил и принялся крошить её в закипающую кастрюлю. Тем самым самодельным скальпелем.

– Может, помочь чем?

– Дровами, – Изя, не поворачиваясь, крошил колбасу. – Или просто сядь и не маячь. Отвлекаешь.

Я обиделся и ушёл надолго. Минут на десять. Припёр с другого конца кладбища большую ветку, рухнувшую с того самого засохшего тополя. Брякнул её оземь. Изя, сосредоточенно помешивая ложкой в кастрюле, ни головы не повернул, ни ухом не повёл. Я с ненавистью уставился на блестящую железяку. Ну что за везунчик, а? Тут и в самом деле поверишь, что Господь посылает. Ему всё, а мне... А мне – Изя, неожиданно сообразил я. Он же не под себя гребёт, а всё сюда. Вон завтрак готовит, пока я тут дурью маюсь. А с какой такой радости? Ох, не люблю я бесплатного сыра.

– А скажи мне, Изя, какого рожна я тебе нужен?

Я это другими словами сказал. Чтобы сразу дошло. Изя понял.

– Хороший вопрос, – оценил он. – Правильный, – похвалил, значит. И только. Сделал вид, что булькающая на огне кастрюля интересует его больше всего.

– Слышь, Изя, – сказал я, не дождавшись ответа по существу. – Я за ради тебя никого убивать не буду. И грабить не буду. И чтобы просто поколотить, и обворовать, и обмануть...

– А не надо, – легко согласился Изя. – У тебя другое предназначение.

– Ты смотри, какой высокий штиль. Прямо Ельцин на танке. – Я примерно так и высказался.

– Ты не на слова смотри, – сказал Изя, продолжая помешивать в кастрюле, – а на то, что за словами.

– Не понял.

– Предназначение – слово действительно высокое. Только предназначения бывают разные. У кого-то – подвиг совершить, жизнь за спасение людей отдать. У кого-то – слово правды сказать. Это высокие предназначения. А бывают мелкие – например, соль кому-нибудь передать. Но это они для людей мелкие, а для мира всё важно.

– И ты взаправду в это веришь?

– Для мира всё важно, – повторил Изя, чтобы я не сомневался.

– Ты веришь, что у каждого есть предназначение?

– Мне не надо в это верить, потому что я знаю. Люди без предназначения мне ещё не встречались.

– И ты знаешь своё?

– Я же говорил, я спасатель, – Изя снял кастрюлю с очага и схватился за уши, остужая пальцы.

– Это твоя работа.

– Работа, – согласился Изя. – Потому что предназначение. Вот сейчас я тебя спасаю. Догадайся с трёх раз почему.

– Вот дятел... Я с этого и начал.

– Ты тоже зануден и настырен не в меру. Я тебе достаточно сказал, мог бы и сам подумать.

– Что-то тебе от меня надо, – сказал я обиженно. – А что – не пойму. На органы меня продавать поздно, а больше ничего при себе нет. Или я наследство получил, о котором не знаю? Большое хоть?

– Разучился ты думать, – вздохнул Изя. – Соображалка работает, но мысли мелкие. Смотри на вещи шире.

Я посмотрел: выщербленная кирпичная стена, под ней моя конура из картонной коробки от холодильника, укреплённая фанерой, крытая рубероидом. Заросшие кустами бесхозные могилы без крестов. Костерок с очагом на моей обжитой полянке, остывающая рядом кастрюля. Тополь полузасохший, под этим тополем Изя сидит на деревянном чурбачке, смотрит на меня. Я пожал плечами.

– Ладно, – сдался Изя. – Всё просто. Ты ещё не выполнил своё предназначение. А уходить без этого нехорошо.

– И какое моё предназначение?

– Придёт время – сам узнаешь.

Нет, он точно дятел. Или болтун, сам ничего не знает, а строит тут из себя...

– А ну, колись, сучара-ба!

Изя легко поднялся с чурбачка, подал мне ложку и указал на кастрюлю. Я тут же прекратил щёлкать клювом. А Изя принялся ломать сначала моё бревно, потом заготовленные с вечера большие ветки.

– Знаешь, какая у людей в этом мире самая главная беда?

– Непонимание, – сказал я с набитым ртом. Выскочило из старого фильма: «Счастье – это когда тебя понимают». Беда – отсутствие счастья. Как-то так.

– Можешь же думать! – обрадовался Изя. – В правильном направлении. В правильном масштабе. Просто замечательно. Только это тоже следствие. А причина – нетерпение и нежелание думать. Хотят знать всё и сразу. Вот и получают ответы, к которым не готовы. Отсюда непонимание, – он с хрустом переломил о колено толстую палку и кинул обломки в общую кучу. – Так что, когда ты будешь готов – сам своё предназначение поймёшь. Всё очень просто.

Да, всё очень складно. И вкусно – это я об Изином вареве в кастрюле. Надо всё-таки и повару что-то оставить. Я поднялся, освобождая чурбачок. И тут меня ударило:

– Слушай, а если бы я уже исполнил своё предназначение, – ты меня сейчас всё равно спасал бы? Или опять скажешь, чтобы сам думал?

– Я скажу, что это будет очень простой ответ, – Изя снова сидел на чурбачке и глядел на меня снизу вверх. – Я не знаю.

– Как голова? – спрашивает Изя. Я мычу. Вряд ли он поймёт. Я и сам не понимаю, мычу просто в знак того, что слышу.

– Лежи, лежи, – успокаивает Изя. – Не надо двигаться.

Он начинает ощупывать мои ноги – так же бережно, как до этого шею. Я послушно лежу и моргаю. Из глаз льётся. Из носа тоже льётся, и вроде бы легче дышать становится. И кар-

тинка в глазах проступает, словно сотворение мира наблюдаю. Сначала небо отделяется от земли, потом я различаю на земле пыльную дорогу, на обочине которой валяюсь, траву на этой самой обочине, в отдалении лесок. По небу гуляют небольшие облачка, солнце щедро изливается на траву, лесок, дорогу и на лежащего меня.

Изя уже проверяет спину, залез мне под куртку. Проверяет тщательно, прощупывая каждый позвонок, каждое ребро. Мне больно и щекотно, я подёргиваюсь и булькаю.

– Тихо, тихо, – успокаивает Изя. – Всё хорошо.

Я стараюсь лежать тихо. К нам подходит собака, такая же бездомная, как и я, смотрит на наши с Изей странные занятия. Изя, дотошно прощупав плечи, убирает руки и выпрямляется, собака отскакивает в сторону.

– Можешь радоваться, – разрешает Изя. – Кости целы, внутренние органы, насколько я понимаю, тоже. Спасибо Господу, что он тебе такую куртку послал.

Собака, выслушав Изю, подходит и начинает вылизывать мне лицо.

– Молодец, Малька! – радуется Изя. – Лечи нашего болезного. Так как голова? Не кружится?

Я отрицательно мычу.

– Всякому чуду своё время, – сообщил Изя.

– Чего? – я клюнул носом и проснулся.

Этот вечер у нас выдался не вполне обычным. Мы оба закончили день непривычно рано, даже солнце ещё стояло высоко. Не знаю, что подгоняло Изю, я же торопился проверить – сохранил вездесущий Господь мою куртку или не потрудился. К моему большому счастью – сохранил, так она себе и лежала на солнышке, покрытая мухами в несколько этажей. Эти мухи поначалу не желали разлетаться, зато прямо вскипели, когда я пуховик как следует встряхнул. Изя сменил мне повязку, удовлетворённо отметив, что назавтра она уже вовсе не потребуется, а потом извлёк откуда-то тетрадь с карандашом, устроился на чурбачке и принялся что-то азартно строчить. Пошатавшись без дела минут пять, я сделал правильный вывод, что обязанности кашевара в этот раз возложены на меня. Получилось не так вкусно, как у Изи, но быстрая лапша, приправленная томатным соусом, была вполне съедобна. По крайней мере для меня. А потом я поставил на огонь чайник, который Господь сегодня послал Изе. Всё время, пока я копошился вокруг костра и, не особо стесняясь, снимал пробу с лапши, Изя продолжал строчить в тетради, совершенно не обращая на меня внимания. Я совсем уж было хотел поинтересоваться, где Господь такие дары посылает, но понял, что Изя отшутится или намекнёт на неприкосновенный запас. Он и к лапше-то не сразу притронулся, только поблагодарил радостно. И на приглашение к чаю тоже сказал извиняющимся тоном:

– Спасибо, я чуть позже...

И продолжил свою писанину. Мои дела закончились, Изя был занят своими, вечер – тих, и я помаленьку начал было задрёмывать. И тут он меня разбудил.

– Чудо должно созреть для того, чтобы люди его увидели.

– Что-то ты чудеса меряешь как овощи. Господь не обидится?

– Он не обидчив. Но про овощи ты хорошо... Более правильно так – люди должны возвыситься до понимания чуда, чтобы его увидеть. Да?

– Ты вообще о чём?

– Я всё хожу и огорчаюсь, как много чудес остаются неувиденными и непонятыми. Ладно, обыденные чудеса, которые часто случаются, они просто примелькались, но ведь даже великие чудеса – и те порой остаются неоценёнными. Вот доказал Перельман гипотезу Пуанкаре или Уайлс – Великую теорему Ферма – это же великое чудо! Все, кто в Господа верует, должны бы неделю Его благодарить за эти великие прозрения. А оценили только математики.

– Кто кого доказал? – тупо спросил я. Часть фамилий была мне смутно знакома по прошлой жизни.

– Перельман.

– Это который «Занимательная физика»?

– Даже не внук. Я бы его к лику святых хоть сейчас причислил. Ты представляешь – он живёт, как раньше старцы-пустынники жили. Ну, почти как старцы, всё же не в ските, а в городской квартире. Но от миллиона долларов за доказательство отказался. Чтобы деньги думать не

мешали. Старцы ведь в пустыни уходили тоже затем, чтобы им суета мирская не мешала думать и прозревать.

– А он-то что прозрел?

– Господь послал ему прозрение – доказать всем, что мир на самом деле круглый. Сто лет никто не мог доказать, а Перельману Господь послал такой дар. Ведь чудо! А теорему Ферма вообще три с половиной века доказывали. Помнишь о чём?

– Про Пифагоровы штаны что-то? – с трудом припомнил я.

– Да. О том, что они только плоскими могут быть. Три с половиной века! Представляешь, какое великое прозрение? Какое чудо! А люди просто не заметили! Ещё три века пройдёт, пока оценят по-настоящему.

– А если нет?

– Вот и я боюсь, – горестно вздохнул Изя. – А ведь Господь сотворил человека, чтобы тот думал, – я в этом уверен. Иначе зачем же Он дал человеку разум?

– Чтобы славить и поклоняться, – предположил я.

– Для этого разум не нужен, – Изя снова вздохнул. – Даже вреден. Разумный человек нет-нет да и задумается. Засомневается, смысл понять захочет. А славить и поклоняться можно только бездумно.

– А если есть за что?

– «За что» – можно уважать и благодарить. А поклонение всегда слепо.

– Как любовь?

– Если ты про любовь к Господу, то я всю свою жизнь благодарен Ему за то, что Он сотворил меня. И не просто сотворил, но и не оставляет в пути, постоянно заботится, посылает мне чудеса в помощь. Если же о людях – они все создания Господа и хотя бы поэтому достойны любви. Я... – Изя едва заметно запнулся, – я ведь тебе уже говорил: людей надо любить как самого себя. Так возлюби!

Я поёжился. Хоть и в куртке был, а словно холодом потянуло.

– Что-то у меня от твоего «возлюби» картинки перед глазами нехорошие...

Изя вздохнул, потянулся к остывшему уже чайнику и плеснул в пластиковый стакан. Сделал медленный глоток.

– Есть такая притча. Пришёл как-то к ребе человек и сказал: «Ребе, научи меня понимать Тору. Она такая большая, я с какого места ни начну её читать, теряюсь в словах и мыслях. Скажи мне, что в Торе самое главное». И ребе ответил: «Не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы другие делали тебе». Вот суть Торы. Всё остальное – комментарии, – он сделал ещё один глоток. – Вот это и есть первая часть моего «возлюби».

– А вторая?

– Делай другим людям добро, какое ты хочешь, чтобы другие делали тебе. Но осторожно – помни о первой части.

– И это всё?

– Тебе мало? Знаешь, Андрей, великие мысли обычно очень просты. Для тех, кому Господь послал дар понимания. Да мы же об этом утром говорили.

– Про понимание? Помню. Ещё о том, что Бог непонятен.

– Неисповедим, Андрей! Не-ис-по-ве-дим!.. Ощущаешь разницу?

– Нет, – честно признался я.

Изя попытался долить стакан, обнаружил в чайнике пустоту и печально вздохнул.

– Господа можно понять. Если много думать. Потому что Господь никому ничего не объясняет. Он просто посылает знаки, которые люди обычно называют чудесами. Разумеется, если видят. А должны на самом деле не только видеть, но и думать об этих знаках. Чем больше людей думает – тем ближе всё человечество к пониманию Господа.

Теперь вздохнул я.

– Изя, я, наверное, дурак. Но объясни мне, почему у тебя чудеса случаются на каждом шагу и очень вовремя, а я ни одного не замечаю? Потому что я безбожник? Меня ведь в советской школе учили, и в институте – не Закон Божий был, а философия марксизма-ленинизма. Я теперь весь такой неправильный, что Бог на меня рукой махнул?

– Глупости. Господь же сохранил твою куртку. Почему ты это чудо не замечаешь? Господь одаряет ими всех в равной мере, надо только видеть. Времена ярмарочных чудес давно прошли. Ищи чудо в привычном. В обыденном. Сейчас Господь не будет превращать воду в вино, уст-

раивать мироточение икон или кормить толпу семью хлебами. Я тебе по секрету скажу, что и раньше этого на самом деле не было. Потому что иначе многие бы сразу уверовали.

– А что было на самом деле?

– Разное. Где-то просто совпадение, где-то шарлатанство. Выступила однажды на иконе капелька смолы сквозь краску или капнули случайно при заправке лампады, а потом предприимчивые дельцы принялись дырочки сверлить и масло сквозь них капать. А про семь хлебов... Это ведь Матфей всё записывал, а он записывал только то, что считал важным. И так, чтобы было понятно многим людям, без разъяснений. Матфей был поэт. И семь хлебов – это поэтический образ. Ёмкий, красивый, понятный многим. Но вот какое событие за ним на самом деле стоит, мы не знаем. И не узнаем, скорее всего, потому, что культурный контекст утрачен навсегда. Остались эпические записи, вроде пергамента Матфея, а все те тысячи мелочей, через которые только и можно этот эпос толковать, просеялись сквозь две тысячи лет. Как книжники, к примеру.

– Чего? – не понял я. – Книжные черви?

– Ну... можно и так сказать. Если бы ты читал записи Матфея, то обратил бы внимание, что там много резких высказываний против книжников.

– Против грамотных, что ли?

– Вот! – Изя повернулся и упёр в меня указательный палец. – Как много значит культурный контекст! Сейчас почти все так и понимают, что чтение книг и почерпнутые из них знания с истинной верой несовместимы. Что к вере можно прийти, только отбросив всё, что люди за века накопили и в книгах нам передали. Вместе с разумом. Но это же бред! Нельзя отбрасывать разум и знания, потому что они от Господа. А филиппики против книжников – не о том вовсе.

– А о чём?

Изя убрал палец и отстранился. Посмотрел на меня, катая в голове какую-то мысль.

– Как ты думаешь, сколько книг было в Иудее во времена Матфея?

А и в самом деле – сколько? Греки – те много чего понаписали. Римляне, по их примеру, тоже литературы не чуждались. А вот иудеи... Кроме Ветхого Завета да неизвестно где упоминавшегося Льва бен Бецалеля (да и был ли он писателем?), ничего не припоминалось.

– Сто, – сказал я наобум.

Изя хмыкнул.

– Мимо. Сильно мимо. Подсказка: есть такое произведение с очень неоригинальным названием.

Я помотал головой. Сто лет ничего, кроме газетных обрывков, не читал. А в библиотеке – вообще неизвестно, сколько не был. Стоп. В библиотеке...

– Библия?

– Умница! – Изя расплылся в улыбке. – По-гречески – «Библия», по-русски – «Книга» – да, с большой буквы. А по-древнееврейски – «Тора». Формально Тора состоит из пяти книг. Вот их книжники и изучали. Да, грамотные были, без этого Книгу не прочитать. Но они настолько зациклились на тексте, что любое несовпадение с жизнью объявляли происками дьявола. Само собой, не в пользу жизни. А я... – он на мгновение замешкался, – полагаю, что тот, кого распяли, проповедовал вовсе не по Книге. Да и Матфей составлял свой собственный текст. А книжники-богословы ох и упёртые оказались! На Руси таких называли начётчиками. Одно слово не так сказал – моментально в еретики записывают, – Изя перевёл дыхание. – Хотя они по-своему тоже правы, сам видишь: всего одна маленькая деталь, а без неё запросто можно смысл написанного наизнанку вывернуть и таких дров наломать...

– И кто есть кто, и кто был кем, мы так и не узнаем, – брякнул я неожиданно для себя. Что-то со мной странное происходило в последние два дня, после того, как Изя вместо чекушки начал лечить мой зуб своим рассолом из Мёртвого моря. Сегодня я вдруг стал замечать в газонной траве цветы. Раньше только бутылки и монетки видел, не отвлекаясь на лишнее, а сегодня вдруг разглядел. И вообще в памяти начали всплывать какие-то странные картинки, а с языка сами собой вдруг срывались фразы, которые я сам не сразу понимал. Как вот сейчас.

– Здравствуйте, Владимир Семёнович, – Изя посмотрел в мои вылезшие из орбит глаза и радостно улыбнулся. – Всё нормально, Андрей. Просыпаешься. Это правильно. Время быть собой.

Я похлопал глазами. Припомнил наконец песню. А дальше не осилил. Так я ему и сказал.

– Это ничего, – успокоил Изя. – Осилишь. В своё время.

– А научи меня чудеса замечать.

– У-у-у... Это сложно объяснить...

– А говорил, что всё просто.

– Это когда понимание есть.

– А у меня, значит, нет?

– Пока нет. Ты неправильный вопрос задал. В правильном уже содержится половина ответа, а твой – пустой-пустой... Попробуй ещё раз.

Я поскрёб в затылке. Не помогло. Поднялся с картонки и подкинул веток в затухающий костерок. Хотел было долить чайник, даже пузырь с водой взял, но поленился. Изя молча наблюдал за мной. Ждал. Пнув бутыль, я пошёл к выгребной яме. Не то чтобы припёрло – захотелось от этого взгляда укрыться и подумать спокойно, одному. Не люблю, когда торопят.

Ничего я в своём уединении, конечно, не придумал. На обратном пути ещё и навернулся. У самого костра. Смотрел старательно на огонь, только бы с Изей взглядом не встретиться, и запнулся. И загремел. Хорошо, что башкой не в костёр и не на камень. Да и вообще стукнулся не сильно. Только шума наделал, обрушившись аккурат в кучу веток.

– Андрей! – Изя привстал с чурбачка, весь в готовности спасать. – Ты цел?

– Не дождёшься!

Оказалось, что запнулся я о злосчастный пузырь с водой. Сам виноват, бросил на дороге. Я наполнил-таки чайник и поставил на огонь, а бутыль отодвинул в сторону, от греха подальше. С чувством выполненного долга вернулся на свою картонку. И тут только сообразил:

– А что это было?

Изя непонимающе посмотрел на меня.

– Ну, навернулся я. Это чудо или как?

– Думаю, это знак. И ты его правильно понял. Доделал начатое.

– Ага... А если не пузырь? Если бы его вообще не было? Вот иду я где-то и вдруг спотыкаюсь о камень. Это чудо или нет?

Изя засмеялся.

– Говорят, бывших офицеров не бывает. К учёным это тоже относится.

– А?

– Любишь ты всяких сферических коней в вакууме обсуждать. Здесь очень много всяких «если». Допустим, ты споткнулся и упал, а в это время рядом рухнуло дерево. Если бы ты не упал, оно бы тебя убило. Вот это чудо. Допустим, ты споткнулся, посмотрел под ноги и увидел что-то такое, что изменило твою жизнь. Ну, например, – он осмотрелся, – о, ложку нашёл. Тогда это был бы знак, а ложка – чудо.

– А если я просто дальше пошёл?

– Тогда это мог быть знак, который ты не заметил. Или вообще не знак.

– А как узнать?

– Заранее, что ли? – удивился Изя. – Никак. Вспомни – Господь неисповедим. Ты или правильно понял знак, или не понял, или посчитал знаком незначащее событие. А выясняется всё потом. Бывает, что и не выясняется, – он посмотрел на мою разочарованную физиономию и рассмеялся. – Да не переживай. Большинство обыденных чудес видно сразу. Куртка твоя хотя бы. Это Господь тебе большое чудо послал. Ты бы без пуховика зиму здесь не пережил.

– Пуховик – это вещь, – согласился я. – А необыденные чудеса как узнавать?

– Опыт, – сказал Изя. – Смотреть, думать, сопоставлять, делать выводы. День за днём, – он откинулся на чурбачке, прислонившись к тополю. – На самом деле и опыт не всегда помогает. Потому что опыт – это распознавание уже известного. А если надо понять что-то новое, ранее неизвестное, или что-то новое создать... – и замолк.

Я уставился Изе в глаза. Он молчал, не отводя взгляда. Когда я совсем был готов вскипеть и выкрикнуть гадость, Изя произнёс одно слово:

– Думай.

Я моментально остыл, устыдился и стал глазеть на огонь. Очень успокаивающее занятие. Вроде бы даже мозги подогревает. Но не думалось.

– Думай, – повторил Изя. – Вспоминай. Я уже говорил об этом.

Я честно, до звона в ушах, напрягся. Без толку. Пожал плечами.

– Ну, думай, – умоляюще попросил Изя. – Пожалуйста!

Я вдохнул и зажмурился. В башке – пусто –

хоть мячи катай, хоть камни, да и тех нет. Выдохнул и помотал головой.

– Эх, – грустно сказал Изя.

– Что, не тяну?

– Ты был очень близок... Я виноват, поторопился. Хотел, чтобы ты сам...

– Значит, не тяну.

– Когда перед человеком встаёт задача создать то, чего нигде никогда не существовало, Господь посылает чудо прозрения. И если человек готов принять это чудо, он постигает неизведанное и создаёт новое. Я это чудо считаю самым великим из всех чудес Господних. Знаешь почему? Потому что в прозрении рождается Слово.

Он так и сказал – «Слово». С большой буквы. К Господу с большой буквы я уже привык, а про слово он впервые.

– «Слово о полку...»?

Изя усмехнулся.

– В какой-то степени. Правду говорят про уста младенцев... А серьёзно – помнишь, с чего Великая Книга начинается? «В начале было Слово. И Слово было – Бог...»

– Ты же говорил, что все книги написаны людьми.

– Да, это истина людей. Людей, испытавших чудо прозрения. Прозрение рождает мысль, мысль облекается в Слово, Слово вызывает действие творения. Испытавшие прозрение – они творцы, они ближе всех к Господу.

– Не от мира сего?

– Странный ты экземпляр...

Я обернулся. Изя смотрел на меня сосредоточенно-оценивающе.

– Пыжишься, тужишься – и ничего разумного родить не можешь. А потом как скажешь не думая – и в точку, – Изя покачал головой. – Да, их обычно так и воспринимают. Если как безобидного дурачка – ещё хорошо. А могут и вредным, психом посчитать, и опасным еретиком, подлежащим уничтожению. И только единицы получают признание вовремя. Хоть и не всегда – за сделанное.

– Непонимание? – я всё-таки начал соображать, куда он клонит.

– Трудности перевода. Знаешь, это сложно – найти слова, чтобы объяснить людям. Они-то всё понимают по-своему. Представь себе – спустился с горы Моисей, показал народу скрижали и сказал: «Люди, это нам дал Господь». И очень многие тогда подумали, что Господь дал конкретно эти самые каменные плиты с буквами. Потому что они привыкли думать о предметах, а не об идеях. И тот, кто потом записывал, вынужден был под это понимание подстраиваться, даже если сам думал иначе. Так и пошло.

– А на самом деле всё по-другому?

– Разумеется, Господь Моисею никаких скрижалей не давал. Он послал прозрение, и Моисей сформулировал свои десять заповедей. И записал на том, что под рукой оказалось. И можешь себе представить, какой силы было прозрение, что он сумел изложить их немногими словами. Не убий, не укради, почитай родителей, око за око... Великие истины. Вроде очевидные, но пока Моисей их не оформил в слова, никто ведь об этом не задумывался.

– Слушай, – сказал я, – а мне про «око за око» говорили, что это неправильная заповедь. Типа призыв к мести, а всё должно быть по закону.

– Так Моисей-то как раз законы и выводил. Первый свод законов человеческого общежития. Он был первым юристом на земле. И в этой заповеди в шести словах сумел уместить сразу два важных юридических принципа – принцип неотвратимости наказания и принцип соразмерности наказания проступку... или преступлению. Око за око – не меньше, но и не больше. И зуб за зуб – заметь, не око, не руку и тем более не жизнь. Но зуб в целях воспитания надо взять.

– Взял бы ты мой зуб.

– Придёт время – возьму. А пока Господь велит тебе терпеть наказание за содеянное зло.

– Какое такое зло? – возмутился я.

– Я не знаю, – признался Изя, честно глядя мне в глаза. – Попробуй вспомнить. Возможно, зло было малым и ты даже сам тогда не понял, что это зло. Возможно, до сих пор не понимаешь. Посмотри на себя глазами тех, с кем говорил... или не пожелал говорить.

Всё-таки был в его речи намёк. А чего ещё ждать от компаньона, который понимает меня лучше меня самого? Конечно, я сразу подумал о жене. И о дочках тоже подумал. Представил, как они смотрели на невменяемого меня, что чувствовали и что пережили, когда я без объяв-

ления войны просто исчез в никуда. Я тогда по глупости считал, что облегчаю им жизнь, избавляю от своего непотребного присутствия. А если вдуматься – я их предал. Облегчал жизнь себе. Если бы действительно хотел сделать семье что-то хорошее – мог бы упереться рогом и завязать, найти хоть какую работу, хоть по дому что-нибудь полезное делать. А я ушёл... нет – уплыл по течению. И до сих пор плыву.

Мне вдруг страшно, почти до физической боли, захотелось увидеть моих родных женщин, о которых я столько лет не вспоминал. Какие они сейчас? Младшая тогда только-только в школу пошла. Ведь бывали у нас минуты счастья и взаимопонимания! Честное слово, бывали. Вот бы прийти к ним и сказать: «Родные мои, я виноват, и прощения мне нет, но просто знайте, что я помню о вас, я думаю о вас и мне больно за все гадости, что я вам сделал... и за всё хорошее, что мог, но не сделал». Какими словами сказать, чтобы поняли? Не надо прощения, понимания прошу. Ох, эти трудности перевода...

Я посочувствовал Матфею. Товарищ по несчастью, влип в похожую ситуацию. Ему тоже было что сказать людям, наверняка что-то очень важное, вот только как это сказать? Высокую идею без обёртки многие просто не поймут. Опускаться до уровня толпы – угробить саму идею. Поднять толпу до уровня идеи – невероятно сложно. Надо искать промежуточный уровень – чтобы и понятно, и поднимало. А если толпу при этом подзуживают и разогревают на драку... ну да, отморозки какие-нибудь. Толпу ещё надо успокоить, а то вообще слушать не будет...

– Изя, – сказал я. – По-моему, я знаю, что там было с семью хлебами.

– Я слушаю, – Изя подбросил в костерок пару веток.

– Ты вот сказал, что Матфей поэт. Так Иисус – тоже поэт.

– А... – разочарованно протянул Изя. – Высоцкий, разумеется, право имеет, он и сам поэт от Господа. Но повторять...

– Ну, пусть не поэт, – перебил я. – Но он же проповедовал. Слова людям говорил. Вот представь: пришла к нему толпа. Сердитая, кем-то науськанная. Может быть, хотели его побить или даже убить. А он сказал семь слов – и толпа успокоилась. Сказал ещё семь – они ушли. Может, разошлись по домам. А кто-то, может быть, остался с Иисусом.

– Никогда не думал, что он об этом... – пробормотал Изя. Почему-то спохватившись, хлопнул себя по губам. – Что-то не очень понимаю. В этом есть какой-то смысл?

– Кто меня учил искать чудо в малом? – изумился я. – А это – не малое.

– Это чудо?

– Толпу легко завести. Заведённую толпу легко натравить на цель. А чтобы семью словами успокоить – это настоящее чудо. Ты сам говорил, что у Моисея было прозрение, когда он свои заповеди придумал и записал. Немногими словами – многое. Вот и у Иисуса случилось такое прозрение. Он нашёл эти нужные семь слов. Чудо?

– Андрей, – сказал Изя после минутного молчания, – можно я тебя поцелую?

Я шарахнулся.

– Нет-нет! – Изя воздел руки. – Я не об этом! – Он вдруг повалился передо мной на колени и склонил голову до земли. – Позволь хотя бы ногу поцеловать.

– Ты что?!

– Я не знаю, как ещё выразить тебе мою любовь. Да не дёргайся! – Изя голову от земли оторвал, но остался на коленях. – Да, я тебя люблю, уважаю и ценю! Потому что ты – думаешь! Ты не повторяешь чужие мысли, ты думаешь сам! Ты – Человек Думающий! Оба слова с большой буквы! Знаешь, как мало таких на земле?

– Места надо знать, – растерянно сказал я, вспомнив свою лабораторию. Пить мы были не дураки, но люди-то там подобрались все как один умные, думать обо всём на свете умели и любили это занятие.

– Всё равно мало! – Изя потряс руками, словно коктейль в большом шейкере смешивал. – А с тобой хорошо вместе думать. Ты мне теперь едино... нет, неправильно... сомышленник!

– Чего? – я совсем обалдел. Непривычен мне был Изя в таком заведённом состоянии. Не пришлось бы мне срочно свои семь слов искать. Впрочем, были у меня в запасе слова, успокаивающие многих.

– Вот, смотри: мы здесь сидим друг напротив друга. Молчим. Думаем. Каждый о своём, но

совместно. Значит, мы – сомышленники. Знаешь, как это великолепно, когда есть с кем вместе подумать?

– Ага... – думать я вообще-то всегда предпочитал в одиночку, но сама идея показалась интересной. Изя продолжал:

– Господь создал людей, чтобы они думали! Это высшее назначение людей, я же тогда... – он неожиданно зашёлся в кашле и, отойдя, невпопад закончил, – очень рад, что с тобой встретился.

То ли от кашля, то ли ещё почему, глаза у него как-то подозрительно заблестели. Изя повернул лицо к небу и зашептал:

– Господи, сегодня Ты явил мне величайшее чудо, послав сомышленника. Я не знаю, как могу отблагодарить Тебя, но я с радостью отдам свою жизнь, потому что испытал величайшее счастье.

На его оголившемся виске я разглядел какое-то тёмное пятно. Присмотревшись, понял, что это ожог в форме шестиконечной звезды.

– А говорил, что не еврей...

– А? – Изя спохватился, испуганно посмотрел на меня, волосы закрыли клеймо.

– У тебя вот здесь... – я показал.

– Во-первых, тебе я этого не говорил. А во-вторых, они бы этому всё равно не поверили.

– Кто «они»?

– Сомалийцы, – Изя задержался с ответом, и я понял, что правду он посчитал нужным мне не говорить. Изя это понимание, наверное, почувствовал и сказал:

– Блаженны алчущие правды, ибо насытятся.

– Насытятся? – переспросил я.

– Господи! – Изя звонко хлопнул себя по лбу. – Вот же ответ! Ай да Матфей, ай да сукин сын...

Изя бережно поправляет на мне куртку, бережно переворачивает меня на спину. Так же бережно приподнимает за плечи. Теперь я полулежу у него на коленях, почему-то вполоборота налево. Собака Малька – рыжая лайкообразная дворняжка, вся в клочьях вылинявшего, но не обтрусившегося пуха, лежит в двух шагах и внимательно наблюдает. В руках Изи плоская фляжка из нержавейки. Он плещет себе на ладонь и мокрой ладонью протирает моё недолизанное Малькой лицо от остатков пыли и присохшей крови. Ещё и ещё. В ноздри ударяет запах спирта, я дёргаюсь и удивлённо мычу.

– Ш-ш-ш... – успокаивает меня Изя. – Всё правильно, это коньяк. Извини, воды под рукой нет.

Он откуда-то – да ясно, что из своего плотно набитого неприкосновенного мешка – извлекает стопочку из такой же нержавейки, наполняет из фляжки и подносит к моим губам.

– Прополощи и сплюнь.

Я повинуюсь. Изя придерживает меня в скособоченном положении, чтобы я не замарал куртку. Выплюнув целый ком грязи, я исследую рот языком. Вроде бы всё на месте... хотя нет, не всё... Губы сами собой растягиваются в улыбке.

– Изя... они зуб... – ура, говорить получается без особых проблем. Губы, правда, распухли слегка, но это не страшно, – выбили...

– Один? – уточняет Изя. – Это тебе повезло, запросто могли больше.

Я ещё раз провожу языком. Пара зубов вроде пошатываются, но остальные на месте, а эти прирастут, никуда не денутся.

– Не... больной... который рвать... – я продолжаю глупо улыбаться. – Это чудо?

Изя облегчённо смеётся.

– Разными путями Господь творит чудеса. Иногда очень странными, – он переводит дух и спрашивает озабоченно. – Как голова? Не кружится? Не тошнит?

Я прислушиваюсь к себе.

– Не... больно...

– Это пройдёт, – обещает Изя. Он снова наполняет стопочку. – А это выпей.

– А можно?

– Сейчас – нужно.

Я глотаю, почти не чувствуя крепости. Только вкус.

– Какой...

– Благородный напиток, – Изя убирает фляжку. Превращение воды в вино состоялось. – Ну, как ощущения?

– Хорошо.

Коньяк греет изнутри, глушит боль, наполняет тело силой и голову ясностью. Я и не знал, что так бывает.

– А теперь встань.

– Что?

– Встань и иди. Ты должен это сделать сам.

После некоторых усилий я оказываюсь на четвереньках. Пробую подняться и опадаю обратно на руки. Лёгкая на подъём Малька припадает на передние лапы в намерении поиграть.

– Слушай, помоги...

– Не бойся, – властным тоном гипнотизёра говорит Изя. – Я здесь. Я рядом. Я не дам упасть. Но встать ты должен сам. И идти должен сам. Слышишь? Только сам, никто за тебя это не сделает. Встань и иди, – голос его колокольно звенит в ушах. – Ты можешь. Встань и иди!

Наутро его не было. На остывшем очаге мёрзла отмытая от остатков вчерашней еды кастрюля. Сиротливо стояли два пластиковых пузыря с водой – один полный, в другом – на донышке. Я подумал, что и вечером их было два – надо полагать, испарившиеся шесть кому-то были нужнее. Стакан стоял под тополем, из него выглядывала ложка. На чурбачке возлежала початая вечером коробка с порционной рисовой кашей. Под коробкой обнаружился исписанный карандашом тетрадный листок.

Почерк на листке был не каллиграфический, но чёткий и разборчивый – почерк человека, привыкшего много писать и предварительно хорошо обдумывать записываемое и произносимое.

«Дорогой сомышленник! Извини меня, если можешь, но я вынужден тебя покинуть. Это не значит, что я в тебе разочаровался, просто здесь и сейчас есть заблудившийся человек, которому моя помощь нужнее, чем тебе. Это моя работа, и я должен её сделать. А через несколько дней, как только смогу, я вернусь.

С тобой очень хорошо думать вместе. Я подумал про семь хлебов и, как мне кажется, нашёл ещё одно решение. Найди его сам, это тебе по силам. Матфей писал: дал ученикам, а ученики народу, и все насытились, и осталось семь корзин полных. Обрати внимание: осталось больше, чем было вначале. И вот тебе загадка в помощь: что из имеющегося у тебя умножается, когда ты этим делишься с другими?

Ты справишься без меня, я очень на это надеюсь. Я очень надеюсь на тебя, потому что скоро уже мне понадобится твоя помощь. И когда этот момент настанет, я хотел бы, чтобы ты был готов к общению с Господом. Продолжай думать, как мы с тобой вместе думали вчера, – и ты придёшь к Нему. Твой путь будет труден, но тем радостней будет встреча. Не склоняй головы. Я очень надеюсь на тебя, Андрей. До скорого свидания. Твой сомышленник Изяслав».

Два дня я честно пытался думать. Голова к вечеру гудела и раскалывалась, внимание терялось, урожай бутылок и металлолома резко упал. А вот умных мыслей не прибавилось. Утром третьего дня, окончательно вскипев мозгами, я принял, как мог, холодный душ из двух имевшихся под рукой пузырей, проглотил голодную слюну и, поглаживая в кармане куртки специально отложенную сотню, направился в сторону церкви. С самым простым намерением: посмотреть, послушать, а если повезёт, то поговорить по душам со священником. Вдруг что умное посоветует.

До церкви от кладбища километров пять. Была церквушка и поближе, но эту я выбрал за расположение – слегка на отшибе, почти за городом, отчего там почти не было нищих, и вероятность быть заподозренным в попытке перейти кому-нибудь дорогу минимальна. Церковь старая, правда, её ещё перед войной разгромили и восстановили лет семь назад. Привычную побелку при этом зачем-то содрали, раскрасив строение чуть ли не во все цвета радуги – в подражание собору Василия Блаженного, что ли. Получилось, на мой взгляд, уродливо, предки белый силуэт не зря затевали.

У новодельной ограды – столбики из декоративного кирпича и ажурная чугунная решётка, почему-то не с крестами или распятиями, а с двухголовыми петухами – отбывали повинность двое. Один показался знакомым, я ему помахал рукой, на всякий случай.

– Дрюня! – Налим нарисовался передо мной откуда ни возьмись, словно нуль-переход совершил. – Решил специальность поменять? А у нас без вступительных взносов никак. Очередь!

Налим крышевал всех окрестных нищих. Кликуха шла ему идеально – глаза навыкате, усики в уголках рта, да и сам он был какой-то скользкий, не ухватишь. И слишком уж чистенький и благополучный – явно не на свалке и не в подвале обретается. Выглядит лет на двадцать пять, не больше. Новое поколение

авторитетов, послетоляновое, и, на мой взгляд, изначально гнилое. Ходить под такими – скорая смерть.

– Бог подаст. Вот разменяю полтинник... – я обошёл Налима и направился к воротам.

– Тю! – сказал он мне в спину. – И почём опиум для народа? – Я шёл к церкви почти строевым шагом, всей спиной выражая невосприимчивость. – А я недавно кореша твоего видел!

Я обернулся. Поздно – нет Налима, уплыл под свою корягу. Ладно, разберёмся без него, авось Изя сам скоро объявится.

Перед высоким крыльцом мне загородил дорогу какой-то плотно сбитый парень, возникший невесть откуда, секунду назад его и близко не было. На лице ноль эмоций, взгляд в упор – типичный профессиональный охранитель. Весь в чёрном – кроссовки, джинсы, футболка, лёгкая куртка из псевдокожи. Куртка нараспашку, поэтому странной формы изображение креста с надписью «Православие или смерть» на футболке видно без помех. Секунд пять мы глядели друг на друга – он на меня питбулем, я на него кроликом. Потом обнаружилось, что слева стоит ещё один такой же – чёрный, только с надписью «Я русский» на футболке. Пока я разглядывал этого, «Православие» исчез. А пока я озирался в недоумении, так же бесследно пропал и «Русский». И что им от меня было надо? Фейс-контроль, что ли?

Вся моя решимость испарилась без остатка, вслед за чёрными. Я топтался, не решаясь даже ногу поднять. Так бы и ушёл, если бы не проходившая мимо старушка. А может, не старушка ещё, кто её разберёт – вся в тёмном, платком по самые глаза повязана. И сказала совсем по-старушечьи:

– Шапку сыми, идол. В храм идёшь, не в кабак.

И проворно заковыляла по ступенькам.

Шапка – потрёпанный «петушок», с кривым изображением конопли и надписью «Asidad» – по случаю тёплого солнечного дня покоилась у меня в кармане. Я сдвинул на затылок капюшон, подставив лысину свету и воздуху, и поспешил за прихожанкой. Та неодобрительно смотрела на меня сверху вниз, а когда я взошёл на крыльцо, осадила:

– Куда прёшь? Перекрестись!

– А можно? – робость не проходила. – Я это... некрещёный...

– Может, и в Бога не веруешь?

– Не знаю...

– Тогда зачем идёшь?

– Узнать хочу.

– Веровать надо! – пригвоздила меня прихожанка. Перекрестилась в сторону иконы, висящей над дверью, и пошла внутрь. – Шляются тут всякие, прости Господи. Кругом грех...

Я потоптался, но перекреститься не решился. Поклонился низко и пошёл следом за прихожанкой – то ли старушкой, то ли ещё нет.

Внутри оказалось неожиданно много людей. Человек сорок толпились в невеликой прихожей у прилавка, выбирая свечки, иконки, крестики, цепочки, какие-то книжки карманного формата. Было тесно, очередь извивалась, заполняя почти всё пространство. Выбрав и расплатившись, прихожане крестились и проходили дальше, в глубь церкви, в большой центральный зал – там было просторнее, но и людей скопилось больше. Кто-то пришедший следом толкнул меня в спину и оттеснил в угол. Я совсем растерялся – такая толпа в мои планы никак не входила, мне бы с глазу на глаз поговорить, а тут священнику точно не до меня будет.

Внезапно очередь, не дожидаясь подхода к прилавку, сорвалась с места и утекла к остальным – что-то там происходило. Задержалась моя старушка-не старушка, что-то писавшая на листке, да бугай – этот покупал свечки, похоже, сколько рука захватит, а рука у него была большая. А потом я остался один на один с проворной, чем-то похожей на трясогузку бабушкой по ту сторону прилавка и протянул свою сотню.

– Тебе чего? – подозрительно поинтересовалась бабуся.

– Свечку, – булькнул я, тыкая пальцем в самую дешёвую.

Бабуся-трясогузка взяла купюру двумя пальцами за уголок, недоверчиво глянула на просвет и положила подальше от себя.

– Нету у меня сдачи, милок, – сказала фальшиво, глядя мимо меня. Я продолжал стоять столбом. – Сказано тебе – нету. Иди вон, там служба начинается.

Я сгрёб невостребованную сотню в карман, поклонился незнакомому бородатому святому под потолком и проследовал за очередью. Меня оглушило, придавило, распластало. Давным-давно, в школьные времена, родители возили меня в Пушкин, вот там был такой же роскошный дворец. Или почти такой же – там по стенам далеко не божественные картины висели. А в остальном похоже – высоченный купол с изображением ангелов, многоярусные окна, позолота по стенам. Среди этой позолоты – иконы, над некоторыми висят лампадки, под другими – шикарные позолоченные подсвечники. Я понял, что такое «поставить свечку». Больше всего золота и икон – впереди, целая стена, не капитальная, я увидел приоткрытую калитку, за которой тоже было какое-то затейливо обустроенное пространство. Перед стеной стоял священник – как в кино, в рясе, при бороде и кресте. Только в виденном мною кино попы обычно были дородными, пожилыми, глуповатыми и не очень опрятными, а этот выглядел аккуратно и молодо, если не юно, лишнего жира при себе не имел и глядел как будто с умом и пониманием. Чем-то неуловимо напоминал мне Изю. Пока рот не открыл.

– Господу помолимся, – пропел святой отец и пошёл скороговоркой-речитативом шпарить на непонятном языке. На очень старом русском – слова я по большей части узнавал, но извлечь из них смысл не получалось. Скороговорка пролетала мимо сознания, время от времени прерывалась распевным: «Господу помолимся», – и тогда люди вокруг дружно крестились, один я стоял, склонив голову. Священник, похоже, читал наизусть хорошо заученный текст. Мне оставалось только завидовать его магнитофонной памяти. Говорить же с ним расхотелось совершенно. Не получится из нас сомышленников. Я совсем было собрался тихо исчезнуть и больше не приходить никогда, потому что мне здесь не место. И тут неожиданно запел хор.

Для меня сразу перестали существовать и скороговорка священника, и бесполезные килограммы золота, оставалась только музыка. Хористы пели на том же старом русском, но могли бы и на латыни, и вообще без слов – смысл был в самой музыке. В школьные годы я однажды раскопал у родителей пластинки с органной музыкой Баха – сейчас ощущение было похожее, только более сильное. Музыка призывала к любви, и не только святый Боже был в центре этой любви, но любой человек, оказавшийся рядом. Смотри, призывала музыка, открой глаза и смотри. Я посмотрел – и увидел. В самом дальнем углу я отчётливо видел небольшую деревянную скульптуру – фигура человека, распластанного по кресту. Несмотря на расстояние, я ясно различал лицо этого человека. Ему было очень больно, эта боль ясно читалась на лице, но взгляд был ясен и беззащитен – как у Изи. Почувствуй эту боль, – говорила музыка, вспомни свою боль, почувствуй и подумай – хочешь ли ты причинить боль тем, кто рядом с тобой. Не спрашивай совета, пойми себя сам – человек ты или нелюдь, древний зверь гишу. Посмотри, как велико и светло небо над тобой.

Я посмотрел. В глаза ударило простелившее окно солнце, в носу засвербило. Я отвернул лицо и задёргал носом, но не удержался, чихнул. Еле успел прикрыться, но шуму наделал.

– Ишь, припёрся, – зашипела на меня стоявшая слева тётка. – Молицца мешаешь, пьяница. Кыш отседова.

Я забормотал слова извинения и отодвинулся вправо. Хор, периодически прерываемый речитативами священника, продолжал петь. Я закрыл глаза, чтобы даже солнце не отвлекало, и отдался течению музыки. Странное состояние – словно земное притяжение отпустило, невесомость, свободный полёт, но без неприятных ощущений воздушной ямы. Меня несло выше и выше, к сиявшему вдали ясному огню, обещавшему покой. Времени не существовало. Как в рассказах людей, переживших клиническую смерть.

Я очнулся, когда хор замолк и потянуло странным сладковатым дымком. На щеках было мокро, а в груди душно. Похоже, я и впрямь почти не дышал, словно к смерти готовился. Священник продолжал вещание на старорусском языке. Я глубоко вздохнул и, поперхнувшись, зашёлся в кашле.

– Прекратите! – строго потребовали сзади. – Пришли, так хоть людям не мешайте.

Я зажал рот обеими руками, но кашель не

проходил, каждая попытка удержаться вызывала новый приступ.

– Заткнись, попрошайка! – дама справа саданула меня локтем прямо в больную печень. Я не выдержал и взвыл уже в голос. И не только взвыл, но и сказал пару ласковых. Все силы отдавал сдерживанию кашля и за языком вовремя не уследил.

– Ах ты, подонок! – дама возвысила голос, заглушив священника. А может, сам священник замолчал, перебитый нашими криками. – Я тебе покажу, как в храме выражаться! А ну вон отсюда, побродяга!

Я и сам понял, что пора делать ноги. Продолжая зажимать рот и сгибаясь, я начал пробираться к выходу. Что дальше случилось, я не понял. То ли наступил на развязавшийся шнурок, то ли ногу кто подставил. Я запнулся, проехался животом по дощатому полу и въехал головой под чью-то юбку. Прихожанка завизжала и, проворно отскочив, принялась объяснять, что я охальник и невежа, которому не место в храме и вообще возле Господа. Меня рывком подняли на ноги. Взгляд упёрся в изображение креста на чёрной ткани.

– Получай, паскуда! – «Православие» ткнул кулаком в глаз. Я бы упал, но меня уже крепко держали за руки. Наверное, «Русский» с кем-то ещё на пару.

– Что вы делаете? – выкрикнул кто-то. – Здесь же храм! Батюшка, скажите им!..

– Смотрите, он украл! – пока я тряс головой, «Православие» успел обшарить карманы куртки, нашёл там заначенный стольник и теперь потрясал купюрой как знаменем. – Он в храме украл! Граждане, проверяйте кошельки!

– Послушайте...

Объясниться мне не дали. «Православие» ткнул кулаком в челюсть, во рту что-то хрустнуло. Кто-то крикнул:

– Покарать богохульника!

Меня поволокли наружу. Не оглядываясь на иконы, не кланяясь и не крестясь. Последнее, что я относительно отчётливо запомнил – растерянное лицо священника, замершего возле столика с иконой, и так же растерянно замерших прихожан. И группу поддержки из пяти или шести, радостно рванувшую следом за нами. Потом меня вынесли за дверь и поволокли вниз по крыльцу, за ограду и далее по дороге, прочь, всё дальше и дальше от церкви...

Всё, как в первый вечер нашего знакомства. По крайней мере, в главном. Небо постепенно темнеет. Костерок горит. На очаге кипятится чайник. Я сижу, прислонившись к тополю, напротив меня Изя. Я дошёл. Сам. Изя шёл рядом и пару раз действительно поддерживал, когда я спотыкался. Малька тоже шла рядом и оказывала моральную поддержку. Сейчас она распласталась у входа в мою нору, положив голову на лапы, пристально наблюдает, как я подбрасываю ветки в огонь и рассказываю о своем неудачном походе. Изя внимательно слушает и качает головой.

– А потом ты меня нашёл.

– Да, – вздыхает Изя. – Добрые прихожане – они такие добрые прихожане... иногда бывают. Моя вина. Не подумал.

– А должен был?

– Должен. Меня позапозавчера тоже оттуда выставили. Не били, просто заставили уйти. Моя вина.

– Да ладно... Всего не предусмотришь. Кто ж знал, что эти гады...

– Должен был подумать, – продолжает сокрушаться Изя. – А прихожан прости. Пожалуйста.

– Ну, ты...

– Я очень тебя прошу. Прости. Будь милосерден. Не держи зла. Они не ведали, что творили.

– По-моему, били они вполне сознательно.

– Они думали, что защищают веру, которую ты оскорбил. Ошиблись. Не поняли.

– Может, у них вера неправильная?

– Верят они всё-таки в Господа. Я так думаю. Только вот понимают не совсем верно. Понимает-то каждый по-своему. Да, кстати... Ты загадку мою отгадал?

– Чего? – обалдеваю я. За сегодняшним сумбуром как-то совсем вылетело из головы, зачем я в церковь ходил. За этим ведь тоже.

Изя вздыхает.

– Что из имеющегося у тебя умножается, когда ты делишься этим с другими?

– Огонь, – неожиданно говорю я, вспоминая о свечах перед иконами.

– Здорово, – задумчиво произносит Изя после минутного молчания. – Очень хороший ответ. Я уложился в четыре слова, а ты в одно. Здорово...

– А твой ответ какой?

– Знание, вера, добрые чувства. А ведь ты прав, всё это – огонь души. Ты замечательный сомышленник, Андрей! Господь посылает тебе очень сильные прозрения. Истинно тебе скажу: ты скоро будешь с Ним. Только не сверни с пути своего.

Теперь молчу я. Перевариваю. Потом заявляю:

– Не пойду я больше в церковь. Лишний я там. Даже священник не заступился.

– Ты батюшку тоже прости. Он лишь человек. Не ожидал, растерялся. И потом, когда ты приходишь в храм – ты ведь не к батюшке приходишь, не к прихожанам. Ты к Господу приходишь. А остальное значения не имеет.

– Всё равно ведь не пустят. Раз даже тебя...

– Это верно, – соглашается Изя. – В этот храм мы ходить не будем, чтобы прихожанам грех не умножать. Но он же не единственный. Вон в Покровке, например.

Покровка, Покровка... знакомое что-то. Точно, занесло меня туда как-то по весне и по великой дурости. Тридцать километров от города. В доперестроечные времена большое было село, со школой и приличным домом культуры. А сейчас всё разваливалось. Пустые окна кирпичных коробок, с десяток жилых дворов да приезжающие на лето. И церковь...

– Так ещё большевики разорили.

– А мы восстановим.

– Вдвоём?!

– Втроём, – Изя тихонько чмокает. Малька моментально оказывается рядом и садится, привалившись к нему боком. Изя чешет её за ушами, Малька млеет. – А что? У нас вся жизнь впереди. И потом, я... думаю, что тот, кого распяли, – привычно спотыкается он, – тоже начинал вдвоём. Помнишь, как первого ученика звали? Тоже рыбак был, кстати.

Я качаю головой.

– Андреем. Правда, не по паспорту, пришлось наречь. А тебя и нарекать не надо.

□

Игорь Георгиевич ПАНАСЕНКО

родился в 1958 году в посёлке Кукисвумчорр в Хибинах.

Окончил Ленинградский политехнический институт.

По образованию – инженер-радиофизик,

по жизни – программист.

Работает в Горном институте Кольского научного центра

Российской Академии наук.

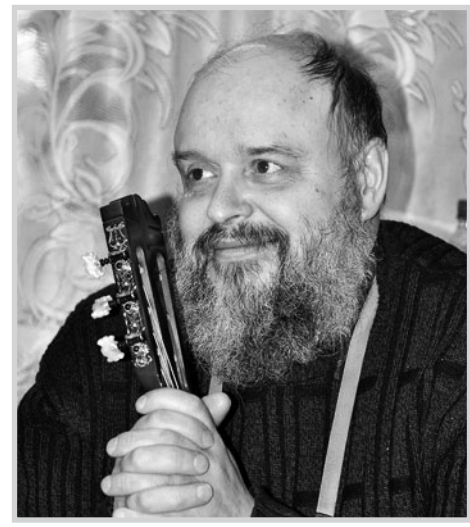
Пишет стихи, прозу.

Публиковался в поэтическом альманахе «45 параллель»,

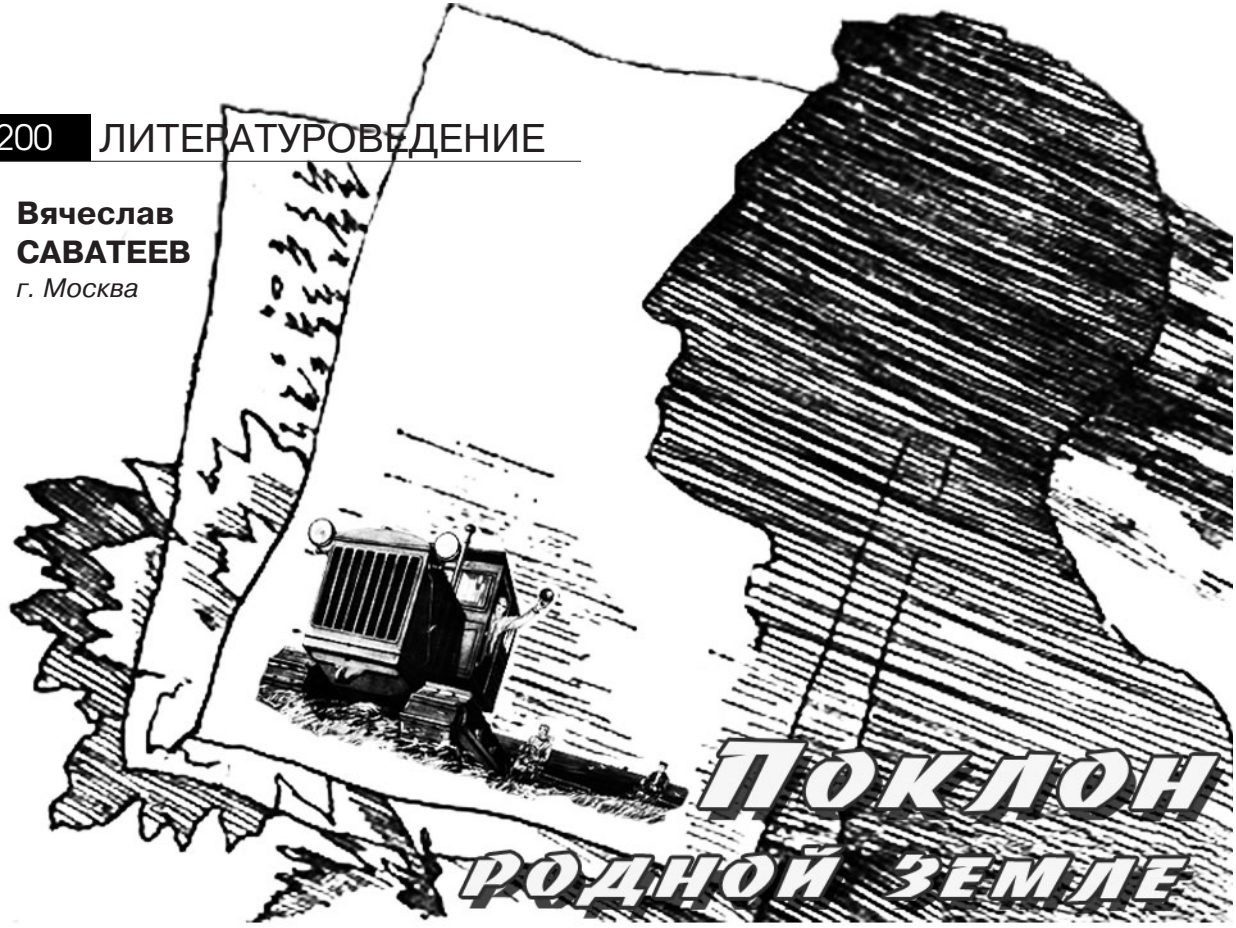
сборнике «Сорок ступеней навстречу», журнале «Крещатик».

Живет в Апатитах.

В журнале «Север» публикуется впервые.

Вячеслав САВАТЕЕВ
г. Москва

Поклон родной земле

(От «колхозного романа» к новой «деревенской прозе»: социальные проблемы и человеческое измерение)

«За перевалом Победы»

После войны у многих возникла известная и объяснимая эйфория. Литературовед Вс. Сурганов, размышляя о «колхозных романах» 1940–50-х годов, в частности, писал по этому поводу: «И очень многим казалось, что там, за уже открывшимся глазу долгожданным перевалом Победы, все трудности решаются, что называется, с ходу. Такой видится сейчас одна из причин, породивших упростительство и бесконфликтность в так называемом «колхозном романе» сороковых годов».

Однако эта эйфория была лишь одной из причин, и далеко не самой главной. Было и другое: выхолащивание гуманистического содержания литературы, замена живого дыхания жизни картонными схемами, идеологическими догмами, обеднение образа героя, сведение его к функции, «винтику», обезличивание, обескровливание внутреннего, духовного мира человека, его социальных и духовно-нравственных связей. Все это и находило свое выражение в упростительстве и бесконфликтности произведений о колхозной деревне и ее людях. Среди таких произведений – одиозно известные романы Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», Михаила Бубеннова «Белая береза», ряд других.

К их числу принадлежали и произведения Елизара Мальцева. В его романе «Горячие ключи» (1945) есть диалог двух героев: «Как живете-то?» – «По правде: ни шатко, ни валко… Но зубы пока на полку не клали. На днях чуть не всю ночь на собрании шумели, старого председателя снимали!.. Скинули худой лапоть с ноги, а какой новая обувка будет, кто ее знает… может, похуже старой». Но даже такие «смелые» откровения были редкостью. Три года спустя тот же писатель признавался, говоря о своем романе «От всего сердца»: «И я смотрел на жизнь выборочно, создавал этакую парниковую галерею «ростков нового...» Единственным же социальным конфликтом «оказалось чреватое столкновение «хорошего с лучшим» – семейный спор главных героев из-за «размеров посевных площадей опытных участков пшеницы», – справедливо отмечали критики.

Мечты о «стопудовом урожае», верноподданнические письма и обращения колхозников к Сталину в стиле апокрифа, вступление главной героини в партию, как и некоторые другие подобные сюжеты и сцены. Это и многое другое шло не столько от ре-

альной жизни, сколько от заданной схемы, что существенно снижало художественный потенциал романа Мальцева. «Родина на нас в обиде не будет, если мы ей больше хлеба дадим!» – провозглашает Груня Васильцова. «Товарищ Сталин, не беспокойся, от нашего хлеба аж амбары затрещат», – обещают герои произведения... Пшеница, которая *«полегла» от непогоды, вскоре поднялась, – прежде всего, как оказывается, потому, что она «советского сорта»*.

В еще большей мере погоню за мнимыми, а не реальными «ростками нового» определяло содержание романа «Живая вода» (1950) Алексея Кожевникова. Герои этого произведения каждый свой шаг сверяют с только что вышедшим постановлением ЦК ВКП (б) о подъеме сельского хозяйства в послевоенный период, рассуждают о покорении природы, важности мелиорации и т.п. В центре романа – традиционный конфликт между приверженцами старых методов хозяйствования и сторонниками нового. «Надо бросить плуг и разводить скот, как всегда было», – говорит один (Застреха). «Надо совсем другое: орошение, лесомелиорацию, снегозадержание», – утверждает другая (Иртэн). Сторонники нового, конечно, побеждают. Произведение наполнено производственными спорами, всякого рода технологическими проблемами. *За всем этим практически не видно героев, человеческих характеров.*

Галину Николаеву также справедливо критиковали за то, что герой ее романа «Жатва» Василий Бортников всего за год превратил свой отстающий колхоз в передовой; в романе А.Кожевникова практически то же самое происходило за три недели… Прожектерство, а по сути авантюризм руководителей типа Лутонина станет предметом критики, осмеяния позже. В романе «Живая вода» он является объектом художественного «воспевания», восхваления. Итог деятельности Лутонина вполне впечатляющ: «все растет как на дрожжах». Но беда в том, что *«на дрожжах»* все это росло только в плохой литературе – в жизни все было куда менее «празднично» и более трудно…

В самом начале 1950-х годов в печати вдруг заговорили о важном «оружии партии» – критике и самокритике, помогающей устранять недостатки в обществе, о необходимости развивать и совершенствовать это оружие, беспощадно разоблачать бюрократов и тех, кто оторвался от народа, плохо выполняет решения партии. Как мы сейчас знаем, Сталин готовился «почистить» свой аппарат, заменить некоторых своих верных сподвижников; вопрос о критике и самокритике был своеобразной подготовкой к кадровым решениям в высшем эшелоне. В этом же духе были «высочайше» произнесены и слова о том, что нашей литературе очень нужны свои «Гоголи и Щедрины» (позже по этому поводу острили: «но такие Гоголи, чтобы нас не трогали»). В ответ на эти призывы писатели отозвались очерками, рассказами, произведениями других жанров. Некоторые из них совпали с настроениями самих писателей.

В итоге появились публикации, которые стали заметными явлениями в литературе; одним из них стала книга очерков Валентина Овечкина «Районные будни». Характерно, что эти очерки практически одновременно печатались как в оппозиционном журнале «Новый мир», так и в центральном партийном органе – газете «Правда». Это говорит о том, что в данном случае писатель не просто «откликнулся» на призыв, а глубоко выстрадал мысли и чувства, которые легли в основу очерков.

В очерках В. Овечкина были представлены два типа руководителей – Борзов и Мартынов. Образ Борзова превратился в имя нарицательное: «борзовщина» стала воплощением дня вчерашнего – с его авралами, взятыми с потолка планами, недооценкой «человеческого материала» и т.п. Борьба за урожай, за план по-прежнему объявлялась «фронтом» – с его пренебрежением к человеку, культом «победы любой ценой». Антипод Борзова – Мартынов, руководитель нового типа, который стремится использовать прежде всего экономические методы, убедить людей, заинтересовать их общим делом.

Борзов исповедует идеологию уравниловки, он убежден, что передовики должны тянуть за собой отстающих, его лозунг «при коммунизме сочтемся» приучает к иждивенчеству. При этом он пользуется демагогией, прикрывая все свои действия интересами государства, ставя последние выше интересов отдельного человека. Мартынов выступает против уравнительного принципа, он считает, что интересы государства и человека, рядового труженика не должны противоречить друг другу.

Овечкин не видел порочности самой колхозной системы, он считал, что она нуждается лишь в улучшении, преодолении бюрократических методов, устранении определенных «искажений» ее (ленинских в своей основе) принципов, в которые он, в свою очередь, свято верил. При всем этом значение очерков Овечкина трудно переоценить. Это признавали многие. Так, Залыгин отмечал еще в 1950-е годы, что он не написал бы многого из того, что он написал, не будь очерков Овечкина. Александр Твардовский же полагал, что «Районные будни» Овечкина были «фактом поворотного значения», в этих очерках прозвучало «встревоженное слово вдумчивого литератора» о положении в деревне послевоенных лет, о необходимости перемен в народном хозяйстве, методах партийного руководства. Впро-

чем, в этом была своя правда. Правы, пожалуй, и те, кто считал, что без «Районных будней» были бы невозможны достижения «деревенской прозы» 1960–70-х годов. Однако для этого еще должны были возникнуть новые условия...

В схожем ключе был написан «Деревенский дневник» (1956–1972) Ефима Дороша – еще одно заметное и своеобразное явление деревенской очерковой прозы тех лет. Его жанр и творческий метод был определен уже в самом названии. В нем утверждалась мысль о тесной связи экономических проблем и человеческого фактора, элементов объективных и субъективных; последние нередко недооценивались.

Сельским проблемам, людям деревни посвятил свои послевоенные произведения Сергей Залыгин. Среди них – очерки «Весна нынешнего года» («Новый мир», 1954), «Красный клевер», некоторые другие. В них также представлены два типа руководителей, показана борьба между ними. Надо отметить, что писатель уже тогда видел причину трудного положения русской деревни не только в разрушительной войне, но и в практике коллективизации 1930-х годов. Прямо говорить и писать об этом Залыгин не мог, но его понимание в той или иной мере проявилось в последующих произведениях – романе «Тропы Алтая» (1962) , особенно в повести «На Иртыше» (1965) . Очерки же середины 1950-х годов стали для писателя своеобразной подготовительной площадкой для перехода к крупной художественной форме.

К жанру сатиры обратился в те годы воронежский автор – Гавриил Троепольский в его цикле рассказов «Прохор Семнадцатый и другие». В них писатель, как и Овечкин, остро поставил вопрос о вреде бюрократизации, отгороженности начальства от живого человека, о подмене реального руководства бумаготворчеством.

Уже в первом рассказе цикла «Никишка Болтушок» говорится о родовой бюрократической болезни – «отчетомании». «Иная сводка в двести вопросов на двенадцати листах, целые «холсты». О Болтушке говорят: «Дым густой, а борщ пустой». Он готов «дебатировать» любой пустячный вопрос. Его речь длинна, витиевата, банальные вещи он изрекает тоном первооткрывателя. Писателю удалось создать сатирический характер, «запеленговать» определенный социальный тип, на что указывала в свое время критика. Лучший рассказ цикла – «Прохор Семнадцатый, король жестянщиков». Его «герой» берется руководить, ничего не смысля в сельском хозяйстве, и постоянно попадает в нелепые, глупые ситуации, что и вызывает смех у читателя. Автор обращается к гоголевским приемам характеристики своего персонажа, давая ему кличку, рисуя его портрет: «Комплекция плотная, рост выше среднего, животик изрядно толст, ноги поставлены довольно широко и прочно; голова большая, лоб узковат, но не так уж узок; нос узловатый, широкий и тупой, слегка приплюснутый, с синим отливом; нижняя губа приблизительно в два с половиной раза толще верхней, но не так уж толста, чтобы мешала; две глубокие морщинки – просто жировые складки, а не то чтобы следы когтей жизни; глаза на таком лице следовало бы ожидать большими, а они, наоборот, получились маленькие, сидят глубоко, как глазок картофелины, и цвета неопределенного, будто подернуты не то пылью, не то марью». Утрата человеческого – родовой признак бюрократа.

Автор подчеркивает внешнюю «загадочность», «таинственность» своего героя, но на поверку оказывается, что никаких тайн и загадок в нем нет – внутри у Прохора Палыча Самоварова пустота и равнодушие к людям. Писатель охотно прибегает к шаржированию: длинные и бессмысленные речи героя служат средством саморазоблачения, автопародии. «План – это, товарищи, план. План до тех пор план, пока он план, но как только он перестает быть планом, он уже не план...» – и так далее. Апогей глупости и самодурства «короля жестянщиков» – письмо-обращение колхозников, в котором он представлен в резко негативном плане и которое он сам, как оказывается, подписал. Он предстает в образе известной унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла... Правда, Троепольский ограничивается критикой низшего звена партийных работников, но на фоне воспевания «стопудовых урожаев» и «трещащих» от хлеба амбаров критический взгляд на колхозные реалии, партийных руководителей означал расширение территории общественной критики...

«Удивительная подлинность»: «Матренин двор» (А.Солженицын)

Проза В.Овечкина, Г.Троепольского, С.Антонова, Ю.Казакова, С.Залыгина, Е.Дороша, А.Яшина, некоторых других литераторов стала первой предвестницей «новой волны» художественной прозы 60-х годов, в которой свое заслуженное место заняли первые произведения Александра Солженицына, прежде всего его повесть «Один день Ивана Денисовича», рассказ «Матренин двор». В свою очередь, эти произведения обозначили новый этап в развитии «деревенской прозы», от которой он, однако, позже отошел....

Новая деревенская проза генетически впитывала в себя традиции русской литературы XIX века, кото-

рая начиналась чуть ли не с А.Пушкина, Н.Гоголя, Н.Гончарова, Л.Толстого, Ф.Достоевского и продолжая А.Чеховым, А.Буниным, М. Горьким, особенно же ту ее ветвь, которой со временем стали близки идеи народничества, «почвенничества», славянофильства. Отличительными чертами этой идеологии были религиозная, христианская основа русского православного мировоззрения, сочетание чувств коллективизма, противостоящего западническому индивидуализму, с идеализмом, мессианством и т.д. Все это, конечно, в советской литературе было значительно приглушено, упрощено, встроено в общую идеологическую модель, призванную работать на актуальные задачи партийного строительства «нового» социализма.

Однако очевидно, что в глубинах творческого сознания писателей разного поколения оставались многие представления о тесных, подчас мистических связях земли и народа, природы и верований, нации и ее исключительной, особой роли в жизни мира, вселенной; прочными оставались религиозно-обрядовые формы, их проникновение в новые условия колхозной жизни. Как известно, Н.С.Хрущев сделал как никто много из советских руководителей для уничтожения в стране церквей, религиозных «пережитков», для внедрения атеистического образа жизни. И все же и он оказался бессилен, чтобы корневые, идущие из самой глубины веков понятия и представления, заложенные в самую матрицу русской души, русского характера, были полностью стерты из памяти. Более того, он сам был в немалой степени носителем «пережитков», с которыми боролся, и в нем проявлялись противоречивость, двойственность характера, крестьянская привязанность к земле сочеталась с политиканством и склонностью к поверхностности и авантюризму...

Александр Солженицын сам признавал автобиографичность своих произведений. Довольно прозрачен образ повествователя «Игнатича» в «Одном дне...», в скупых сведениях о котором чувствуется лично пережитое, увиденное автором. Повествование от первого лица усиливает ощущение задушевности, достоверности рассказа, позволяет читателю сделать свои оценки, выводы. Ж.Нива, определяя «удивительную подлинность» рассказа А.Солженицына, характеризует его как «очерк», «репортаж» о «советском обществе, морально опустошенном, но незримо обогащаемом «праведниками» вроде Матрены».

Матрене – главной героине рассказа А.Солженицына – шестьдесят лет. Она одинока: муж не вернулся с войны, шестеро детей не выжили, умерли один за другим. У нее есть родственники, но они редко бывают у Матрены и мало ей помогают; она часто и тяжело болеет. Мы узнаем, что всю жизнь она работала в колхозе за одни «палочки» – трудодни, не получала денег. С большим трудом ей удается добиться небольшой пенсии за мужа. Писатель рассказывает о ее повседневных трудностях: ей нечем топить печь, и она, как и многие, ночами вынуждена украдкой доставать торф...

А.Солженицын следует традициям русской классики в изображении дореволюционной деревни, проявившихся в произведениях Г.Успенского, А.Чехова, И.Бунина. Эти же традиции помогают ему показать и нравственную, духовную силу русского человека. Несмотря на свою тяжелую, порой беспросветную жизнь, Матрена не ожесточается на людей, сохраняет душевную доброту. Она никогда не отказывается помочь и колхозу, и своим родным, и подругам, о чем бы те ни попросили. Рассказ заканчивается сценой похорон Матрены и размышлениями автора о праведнице, без которой «не стоит» ни одно село, ни вся Россия.

Автор сохраняет веру в силу и стойкость своей героини. Но как писатель-реалист он осознает, что возрождение России будет нелегким. И дело не только во властях, начальстве, бюрократах, которые стоят на пути, делают жизнь простого человека невыносимой, но и в самих односельчанах, которые окружают Матрену.

Вот Фаддей – антипод Матрены. Это человек, который только и думает о своей выгоде, о том, как бы не упустить своего. Эти мысли занимают все его сознание даже тогда, когда он попадает в аварию, теряет своих родных, когда погибает у него на глазах Матрена. Он да и некоторые другие односельчане, также находящиеся на грани выживания, довольно равнодушны к тяжкой жизни и смерти Матрены, не испытывают душевного сочувствия.

Думается, прав В.Чалмаев, который высказал некоторые критические замечания о рассказе Солженицына, в частности, отметил известную «заданность», установку на конечное «возведение Матрены в сан праведницы», «обилие психологических пустот, созерцание ее и морализаторство». Но критик прав и тогда, когда он вслед за этим признает, что писателю «все можно простить за огромный импульс, который дал этот рассказ всей деревенской прозе: *она стала не просто крестьянской, а христианской, она ушла от дискуссий плохого секретаря райкома с хорошим («Районные будни» В.Овечкина), увидела не просто упадок хозяйства, а страшный провал в истории, новейшее русское горе».*

Так случилось, что «Один день Ивана Денисовича», опубликованный в ноябрьском номере «Нового мира» за 1962 год, отчасти заслонил рассказ «Матренин двор», который был напеча-

тан в том же журнале в 1963 году, уже по следам «Одного дня». Однако сегодня мы видим, что оба эти произведения не только были написаны практически в одно время, но и в равной мере отражали те определяющие художественные принципы, которые вскоре проявились в творчестве Солженицына в целом. Матрена и Иван Шухов – во многом родственные души, страстотерпцы, в равной степени хлебнувшие лиха в своей жизни, неизвестно за какие грехи и провинности вынесшие и голод, и издевательства начальства – и нашедшие в себе силы остаться людьми, не растратить веру в людей, в Бога. С первых же опубликованных произведений ранняя проза А. Солженицына высоко подняла уровень разговора о русской деревне, о народе, вынесшем тяготы войны и сохранившем в себе лучшие черты – душевную стойкость, гуманизм, веру в свое будущее. *Гуманистическое содержание творчества писателя бесспорно, оно было тесно связано с возвращением к христианской традиции, которая питала русскую литературную классику.*

Верность себе. «Поднятая целина»,2-я книга (М.Шолохов)

Середина 1950-х – первая половина 1960-х годов – время творческой активности Михаила Шолохова. В эти годы он создает рассказ «Судьба человека» (1956), вторую книгу романа «Поднятая целина» (1959), новые главы романа «Они сражались за Родину», другие произведения.

В последнее время вышел целый ряд исследований о различных сторонах и аспектах творчества Шолохова, которые позволяют глубже проникнуть в художественный мир писателя, лучше понять значение и место писателя в русской и мировой культуре.

Будучи разделенными 27-летним временным интервалом, первая и вторая книги романа М.Шолохова «Поднятая целина» воспринимаются как единое и неразрывное целое. Писатель с самого начала планировал продолжение первой книги романа; вторая книга анонсировалась, однако работа над «Тихим Доном», а затем война отодвинули исполнение замысла писателя.

Во второй книге в основном сохранились и были развиты определяющие черты прозы Шолохова, его художественные принципы. Это прежде всего глубокий интерес к важнейшим сторонам национальной жизни русского народа, объективность художественного изображения, приверженность народному взгляду на события, «многоголосие» героев, широта охвата в сочетании с психологическим анализом, умением запечатлеть индивидуальность образа, художественная зоркость, владение глубинными пластами народного и русского литературного языка, атмосфера стихии юмора, «карнавала» как преодоления идеологической «серьезности», политической «актуальности» и проч.

В этой связи нельзя не согласиться с исследовательницей творчества Шолохова Н.Муравьевой, которая считает необоснованным противопоставление «Тихого Дона» и «Поднятой целины» как произведений, якобы написанных в двух разных художественных измерениях; при этом «Поднятой целине» отказывается в наличии глубинных, онтологических проблем, навязывается узкопартийное прочтение и проч.

Михаилу Шолохову не пришлось резко, кардинально «перестраиваться» в годы «оттепели»; у его творчества были глубокие корни, которые уходили в почву народной жизни, истории русского народа.

Впрочем, десятилетия спустя, в «постперестроечные» 1980-е годы, роман «Поднятая целина» подвергнется конъюнктурным нападкам. Так, в книге Г.Свирского Шолохов назван в числе «карателей», якобы мешавших развитию литературы; в один ряд поставлены такие явления, как «шолоховщина и бабаевщина». «Бабель и Шолохов на одной земле существовать не могли, – пишет Свирский. – Существуй в литературе тридцатых годов «Великая Криница», невозможно было б даже появление фальшивок типа «Поднятой целины» Шолохова. Одна лишь глава «Колывушка» из «Великой Криницы» перечеркнула бы шолоховские и другие подделки, в которых ерничали бесчисленные Щукари, а крестьянство осчастливила историческая работа товарища Сталина «Головокружение от успехов». Столкнулась подлинная литература и антилитература, поддержанная всей мощью государства, и судьба литературы была предрешена». Есть и другие попытки исключить автора «Поднятой целины» из истории русской литературы, противопоставить его творчеству других писателей, в частности, Андрея Платонова, автора романа «Котлован».

Разумеется, с течением времени писатель не мог оставаться неизменным, неподвижным на протяжении тех лет, которые отделяли первую книгу от второй. Углублялось его понимание исторических процессов, происходивших в годы коллективизации, отгранивался его художественный метод. Надо отметить, что при всей своей самостоятельности, «отдельности», вторая книга романа была неизбежно как бы запрограммирована первой частью и подчинялась внутренней логике повествования. Все это необходимо учитывать при оценке и анализе художественной структуры романа в целом и второй его

части в частности. Главная тема романа – коллективизация, классовая борьба в деревне, в которую оказываются втянутыми и уже известные персонажи романа, и новые герои. Противостояние двух лагерей проявляется как в открытой схватке, так и в скрытых процессах, в которых каждый герой занимает свое место, определяет свою позицию.

Эстетические принципы и предпочтения Шолохова порой высказывают далекие от литературы герои – такие, например, как возница Аржанов. По его мнению, человек ценен тем, есть ли в нем какая-нибудь «чудинка», индивидуальность. Эта «чудинка» имеется в Давыдове, который влюбился в Лушку Нагульнову; в Нагульнове, который изучает английский язык, увлекается петушиным пением… Но больше всего этой «чудинки» в таких героях, как дед Щукарь, сам Аржанов, кузнец Ипполит Шалый, других персонажах романа. Этот принцип, как видим, универсален, по нему действует и сам писатель: большинство героев имеют такие «чудинки», и не только внешние, портретные, но – прежде всего – внутренние, психологические.

В романе «Поднятая целина» действует, выражаясь современным языком, своеобразная система «сдержек и противовесов», что является предпосылкой художественного «равновесия», «балансировки», выравнивания и т.п. Она проявляется по-разному – открыто, прямо и скрытно, опосредованно. Так, Давыдов часто попадает под огонь критики – и довольно острой, и он вынужден признать правоту этой критики, исходит ли она от кузнеца Шалого или от деда Щукаря, от секретаря райкома Ивана Нестеренко или от Устина Рыкалина. Тем самым образ председателя колхоза оказывается как бы в отражении разных «зеркал». То же происходит с Нагульновым – он «отражается», аукается в Лушке, в том же деде Щукаре, в Разметнове, наконец в Давыдове. Андрей Разметнов, секретарь сельсовета, оставшийся один, увлекается голубями, гоняется и расстреливает кошек в хуторе… Все это не просто «чудинки», но приметы, которые «снижают» образ каждого из героев, оберегают его от идеализации, позволяют избежать излишней «серьезности», нередко придают черты пародии, травестийности.

В системе изобразительных средств Шолохова большое место занимает смех, смеховое начало. Исследователь, историк литературы Светлана Семенова справедливо замечает, что ни в одной книге писателя так много не смеются, как в «Поднятой целине», особенно во второй его части. В этой связи следует отметить, что Шолохов предлагал опубликовать первые главы второй книги в журнале «Новый мир». Однако Твардовский считал, что в ней есть страницы, не «достойные пера» автора «Тихого Дона». Речь шла, в частности, о «некотором излишке с петухами, несколько фальшивоватом приезде секретаря райкома в поле, может быть, некотором переборе комико-эротических (прошу прощения) положений и выражений…». В итоге вторая книга «Поднятой целины» впервые была напечатана в журналах «Нева», «Дон» и «Октябрь», а Шолохов вскоре вышел из состава редколлегии «Нового мира»…

Твардовский был не одинок в своем торопливом, а по сути поверхностном толковании «перебора комико-эротических» сцен и выражений. Он не разглядел в шолоховском стиле глубокого, серьезного смысла, который скрывался в романе Шолохова. В самом деле, даже такое «серьезное» мероприятие, как партийное собрание, на котором принимают в партию трех колхозников (Майданников и другие), почти полностью проходит под аккомпанемент шутливых комментариев деда Щукаря, который пытается дать «полный отлуп» Майданникову. Смеховую атмосферу собрания поддерживает то обстоятельство, что Щукаря уводит домой его жена, но он запирает ее и снова возвращается на собрание…

«Зубоскальство» Щукаря, конечно же, носит вполне серьезный характер. Здесь «раблезианство» Шолохова едва ли не достигает своего апогея, вышучивая заформализованный процесс «посвящения» вступающих в партию, представляя своих героев в реальном свете, очищая их от масок, от бахтинского «карнавала». Вообще следует признать, порой кажется, что главными героями романа являются не Нагульнов и не Разметнов и тем более не Островнов или Половцев с Лятьевским – представители противоположного лагеря, – а именно этот «пустой» мужичишко, все и вся подвергающий критике и вышучиванию, с его нелепыми рассуждениями и поступками. И эта его роль не случайна. Щукарь – это как бы «контролирующий» герой, альтер эго самого автора. Он проходит через весь роман; его образ напоминает Моргунка в известной поэме Твардовского «Страна Муравия». Источник смеховой стихии в романе Шолохова очевиден – это фольклор. Фольклоризация языка, образной системы – стремление к преодолению политической «серьезности», идеологической нагруженности, схематизма. И в то же время защитная реакция на бюрократизацию жизни в целом, крестьянского бытия в том числе. *В этой особенности творческой палитры проявляется демократизм писателя, гуманистическая направленность его таланта.*

В романе Шолохова есть не очень ясные, возможно, закодированные места, мотивы, метафоры. В них как бы скрыт двойной смысл, есть некий подтекст, который порой с трудом прочитывается. Так, уже упоминалось о петушиных «страданиях» На-

гульнова, о его попытках отловить петуха, который выбивается из «хора». Нет ли в этом пародийной, сатирической нотки в адрес коллективизации, которая как раз и призвана всех уравнять, «извести» тех, кто поет не своим голосом? Думается, есть некий намек на метафору, «перенос», на актуальную проблематику и в сцене «отстрела» Разметновым хуторских кошек, которые угрожают столь полюбившимся ему голубям. Пародирование усиливается тем, что председателю сельсовета начинают приносить «кошков» мальчишки, прослышавшие, что Разметнов занят этим неблаговидным делом. Этот мотив явно перекликается с «деловым предложением» все того же Щукаря стричь всех собак и делать из их шерсти чулки «от ревматизьма»... Не случайно Щукарь готов уступить свое «предложение» никому иному, как Нагульнову.

Атмосфера, стихия смеха, в которой буквально «купаются» герои, сам автор, при всем драматизме событий, – это атмосфера реализма, художественной объективности, которая и придает произведениям Шолохова качества «нескоропортящегося» продукта. «Поднятая целина» стоит особняком среди «колхозных романов» 50-х годов; она непосредственно примыкает к деревенской литературе уже нового, следующего этапа. Твардовскому увиделись в книге Шолохова приметы старого «колхозного романа», и он отверг ее, решив, что такое якобы повторение скомпрометированного жанра прошлых лет недостойно пера автора «Тихого Дона». Писатели не поняли друг друга. Увы, нередкий случай.

В острой полемике с бесконфликтностью (В.Тендряков)

Деревенская тема – центральная в творчестве Владимира Тендрякова. В 1941 году он ушел на фронт, в 1943 году был ранен. После демобилизации работал в школе, был секретарем райкома комсомола. Уже в Литературном институте, куда он поступил в 1945 году (семинар К.Паустовского), начал писать, печататься и, как вспоминают его коллеги, писал он очень быстро; первые произведения были посвящены войне.

В 1950-е – начале 1960-х годов Тендряков создал немалое число рассказов, повестей, романов; среди них – «Падение Ивана Чупрова», «Не ко двору», «Ухабы», «Тугой узел», «Чудотворная», «Суд», «Тройка, семерка, туз», «За бегущим днем», некоторые другие. Отличительной чертой произведений В.Тендрякова с самого начала стал интерес к нравственной проблематике.

Писатель, как правило, изображает социальные конфликты, за которыми стоят человеческие характеры с их острыми моральными проблемами; в центре внимания находятся темы жизни и смерти, любви, человеческих отношений, личности и коллектива, человека и власти и т.д. Прав критик Е.Сидоров, который отмечал, что Тендряков сформировался как писатель «в активной полемике против так называемой «теории бесконфликтности»», отчасти поэтому характерной чертой его стиля является «острая конфликтность, драматизм ситуаций, особенно нравственных коллизий».

Тендряков показывает реальные конфликты современной ему колхозной деревни, трудное положение после войны; но при этом свое внимание он фиксирует на психологическом мире его героев, на «тугих узлах» не только социально-экономического характера, но в не меньшей степени на внутреннем мире персонажей, моральных переживаниях, духовных коллизиях. В первых произведениях это удается не всегда, но всегда ставится как художественная задача, которая и определяет самый характер деревенской прозы Тендрякова.

О глубоком и постоянном интересе писателя к морально-нравственным проблемам свидетельствует, в частности, его статья «В тысяча первый раз о нравственности», над которой он работал в 1969–73 гг., вплоть до своей смерти (1984). В этой статье Тендряков размышляет о морали и религии, высказывает неординарные мысли о духовной природе человека, о зависимости морали от «внешних», в том числе социально-экономических, исторических условий бытия. Он анализирует этические постулаты Достоевского и Толстого, приходит к выводу, что ни наука, ни религия, ни искусство не смогли предотвратить войн, чудовищных злодеяний и т.д. Однако, по мнению писателя, это не является основанием для пессимизма; он полагает, что человечество стоит на пороге неких «нравственных преобразований».

По его убеждению, духовно-нравственные вызовы нашего времени не меньше, а больше, чем во времена русских классиков, и их уроки должны послужить для нас основой в наших поисках; будущее должно найти более прочные нравственные основы, иначе оно просто не выживет. Этот категорический императив станет для Тендрякова ясным не сразу, но с самых первых своих шагов в литературе он предощущался, был стержнем его художественных поисков.

В повести «Не ко двору» (1954) писатель еще во многом несамостоятелен. В центре повести находится конфликт между частнособственнической психологией отсталых родителей Стеши Ряшкиной и ее самой, с одной стороны, и сознательным трак-

тористом Федором Соловейковым, с другой. И хотя сам по себе сюжет повести новым не назовешь, автор во многом сумел наполнить конфликт актуальным психологическим содержанием.

Наиболее удачны характеры молодой жены Федора Стеши, ее матери, которые преодолевают в себе власть прошлого. Неплохо показана и борьба Федора с отсталостью и пережитками прошлого. «Не пущу тебя домой, – говорит он молодой жене. – Все поломается опять промеж нами. В вашем доме даже воздух заразный. Надышишься ты его – чужой мне будешь». И хотя его победа в этой борьбе предрешена, писатель стремится уйти от явной счастливой концовки, показывая, как его герой проявляет свой характер.

Правда, порой бывает трудно отделаться от ощущения схематизма, упрощенности психологических характеристик, преобладания черно-белых тонов. Так, секретарь комитета комсомола Нина Глазычева, находясь в доме Стеши, говорит как на трибуне: «Очень хорошо!.. Прекрасная дочь, прекрасная! Вы понимаете только – она человек будущего! Она будет жить при коммунизме!»

Со временем творчество В.Тендрякова становится острее, авторская мысль убедительнее, ярче – это хорошо видно в его повести «Ухабы» (1956). Символичен здесь центральный образ *дороги, сплошных ухабов,* которые становятся причиной несчастья, случившегося с одним из героев повести. С дождями маленький городок Густой Бор оказывается отрезанным от остального мира: «в магазинах исчезают соль и керосин, в Доме культуры перестают показывать новые кинокартины, письма и газеты приходят с запозданием, так как почту доставляют с оказией, на лошадях». Машина Василия Дергачева падает под откос, придавливает человека.

Но это только часть драмы; дальнейшие события выглядят не менее драматично, они описаны автором как приговор равнодушию, бюрократизму местного начальства. Перед читателями проходит выразительная галерея людей, к которым обращается Дергачев и которые могли помочь человеку в беде, но не захотели брать на себя малейшей ответственности, и он погиб.

Вот перед нами директор МТС Княжев – человек как будто неплохой, на первых порах он помогает нести раненого; однако когда у него просят дать трактор, он боится, что его обвинят в «неправильном» использовании колхозной техники, напишут в райком, а там по головке не погладят. Никакие уговоры не заставляют его изменить свое решение.

Свой отказ дать трактор для раненого Княжев объясняет тем, что не имеет права распоряжаться государственным «добром». «Иль я не человек, иль во мне души нет? – оправдывается директор МТС. – Я же первый слово сказал – парня до места надо доставить, первый же в носилки запрягся. Попросите для больного кровь – отдам, попросите для него рубаху – сниму. Но тут не мое, тут не я распоряжаюсь…» «Я помог на место доставить, свой гражданский долг выполнил», – убеждает он себя и других. Такая дозированная гуманность, доброта по нормативу…

Мы видим, как практически все начальство пытается уйти от ответственности, от попытки оказать помощь попавшему в беду человеку, и этот замкнутый круг невозможно разорвать; здесь простые человеческие чувства, отношения искажены, подменены законами бюрократического «братства», в котором все решают указания сверху, регламентированные нормы поведения.

Может быть, особо зловещий образ здесь – участкового милиционера Копылова, так живо напоминающего чеховского «унтера Пришибеева». Первая его реакция – несколько пустых, механических фраз о том, что он не имеет права приказывать не по своей «линии» и что он без приказа сверху ничего не может сделать сам. Далее он входит в свою роль и пытается «разобраться»: «Я обязан задержать шофера, сесть и спокойненько, пункт за пунктом, нарисовать протокол…»

Круг замыкается, человеческая жизнь оказывается зависимой от инструкции, от действий героев в рамках бюрократической системы, где без указа сверху, без команды невозможно ни один шаг, ни одно живое движение души, живого чувства – им просто не пробиться. Раненый обречен. И хотя его все же доставляют в больницу, но момент упущен, и он погибает. Это открытый приговор писателя бездушию людей, бюрократической системе, не приспособленной действовать в неожиданных ситуациях, которыми полна наша обычная жизнь.

Свой окончательный приговор писатель произносит устами хирурга, узнавшего историю и сказавшего в адрес Княжева, а по сути каждого из участников этой трагедии: «Бюрократ! /…/ До убийцы выросший бюрократ!»

В основе повести «Ухабы» – острая социальная и нравственная проблема. Не все образы в ней прописаны тщательно, некоторые характеры лишь намечены, мы видим их контуры. Однако автор умеет сосредоточить свое внимание на главном – на социально-моральной доминанте человеческих отношений, на показе механизма их взаимодействия, на его «поломках», на желании найти рецепт «лечения». Здесь автор продолжает тему сатирических рассказов Г.Троепольского.

В.Тендрякова порой обвиняли в торопливости, в погоне за «сиюминутным», в «очеркизации». Все это есть в его произведениях; нет лишь одного – холодной бесстрастности, отстраненности. Тендряков – писатель страстный, горячий, стремящийся угнаться «за бегущим днем».

«Особенность произведений В.Тендрякова – их драматизм, – писал критик Ю.Суровцев. – В реалистическом драматизме – пафос и сила таланта В.Тендрякова». Истинное, правильное побеждает в нашей жизни не просто потому, что оно истинное и правильное. Истинное побеждает у нас потому, что оно в конечном счете сильнее, – продолжал критик. – Но это не значит, что в каждом конкретном случае перевес сил на его стороне. И Тендряков особенно внимательно вглядывается в те случаи, когда зло и неправда терпят моральное поражение, поражение в глазах читателя, не сдавая еще своих позиций в жизни. Отсюда – некоторая сюжетная «незаконченность», нежелание ставить точки над «и».

Роман «Тугой узел» (1955) вначале был повестью и имел другое название – «Саша отправляется в путь». Судя по названию, главным героем первоначального варианта произведения был молодой герой – Саша Комелев, сын секретаря райкома партии, его жизненное и гражданское становление. Эта линия осталась и в романе, однако центральным персонажем становится Павел Мансуров, пришедший на смену умершего Комелева-старшего.

Тип конфликта, структура образов, развитие сюжета, композиции в романе «Тугой узел» еще во многом напоминают «колхозные романы» Г.Николаевой, Е.Мальцева и других; однако у Тендрякова заметно возрастает «градус» критического пафоса, обращенного к самой системе, которая порождает героев, подобных Мансурову.

Писатель показывает, как этот карьерист, человек честолюбивый, без моральных «тормозов», становится секретарем райкома, долгое время считается образцовым партийным руководителем, находит поддержку в обкоме. Секретарь доводит до смерти Феодосия Мургина. Так завязывается «тугой узел», который затягивается еще больше, когда Мансуров вступает в конфликт с лучшим председателем колхоза в районе – Игнатом Гмызиным, человеком честным, принципиальным.

Надо признать, что роман завершается вполне традиционно для того времени: Мансурова снимают с должности, на его место выбирают Гмызина. Казалось бы, герой разоблачен и обезврежен. Однако сам автор не столь оптимистичен; мы узнаем, что обком оставляет его в своем резерве и посылает на партийную учебу и, значит, он не сегодня-завтра объявится в другом месте. «Он, Павел Мансуров, был не на последнем счету. Анкеты, отзывы, характеристики – все бумаги, что для отдела кадров рассказывают о секретаре райкома Мансурове, – безупречны. На них нет ни одной буквы, порочащей его, ни одна запятая не бросает тень на деятельность партийного руководителя Мансурова. Напротив, все бумаги – характеристики от политотдела армии, характеристики Комелева, когда он, Павел Мансуров, работал еще заведующим отделом, наконец рекомендации обкома на первого коршуновского секретаря – все в один голос, в одинаковых выражениях сообщают: инициативен, энергичен, вдумчив, политически зрел…» В этом была новизна концепции, острота постановки самого вопроса.

Роман мог быть назван «Падение Павла Мансурова» (по образцу повести «Падение Ивана Чупрова»). Писателя интересует путь перерождения своего героя; чтобы спастись от своего «падения», тот готов каяться, однако его покаяние неискренне, и секретарь обкома Курганов не верит ему.

Антиподом Мансурова в романе является образ Игната Гмызина. Это руководитель, твердо стоящий на земле, хорошо знающий свое дело; он советуется с людьми, не берет на себя необдуманных обязательств. У него иммунитет против всякого рода «починов» и «начинаний». Он во многом вынужден играть по правилам, которые ему навязывают сверху; так, он сознательно завышает цифры отчетности. В то же время он один из немногих, кто отказывается внедрять торфяные горшочки, а затем строить кормоцеха…

«Бывает, что недостатки формы объясняются неумением писателя, слабостью его дарования, не способного к эстетически законченному претворению своих наблюдений над действительностью, – пояснял Ю.Суровцев. – Тендряков – талантливый писатель. Недостатки его повести *(речь идет о романе «Тугой узел». – **В.С.**)* – это, на наш взгляд, недостатки прежде всего его художественной мысли. Там, где его драматический талант пронизан продуманной, выношенной мыслью, там он силен. Когда же писатель спешит «высказаться», хотя во всем объеме, со всех сторон волнующие его проблемы им еще художественно не переработаны, получается искусственность».

Роман «Тугой узел» еще во многом идеализирует картины колхозной жизни; в нем сквозной нитью проходит мотив «на красивой земле красивая жизнь», который старшее поколение передает поколению молодых. В произведении Тендрякова есть растянутые места, неровно написанные страницы, невыразительные диалоги, прямолинейные сюжетные ходы.

Однако, как уже говорилось, ярко выраженный критический пафос, связанный прежде всего с линией Мансурова, реалистический показ бюрократических методов руководства, когда поощряются «перегибщики» и карьеристы, послушные исполнители воли партийного начальства, стремление показать сложный характер в его развитии – все это привлекло внимание критики и читателей к роману....

Юрий Нагибин, подводя итоги жизни творчества Владимира Тендрякова, писал: «Тендряков прожил чистую литературную жизнь, хотя человек был тяжёлый, невоспитанный и ограниченный, с колоссальным самомнением и убеждённостью в своём мессианстве. Строгий моралист, он считал себя вправе судить всех без разбору. При этом он умудрился не запятнать себя ни одной сомнительной акцией, хотя бы подписанием какого-нибудь серьёзного письма протеста. Очень осмотрительный правдолюбец, весьма осторожный бунтарь. Но было в нём и хорошее, даже трогательное. Тем не менее он был настоящий русский писатель, а не деляга, не карьерист, не пролаза, не конъюнктурщик».

«Осмотрительный правдолюбец», «осторожный бунтарь»? Может быть, в чем-то справедливые характеристики, но куда точнее, что Тендряков – «настоящий писатель», оставивший заметный след в русской литературе о деревне...

Реализм и народность как две грани творчества писателя (Ф. Абрамов)

Авторы новой «деревенской прозы», создавая новые произведения, преодолевая бесконфликтность и поверхностность, вырабатывая новые подходы и критерии, создали целый ряд новых образов и типов, становились все более активными участниками художественного процесса, одного из наиболее полноценных пластов русской литературы. Произошло это не сразу, но уже в период «оттепели» деревенская проза противостояла тем течениям и тенденциям в литературе, которые ориентировались на крайние формы авангардизма, западные ценности, на бездуховность и космополитизм. Прежде всего это относилось к лидерам так называемой «молодежной прозы», к тем, кто чувствовал себя «измученными соцреализмом» и пытался насаждать принципы буржуазной морали и «свободного» искусства в отечественной культуре. Совсем не случайно многие из них вскоре стали диссидентами, уехали за границу, в «третью эмиграцию»...

Чтобы лучше понять феномен «новой деревенской прозы» середины 1950–60-х годов, ее корни и историко-литературную судьбу, следует обратиться к ее истокам. Одним из «основателей» и наиболее ярким представителем этого литературного направления является Федор Абрамов, автор трилогии «Пряслины». Игорь Дедков говорил: «В ряду талантливых книг, составивших явление «деревенской прозы», «Пряслины» по праву могут быть названы наиболее полным и последовательным художественным свидетельством о жизни русской деревни в военные и послевоенные годы».

Как известно, Ф.Абрамов начинал как критик и литературовед. Его заметили, когда он опубликовал статью в «Новом мире», посвященную анализу «колхозных романов», где он критиковал с позиции жизненной и художественной правды произведения Г.Николаевой «Жатва», С.Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», Е.Мальцева «От всего сердца», некоторые другие. Критик И.Золотусский писал: «Слишком много было в этих книгах «прекраснодушных вымыслов», слишком мало реализма. Абрамов ничего сверхъестественного от литературы не требовал. Он требовал только правды – «правды – и нелицеприятной правды». При этом и сам Ф.Абрамов шел на некоторые компромиссы, он был сыном своего времени, в котором старое и новое еще существовали рядом. Статья вызвала недовольство партийного руководства, критические оценки в печати, на писательском съезде. Между тем одновременно со статьей писатель уже начал работу над своим первым романом о Пряслиных, в котором он пытался реализовать свои требования к литературе о русской деревне военных и послевоенных лет. «Художественность неотделима от реализма», – эту свою максиму ему предстояло доказать на деле.

Роман «Братья и сестры» вышел в 1958 году. «Не написать «Братья и сестры» я просто не мог, – признавался писатель. – Я знал деревню военных лет и литературу о ней, в которой немало было розовой водицы... Мне захотелось поспорить с авторами тех произведений, высказать свою точку зрения. Но главное, конечно, было в другом. Перед глазами стояли картины живой, реальной действительности, они давили на память, требовали слова о себе. Великий подвиг русской бабы, открывшей в сорок первом году второй фронт, фронт, быть может, не менее тяжелый, чем фронт русского мужика, – как я мог забыть об этом!»

Писатель создал реалистическую картину деревни, страдающей от голода, от похоронок, приходящих с фронта. При этом Абрамов не пытался списать все трудности лишь на войну. Он видит и показывает и бесхозяйственность, и незаинтересован-

ность людей результатами своего труда, и развращающую уравниловку, и бесчеловечные командные методы руководства. Не случайно, конечно, в романе преобладают осенние и зимние пейзажи. «Кругом лежали серые, невспаханные поля…» «Холодное, белесое, точно вылуженное, небо не предвещало тепла... Ни одной травинки не зеленело под этим небом…» Одной из ключевых и чрезвычайно эмоциональных сцен является пожар в лесу. Разоренные птичьи гнезда, смертельная опасность, которой подвергаются люди, – некий символ постоянно напоминающей о себе, хотя и далекой по расстоянию народной беды – войны. О том, сколь тяжела жизнь людей, можно судить по тому, о чем мечтают они. Главная их дума – как бы «конца войны дождаться да с белым хлебом чаю напиться… Досыта». Но за заботами о хлебе насущном стоит и нечто большее: «Дома выстроим новые, в каждом доме коровы, овцы будут. А на работу-то как на праздник ходить будем». Мечты о работе-празднике, как покажет писатель в следующем романе – «Две зимы и три лета», – не сбудутся, но сейчас, в годы войны, они помогают выжить, выстоять…

Для реалистической эстетики Абрамова характерно стремление показать *обычное, будничное, устоявшееся.* Именно таким обыкновенным, как все, является русское село Пекашино, обыкновенные его жители. Писателя привлекает задача изображения *русского национального характера,* человека нравственного, духовного, не способного на подлость, предательство. «Да русский ли ты человек?» – спрашивает Анфиса, обращаясь к герою, который оказывается способным на бесчестный, безнравственный поступок. *Русский* как опознавательный знак подлинного в человеке, как мера порядочности, верности, человечности.

Второй роман трилогии Ф.Абрамова – «Две зимы и три лета» – появился лишь через десять лет (1968). А.Твардовский, прочитав рукопись романа Абрамова «Две зимы и три лета», высоко оценил его, тут же написал автору: *«Книга полна горчайшего недоумения, огненной боли за людей деревни и глубокой любви к ним, без которой, вообще говоря, незачем браться за перо…»* Боль «за людей деревни и глубокой любви к ним» – такой он видел новую, современную литературу о русской деревне; те произведения, которые были написаны в другом ключе, как вторая книга «Поднятой целины» М. Шолохова, казались ему легковесными, недостойными темы, он их отвергал…

От романа к роману «Пряслины» все более превращаются из хроники семейной жизни в *хронику народной жизни, в роман-эпопею.* Судьбы героев обретают все более обобщенное звучание, все теснее и органичнее вписываются в повествование об исторической судьбе народа. Позже критика отметит, что один из главных мотивов деревенской прозы состоял «в утверждении неразрывного единства *личности и народа, когда внимание к быту есть уже прикосновение к бытию, где отдельная человеческая личность воплощает в себе черты не только своей непосредственной среды, своего окружения, но и предыдущих поколений».* Это в полной мере относится к прозе Абрамова.

Критик и литературовед Феликс Кузнецов писал: «По характеру, по отношению к жизни, по языку проза Федора Абрамова *глубоко и подлинно национальна* – без аффектации, без полемики, естественно и органично, как дыхание утверждается здесь ценность нашего народного характера». *«Главный мужик в деревне»* – какой он у Федора Абрамова? Прежде всего, конечно, безотказный труженик, патриот своей малой и большой Родины, носитель высоких моральных норм, человек душевной щедрости. При этом писатель *не идеализирует* своего героя, нередко показывая и его черствость, и социальную пассивность, неразвитость, и ограниченность. Важнейшим качеством героя является его способность к духовному и нравственному росту, умение учиться у жизни, отзывчивость на все доброе, человеческое.

Писатель убедительно показывает, как у его героев пробуждается и крепнет чувство социальной справедливости. Порой для проявления этого чувства бывает достаточно какого-либо внешнего, как будто незначительного повода. Связанные с землей, с тяжелым крестьянским трудом, люди быстро разгадывают пустобрехов, демагогов. Ф.Абрамова чрезвычайно волнует процесс утраты, размывания лучших человеческих и трудовых качеств жителей деревни. Как это происходит? В чем причина? Во многом, конечно, здесь вина тех бесчеловечных жизненных условий, в которые была поставлена деревня, та жестокая, грабительская политика по отношению к деревне, которая сделала ее заложницей имперских амбиций сталинского руководства, всевозможных афер, выдававшихся за научно обоснованные, «грандиозные» планы и т.д. Деревней, по сути, расплачивались – сначала за Гражданскую войну, потом за индустриализацию, за Великую Отечественную. Деревня стала разменной монетой. Однако писатель не снимал немалой вины и с самих жителей деревни, которые порой легко отказывались от своих традиций, моральных принципов, уступали соблазну «легкой жизни», развращающему влиянию города.

Писательская судьба Ф.Абрамова не была легкой и простой. Многие мотивы, темы, проблемы, которые нашли отражение в романах «Братья и сестры», «Две зимы и три лета», мы видим и в последующих книгах о Пряслиных, в других повестях и рассказах писателя. В частности, важным шагом в художественной реализации Абрамовым творческих планов была очерковая книга «Вокруг да около», опубликованная в журнале «Нева» (№1,1963). Во многом она перекликалась с произведениями тех лет Овечкина, Яшина, некоторых других авторов, которые были близки Абрамову творчески. «Вокруг да около» – таков был жанр этих «разговоров», которые вели герои, разговоров внешне малозначительных, а на самом деле затрагивавших самые острые, актуальные вопросы русской жизни, и прежде всего проблемы и судьбы русской деревни. Очерки вызвали критику в печати («Коммунист», «Литературная газета», «Октябрь» и др.), партийных властей, не желавших видеть реальное положение в сельском хозяйстве. Книга была признана «грубой ошибкой» автора и журнала, а вскоре она была переведена за границей, где получила высокие оценки.

Творческие искания Абрамова, его художественные открытия остаются актуальными и десятилетия спустя. Вот почему попытки «задвинуть» писателя на «второй план» либо исказить смысл и содержание его творчества, его художественных принципов имеют не только историческое значение, но и вполне современное, актуальное звучание. Так, по мнению некоторых современных «интерпретаторов» жизненной и творческой биографии Абрамова, он был больше «западником», чем «ратником» борьбы за «русскую идею», не оправдывал надежд «патриотически настроенных критиков» и т.п. Пытаясь расколоть «лагерь» писателей-«почвенников», утверждают, что Абрамов, в отличие от Василия Белова и Валентина Распутина, не приукрашивал народ, подчеркивал его негативные качества, что главный его герой – «свободная личность». Противопоставление это необоснованное, так как и другие «деревенщики» также видели не только положительные, но и отрицательные черты своих героев-сельчан… И думается, не случайно сам писатель никогда не отделял себя от судьбы народа и страны, в которой он жил и творил. Попытки же сегодня «переписать» биографию и творческий путь Федора Абрамова только отдаляют его от нас.

«Откуда вырос колхозник»: социально-психологические измерения героя и «мира» (М.Алексеев и С.Залыгин)

Война и деревня – две главные взаимосвязанные темы творчества Михаила Алексеева. «О чем не подумал – про то не расскажешь; //О чем не поплакал – про то не споешь». Этот эпиграф к роману «Вишневый омут» (1958–1961) говорит об автобиографической основе произведения. В нем, конечно, немало художественной фантазии, обобщения, всего того, что делает реальный факт, документ литературой, со всеми ее законами и определенной условностью. Но это тот вид литературы, в которой личность художника неотделима от жизни его времени, поколения, от истории своего народа, своей страны.

В романе много образов-символов. Так, один из них, центральный, – образ омута – призван подтвердить мысль о кардинальных переменах, происшедших в русской деревне на протяжении не одного десятилетия. Сначала этот образ предстает как источник всевозможных страхов, тайн и легенд, преимущественно с «мрачной окраской». Но наступает время, люди очищают омут. И теперь он «словно бы стал шире и выглядел безобиднейшим сельским прудом с его голыми искусственными берегами». Всех особенно поразил цвет воды – «золотисто-янтарный, прозрачный, точь-в-точь такой же, как в Игрице, для которой Вишневый омут на протяжении веков был вроде отстойника». Один из героев подводит итог: «Одна маета была от старого-то омута: и комарье плодилось на нем, и страхи разные. А теперь благодать – ни тебе комара, ни тебе ведьм. Живи человек в свое удовольствие». Следует признать, метафорика здесь слишком прозрачная, прямолинейная, но автор сознательно упрощает ее, акцентирует, чтобы читатель лучше уловил ее…

В том же ключе даны символические образы *сада, деревенской печи,* некоторые другие. «Ничего нет на свете лучше сада!» – восхищается Фрося. В конце романа один из главных героев Михаил Харламов едва не погибает, спасая яблони во время весеннего ледохода. На протяжении всей жизни сад словно охраняет его от всего злого. Он умеет слушать яблони, их дыхание, понимает их мысли, настроение. «Яблони будто слушали, стыдливо перешептываясь нагими ветвями. Сейчас они были некрасивы и, видать, сами понимали это».

Писатель одушевляет не только природу, но и вещи в доме, предметы обихода, все то, что отделимо от жизни сельчан. Вот традиционная русская печь, хранительница домашнего тепла. *«От-*

дыхала и печь, молчаливо величественная, как хорошо, всласть потрудившаяся деревенская баба; она все сделала, что нужно было людям, и теперь могла малость вздремнуть». Автор описывает ее как живое существо: «Из темного, открытого дырявой заслонкой зева печи, из многочисленных ее печурок и отдушин исходили потоки горячего воздуха. И казалось, что печь, *прикорнув, ровно и спокойно дышит».*

Хронологические рамки произведения раздвинуты на десятилетия, включают в себя разные эпохи, целые поколения героев, большое число сюжетных линий. Порой эта растянутость, как и некоторая избыточность сюжетных линий, ослабляет внутренние связи, трудно бывает следить за судьбами персонажей.

М.Алексеев хорошо ощущает и поэтичность деревенской жизни, и ее драматизм, трудности. Он говорит о пьянстве в деревне, о жестоких драках, о пожарах, рассказывает о классовой борьбе. Крестьянин в душе собственник, считает автор, но многие совместные дела выполняются *«миром», «обчеством».* «На деньги, собранные селянами, покупается породистый бык, и его уже называют «обчественным». Общество строит мосты, возводит плотину, выручает погорельца, судит конокрада, охраняет «обчественные» лесные и прочие угодья». Всем «миром-собором», а значит, «обчеством», выходят крестьяне тушить пожар, рыть канаву, чтобы отвести по ней воду, хлынувшую с гор после долгих проливных дождей и угрожавшую затопить огороды, луга, погубить их. «Именно общество помогает отвратить множество бед, на каждом шагу подстерегающих мужика». *Коллективизм – неотъемлемая часть крестьянского сознания.*

В романе немало сцен, в которых звучит колхозная тематика, проблема коллективизации. Интересны образы Ильи Рыжова и Карпушки. Рыжов вступает в колхоз, но он не разделяет облегченного представления Карпушки, который убежден: «*Сообча теперя будем жить, коммунизм строить. А коммунизм – это вроде рая господнего. Земля – вся в садах. Работать никто не будет, а получай что твоей душе угодно: сахару и кренделей вволю, водка бесплатная. И то же самое прочие харчи...»* «Откудова же все эти харчи возьмутся, ежели никто не будет работать?» – спрашивает Илья Рыжов. Но у Карпушки готов на это ответ: « А машины? Они и спашут, и посеют, и сожнут, и пирог испекут любой...» «Тебе, конешное дело, от колхоза одна польза выходит – слыхал, коровенку тебе посулили /.../. А нам со сватом Михаилом одни убытки», – заключает этот разговор Илья Рыжов.

Одна из главных мыслей Михаила Аверьяновича Харламова – о родной земле, о людях, которые живут рядом с ним. «Ведь и при коммунизме людям жить на земле, а не на небесах, – говорит он. – И о ней, землице нашей, вся наша печаль-забота: *не иссушилась чтоб, не была б яловой, бесплодной то есть, чтобы для людей завсегда был хлеб, завсегда был сад, были луга, моря и реки. И жить нам на ней веки вечные...»* С этими мыслями он и умирает. Но остаются жить его сыновья, его друзья-односельчане, и они наследуют землю, страну, которую они создали и защитили в годы войны.

Истории отдельных героев М.Алексеева неотрывны от земли, на которой они живут и трудятся. Имя села – Савкин Затон – «тоже нечто мрачное, темное, загадочное вроде омута», отмечает автор. Не случайно и судьбы людей здесь складываются нелегко. Так, Михаил Харламов и Улька Короткова любят друг друга, но жениться им не дают. Ульку отдают замуж без любви, ее насилуют, она становится «дурочкой», сходит с ума. Жизнь Михаила складывается более благополучно; он женится на другой, у него большая семья. Но жизнь до революции, а потом и при советской власти, в годы коллективизации, войны – это постоянный тяжкий труд, заботы, лишения. Гуманизм писателя – в любви к родной земле, к людям на ней, к их трудной судьбе; М.Алексеев – писатель традиционно реалистической школы, особое место в его творчестве заняла более поздняя повесть «Драчуны», где он коснулся драматических эпизодов периода коллективизации.

В одной из своих статей И.Дедков справедливо указывал, что критические дискуссии 60-х годов о деревенской прозе были тесно связаны со злободневными проблемами всего нашего общества, с его идейно-нравственным, экономическим состоянием. «У литературно-критических прений той поры было, во всяком случае, одно несомненное достоинство: озабоченность реальными нуждами обступающей жизни, их отражением в литературе». И добавлял: «Это как раз то, что ныне иногда пренебрежительно именуют «утилитарностью», как будто теперь «гражданина сан» в меньшей чести, чем во времена живейшего интереса к «районным будням» и «трудной весне»». Дедков упрекал современную ему критику (70-е годы) в том, что она не уделяла достаточного внимания реальным, «утилитарным» проблемам жизни в литературе – в отличие от критики 60-х годов, когда произведения В.Овечкина и С.Залыгина привлекали живейшее внимание критиков.

Далее Дедков утверждал, что проза 1970-х отличается «возросшей ответственностью», кото-

рая, в свою очередь, выражается в более верном понимании главной гуманистической задачи литературы, в нарастающей степени историзма и народности, в честном обращении со словом, мыслью, героем. «Она воплощается в тексте, вобравшем в себя реальные устремления жизни и современного человека, его нужд и памяти в их наивозможной полноте».

Действительно, проза 1950–60-х годов в своих наиболее ярких образцах порой наиболее открыта, актуальна, в ней больше гражданского пафоса, социальной заостренности, чем глубинного философского осмысления; проза 1960-х во многом сродни «громкой поэзии», в то время как 70-е годы – время «глубокой воды», тихого, подводного течения…

В 1960-е годы вырос и укрепился талант Сергея Залыгина. Большую известность получила повесть «На Иртыше» (1964). В ней писатель выразительно рассказал о напряженной борьбе в Сибири за коллективизацию, показал реальную расстановку противоборствующих сил.

Как признавал сам писатель, свою задачу он видел в том, чтобы понять и объяснить, откуда «вырос» колхозник, кем он был двадцать, тридцать и сто лет назад. Действие в повести укладывается в несколько дней, но «концентрирует в себе проблематику, фактически имеющую отношение едва ли не ко всей послеоктябрьской деревенской истории». Его герои понимают, что «без колхозу жизни все одно не будет», *«обратного хода нету».* Они постепенно осознают, что являются частью общей истории, которая вершится на их глазах. Есть и такие, как Петр Локотков, который мечтает: *«хочь бы без истории сколь пожить». Но «история» «все наперед лезет», из нее не выпрыгнешь,* приходят они к выводу. *Человек неотделим от истории* – эта мысль лежит в основе концепции романа, в свою очередь определяет авторскую концепцию.

Наиболее интересен в повести образ Степана Чазузова, умного, авторитетного у односельчан мужика. Его стараются перетянуть к себе противники новой власти, колхоза. Он сначала не хочет идти с ними, но когда узнает, что неожиданно повышают задание по сдаче зерна, решает не давать «ни зернышка» и уходит из родного села; его объявляют врагом. Произведение С.Залыгина внутренне драматично, в нем нашли отражение реалии и конфликты деревенской жизни тридцатых годов, типы и характеры людей того времени. Повесть попала в самый центр литературных дискуссий, привлекла остротой постановки колхозной проблематики, убедительностью авторской концепции гуманизма.

«Человек должен оглядываться назад»: в поисках национальных корней (В.Солоухин)

«Новая волна» деревенской прозы была неоднородной и по проблематике, и по художественным параметрам. Наряду с социально заостренной, психологически мотивированной прозой, появились произведения, авторы которых обратили на себя внимание свежестью лирического голоса, жанровой новизной – и словно заново «отмытым» от штампов и банальностей родниковым русским языком.

Один из них – Владимир Солоухин с его книгами «Владимирские проселки» (1956), «Капля росы» (1962). Писатель сумел во многом по-новому взглянуть на красоту родной земли, своей малой родины, с проникновенной любовью, внешней простотой и искренностью он рассказал о делах и заботах тружеников современного ему села.

На первых страницах «Капли росы» В. Солоухин сам попытался дать определение жанру своего произведения: он писал не повесть и не роман, не очерк и не автобиографию, а просто книгу. И писал он не о каких-то героях, которых нашел «в горниле жизни», а о его родном маленьком селе Олепино Владимирской области и ее обычных, скромных жителях… В этих словах была реальная эстетическая программа, в основе которой лежало убеждение, что писателю не надо ничего выдумывать, а рассказывать просто, безыскусно, искренне. Эта установка стала возвращением к новому реализму, к правде жизни и характеров в их первородстве и первоначальной сути, без лукавства и идеологических шор, максимально приближенных к своему читателю. В лирических повестях Солоухина самая горячая современность тесно переплеталась с историей, лирические отступления автора подкреплялись цифрами, выкладками, – форма повествования не стесняла включение самого разнородного материала. Жанр «путешествия» превращался в жанр раздумий, в социальный и психологический анализ героев, отдельные зарисовки – в общую картину. Для автора нет мелких, незначительных тем и проблем, его интересует буквально все – от древних монастырей до показателей колхозного производства. Перед читателем поистине проблемная проза, при всей ее лирической оранжировке.

Во «Владимирских проселках» количество дней путешествия равно количеству главок. У каждой из глав свой сюжет, своя внутренняя тема, часто свой герой, характер. Сороковым днем заканчивается повесть. Здесь – да и в повести в целом – одна из главных тем писателя – тема русского леса. Это понятие не только и не столько экономическое, хозяй-

ственное – хотя и это тоже – сколько духовно-историческое, в нем символ России, ее прошлого, настоящего, будущего. Завершает же книгу образ «одолень-травы». Авторское повествование и фольклорное начало органично сливаются в художественной ткани произведения. *«Одолень-трава, одолень-трава! Одолей мне горы высокие, долы низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды… Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца во всем пути и во всей дороженьке…» (курсив наш. –* ***В.С.****).*Этот народный заговор как символ преодоления всего злого, что стоит на пути России, и как знак веры писателя в будущее родной земли.

Деревенская проза не может быть сведена к какому-то единому знаменателю, отмечает литературовед М.Ильницкий; она, эта проза, многоплановая, и в центре ее внимания стоит «человек на острие стремительной социально-исторической перестройки жизни», ведущей за собой перестройку и человеческих отношений, и психологии. «Но устремляясь вперед, в мир манящей неизвестности, человек должен непременно оглядываться назад» – «не забыто ли там что-то важное, без чего нельзя будет обойтись?» Писатель это хорошо понимал, когда за современностью и ее актуальными проблемами старался увидеть и понять день вчерашний, исторические корни того или иного явления…

Солоухин позже, двадцать лет спустя, в книге воспоминаний «Последняя ступень» (1995) самокритично рассказал о начале своего творческого пути, об осознании себя как русского писателя, о художественном своеобразии самих истоков его прозы, об отказе от бездумного следования официальной идеологии в период оттепели и в последующие годы. Он не сразу осознал свое нежелание писать о газодобытчиках и комбайнерах, преодолел схемы и стандарты журналистских приемов, господствовавших в тот период, когда он вступил в литературу; не сразу понял и то, что «за все надо платить», в том числе и за возможность писать правду, за благорасположение властей. Спустя десятилетия он не мог простить себе льстивой, фальшивой фразы о Хрущеве: «Лицо доброе и озабоченное…», написанное им в одном из очерков, нескольких декларативных стихов к датам, а также своих искусственно-восторженных выступлений во время парадов на Красной площади. Только преодолев в себе все эти искусы, всячески стремясь быть правдивым и искренним во всем, Солоухин смог почувствовать себя настоящим русским художником, создать талантливые произведения, оставившие заметный след в отечественной литературе. Его творческая и гражданская эволюции не всегда были последовательными и логичными, но всегда внутренне выношенными, глубокими и искренними. Он увлекался стариной, коллекционировал иконы, проявлял большой интерес к истории России, был даже склонен к монархическим идеям, играл видную роль в патриотическом движении отечественной интеллигенции; во всем этом, бывало, доходил до крайностей…

Видимо, поэтому некоторые современные авторы пытались искаженно истолковать характер и мотивы творчества Владимира Солоухина, его место в литературе. Так, уже упоминавшийся Г. Свирский пренебрежительно отзывается о писателе, который якобы любил расхаживать в домах творчества в огромных валенках и деревенской шубе, в стиле «а ла рус», нарочито окающего: мол, деревенский я, был им и останусь… По мнению Свирского, памятники старины волновали Солоухина больше, чем заботы и радости его современников-односельчан. «Не хочу судить, от специфики ли это дарования или – от бессердечия, во всяком случае, от недостатка чувства… Так или иначе, беды его владимирской деревни, годами полуголодной, раздетой, обездоленной не менее вологодской, не стали в его творчестве мотивом определяющим». Думается, все же вывод, сделанный Г.Свирским, продиктован не заботой о владимирской деревне и о специфике творческого дарования, а неприязнью к писателю, известному своими «неудобными» взглядами на место и роль «малого народа» в истории России…

Ранняя проза В.Астафьева: мотивы, поэтика

Национальные корни русской жизни, русского человека, тесно связанного с землей, деревней, глубоко и искренне интересовали Виктора Астафьева. Критик Валентин Курбатов писал, что первой настоящей астафьевской вещью является книга «Последний поклон». С этим трудно спорить. Однако верно и то, что уже в ранних произведениях Астафьева отчетливо проявились устойчивые мотивы его творчества, характерные черты художественной системы.

В повести «Перевал» (1958-59) перед нами предстает хорошо знакомый и по поздним произведениям мир сиротского детства, величественной сибирской природы, деревенских обычаев, сложных человеческих отношений. Писатель владеет исконным русским языком, искусством детали, выразительной психологической характеристикой. Прав А.Астраханцев, который считает, что проза Астафьева относится к «исповедальной», в ней активно личное, авторское начало, лирический герой.

У главного героя повести – десятилетнего мальчишки Ильки – тонет мать, он не ладит с мачехой,

чуть не убивает ее, убегает из дома, скитается в лесу. Ему часто снится дом. «Неприветливый, вроде бы чужой, а все-таки дом. И мачеха снится. Что знает о ней Феша? Разве она знает, как коротали вместе страшную зиму мачеха и Илька? И тоже где-то глубоко, глубоко, будто в загнете угли, подернутые пеплом, хранятся добрые чувства. Она их никому не показывает». Его отец – мягкий, бесхарактерный человек, «кисель», единственные же защитники Ильки в этом мире – бабушка и дедушка, но они живут в другой деревне.

Писатель неторопливо рассказывает о душевном созревании мальчика. Илька вынужден бросить школу, он присоединяется к бригаде сплавщиков, приобщается к взрослой жизни, тяжкому труду. Среди сплавщиков Илька встречает сильных людей, которые служат для него примером человечности, мужества, высокой морали. Таков, например, бригадир Трифон Летяга, который, рискуя своей жизнью, спасает одного из сплавщиков. Илька усваивает эти уроки «умной самоотверженности», человеческой порядочности.

Повесть написана подчеркнуто просто, композиционно ясно, в виде коротких главок – «Мать», «Мачеха», «Встреча со сплавщиками», «Уха», «В сушилке» и т.п. Такой же принцип Астафьев будет использовать и в более поздних произведениях.

В повести есть драматические сцены, в которых показан крутой характер природной стихии – и упорство, мужество людей. Одна из этих сцен – борьба с лесным затором в Ознобихинском перевале. Автор рассказывает, какого напряжения сил стоит людям их победа. Мальчик не может сдержать слез. «Отчего плакал Илька, он и сам не смог бы объяснить. Он и старался не плакать, но слезы все равно катились и катились. Наверное, оттого, что сейчас ему по-настоящему сделалось страшно». О состоянии юного героя рассказывает автор, но повествование как бы переходит к самому Ильке. И мы чувствуем, что опыт этого трудного «перевала» для него не проходит бесследно. После всего пережитого герой понимает главное: *«если в жизни будет трудно, если случится беда, надо бежать не от людей, а к людям» (курсив мой. –* ***В.С.****).* В этом и есть главный урок гуманизма и выглядит он естественно, органично. Здесь автор приближается к горьковскому мироощущению, концепции человека, его отношений с окружающим миром.

Некоторым авторам новой деревенской прозы оказываются близки художественные принципы, мировидение, язык старших мастеров отечественной литературы. Так, повесть Виктора Астафьева «Стародуб» (1960) посвящена Леониду Леонову, и не случайно. Писатель стремится показать человека в его первозданной сути, в обнаженности социальных связей, борьбе сил добра и зла, в гармонии и одновременно противостоянии с дикой природой, самим собой, с живущими рядом. Все это было близко художественному миру Леонова.

В центре повести Астафьева – старообрядческое село Вырубы в далекой забайкальской тайге, дореволюционное время. Тяжелая, суровая жизнь-выживание, пожары, голод. «Вовсе примолкла деревня, притаилась, – пишет автор. – Каждая семья теперь жила сама по себе, каждая боролась с напастью в своем дворе, в своей избе. Сначала люди ходили на кладбище провожать соседей, молились по привычке, читали стихиры, а потом уже хоронили всяк своих, без обязательных обрядов, а порой и домовин».

Сельчане живут охотой, у них своя вера, свои порядки, свои обычаи, мораль. Справедливая, по-своему разумная – и жестокая. Чужих они не принимают, готовы убить, затоптать их, – как убили старого киргиза, как едва не убили «чужого» Култыша. Но он выживает, становится одним из лучших охотников. Он живет честно, помогает своим близким и окружающим. Он хорошо знает тайгу, ее законы; главный из них – не охотиться на чужой территории, не отнимать чужой добычи. И дать кров и пищу сначала голодным людям, а потом заботиться о себе. Когда после двухлетней жары и неурожаев жители деревни начинают умирать без еды, Култыш идет в тайгу, убивает лося и отдает все мясо голодным, умирающим. Многие считают его «ангелом на крыльях», восхищаются его бескорыстием. Он живет по таежному и человеческому закону одновременно. «Тайга – клад, но с чистым сердцем надо притрагиваться к нему», – убежден Култыш, и тайга отвечает ему добром, отдает свой клад. «Вору в тайге нет места. Вору в тайге смерть», – размышляет он. Тайга для него – живое существо, как и все в мире…

Когда неблагодарные односельчане хотят отдать его в жертву, в который раз покушаются на его жизнь, он находит в себе силы защитить себя. «А вы откуда взялись? – кричит он. – Из з-земли! А тайга откуда взялась? Из з-земли! Так почему же татями живете на ней и боитесь ее, как мирового судьи?» Сам он не чувствует себя «вором», он – полноправный хозяин всего и вся. И это ощущение возвышает его над другими. Култыш – идеальный герой: «этот человек, – заключает автор повести, – был таким, что перед ним все они (жители деревни) и даже смерть были бессильны». Здесь образ героя дорастает до мифа, до притчи. Таким должен быть человек, таким он был до своего грехопадения. И эта интонация тоже чисто астафьевская, она повторится еще не раз в поздних его произведениях.

Антипод Култыша – Амос, его неродной брат. Это он «вор», потому что думает только о себе, о своей выгоде. Он идет в тайгу, чтобы на чужой заимке добыть мяса. Воровски он преследует и убивает лосенка и его мать. Но добыча не идет впрок, он заблудился и погибает в тайге. Его не спасает даже родник, который должен был вывести его к родной деревне; здесь явная перекличка с родничком в романе Леонова «Русский лес». Человек, отступивший от закона человеческой морали, солидарности, оказывается бессильным перед тайгой, перед ее законами. «С трудом открывая глаза, Амос видел над собой по-братски обнявшуюся тайгу. И думалось ему, это она, *тайга, не пропускает слабый шепот до неба, до Спасителя.* Это она душила его, забрасывая колючими холодными лапами, и слой этих лап делался все тяжелей и толще, и втискивал он его в землю, давил грудь, что каменная плита».

Мы видим, что уже в ранних произведениях В. Астафьев задумывается над глубокими философскими, онтологическими проблемами, и не только задумывается, но и создает сложные, выразительные образы, раскрывающие неоднозначную дихотомию человеческой природы, его отношения с природой, обществом, с собственным духовным миром. Мир героев Астафьева только кажется примитивным, первобытным, лишенным одухотворенного гуманизма; на самом деле он и сложен, и светел одновременно. Многие мотивы ранней прозы найдут свое продолжение и развитие в более поздних произведениях Астафьева.

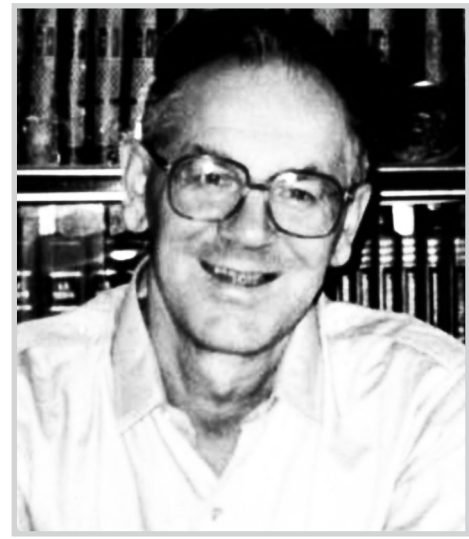
И.Дедков был отчасти прав, когда отмечал, что в семидесятые проза ищет и находит «новые, спокойные, но глубокие берега». Однако следует отметить и другое: вся «полнота», глубина, «новые берега» литературы стали возможны лишь благодаря тому, что было достигнуто в период «оттепели». Более того, считает далее критик, опыт шестидесятых показывает: «зависимость», «несвобода» художника от своего времени, его «ангажированность» актуальными проблемами, что было в большей степени характерно для периода «оттепели», – едва ли не ценнейшее приобретение, от которого не следует отказываться в более «спокойные» и глубокие времена.

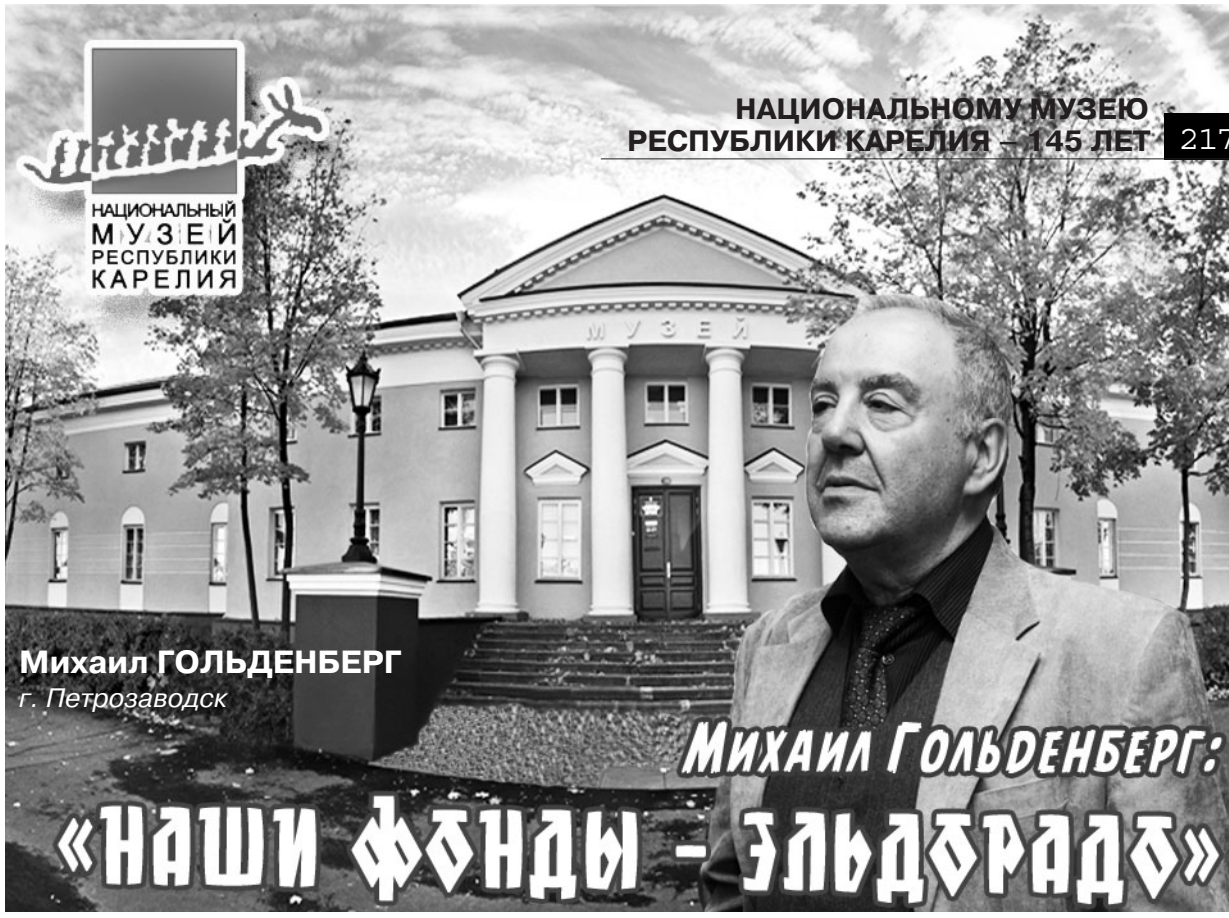
Позже приходит более ясное понимание того, что «правда бытия», ее воссоздание «недоступно, неподвластно художнику без твердых идейно-эстетических принципов, без отчетливого нравственного выбора, без подлинного чувства гражданственности и национального лица». Дедков завершает свою мысль выводом: «Полнота правды ускользает от художника, если «сан» гражданина снят; «независимость» и «объективность» кажутся крепко соединенными словами, но даже в самых «объективных» книгах торжествует дух прекрасной зависимости от судеб родины и народа, от великих идеалов и заветов человечества». «Дух прекрасной зависимости» от судеб народа и родины не мешал, а помогал творчеству тех, кто создавал произведения, посвященные русской деревне.

□

Вячеслав Яковлевич САВАТЕЕВ

родился в 1939 г. в Москве.
Критик, литературовед.
Автор нескольких книг и многих статей, посвященных русской литературе XX века, среди них – писателям 1920–30-х годов, военной и послевоенной прозе, периоду «оттепели», современной литературе.
Окончил Московский пединститут, в 1994 году защитил докторскую диссертацию «Художественные искания и кризисные явления в русской советской прозе 1950-80-х гг.».
Работает в Институте мировой литературы им. А.М.Горького РАН.
Постоянно публикуется в центральных литературных журналах и газетах.

Михаил ГОЛЬДЕНБЕРГ
г. Петрозаводск

Михаил Гольденберг: «Наши фонды – Эльдорадо»

В июне 2016 года Национальному музею Республики Карелия исполнилось 145 лет. О деятельности музея рассказывает его директор Михаил Гольденберг.

– Михаил Леонидович, Национальный музей так или иначе постоянно присутствует на страницах журнала «Север». Среди авторов журнала есть сотрудники музея. Пять лет назад публиковался блок материалов, включавший вашу статью, заметки с круглого стола, посвященного деятельности музея. Давайте сегодня мы неформально поговорим о вашей работе и о работе музея. И для начала вопрос: 145 лет – это много или мало?

– Две человеческие жизни… Вообще, для учреждения культуры – много. Мы могли бы себе родовитость и возраст еще увеличить, как некоторые коллеги делают, – считать началом деятельности не создание музея, а первые выставки в нашем губернским городе. Первые любительские выставки стали открываться в Петрозаводске еще в 30-е годы девятнадцатого века. Но указ губернатора Григория Григорьевича Григорьева был подписан 16 июня 1871 года, эту дату мы и считаем днем рождения музея. Замечу, что на Северо-Западе России наш музей – один из старейших, и даже постарше некоторых известных столичных мастодонтов…

– Если 145 лет для музея много, как же тогда оценить возраст Лувра, Прадо, соборов Венеции…

– Так вы и древнегреческие мусейоны вспомните. Я говорю о профессиональных музеях, а они изобретены человечеством сравнительно недавно. О музеях в нынешнем понимании слова, как о феномене культуры, начинают говорить только с первой половины девятнадцатого века. В то время активно пополнялись собрания раритетов в Европе за счет путешествий и военных экспедиций. Наполеон первым делом отправлял во Францию не военные трофеи, а предметы искусства и культуры. В Лувре я бывал, и довольно часто. Да, немало было вывезено. Англичане из колоний активно вывозили предметы, составившие сокровищницы их музеев. Вот на базе этих коллекций и стали развиваться музеи.

– Любопытно, что созданием музеев занимались государства, считали это важным для себя. Сейчас государства также считают поддержку музеев необходимым делом?

– Наш статус – это музей субъекта Российской Федерации. Таких музеев в России – 85. Это своего рода визитные карточки регионов. Культура у нас слоеная, первый слой – федеральные музеи. Их всего 61. Государственных музеев в России – около двух тысяч. И есть третий слой – муниципальные музеи, либо городские, либо районные. Мы – во втором слое, музей субъекта Федерации, наш учредитель – Министерство культуры Республики Карелия.

– Раз мы говорим о слоях, на ваш взгляд, эта слоистость – хорошо или плохо?

– Вы знаете, это неоднозначно. По закону 1996 года даже муниципальные музеи являются хранителями части общего музейного фонда Российской Федерации. Мы, юридически говоря, осуществляем услугу государству, но вот финансирование музея, зарплаты у сотрудников зависят от региона. Да, мы видим, что бюджетное финансирование повсюду сокращается, и поприжали всех, но, поскольку изначальный уровень разный, переживается это тоже по-разному. В общем, как с недавнего времени принято говорить, денег нет, но мы держимся. Конечно, музей – удовольствие очень дорогое. Как библиотека, музей не может быть самоокупаемым. Все заклинания, которые мы периодически слышим, мол, зарабатывайте больше денег, беспочвенны. Самофинансирование музея – это миф, это утопия. Для этого нам пришлось бы полностью отказаться от миссии хранения и превратиться в культурно-досуговое учреждение. А это не та задача, которая перед музеями ставится. И вот все музеи хранят музейный фонд государства, а финансирование нашей деятельности осуществляется неравномерно. Есть государственная поддержка. Мы много лет и много раз получали гранты от Министерства культуры Российской Федерации, но сейчас на них могут претендовать только федералы…

– Наверное, каждая эпоха имела свои плюсы и свои минусы, проявлявшиеся и по отношению к музеям как к хранителям памяти. Какие исторические отрезки времени вы можете выделить в истории музея?

– История музея имеет, на мой взгляд, три эпохи. Первая – «ab ovo». Музей вырос из «семечка», которое посадил Григорьев в один день с открытием на Круглой площади памятника Петру Великому. Губернатор выделил для музея комнату в своей квартире. Ныне эта первая музейная комната – наш конференц-зал. Сейчас мы поместили в нем экспонаты из первой григорьевской коллекции – форму для выпечки пряника XVII века. Очень патриотическая форма – с гербом Российской империи. Этот экспонат подсказал акцию для «Ночи музеев» – пряничную церемонию, когда мы раздавали пряники с гербами Карелии и Петрозаводска.

На первых порах музей был общественным, непрофессиональным. Григорьев обязал чиновников собрать коллекцию. И на это ушло два года. Я очень люблю напоминать современным чиновникам, что наш музей создан чиновниками, губернатором, понимавшими важность сохранения памяти о прошлом. Думаю, это хороший факт для истории нашего края.

– Что же принесли чиновники в музей?

– Образцы минералов, бабочек… Многие из них занимались энтомологией. В этом заснеженном, скучном, самом маленьком губернском городке они увлекались ловлей бабочек. Кстати, у нас в экспозиции «Квартира чиновника» экспонируются бабочки из той коллекции. Помните интерьерный показ, где мы воссоздали кабинет чиновника, квартиры чиновника и мастерового?

Григорьев всех гостей провожал к себе через музей, он гордился собранной коллекцией.

Второй период, на мой взгляд, начался с 1928 года при первом руководителе Карельской Трудовой Коммуны Эдварде Гюллинге. Гюллинг сделал музей государственным. Этот статус давал право на штат из трех человек. Гюллинг выписал из Ленинграда специалиста Степана Андреевича Макарьева, поставив его руководить музеем. В дипломе Макарьева, окончившего ЛГУ, была потрясающая запись: «Народовед». Он много сделал для музея. Замечу, что вторым сотрудником музея был лектор – Александр Михайлович Линевский.

– Ученый, открывший карельские петроглифы, и, может быть, самый известный карельский писатель…

– Кстати, по диплому он был этнограф, как и Макарьев. Археологом он стал волею случая, найдя петроглифы. Мне доводилось с ним общаться, правда, тогда он был уже очень пожилой. «Листы каменной книги» я, конечно, учась в школе, прочел. Но на меня большее влияние оказала книга Валентина Янина «Я послал тебе бересту». Я и сейчас считаю эту книгу великой для становления многих историков.

– А третий сотрудник?

– Сторож. Его фамилию история, к сожалению, не сохранила. Так вот, второй период истории музея. В это время музей переместился в здание закрывшейся заводской церкви – храма Александра Невского. Интересно, что наш музей дал жизнь карельской науке, из наших стен вышел Карельский научно-исследовательский институт (ныне – Карельский научный центр РАН). Макарьев стал заместителем директора института, а директором был сам Гюллинг, совмещавший пост руководителя Автономной Карельской ССР и директора КНИИ. Из нашего музея родилась карельская наука, а позднее из нас выросли и музей «Кижи», и музей ИЗО.

После Макарьева директором музея стал Иван Михайлович Мулло. Молодой этнограф, ингерманландец, знавший языки. Он становился директором три раза, в сумме тринадцать лет руководил музеем.

– Почему прерывалась работа?

– Войны. И советско-финляндская, и Великая Отечественная. 23 июня 1941 года ушел на фронт. Я очень долго размышлял, как директор мог уйти на фронт, не проведя эвакуацию музея. Наверное, никто не ждал, что город так быстро будет сдан, ожидали скорой победы. В общем, часть коллекции попала к оккупантам и находится в Финляндии. После войны был определен ущерб в три миллиона рублей, эти документы известны. Но большая часть коллекции была эвакуирована в Сыктывкар. К сожалению, часть экспонатов при эвакуации пропала… Видимо, настоящих специалистов не хватало.

– Мне кажется, в советское время к музейным фондам относились ответственно…

– Пример из 70-х. Звонят из руководящих органов в музей и говорят: «Дайте нам что-нибудь для поездки в ГДР!»

– Из партийных органов звонили?

– Партийные органы стеснялись. Звонили из советских – из Совета Министров. У нас в инвентарных книгах значится: «Ваза из карельской березы. Выдана тов. (…) для поездки в ГДР». Есть такие записи.

– Это было во время Мулло?

– Чуть позже. После войны Иван Михайлович Мулло оказался в Эстонии, а здесь директора менялись, бывало, что лишь по полгода работали. В 1948 году Иван Мулло приходит в третий раз, а в 1953 году его с выговором по партийной линии снимают…

– За что?

– Берию арестовали. Пришла установка заменить статьи о нем в энциклопедии статьями о Беринговом проливе, вымарать его фамилию вообще отовсюду. А Берия был депутатом Верховного Совета СССР от Карелии. Комиссии ходили проверяли все стенды, чтоб нигде не осталось упоминания… За несколько дней и ночей была заменена экспозиция. Но, видимо, сотрудники Ивана Михайловича где-то фамилию пропустили… В общем, объявили выговор «за политическую близорукость и зажим самокритики» и сняли с директорского места. Он остался в музее, стал главным хранителем…

Третий этап – наше время. Сейчас экспозиция развернута в новых помещениях, точнее, в старых, где когда-то музей зарождался. Храм, где музей располагался в советское время, вернули церкви, это кафедральный собор Петрозаводска. А мы въехали в здания на Круглой площади. Пять лет назад мы стали Национальным музеем Республики Карелия.

– Зачем? Это как-то меняет статус?

– Меняет. Может быть, формально, может, на уровне восприятия, но меняет.

– В том смысле, что есть профессиональные историки, а есть любители-краеведы?

– Да, согласитесь, оттенок любительства в этом слове есть. Думаю, за 145 лет музей заслужил право называться профессиональным. Кроме того, к 2010 году в Карелии появилось много учреждений с определением «национальный»:

Национальный архив, Национальный театр, Национальный ансамбль… В других регионах также существуют национальные музеи. По духу, по смыслу мы остаемся краеведческим, являясь профессиональным, не отказываемся от нашего предназначения. И, знаете, это на самом деле тема для серьезного диспута. Кто работает в музее? Ученые? Научные сотрудники? Чем они там занимаются? Это хранители? То есть сидит дяденька или тетенька рядом со стеллажами, на которых лежат какие-то старые вещи, пьет чай и охраняет все это?

Нет, мы прежде всего изучаем предметы, которые хранятся в наших фондах, занимаемся их научным описанием. Каждый скребок, каждый археологический отщеп должен быть описан, ведь это признак человеческой деятельности.

– Сколько экспонатов из имеющихся в музее экспонируется?

– Два процента от 225 тысяч. Это мало. Однако ведущие музеи России экспонируют не более 5 процентов. Главная миссия музея – это хранение, а не экспонирование. Но я не директор кладбища и не завскладом. Поэтому, конечно, мы все делаем для того, чтобы процент экспонируемых предметов рос. Когда завершится реконструкция оставшихся помещений в здании музея, думаю, мы будем показывать в два раза больше. И это будет норма. Пока у нас не представлено в экспозиции советское время, 20-30-е годы, нет Карельского фронта. Каждый год мы делаем новую временную выставку к празднику Победы. Временные выставки бывают по всем эпохам.

– Когда мы пять лет назад беседовали с вами, вы сказали, что в «Ночь музеев» приходят те, кого вы и в обычные дни видите в залах… Приходит ли в музей молодежь? Появляются ли новые посетители?

– Есть изменения. На последней «Ночи музеев» к нам пришло очень много молодых людей, и некоторые, возможно, впервые. Мы стараемся постоянно работать с молодежью. Сотрудничаем с Петрозаводским университетом, все первокурсники обязательно начинают учебу, знакомясь с музеем. Много работаем с учеными…

– И вновь я хочу вернуться к нашей публикации пятилетней давности. Тогда в своей статье вы писали, что фонды музея еще не вполне изучены, требуют научного описания, пригласили к сотрудничеству ученых. Призыв был услышан?

– Да, за пять лет кое-что сделать удалось… Некоторые ученые даже пришли к нам на работу. Коллекция музея – это его ядро, это его все. Главный вопрос – как она систематизирована, каталогизирована, введена ли в научный оборот. Пять лет мы постоянно занимались этими вопросами. Перейду к примерам. У нас в музее хранится фотоколлекция Беломорско-Балтийского канала, порядка 8 тысяч фотографий. Это снимки по заказу НКВД сделаны в 30-е годы. Снимки хранились в ветхих альбомах, на клее, а это убивает фотографии. Встал вопрос оцифровки и систематизации. И мы обратились в университет к известному математику, профессору Александру Александровичу Рогову. На ежегодном семинаре университета «История и математика» родился проект, аспирант университета Андрей Талбонен изобрел поисковую систему. Теперь все снимки оцифрованы, можно посмотреть их по датам, по конкретным шлюзам, по персоналиям… Кстати, французская исследовательница Анна Брюнсвик считает, что автор снимков – Александр Родченко. По ее мнению, фотографии ББК отражают его манеру, его творческий почерк. Родченко бывал на Беломорканале, его командировки совпадают с датами снимков.

– Эти снимки можно увидеть на сайте музея?

– Есть только демоверсия.

– И работы Генриха Фогелера можно у вас на сайте увидеть не полностью…

– 12 работ из 96.

– Почему вы скрываете от нас эти сокровища?

– Мы не скрываем, и мы не собаки на сене. Но и жить по принципу «двери и окна настежь» мы не можем. Для любого музея фонды – это капитал. Кроме того, есть серьезнейшая проблема авторского права. Мы не можем выставить всю коллекцию…

– А как же можно увидеть Фогелера или снимки из коллекции ББК?

– Очень просто. Исследователь может написать заявление с просьбой познакомиться с интересными ему предметами. Мы открыты для исследователей. Кстати, на нашем сайте ежедневно появляется новый предмет, мы стараемся увеличить процент экспонатов, доступных для знакомства. А есть еще мобильные выставки, которые ездят по Карелии, по России, за рубежом. С успехом в разных городах Швеции в течение года проходила выставка, посвященная петроглифам. Конечно, не сами плиты привозили, а их изображения, но эти изображения дали возможность многим людям познакомиться с онежскими и беломорскими петроглифами...

– Мы с вами отвлеклись от взаимоотношений музея и науки...

– Да, вот еще пример. Потрясающую работу провел доктор филологических наук Александр Валерьевич Пигин, он систематизировал наши коллекции старопечатных и рукописных книг, честь ему и хвала. В настоящее время систематизацией нашей замечательной коллекции карт занимается Анатолий Михайлович Шредерс. Но я должен сказать, что ученых ждет еще множество открытий в нашем музее, наши фонды для науки – эльдорадо.

– Михаил Леонидович, вы рассказали о трех периодах истории музея. Как дальше будет развиваться третий? Чего нам ждать к 150-летию?

– Сейчас, пожалуй, не время прогнозов... А с другой стороны, без видения перспективы руководитель – не руководитель. Мы будем активно заниматься XX веком, 50-60-ми годами. Будем заниматься и устной традицией. Знаете, город носит название Петрозаводск, а заводское прошлое постепенно исчезает. Нужно найти заводчан, носителей исторического опыта, записать их рассказы.

– Мне кажется, такой работой занимаются университет и Карельский научный центр...

– Да, но почему ею не заниматься и музею? Это очень интересная работа, особенно сейчас, когда есть цифровые носители. Но вы правы, рассматривая музей как мир вещей. И если вы спросите, есть ли лакуны в нашей коллекции, отвечу – есть. Мы их постепенно закрываем. Вот этот зуд музейщика не давал мне покоя, я не мог смириться с тем, что у нас нет чиновничьих пуговиц. В городе была пуговичная фабрика, открытая Гаскойном в 1795 году! А пуговиц в музее не было...Я долго искал и нашел в Петербурге филобутониста – коллекционера пуговиц. Он подарил нам две чиновничьих пуговицы с гербами Лифляндской губернии. Я просто плясал от радости! С гербом губернии Олонецкой пока пуговиц не нашел, но все впереди.

Что касается выставочной деятельности, у нас составлен план выставок до 2018 года. Одна из готовящихся выставок – 100-летие Мурманской железной дороги, которая в свое время дала мощный импульс для развития края, да и сейчас является «позвоночником» нашей республики. Еще тема для выставки – 300-летие первого российского курорта – наших «Марциальных вод».

Конечно, стоит задача сохранения работоспособного коллектива. Жаль, что сейчас государство не в состоянии оплачивать профессионализм и труд музейных работников, как и вообще работников культуры, достойно. Но с тем большим уважением я отношусь к своим коллегам – верным рыцарям музейного дела.

Также в наших планах модернизация постоянной экспозиции. И еще, конечно, реконструкция оставшихся помещений в здании музея, так называемого «первого подъезда». Мы надеемся разместить в них выставку предметов советского периода. Взять хотя бы круглый кабинет Гюллинга... с диваном, на котором спал датский писатель Мартин Андерсен Нексе при посещении Карелии... Гостиницы не было! Есть идея 20-30-е годы показать через этот кабинет, где работали руководители республики. У нас грандиозные планы на эти помещения. Будем созидать!

Беседовал Вениамин СЛЕПКОВ

□

Сергей ПУПЫШЕВ

г. Петрозаводск

НАДЬКА, НАДЕЖДА

рассказ

Арктический шнур[1], лежащий под матрасом, согрел спину ровно и качественно. Хорошо, что пацаны северодвинские подогнали, а так бы горя хапнул: на улице за минус тридцать – спину надо беречь, когда спине тепло, холод не страшен – это ещё с Северного Кавказа помнил Фёдор. Заночевал как-то зимой в горах, в вагончике. Нары деревянные, лампа керосиновая – не было больше ничего. Раздвинул доски на нарах, поставил под них зажжённую керосинку, лег ровненько позвоночником на щель между досками да и переночевал. Вставал, правда, тогда частенько – фитиль подкручивал, но спине тепло, а больше и не надо ничего.

А теперь буржуйка в комнате грела, но бетонный, хотя и утеплённый опилками и дощатым настилом пол всё равно простывал. Вода, по забывчивости оставленная в пластиковой канистре на полу, к утру замерзала. Для чая приходилось топить снег, благо, тут он чистый. Лютовали морозы уже неделю. Декабрь ещё только родился, а снега уже было в достатке.

Фёдор для своих сорока лет был крепок, росту среднего, слегка косолап, грузноват, но подвижен – сказывалось многолетнее занятие борьбой. Надька любила примоститься рядом с ним. Вытянувшись во весь рост, прижималась преданно – так теплее обоим. Привязался к ней Фёдор, сердцем прикипел. Два месяца вместе. Молодая, забавная, но отважная, без неё было бы совсем грустно.

Уже почти три месяца Фёдор провёл на самой окраине старинного провинциального городка в Архангельской области, где даже тротуары по старинке мостились досками. Домой хотелось – скучал по жене и сыновьям. Работу свою почти закончил, дело было за малым – настроить пилораму, купленную в складчину, и опробовать её. Скоро, очень скоро вдохнёт он жизнь в железную машину, и наконец начнёт она приносить долгожданную копейку. Сдвинется дело – заживёт, закрутится... Фёдор уже чувствовал бодрящий запах живицы, представлял, как, благоухая, раскрывается чрево древесное и кольцевые линии жизни чудно́ расписывают свеженапиленные доски. Впервые пятнадцатилетним парнишкой в мастерской отца ощутил Фёдор радость от сделанной ещё не умелыми руками табуретки. Теперь вот и сам

мастер. Оставалось отладить пилораму, потом – домой дожидаться смены и через месяц, после Нового года, – обратно, снова на месяц вахты. Так изначально договорено было – одна смена месяц трудится, другая в это время отдыхает. Да и ребята попались серьёзные, некоторые участвовали в чеченской кампании, награды имели, ранения. Заработанные деньги договорились делить ровно – по-честному.

* * *

Фёдор всегда любил ездить в плацкартном вагоне. Коллектив большой, разношёрстный. Всегда попадётся добрый попутчик, не то что в купе, где нет ни выбора, ни возможности спокойно перебраться к интересной компании или пофлиртовать с дамой, тоже скучающей и не возражающей против случайного знакомства. В поезде, как на исповеди, честно рассказываешь попутчику о сокровенном, наболевшем, тревожащем душу, зная, что вряд ли ещё встретишь того, кто смог тебя выслушать и дал выговориться.

Так и в тот памятный раз получилось. Фёдор возвращался из Москвы, а соседом оказался парнишка из Северодвинска Василий. Выпили, закусили, завели беседу – оказалось, воевал в Чечне. Долго говорили, душевно. Вася в гости пригласил. Фёдор в то время не особенно обременен работой был, взял да и согласился.

Принял Василий его радушно: стол дома накрыл, с товарищами познакомил. С неделю отдыхали: шашлыки, рыбалка на Белом море, потом надумали пилораму завести. Что ещё делать в краю лесном? Выбор пал на городок, за пятьсот километров от Северодвинска, недалеко от границы с Карелией. Там и с сырьём хорошо было, да и основной сбыт пиломатериалов в Петрозаводске находился. Работы Фёдор не боялся, да и по деньгам успел соскучиться – семью кормить надо. Остался.

В местном дышавшем на ладан уже не первый год совхозе директриса без сожаления предложила им старый разрушенный коровник. Не верила в серьёзность намерений. Зрелище и впрямь было удручающее: длинное стометровое кирпичное здание с одной стороны было почти полностью разрушено, крыша обвалилась, только кое-где ещё виднелись обнаженные рёбра стропил. Окна и двери зияли пустыми проёмами. Внутри – горы строительного мусора, остатки рубероида, изломанные доски и всякий прочий хлам. Война перестроечная успешно добивала последние совхозы на Русском Севере. По некошеным полям уныло бродили поджарые коровы.

Большим плюсом была асфальтовая дорога, доходившая прямо до бывшего коровника, и ещё возможность подключить электричество – благо, столб рядом был.

– Справитесь? – недоверчиво поинтересовалась усталая хозяйка.

Вариантов не было.

– Справимся, – переглянувшись, ответили парни.

Поселились всей компанией недалеко от разрушенного коровника. Сняли у одинокой бабули небольшую комнату, увешанную пожелтевшими фотографиями бравых и почему-то непременно усатых её бывших мужей. Та рада была квартирантам: побалагурить будет с кем вечерком за самоваром.

Рядом с коровником стояла старая совхозная баня. Местный мужик её в аренду взял и сохранил – отремонтировал, в чувство привёл и по субботам и воскресеньям народ окрестный банькой радовал. Как только зашевелилась стройка – подошёл.

– Рябов Олег, – представился, подав сухую крепкую руку.

Рябов был лет тридцати пяти от роду, невысок, мозолист на ладонь, в кости не широк, жилист, кадыкаст, с открытым лицом.

– Что намечается? – поинтересовался банщик.

– Пилораму ставим, – коротко обрисовал Фёдор.

– Тогда соседями будем, – подытожил Рябов.

Следующий день принёс в строительные ряды пополнение. Вытаскивая маленький пушистый комочек из-за пазухи, Рябов обратился почему-то к Фёдору.

– Федь, возьми котёнка. Подросший, больше месяца... Машка моя принесла. Жинка всех убрала, одного оставила, чтоб кошка не убивалась. К туалету приучен, – убеждал Рябов.

Фёдор бережно принял малыша в большие ла-

дони. Уже дома с осторожностью опустил кроху на пол. Не привыкший жить без мамки, котёнок попал в другой мир – незнакомый, с великим множеством чужих запахов. Поджав уши, осторожно, боязливо ступал, шаг за шагом обследуя предметы и что-то, наверно, откладывал в своей несмышлёной головке. Всё пахло и выглядело незнакомым для этого крохотного существа, впервые оторванного от молочно-тёплого живота матери. И котёнок закричал, закричал жалобно, зовя мать-кошку, испугавшись неожиданно свалившегося на него этого нового мира.

Фёдор налил в тарелку магазинного молока и подтолкнул, почти ткнув в неё носом, котёнка. Тот сначала отпрянул, фыркнул, затем облизал мокрую мордашку, распробовав, припал к тарелке. Насытившись, удовлетворённо мяукнул, подошёл к человеку, ещё раз обнюхал и нагло забрался по штанине к нему на колени. Облизнувшись, умылся, сыто замурчал и тут же уснул. Это так тронуло Фёдора, что он не посмел переложить его на кровать и просидел в одном положении около часа, пока маленький дружок не открыл глаза. Проснувшись, котёнок потянулся, неуверенно спустился на пол, где и продолжил изучать пространство, всё реже и реже призывая покинутую не по своей воле мамашу. Пепельный, с белым пятнышком на груди, он вскоре обнаружил задорно-взрывной характер и по признакам пола был наделён Фёдором именем Надька. Скучать и впрямь озорная Надька не давала, с каждым днём росла. Спать любила только с Фёдором, преданно устроившись на его груди.

* * *

Дружно начали. Пашка – борец действующий, вольник, средневес квадратно-крепенький, в то время в спортроте служащий, поэтому почти свободный. Зыков – брюнет, высокий, статный, отслужил, в Чечне в боях бывал. Василий – жилистый, мозговитый, тоже пороху понюхал. Кац – самый старший, из Северодвинска, отличался сообразительностью по природе своей иерусалимской. Фёдор по старшинству возглавлял эту славную когорту. Вставали рано. Мускулисто-жилистая «пятерня» пилила, ломала, крушила всё лишнее, ненужное. За три недели многое сделали. Выгребли весь хлам. Крышу стали восстанавливать из сохранившегося ещё доброго пиломатериала, снятого тут же. Сначала Фёдор не мог нарадоваться на мощный слаженный коллектив. Вот она – сила, молодость! Горы можно свернуть! Иногда по выходным бравый тестостерон гнал молодежь на дискотеку. Фёдор не отставал. С местными зацепились сразу же, встали дружно, спина к спине, отбились достойно, потерь не понесли, если не считать пары синяков у пацанов да разбитой губы у Фёдора. Но эта неприятность только развеселила его и напомнила о бурной молодости. Местным повезло меньше. Следующий день пришёл вместе со вчерашними противниками и закончился братанием и распитием мировой. Но постепенно стальные, казалось, парни начали уставать. Первым ослабел сообразительный Кац – отпуск его заканчивался. Вторым сдался Василий. Затем спортсмена на сборы вызвали. Последним ульнул[2] Зыков – помогал месяц. Фёдор на неделе оставался трудиться один, но на выходные, когда приезжали северодвинские, дело продвигалось быстрее. Крышу рубероидом застелили. Смастерили и отделили перегородкой от основного здания комнату для житья прямо на рабочем месте – от бабули съехали. Местные парни подогнали буржуйку и чёрно-белый телевизор. Холодильник старенький по случаю выменяли за три бутылки. Тут и новоселье справили. Надька быстро освоилась на новом месте, росла, крепла.

* * *

Фёдор лежал на нарах и мечтательно улыбался. Дело замедлилось, но всё равно двигалось в нужном направлении. Надька жила своей неуёмной беззаботной жизнью. Носилась как угорелая по комнате, неожиданно представив себе невидимого врага, с шипением выгибала спину, бочком подкрадывалась к кому-то, бросалась на него, крутилась со своей тенью. Пулей взлетала к Фёдору на одеяло, застывала, распластавшись, притаившись с прижатыми ушами, нервно поигрывая хвостом, и Фёдор, провоцируя её, пальцами рук или ног делал

почти незаметные движения, на которые та мгновенно откликалась, бросаясь на мнимого противника. Иногда, устав от неё, Фёдор бросал на пол крышку от пластиковой бутылки, которую Надька с упоением футболила по всей комнате. Наскакавшись, уморившись, непременно ластилась к хозяину, преданно и умилительно мурча, скрашивала его одиночество.

Изредка Надька осторожно кралась в дальний угол комнаты, где, затаившись, подолгу сидела, прислушиваясь и нервно подёргивая хвостом.

Проснулся Фёдор от шумной возни. Соскочил с нар, включил свет. В углу, сцепившись, катались две серых тени. Надька пыталась одолеть большую, чуть ли не с неё саму ростом крысу. Отчаянно визжа, серая тварь всё-таки освободилась от ещё неумелой хватки котёнка-подростка и шмыгнула в угол, надеясь скрыться в недавно прогрызенной норе. Надька кинулась вслед, перехватила её, и вновь закрутилось всё в смертельном танце. Но крыса ускользнула, вырвалась, матёрая... Надьку трясло от возбуждения и охотничьего азарта. Просидев безрезультатно с полчаса у крысиной дыры, Надька неохотно, но гордо направилась к хозяину. Крыса больше не появлялась.

* * *

Пару раз в неделю Фёдор ходил за несколько километров на телеграф, звонил домой. После каждого разговора с женой и сыновьями грустнел всё больше: дома ждали. В выходные при первой возможности старался заработать: разбирал развалины старого коровника – на очищенные кирпичи нашёлся покупатель. Радовался Фёдор, когда внутри стенки кирпичи были накиданы вообще без раствора, шабашники «старались», стройматериал был новый, чистый. Сколько за них выручал – всё домой посылал. А иногда колол дрова немощным бабкам, ходил на болото за клюквой. Нарвался как-то: крупная, с вишню величиной, ковром багровым болото скрыла, он увлёкся, да ступил не туда – нога в сапоге провалилась сразу. Пока вытаскивал её, потерял болотник[3]. Только самый краешек торчал из трясины. Засуетился сначала, стал вязнуть, сообразил лечь на топь и раскинуть руки в стороны. Вроде держит. Стал одной рукой пробовать обувь вытянуть, но лишённое опоры тело начинало проминать топь, закачалось на зыби. Идти домой босым пять километров не хотелось. Подполз ближе, ухватился зубами за торчащий из болотины край сапога, потянул – мёртво сидит. Потянул сильнее – зубы сжались судорожно. Откусил кусок резины. Перехватился половчее да потащил так, что шея захрустела – и пошёл, по сантиметру, но пошёл. Так, перехватывая зубами, вызволил обувку из плена, потом потихоньку перекатился до кочки ближайшей...

* * *

– Печь надо сложить – с буржуйкой зиму не протянешь. Труба вон там, видишь? – Рябов указал на полуразрушенное здание с зияющими пустыми глазницами окон метрах в трёхстах от пилорамы. – Котельная совхозная, брошенная... Кирпича там возьмёшь огнеупорного, глину сухую подбери. Колосники, задвижка, поддувало и дверца у меня имеются. Сам класть не умею, книжку с порядовкой кладки дам, захочешь – сладишь. Печник сдерёт. Дорого сейчас.

Три дня Фёдор отбивал кирпич, глину счищал, возил на санках – шесть сотен запас, да глины мешков пятнадцать припёр. Дальше – опять к Рябову.

– Как замочить глину правильно? – полюбопытствовал Фёдор.

– Да ты к Лукьянычу сходи. За школой его дом, рубленый. Через магазин пройди, – подмигнул банщик, – в разговоре легче будет.

Старик Лукьяныч поднялся тяжело, шаркая ногами, подошёл, сунул Фёдору холодную, сухонькую, с длинными узловатыми пальцами ладошку и кивнул на лавку:

– Сидай.

– Лукьяныч, печь хочу сладить, помоги делом или советом. Кирпич и глина имеются, – без обиняков начал Фёдор.

– Делом-то вряд ли, а за совет – побулькать бы... – щёлкнул большим пальцем по кадыку хитроватый Лукьяныч.

Пол-литровый «бульк» был немедленно водружён на стол. Стопки со стола, видно, никогда не убирали.

– Глина в зиму откель взялась? – оживился старик.

– С котельной брал, с кирпичей счищал.

– Ну, та хороша. Путняя. В шисят четвёртом сам месил, – осушив, не морщась, стопку, удовлетворённо отпустил Лукьяныч, – там всего в меру. Ты её разбей получше, чтоб без комков была. Залей в достатке, лопать[4] чаще, не ленись. Через три дня принеси комок – посмотрю, – наставлял после второй воодушевлённый печник.

Глину Фёдор замочил в двух бочках – двухсотлитровых. Через три дня она поспела, дошла до готовности. Фёдор слепил из неё колобок – и к Лукьянычу. Тот помял глину, колбаской раскатал между ладонями, потянул за концы в разные стороны. Затем сотворил небольшой, с куриное яйцо шарик, бросил с уровня пояса на пол, поднял, рассмотрел придирчиво.

– Ушлый ты парняга, угадал: хороша! – всё ещё разминая глину помнящими руками, похвалил ученика старик.

Хорошо, что Зыков из Северодвинска подоспел. Дружно взялись за печку, благо – фундамент не надо было заливать – пол бетонный, мощный. Ровно, ряд за рядом росла печка, глаз радовала. За три дня справились, уже и трубу вывели – к удивлению, ладно получилось. Ещё через день подтапливать начали. Проснулась тяга, завыла радостно, уютом запахло в комнате. Надька сначала с большой осторожностью отнеслась к новому большому и тёплому предмету, но потом привыкла и любила пристроиться рядом, наслаждаясь и нежась.

* * *

«Ну, всё вроде», – произнёс про себя Фёдор, докрутив последние гайки, – настроил пилораму. Прошёлся, проглядел все узлы заново. Всё чинно, всё в уровне. Не впервой было ему станки налаживать. Пилу натянул до нужного тембра. Завёл станок. Зазвенела пила-струна звуком правильным, заслушался Фёдор – поёт агрегат, работать просится. Теперь дело за малым – надо лес завезти и пилить пробовать. Пошёл к заготовителям – пообещали завтра подвезти. Ночь спал плохо, не мог дождаться пиловочника, хотелось быстрей начать работать: пилить, деньги зарабатывать. Но до обеда лес не привезли, до вечера тоже. Позвонил – оказалось, лесовоз сломался, до делянки не доехал. На следующий день со вторым заготовителем связался, тоже обещания были, там опять беда – водитель запил. Ещё день потерян. Тут первый позвонил – починился, завтра будет лес железобетонно.

С вечера завьюжило, завыло. Всю ночь пуржило так, что не видать ничего. Под утро стихло, прояснилось, приморозило. Фёдор с трудом открыл дверь, вышел на улицу и обмер: дорогу перемело начисто, в пояс. Лесовоз стоял, увязший в снегу метрах в двухстах от пилорамы, как застывший в арктических льдах ледокол, пробиться не мог. Дороги не было – метров двести снежной целины. Утопая в снегу, Фёдор добрался до машины. Водитель, разводя руками, вспоминая матушку, клял всё: погоду, работу, машину... Пришла вторая гружёная машина, кое-как первую сдёрнула, и уехали обе разгружаться в другое место, на другую пилораму. В общем, беда.

Допоздна Фёдор махал лопатой, чистил дорогу на ширину колеи лесовозной, хорошо – с обеда Рябов подключился, один бы не сдюжил. Суббота завтра, народ в баню потянется, а дорога одна. Утром, проснувшись не рано, Фёдор потянулся, накинул полушубок, вышел на улицу. Настроение было почему-то замечательное. Он знал, что делать.

До церкви идти было около часа, но он даже не заметил, как добрался. Заутреня вседневная заканчивалась. Наконец Фёдор смог подойти к батюшке, посетовал, что дело новое трудно начинается. Застопорилось. Словно рок какой висит.

– С Бога такие дела надо начинать, благословение получить. Возьми, сын мой, воды святой да окропи место рабочее. Иди с богом. Да по воскресеньям не работай. Ступай, – осеняя крестом, проводил батюшка.

Утро субботнее было чистое... Переливчатым колокольным звоном зарождался новый день. Дышалось радостно, хотелось набрать полные лёгкие свежести этой морозной, непогрешимой, раскинуть руки, силы все вложить и закричать зычно, так закричать, чтобы дрогнуло всё, а неудачи посыпались битым стеклом под ноги.

Обратно к своему пристанищу Фёдор шагал бодро по хрустящему, ослепительному, по-де-

вичьи чистому снегу, держа бережно за пазухой бутылочку с освящённой водой. Уже перед пилорамой окропил дорогу, вчера чищенную. Станок окропил с большим усердием, да и сам не преминул пару глотков сделать. Затем зашёл в комнату, разделся, прилёг на кровать. Надька тут же взлетела на одеяло к своему хозяину, прилегла ему на грудь и преданно замурлыкала, слегка потаптывая одеяло мягкими лапками, время от времени выпуская острые коготки. Под эту музыку Фёдор и задремал.

Стук в дверь заставил его вздрогнуть и соскочить с кровати. Дверь широко распахнулась, и заглянула улыбающаяся физиономия.

– Хозяин, лес нужен? – и в комнату вкатился маленький, розовощёкий от морозца мужичонка лет тридцати пяти.

– Вези, – всё еще не совсем проснувшись, протирая глаза, ответил Фёдор.

– Вот ты спать! Время-то – день! Привёз уже. Иди принимай! – розовощёкий выплыл наружу.

– На эстакаду давай, – всё ещё не веря в это пришествие, но уже окончательно проснувшись, оживился Фёдор. – Комлями в одну сторону клади.

Лес был хорош! Ровный, в меру крупный, гонкий, по всему видно – плотно в делянке рос, к небу стремился. Мечта, а не лес! Несмотря на кажущуюся медлительность, лесовозник мастерски, бойко владея манипулятором, справился с разгрузкой.

– Сам скубатуришь? С деньгами как? К Новому году отдашь? По штуке годится? Ну, давай пока, звони, если ещё надо. Ваня я. Знают тут меня, – мужичок всучил листок с номером телефона, влез в лесовоз и умчался восвояси.

Ещё пару часов назад Фёдор был в церкви, говорил с батюшкой, Бога просил, отчаявшись. Услышал, значит. Услышал! В воскресенье работать не стал – батюшка так велел.

Позвонил парням: приезжайте, мол, пора начинать. В ответ у всех появились какие-то проблемы неотложные, важные. «Ну да ладно, сам начну, – решил Фёдор. – Не впервой».

Утром встал рано. Умылся, бодро отфыркиваясь. Покормил трущуюся об ноги и мурчащую Надьку. Позавтракал. Оделся не наспех, основательно, свободно, чтобы ничего не мешало. Выходя к станку, размялся по-борцовски – покрутил вкруговую кисти, повращал руки в локтях, нагнувшись, поработал торсом, покачал до хруста в шее головой, растёр снегом до красноты лицо – и в бой.

Всё ему было привычно: бревно накатил, закрепил и пошёл раскрывать красоту древесную. Доска вышла ровная, в размере, на загляденье хороша. Фёдор любил дерево, запах свежераспиленной доски приятно щекотал ноздри. Работал привычно быстро, почти не останавливаясь, – любовь к работе с древесиной от отца перешла – тот всю жизнь отдал дереву, многих ребят в жизнь вывел, профессию дал. Допоздна трудился Фёдор. А потом приходил в комнату к печи, ужинал, валился спать. Размотал Фёдор лесовоз пиловочника на доску за три дня в одиночку, тяжеловато было, но терпимо – дело сделал, справился. Рябова позвал, завечеровали, обмыли. Стойкий в работе банщик и во хмелю не дурной, несёт хорошо.

– Не едут парни, проблемы какие-то дома, говорят, – сокрушался Фёдор, – завтра быть обещались.

– Наелись они работой, сытые, похоже. Я так думаю, городские – не сдюжат, – махнув очередную рюмку, резанул Рябов. – Хоть и геройские, но городские, не готовы ещё. Жизнь не прижала. Ты-то, видно, хапнул её полной ложкой, с горочкой, – хрустя солёным огурцом, подметил он.

– Есть маленько, – поскромничал, соглашаясь, Фёдор.

– Что-то Надька у тебя квёлая, – наливая привычно ровненько, произнёс банщик, приглядываясь к неподвижно лежащей на нарах Надьке.

– Ещё утром вроде скакала, – Фёдор попытался расшевелить её, но она, поднявшись тяжеловато, отошла в сторону.

– Настроения нет иль не выспалась, – неуверенно предположил Фёдор.

– Ну ладно, до завтра, а то моя заждалась, – вставая, прокряхтел Рябов. – А то давай ко мне, добавим.

– Лучше до завтра... Бывай, – усталым голосом попрощался Фёдор.

Не приехали парни. Полдня Фёдор провозился со станком. Порядок навёл. Надька ни-

чего не ела, не пила – рвало её, поносило кроваво – смотрела на Фёдора жалобно, будто извинялась за свой недуг. После обеда не выдержал, попросил Рябова до ветлечебницы подкинуть на уазике.

– Прививку от энтерита делали? – первым делом спросил ветеринар, осмотрев котёнка.

Фёдор отрицательно покачал головой.

– Плохо... Запустили... Организм обезвожен... Капельницу поставим, прокапаем сегодня. Завтра привозите ещё... Может, и выкарабкается.

Завтра легче не стало. Фёдор ещё раз ездил в ветлечебницу на уколы и капельницу, на мгновение ему показалось, что котёнок ожил, встрепенулся. Но к вечеру стало хуже. Надька, пошатываясь на нетвёрдых лапках, пыталась запрыгнуть на нары к Фёдору, не смогла подняться даже до половины, цепляясь когтями за свешенное одеяло, она старалась подтянуться, но лапы только дрожали от бессильного напряжения. Жалобно беззвучно открывала пасть, но звук даже не вырвался из гортани. Надька, ещё недавно казавшаяся ртутью живой, чертёнком быстроногим, угасала.

* * *

Балки перекрытия рухнули неожиданно. Одна из них, влекомая останками крыши, упала прямо на Фёдора и пригвоздила его немыслимой тяжестью, содрав лоскутами кожу, обнажив красную кровавость плоти. Становилось невмоготу, из груди вырывался только хрип, ни стонать, ни дышать не было возможности. Пугающий хруст ломающихся ребер заставлял думать о последнем часе. Всё, кажется, конец... Но жить хотелось, хотелось как никогда! Усилием последним, неимоверным, крича неистово, как зверь раненый, рванул... Не хотела она, тяжесть смертная, отпускать, цеплялась крючьями своими жадными, оставляя след кровавый на груди. Злостью, криком нечеловеческим, желанием жить скинул Фёдор балку с груди своей и... проснулся.

Пот градом стекал по лицу, сердце колотилось бешено, а на груди его скорбно покоилась серым камушком Надька, тёплая ещё, бездыханная. Она лежала, тихая, но оскал смерти уже тронул её красивую мордашку, бесстыдно обнажив пронзительно-белые молочные клыки.

Бережно, двумя ладонями взял Фёдор исхудавшее тело, невесомое, хворью высушенное, положил на чистое полотенце и аккуратно завернул, укутав как младенца, осторожно опустил на нары.

Вышел на улицу. Кривой лоскут луны рваной раной зиял на простреленном звёздами небосводе. Лопатой разгрёб колючий снег. Ударил ломом – стылая земля отозвалась гулким бетонным стоном. Ударив ещё несколько раз, Фёдор остановился. Закопать в снег? Откроет весной Надькино тело заспанное солнце, глумясь, расклюёт прах циничное вороньё. Нет. Выдолбить в стылой земле могилку? Равнодушно источат черви. Нет, не хотел этого Фёдор.

Напротив курилась ровным дымным столбом баня Рябова. Была суббота. Зимой Рябов обычно начинал топить за полночь – к утру баня должна быть готова. Фёдор, постояв недолго, вернулся в комнату, собрался скоро. Закинув сумку на плечо, осторожно поднял свёрток, прощально оглядел небогатое своё жильё, вышел, подперев палкой[5] дверь снаружи. Уверенным шагом пошёл к бане.

Котельная встретила жарко дышащим зевом. Рябов дремал, разморившись в своём потрёпанном замусоленном кресле. На скрип двери встрепенулся, но не удивился раннему визиту.

– Надька умерла, – скидывая сумку, мрачно произнёс Фёдор.

– Плохо, – вставая и протягивая руку, прокряхтел банщик.

Фёдор открыл дверцу топки. Обдало жаром нестерпимым. Молча постоял со скорбной ношей, затем насколько можно аккуратно положил её в топку, почему-то перекрестил. Рябов хотел закрыть дверцу, но Фёдор перехватил его руку и аккуратно отвёл в сторону. Некоторое время смотрел, как пламя сначала с осторожностью, потом с пугающей жадностью загудело алчно, завыло тягостно и со зловещим аппетитом поглотило печальный свёрток. Через минуту не выдержал, закрыл топку.

– Водка есть? – сухо спросил Фёдор.

Рябов достал початую бутылку, два гранёных стакана, хлеба четвертинку. Сало нарезал по-мужски – крупно, луковицу развалил на четы-

ре части. Фёдор налил по половинке. Выпили молча, не чокаясь. Сразу налил по второй, будто куда-то спешил.

– Хорошая была... Жаль... Ушла... – Фёдор отошёл от топки, отвернулся, задумался. – Как баня?

– Иди, уже можно. Тебе хватит. Через два часа открою, народ пойдёт.

Парился Фёдор безжалостно. После – мыл, скоблил тело с каким-то особым усердием и тщательностью, будто пытался смыть печаль, грусть, злость за время это потерянное, за то, что не уберёг, не смог вырастить это маленькое, дорогое сердцу существо. Всё отдала Надька Фёдору. Одной частичкой тепла в парную проникла, в жар очищающий превратилась, другой – водой тёплой ластилась, прощалась... После бани Фёдор снова зашёл в котельную.

– Поеду я... Умерла Надежда... Там клюквы у меня килограмм сорок, осенью собирал, забери себе. Лес я попилил, доска на месте. Пацаны приедут – передай, что деньги за пиловочник мужику надо к Новому году отдать, вот его телефон, – протянул бумажку Фёдор. – Всё, бывай!

– Обожди, – остановил Рябов. Пошарил в засаленных карманах, протянул деньги. – Возьми, – протянул пару купюр, – тебе нужнее... Дорога дальняя...

Они обнялись, пожали друг другу руки.

Фёдор вышел на улицу, задержался на минуту, окинул взглядом в последний раз пилораму и пошёл, не оглядываясь, уже ни о чём не жалея.

Больше его здесь ничто не держало.

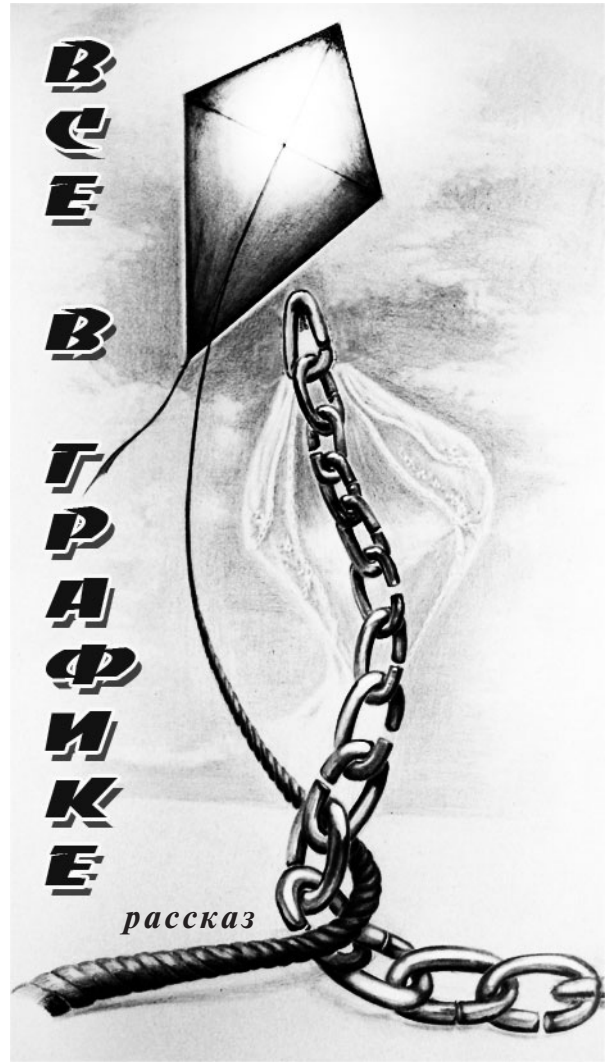
1 Арктический шнур – электронагревательный прибор, выполненный в виде шнура в пластиковой оболочке, применявшийся в арктических и полярных экспедициях для обогрева спальных мест.

2 Ульнуть – ускользнуть.

3 Болотник – высокий, до паха, сапог.

4 Лопатить – мешать лопатой.

5 На Севере в маленьких городах и посёлках, не боясь воров, не запирали дома на замок, просто подпирали дверь снаружи палкой либо даже шваброй, показывая тем самым, что хозяев нет дома.

Ан позвонил ей ещё вчера.

Первую двушку[6] расположенный на углу квартала телефон-автомат в исписанной ненормативными разностями будке с битыми стёклами проглотил, даже не поперхнувшись, нагло и равнодушно, дав услышать лишь долгожданное «алло». Затем что-то грюкнуло, загудело противно и протяжно... Ему пришлось бежать за разменом в столовку через дорогу. Гудки, казалось, мучили бесконечно, но всё же после седьмого трубка ответила знакомым задорным голоском, монетка слегка шевельнулась, вздрогнула, и аппарат с удовольствием съел денежку.

– Завтра родители на дачу уедут. На все выходные... Завтра у меня две пары. После обеда я дома. Давай ко мне в пять или в шесть?

– Давай лучше в три, – молодой человек сглотнул и чуть не задохнулся, так давно он этого ждал.

– Тогда в семь! – она звонко рассмеялась, радуясь его нетерпеливости.

– Буду в пять, – нарочито обиженно промямлил он.

Он студент второго курса политехнического института, крепкий малый, спортсмен. Она студентка того же вуза, только другого факультета, комсомолка, красавица, лыжница. Знакомы месяц. Походы в кино, на дискотеку, долгие телефонные разговоры, полуночно-изнемогающие прощальные поцелуи у подъезда – все эти этапы были уже пройдены. Наступало, как им казалось, что-то большое, неотвратимое...

Он прохаживался по квартире в одних трусах уже минут пятнадцать. До назначенной встречи было часа полтора. До автобусной остановки идти минут пять, потом минут пятнадцать – на общественном транспорте и ещё метров триста от остановки до её дома. Добираться двадцать пять минут, но это если учесть регулярно ходивший автобус. Минут пять для подстраховки всё-таки необходимо: до счастья около получаса – и ещё шестидесятиминутная вечность.

Секундная стрелка на кругляше настенных часов ползла по-черепашьи, никуда не спеша. Он ещё раз заглянул в холодильник. Советское полусладкое шампанское торжественной ракетой стояло на пустой полке, шоколадка фабрики имени Бабаева мёрзла рядом. Вчера ему едва хватило остатков стипендии на всю эту роскошь. В магазинах ни того, ни другого не было, пришлось сбегать в кафе, отдать знакомому официанту последний червонец и выйти с заветным пакетом через чёрный ход. Лишь два пятачка с грустью позвякивали при ходьбе в кармане. Как раз на автобусный билет – туда и обратно.

Брюки, единственные, парадные (потрёпанные, бывалые джинсы для этого случая просто не годились), торжественно отглажены, стрелки, будто гордясь собственной безукоризненностью, резали глаз. Пара поблескивающих чёрным шиком туфель стояла на низком старте в нетерпении у входных дверей. Рубашка, купленная в Ленинграде, – гордость его гардероба, белая, как первый снег, и чистая, как душа младенца, скрупулезно отутюженная, гордо висела на плечиках, ждала его трепетно, как невеста в первую брачную ночь.

Он открыл зеркальную дверь платяного шкафа и отошёл полюбоваться собой в противоположный угол комнаты. Всё ещё в трусах. Широкоплеч, белобрыс, ловок. Его воображение упрямо рисовало недопитое шампанское, ещё источающее пьянящие, летящие вверх трассирующей пунктирной линией пузырьки... Как в его мускулистых объятиях дрожит от вожделения её сильное, трепетное тело. Как она... А он...

О! Это невозможно! Сколько ещё осталось? Рванул в комнату, глянул на часы. Времени ещё четыре. Выходить всё равно рановато.

Лето 84-го было знойным. Послеобеденное беспощадное июльское солнце зенитными стрелами прожигало спальный район. Откуда-то справа, подкравшись подло, по-предательски, из-за спины, чёрная слепая туча хмурым фиолетом наползала на немытые серые крыши хрущёвок-пятиэтажек. Он заметил её не сразу. Зашелестел тополиной листвой тугокрылый разбойник-ветер. Резко потемнело в комнате. Где-то далеко громыхнуло с треском – раскатистым и неотвратимым. Застучал через минуту сначала шальными свинцовыми каплями, а затем беспощадной монотонной вражеской канонадой ливень, хлещущий, шумный.

Студент переживал, закончится ли дождище за полчаса? Вдруг нет? Рванул в прихожую. Зонта на месте не было, видно, мать взяла, прогноз видела... Побродил по квартире минут десять, затем оделся не торопясь. Всё сидело безукоризненно, зеркало это подтвердило. Оставалось только ждать.

Из окна пятого этажа видна вся улица. Его подъезд был крайним, у дороги. Метров через триста дорога уходила влево и скрывалась за поворотом. Перед выходом из дома он всегда сидел у окна. Ездил на тренировку каждый день. Всё у него было отработано. Как только из-за поворота показывался рейсовый автобус, он вскакивал и стремглав нёсся по лесенкам. Выбегая из подъезда, оглушительно хло-

пал дверью, пугая до икоты вечно сидящих на лавочке дворовых бабусь-сплетниц, и успевал на остановку вовремя. Иногда он прибегал первым и ждал автобус, а иногда запрыгивал в последний миг, но успевал всегда.

Ливень заставил его понервничать. Мокнуть в таком виде не хотелось. Дождь прекратился без двадцати пяти пять. Просто неожиданно завернул сплошной стеной за угол пятиэтажки – и пропал. Раскалённый солнцем, но умытый с обеда асфальтовый город парил в легкой дымке. Из-за поворота, сверкая мокрой желтизной, показался рейсовый «Икарус». «Успеваю, всё в графике!» – подумал студент. Пакет с шампанским и шоколадкой, подхваченный сильной рукой, уже мчался вниз. Глотая пролётами ступени, он нёсся, летел влюблённым ветром к милой, ждущей...

Автобус уже поравнялся с ним. Некоторое время они мчались вровень, но затем железная машина, презрительно фыркнув, выдохнула клубы едкого дыма и вырвалась вперёд. Всё же лужи слегка замедлили бег студента, но он, ловко лавируя, уверенно приближался. Народу на остановке почти не было, и водитель, уже собираясь отъезжать, включил поворотник, но вовремя заметил бегущего молодого человека и оставил заднюю дверь открытой. Неудачно остановился автобус: около задней двери умиротворённо покоилась большая, улыбающаяся отражённому светилу лужа. Оставалось лишь два шага. Уже будто протягивал из автобусных дверей свою добрую руку поручень, и только один решительный прыжок – и студент влетел бы быстроногим гепардом прямо в душное чрево автобуса...

На бегу перекидывая пакет драгоценный из руки в руку, оторвался от земли в сильном, восторженном прыжке юноша, перепрыгивая лужу каверзную. Схватился на лету за поручень рукой могучей, занося тело спортивное в проём автобусный и... покатился кубарем под охи пассажирские по луже, в чистом и глаженом, вырвав с корнем ржавый поручень, прогнивший, предательский.

Поднялся, в сердцах сплюнул, зашвырнул отчаянно железяку обломную прямо в кусты. Пакет со стекляшками – в урну... И – домой, не спеша... Прямо по лужам.

(Публикуется в авторской редакции)

---

6 Двушка – двухкопеечная монета, используемая для оплаты в телефонах-автоматах во времена СССР.

Сергей Львович ПУПЫШЕВ

родился в 1964 г. в Перми.

С 2004 года живёт и работает в Петрозаводске.

Пишет стихи, прозу.

Автор поэтической книги «Тёплый дождь» (2013).

Лауреат литературных конкурсов «Сестра таланта» (2014),

«Петроглиф» (2014, 2015)

и творческого конкурса «Север – страна без границ» (2016),

победитель «Конкурса путевых заметок»

ресурса «Лента.ру» (2016).

В журнале «Север» публикуется впервые.

Любовь ШАПОВАЛОВА
г. Архангельск

СЕНТЯБРЬ В БЕЛОЙ СЛУДЕ

Бабье лето
Серебристой нитью паутины
День погожий травы прострочит...
Алыми созвездьями рябины
Бабье лето тлеет и горчит.
На исходе и тепло, и краски,
На зелёном – проблеск седины,
И лучом последней летней ласки
Жёлтые леса озарены.
Всё – лишь отблеск цве́тени и света,
Небо по-усталому ясно́,
И не оттого ли бабье лето
Только горькой ягодой красно́?

Николай Журавлёв

Стояли удивительные дни конца сентября – сухие и тёплые. В Архангельске уже вовсю хозяйничала осень, а здесь, на любезном моём Красноборье, словно бы конец августа: осень уже показалась, но лето совсем не собиралось уступать ей место – времена года будто спорили между собой. В палисадниках вовсю цвели-торопились разноцветные пышные флоксы, яркие астры и всякие садовые колокольчики, название которых мне неведомо. Трава ещё не пожухла, а только сникла, словно обесцветилась, но сквозь полёгшие прядки упрямо пробивались молодые малахитовые росточки. Леса словно стояли в раздумье: пора ли наряжаться «в багрец и золото» или ещё повременить. На седом ковре беломошника рдела брусника, на болотах блестела-зазывала ещё не собранная рубиновая клюква. Ещё можно найти последние белые. Отчаянно прут боровые рыжики, словно стараются успеть выбраться из-под земли до холодов.

На красноборское правобережье меня занесло по просьбе Красноборского районного историко-художественного музея – Белая Слу́да принимала VI районный православно-патриотический слёт юных краеведов «Добрая память». Я там была нужна и потому приехала заранее.

Ранняя осень щедрилась солнечными, яркими днями бабьего лета. Осень была очаровательна – дымчатая, окутанная жемчужно-молочным туманом с утра и жёлто-лимонно-прозрачная, отчаянно солнечная и тёплая уже часам к одиннадцати. Конец сентября, но солнце ещё заметно греет – не жарко, как летом, а бережно и ласково, и днём можно ещё ходить в одной футболке, а по мягким песчаным, заросшим травой-муравой просёлкам можно совершенно без риска для здоровья ходить босиком.

Здесь, в Белой Слуде, как и везде в нашем крае, – лишь отойдёшь за крайние дома селения и сразу очутишься среди простой и милой северной природы. Под высоченным песчаным обрывом расстилаются луга с загогулинами и блюдечками озёр, синий лес подчёркивает линию горизонта, Вокруг тиши́на и простор. А по утрам пойма Мошкурки – старицы Двины под угором – наливалась плотным серебристо-голубым туманом, и ничего тогда не было видно сверху, только

верхушки деревьев стояли над туманом насыщенно-зелёными и жёлто-палевыми островками.

Позавчера я сбегала в Берёзонаволок, на древний Нижне-Уфтюжский погост. Сентябрьский по календарю, но совершенно летний по погоде день вызолотил всё вокруг: не пожалел солнца. На чистом синем-синем, словно промытом небе лишь временами появлялись лёгкие росчерки или пёрышки прозрачных белоснежных облаков. Яркое солнце освещало остов старого кирпичного храма, чётко оттеняя и тем самым выясняя чуть западающие ниши оконных проёмов и чуть выступающие лопатки-пилястры стен. Удалось сделать несколько хороших снимков. Обратная дорога на участке от речки Уфтюги до правобережной трассы, проложенная сквозь лес, на всём протяжении чуть-чуть поднималась в гору. В самом начале этого лесного участка пёстрые золотисто-жёлтые берёзы на опушке обдуло порывом ветра, и дорогу словно перемело золотым снегом. Ощутимый порыв ветра, направленный вдоль дороги, толкнул меня в спину, а золотые снежинки поднялись, закрутились-запуржились и свернулись в клубок. Ветер подхватил этот большой рыхлый лиственный колобок и перенёс его метров на 200 вперёд, рассыпав там ковром. Только я дошагала до этого ковра, как очередной порыв ветра снова скрутил листья в клубок и снова перенёс его примерно на такое же расстояние вперёд. И ещё раз, и ещё – будто ветер завлекал, приглашал догнать. Так и шла, пожалуй, с версту «за волшебным колобком» – совсем по Пришвину, но не удалось мне ступить на осенний ковёр. Лишь там, где берёзонаволоцкая дорога примыкает к уфтюжской трассе, жёлтому лиственному колобку некуда уже было катиться, и он рассыпался на еловый подрост, окаймляющий край трассы. Молодые стройные ёлочки, наловившие в хвою жёлтых березовых листьев, стали словно новогодние, украшенные «огоньками» – электрическими гирляндами.

От берёзонаволоцкой свёртки подкинул меня добрый человек на старой дребезжащей легковушке, но довёз лишь до первых вершинских деревень – свернул домой. И правильно сделал, потому что здесь, примерно посредине пути между Берёзонаволоком и Белой Слудой, в районе примыкания к трассе вершинской свёртки (ведущей в группу деревень под общим названием Вершина), существует удивительный, уникальный рукотворный объект природы, и ради него стоило выйти из машины и идти дальше пешком.

Я давно знала о «вершинском рукотворном чуде», но проскакивала мимо него на разном транспорте. Рассмотреть вблизи всё не удавалось. Теперь разглядела во всей красе. Здесь по обе стороны дороги – красивейшая берёзовая аллея. Рукотворная. Кто так аккуратно и заботливо, ровными рядочками посадил деревья вдоль тракта, чтобы кроны их прикрывали путника от знойного солнца? Помнится, в романе «Пряслины» Фёдора Абрамова один по деревенским меркам чудак (а на самом деле далеко промыслительный человек) всю жизнь осушал болото за деревней. Может, в ближайшей деревне тоже жил такой вот умный чудак? Аллея длинная, метров 250, наверное. Берёзы высокие, стройные, но не старые, а в самом расцвете их берёзового века. Меж берёз попадаются сосны с широко раскинутыми ветвями. Раскидистые кроны деревьев почти соединились над широкой дорогой (два лесовоза могут легко разминуться). А внутри аллеи деревья словно подстрижены по форме ровной арки. Никто ветки, конечно, не подстригал – по дуге обломали их высокими кабинами проезжающие лесовозы. И ведь не на одном участке такая примечательность – на протяжении двух-трёх вёрст их несколько: какая аллея покороче, какая подлиннее.

Берёзы только начали желтеть, вернее не желтеть даже, а словно медленно переливаться из летнего ярко-зелёного цвета в салатный, жёлто-зеленый… Каждое деревце было окрашено в свой оттенок жёлто-зеленого цвета, а совсем жёлтых, цыплячье-жёлтых или лимонно-жёлтых ещё и не было. Сочная, насыщенная зелень сосен оттеняла нежную зелень и пробивающуюся желтизну листьев, блестящую белизну стройных стволов. Шелестящая листва и солнечные блики переливались золотым и зелёным. А я шла по пёстро-золотой аллее как королева к своему дворцу! А какая неимоверная красота здесь зимой или, например, мартовским утром, когда раннее солнце, блестя и переливаясь на глянцевой коре берёз, просвечивает сквозь заиндевевшие деревья, прочерчивая глубокими синими тенями на дороге и сугробах на обочинах каждый стволик, каждую ветку, каждую самую тоненькую веточку, каждую сосновую шишку и необлетевшую берёзовую серёжку!

Вчера был чудный вечер в Чудово! Чудово и Давыдково – две маленькие деревушки по дороге в Цивозеро, видимые с дороги через неширокое польцо. Весь цивозерский берег, край материка, заставлен такими деревушками в несколько домов, почти уже нежилыми, а под угором – широченная пойма Двины. Чудово и Давыдково разделены глубоким оврагом. Милые северные солнечные деревни с небольшими домишками – аккуратные, прибранные к зиме. Окна в белых наличниках пускают солнечных зайчиков. А овраг мрачный, заросший частым ельником, совершенно непролазный.

Двинской простор с горы близ Цивозера, фрагмент. 26 сентября 2014 г.

Между Давыдково и оврагом на широком пригорке, обрамлённом стройными берёзами с одной стороны, а с другой – частоколом молодых пихт, красуется старая часовенка. Теперь она действительно красуется: поляночка выкошена, старые трухлявые берёзы близ постройки спилены и убраны – и часовня словно раскрылась. Даже лестницу на пригорок устроили – дощатую, широкую. Вечернее Давыдково, всё из чётких линий, купалось в прозрачном, лёгком воздухе. Золотились берёзы, алела тяжёлыми гроздями ягод маленькая рябинка на краю полянки, ловили солнечные блики крыша часовни и крест, крытые новой жестью, и каждый элемент часовни – крыша, полицы, стойки звонницы, даже наличники – пропечатывались чёткими тенями на её стенах. Всё как-то очень аккуратно в пейзаже, чистенько, прибрано, уютно, ничего лишнего. Прозрачно-светлы необозримые дали двинской поймы. Словно не конец сентября на дворе, а часовенка и весь пейзаж прибрались-призолотились к Пасхе. И под лучами сентябрьского предвечернего солнца, на удивление ещё тёплыми, прибывало в полянах и берёзовых опушках нежной доверчивой тишины.

А сегодня с утра мы с подростками, участниками слёта, на автобусе должны были отправиться в Цивозеро, к знаменитой колокольне – древнему (1648 год постройки!) строению с очень интересной историей. О самой колокольне нужно рассказывать отдельно, не сейчас. Может, я расскажу о ней при случае.[1]

Рассвет наступал медленно-медленно, всё в природе было влажно, задумчиво и сонно. Под утро пали тяжёлые, обильные росы, пригнули траву и кустарник. С раннего утра Белую Слуду окутал такой густой туман, что даже в восемь часов со школьного крыльца ещё заборчика школьного сада не видно было, а деревья в саду виднелись тёмно-серым расплывчатым пятном. Мы хоть и не очень рано собрались, но за утро листва деревьев и травы набрали в себя столько воды, что и думать нечего везти детей на природу (некоторые дети были даже в кроссовках). Надо ждать, когда растает туман.

Взрослые, посовещавшись, всё-таки решили ехать, но на полпути привернуть к одной из цивозерских деревень – показать детям двинскую пойму. И «смотровая площадка» там, кстати, была не травянистая, а плотная песчаная. Пока добрались, туман немножко рассеялся.

Широка и раздольна Двина наша, много на ней высоких и красивых мест – это я со знанием дела говорю, всю её не однажды прошла, в одиночку или ведя туристов-паломников. Но самое широкое и самое раздольное место на Двине – под Красноборском. В вешнюю воду – пятнадцать километров воды поперёк реки (измеряла по карте)! На один из высоких материковых угоров с рядочком домов маленькой деревушки вдоль обрыва мы и привернули. Названия деревни я, конечно, не запомнила – всё перебило впечатление двинского простора.

Никогда не устанешь восхищаться двинским простором, даже в такое серенькое утро! Бескрай-

[1] См. Л. Шаповалова «Русского Севера храмы. Верхнее Подвинье» (Архангельск, 2015). Очерк «Ермакова памятка».

ний, беспредельный простор, теряющийся в тумане! Заливной луг – богатство двинской земли – на этом участке давно запущен, не чистился много лет и потому зарос кустарником, да лиственными деревцами, да молодыми сосенками. Лишь кое-где ещё оставались большие поляны, ржаво-бурые от нескошенной травы. Прямо под деревней – длинное и узкое озерко-старица с топкими берегами, полное воды. В недвижной воде растут вверх тормашками чуть размытые прибрежные деревья да пятнают воду последние зелёные оладьи кувшинок. Поодаль впереди ещё одно большое озеро с тростниковым берегом, слева сквозь вершины деревьев блестит ещё одна серебряная загогулина, там ещё проблескивает блюдечко воды…

Вся луговина ещё прикрыта прозрачным туманцем, и многоцветье осеннего разнолесья словно притушено. Да почти нет ещё многоцветья, а есть густая зелень сосен и всевозможные оттенки жёлто-зелёного цвета листвы: сдержанно-зелёные и зелёно-жёлтые, песочные, палевые, светло-медные, пёстро-ржавые и бледно-охряные. Лишь изредка блеснут розово-оранжевыми огоньками верхушки осинника да вскинет бордовую крону черёмушник. А кое-где перелески уже сквозили, прочерчивая тёмными стволиками озёрную воду. Деревья на дальнем, чуть всхолмленном крае луга виднелись не синей полосочкой, как летом, а бледно-серым облаком, и сливались с таким же серым, сгущающимся к горизонту небом. Только круглящиеся кроны сосен едва угадывались тёмными пятнами на горизонте в седом от густой влажности неба. Фресковая живопись туманной осени.

Перед ближним домом, близ самого обрыва – молоденькая рябинка. Ещё не деревце, а трёхметровый многоствольный кустышек с удивительно ровно очерченной яйцеобразной кроной. Эта рябинка первая в здешних окрестностях решила принарядиться. Нет, не принарядиться – в окружающей буро-рыжей палитре она пламенела, прямо-таки торжествовала своим ровным насыщенным цветом. Она была на удивление однотонного колера – сочный, но сдержанный малиново-бордовый цвет, такой приглушённый насыщенной влагой золотой рубин. Осеннее деревце было похоже на маленький взрыв рубинового света. Такого цвета обычно изображают на иконах мафорий Божией Матери, лишь пустив по краю золотую каёмочку. Здесь каёмочки не было, а была резная филигрань целых, неповреждённых рябиновых листьев на фоне серо-жемчужного неба и соседней пёстрой, золотисто-зелёной берёзки с дырчатыми листочками, прогрызенными листоедами. Даже ягод не было видно в плотной рябиновой кроне. Она была одна такая на всю округу – матово-рубиновая. Конечно, в ближних перелесках были и другие рябины, но их листья, тронутые увяданием, становились сразу зелёно-ржавого цвета, выявляя грозди мелких ярко-красных ягод.

Медленное утро долго выстаивалось в сизом тумане и казалось пасмурным. Туман ещё стелился по травяной низинке у озерка, но уже уходил вдаль, в луга, к невидимой отсюда Двине. Капало с деревьев, дощатых крыш домов и нитки проводов.

Туман таял медленно, и его лёгкий запах смешивался с запахом мокрых трав, прелого листа и насыщенной влагой древесины старых домов. Даже, казалось, пахло грибами: янтарными рыжиками, румяными волнушками, липкими маслятами. Чтобы сфотографировать пойму близ самого обрыва, мне, обутой в высокие резиновые сапоги, пришлось торить тропу в тяжёлой, волглой траве, заминая отвердевшие и осыпающиеся цветоносы иван-чая. Появился душноватый запах прибрежной мяты, растоптанной моими сапогами. Девочки отыскали несколько ещё цветущих стебельков этого растеньица.

Пейзаж двинской поймы порой кажется неправдоподобным, словно бы всё это прихотливо и продуманно создано неведомым художником. Но ничего придуманного нет. Всё своё, родное, деревенское, даже несколько грустное – оставленная людьми, давно запущенная луговина, но много в пейзаже тишины и спокойствия. Природа здешняя мила и проста, и красота её наполняет душу всех приходящих тихой радостью.

Дети – а ведь это деревенские (!) дети красноборской округи – стояли на угоре совершенно заворожённые. Видно, надо когда-то посмотреть на родные края вот так, отрешённо от повседневности. Глядеть! Зачарованно глядеть с угора на охристо-золотистые краски осенних фресок, разлитые в безбрежном пространстве. Ведь когда-то можно доставить себе такое маленькое счастье!

А я отчаянно завидую детям – им ещё столько предстоит увидеть! Надо лишь не торопиться, остановиться, прислушаться к себе и к Природе. И тогда насытится взор красотой, а душа радостью!

…А когда прояснились окрестности – мы и не заметили. Туман поднялся и растаял, и пасмурное, серенькое утро обернулось сухим и солнечным, прозрачно-жёлтым днём. После таких путешествий долго будут сниться хорошие сны.

Сентябрь 2014 г.,
Белая Слуда,
правобережье Северной Двины

Хозяин деревни Заричье

...Тем летом, в самом начале июня, на Троицу, в дальнюю лесную деревеньку, затерявшуюся в тайге двинского правобережья, приехала маленькая артель плотников-реставраторов. Им надо было выполнить неотложные работы на деревянном храме, что стоял на окраине деревни, на берегу прекрасного круглого озера. Храм был ценный, но очень старый, и от старости начал крениться набок. Поэтому и приехали сюда реставраторы: три крепких парня, недавно пришедшие из армии – начинающие плотники, бригадир Женя, старше их лет на десяток, и старшой артели – архитектор-реставратор Андрей Борисович. Ну, и я – как «представитель местного населения», да и кормить ребят кому-то надо.

Основная часть деревни растянулась живописной извилистой лентой в один ряд домов вдоль правого берега речки. Речка вытекает из озера прямо в границах деревни и, проплутав по тайге может 50, а то и 60 вёрст, впадает в Двину. За речкой – окóл,[1] деревня Зарúчье.

Деревня Заричье – пять домов. Отведённая нам деревенская усадьба – родовая усадьба хранительницы-смотрительницы здешнего храма Зои Алексеевны, усадьба её деда с бабушкой. Парный фотопортрет Зоиных деда с бабушкой висит в простенке в горнице. Кажется, они не только участливо встречают каждого заходящего в дом, но и хранят всё Заричье. Крепкий бревенчатый дом, дощатая летняя кухня, баня да ещё узкая деревянная лодка были отданы в полное наше распоряжение. На склоне к озеру – два раскидистых, мощных, колоритных «фамильных» кедра[2]. Сама же Зоя Алексеевна живёт в ближайшем леспромхозовском посёлке.

«Наш» дом – на одном краю деревни-невелички. На другом конце огромные двухэтажные хоромы, хозяин которых живёт в Заричье каждое лето, но пока ещё не приехал. Рядом с нашим – совсем домóк-развалюха, страшно заходить.

---

1 Окóл, окóлок – хутор, несколько домов, маленькая деревня в небольшой отдалённости от основной.

2 В той местности каждое семейство имело свой родовой, фамильный кедр, а то и не один. Традиции посадки родовых кедров в той местности, по крайней мере, более столетия. Старые кедры когда-то были посажены стариками, прадедами нынешних жителей. Родовые кедры сажали только на земельных участках, принадлежащих конкретной семье: на территории придомовой усадьбы или на своих земельных участках. Ухаживают за родовым деревом и снимают с него урожай шишек только представители своего семейства. Об этом в деревне все знают, и никто на чужой кедр не покушается.

Общий вид храма со стороны озера

Ещё два дома внешне прочные, но я не видела, приезжает ли кто туда. Тем летом мы были первыми жителями деревни. Впрочем, по деревне стремглав носились, не замечая нас и разве что не натыкаясь на нас, деревенские ласточки (очевидно, в укромных уголках старых домов было множество ласточкиных гнёзд, как полно их было в старом храме) и шныряла разная птичья мелюзга, да ещё я видела, как, устроившись на горке истлевающих досок, грелась на солнышке некрупная гадюка.

С крыльца-галерейки летней кухни раскрывался прекрасный вид на лес. Ближние полсотни метров – ровный изумрудный ковёр травянистых многолетников, густых и каких-то «однотонных», без цветов, будто специально посеянных агрономом. К Троице трава дружно вымахала уже выше, чем по колено взрослому человеку. От бывшего колхозного поля травянистая эта лужайка когда-то отделялась жердяной огоро́дой, теперь почти обвалившейся, упиравшейся в родовой кедр на берегу озера. А там, за полем – бескрайние таёжные просторы: синь и зелень, зелень и синь. Гляди – не наглядишься!

Северное лето ещё только-только вступало в свои права, ему ещё рановато было расстилать по берегам лесного озера ковры разноцветья-разнотравья, зато торжествовал хозяйский родовой кедр – он весь был осыпан цветами. Каждая его веточка, даже малая, оканчивалась дивным соцветием – розово-малиновой свечкой, из центра которой задорно топорщился фонтанчик новорождённых иголочек.

Однако в первый же вечер обнаружилось, что деревня обитаема, что тут живут не только гадюка и птицы. Хозяин деревни неожиданно, совсем близко от крыльца летней кухни, где мы в то время ужинали, заявил о себе громким и резким криком. Крик этот словами близко можно передать как «Крак-крак!». Но это была совсем не ворона (откуда вороны в лесу?), крик этот был не особо и похож на вороний, он был ближе к «Крэкс-крэкс!». Вот будто с громким треском отрывают крупную щепку от полена.

Громкое призывное, даже, можно сказать, бесцеремонное по отношению к нам, гостям деревни, «крэканье» неожиданно раздавалось то близ крыльца, то за баней, то на угоре озера, словно эта территория – не родовая усадьба Зои Алексеевны, а его, невидимки, вотчина.[3] Хозяин давал знать незваным гостям, а заодно и сородичам, что сии земельные владения заняты им на всё лето и что он с нетерпением ждёт-приглашает хозяйку этих владений.

---

3 Во́тчина (от «отчина», «отец») – земельные владения, передающиеся по наследству.

Каждое утро ребята загружались в большую дюралевую лодку и уплывали наискосок через озеро на другой берег, к храму. Приготовив обед, на лёгкой Зоиной лодочке я отправлялась звать ребят на обед и любопытничать, что да как делается на храме. И каждый вечер, во время ужина или чуть позже, своим посещением удостаивал нас хозяин деревни, заявляя о себе резкими криками.

То, что эта птица – из вида «куриных» и живёт в густой траве, мы определили сразу. Судя по силе призывного её голоса, нам казалось, что величиной она должна быть с курицу, а то и с хорошо откормленную курицу. Но где она прячется? Где её гнездо? И, самое интересное, – как она выглядит? Птица обитала где-то совсем близко от нашего дома – в другом конце деревни она никогда не кричала. Пожалуй, она даже не кричала далее гнилой жердяной огороды. Ребята совершенно не собирались её ловить. Им, городским жителям, безумно интересно было лишь посмотреть, что же это за птица. Они затаивались и ждали, где же она закричит. Иногда птица кричала в каких-нибудь пяти шагах. Определив место, парни тихо подкрадывались, но дразнящий «Крэкс!» неожиданно раздавался совершенно в другом месте! Как птица смогла там очутиться? Ведь трава-то не шевелилась! Однажды ребята решили вчетвером пройти травяную поляну «цепью». Мы с Андреем наблюдали за ребятами и птицей – где же трава закачается! – с крыльца кухни, а Андрей ещё подначивал их: «Ну, в психическую атаку пошли на бедную божью тварь!» Но никого, конечно, не нашли.

Как-то раз поднималась я из-под подгорья, от озера, с вымытой после ужина посудой в руках, да так и застыла на месте от уморительной картины: Женя тихо-тихо, на цыпочках, крался в траве вдоль поленницы, держа в руках наготове пластмассовые шлёпанцы. Остальные, сгрудившись на крыльце-галерейке кухни, со смеху покатывались, зажимая себе рты. «Цыц, пересмешники! – сердитым шёпотом цыкал на них Женя, – всю «рыбу» мне распугаете!» Он надеялся подкрасться к невидимке, которая последний раз «крэкнула» близ поленницы, и, громко хлопнув шлёпанцами, выпугнуть её. Только напугать, чтоб она взлетела и наконец-то показалась ребятам. Неожиданно птица «крэкнула»… в противоположной стороне, под кедром, метрах так в шестидесяти от поленницы. Женя так и замер с открытым ртом и поднятыми руками. Ну и кто из них пересмешник? Ведь трава-то не шевелилась!

Однажды молодёжь по великому усердию сорвала стартёр на бензопиле. Поручив работу на храме (ничего сложного там уже не было) и ребят бригадиру, Андрей Борисович сам отправился пешком в посёлок за помощью. По старой дороге-тележнице напрямик сквозь молодой сосняк обернулся быстро. Всё исправили. Вечером, за ужином, вдруг вспомнил: «Ребята, я такую птичку интересную видел, когда в посёлок бегал! Я, задумавшись, шёл по песчаному просёлку. И вдруг откуда-то с обочины выпорхнула птичка и, похлопывая короткими крыльями и быстро-быстро перебирая длинными тонюсенькими ножками, проскочила дорогу наискосок. Травяные заросли сразу же скрыли неосторожного ходока, оказавшегося на открытом месте. Мы оба проворонили друг друга! Если бы птичка, не шевелясь, просто сидела на обочине, да хоть посреди дороги, я бы её ни за что не заметил: пушистый такой пёстрый, песочно-буренький шарик с маленькой головкой, короткими крылышками и длинными ножками. А величиной явно меньше голубя. Что за птица? Не видел такой… Если перепёлка, то почему ножки высокие?»

Отведённый артели краткий срок работы подходил к концу. Вечером Зоя Алексеевна приехала на грузовике закрывать дом и забирать нас в посёлок – завтра с рассветом оттуда по узкоколейке «в цивилизацию» отправлялся поезд. И всё время, пока за несколько рейсов мы перевозили на лодке через речку наши рюкзаки, спальники, оборудование, инструменты и уплывали сами, хозяин деревни Заричье провожал нас громким, уже дружеским и несколько ехидным, а скорее победным – перехитрил-таки! – «крэканьем».

Вернувшись в город, стала листать «птичью» энциклопедию с желанием узнать подробности жизни таинственного невидимки. Оказывается, охранял деревню Заричье и ловко прятался от нас коростель (деркач). Это действительно птица из отряда куриных. Птица перелётная, зимует в Африке и на родину возвращается одной из последних – якобы из-за того, что она предпочитает путешествовать через всю Европу пешком, незаметно пробираясь по лугам и кустарникам. А на крылья поднимается только там, где путь из Африки через Европу пересекают море или реки, да и то летит ночью.

Вопреки распространённому мнению, на зимовку и обратно коростель всё-таки летит. Но летит он, как и некоторые другие куриные, тяжело, низко и не очень быстро, – ястреб или сокол

легко поймают его на лету – и часто опускается в травы покормиться и передохнуть. Тысячи коростелей гибнут в пути, особенно при перелёте через море. А на родину загадочная птица прилетает лишь тогда (природой всё мудро устроено!), когда на сырых луговинах поднимается достаточно высокая травянистая растительность. Громкий крик коростеля извещает о наступлении настоящего лета.

Зато коростель умеет отлично прятаться в траве и быстро бегать, проворно пробираясь между травинок. Да так, что ни одна травинка не закачается! В этом мы убедились сами. Бегством он спасается от врагов. Этому способствует форма туловища: при беге меж травинок птица опускает голову и словно принимает горизонтальное положение, а её тельце, сплюснутое с боков, вытягивается, становясь этаким челночком. Андрей Борисович видел, скорее всего, именно коростеля, только на свободном пространстве оперение птички округлилось. И перо у неё действительно пёстро-рыжевато, со ржавинкой, и ножки длинные и тонкие. Только где же в такой маленькой и невзрачной пичужке помещается такой громкий голос, слышимый за километр, а то и более?

Живут коростели в зарослях высоких трав, в одиночку, никогда не образуя стай. Даже на зимовку летят в одиночку. Только для перелёта через Средиземное море собираются они в стаи до сотни птиц. Лишь в пору гнездования коростели образуют отдельные пары. Гнездо у этих птиц простейшее – ямка среди травы, выложенная сухими былинками. Птенцы-пуховички, как у всех куриных, вылупившись из яиц и обсохнув, уже готовы в путь по травяным зарослям. По некоторым данным, мать-коростелиха через неделю-полторы после вылупления птенцов их оставляет – они уже готовы к самостоятельной жизни.

Энциклопедия указывает, что распространён коростель повсеместно в Передней Азии, средней и южной Сибири и Европе, за исключением северных районов. Убедились, что в среднем течении Северной Двины тоже живёт. Громкий голос скрытной птицы я неоднократно слышала и севернее, в Холмогорской округе.

И ещё энциклопедия повествует, что в Европе некогда многочисленная крикливая птица катастрофически исчезает из-за непродуманного по отношению к зверью и птицам ведению сельского хозяйства. А в нашем таёжном углу, где давным-давно нет никакого сельского хозяйства, как видим, живёт! Кричит! Там, где пресс человека на дикую природу ослабился, природа на это немедленно отреагировала.

Кричит только коростель-самец и только в брачный период, вскоре после прилёта, преимущественно в сумерки и ночью. Кричащая птица вытягивает вперёд шею и время от времени поворачивается в разные стороны, отчего крик слышится то громче, то тише, и это мешает точно определить её местонахождение. Кстати, «по науке» наш знакомый невидимка называется «Crex crex». Его громкий крик услышит каждый, а рассмотреть, какой он – попробуй-ка!

□

Любовь Геннадьевна ШАПОВАЛОВА

окончила Архангельский лесотехнический институт,

кандидат технических наук,

исследователь и пропагандист северного деревянного зодчества.

Автор пяти монографий.

Научные статьи и литературно-художественные очерки

публиковались в журналах и альманахах

«Вопросы истории естествознания и техники»,

«Архитектурное наследство», «История науки и техники»,

«Двина», «Север», «Слово», «Вологодский лад» и других изданиях.

Этот номер для Вас подготовили:

Елена Пиетиляйнен
главный редактор

Елена Бермус
редактор отдела прозы

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
редактор отдела очерка и публицистики

Александр Воронин
редактор отдела поэзии и сайта журнала

Людмила Шананина
корректор

Наталья Евдокимова
секретарь

Редакционный Совет

Большакова Надежда *(Мурманская обл.)*

Васильева Надежда *(Петрозаводск)*

Востряков Игорь *(Петрозаводск)*

Гнетнев Константин *(Петрозаводск)*

Крапивин Владислав *(Тюмень)*

Ковалев Александр *(Санкт-Петербург)*

Лемесов Валерий (*Швеция)*

Маркова Елена *(Петрозаводск)*

Миккола Мария-Леена *(Финляндия)*

Минеева Инна *(Петрозаводск)*

Мустонен Раиса *(Петрозаводск)*

Переяслов Николай *(Москва)*

Пиетиляйнен Елена *(Петрозаводск)*

Попов Андрей *(Сыктывкар)*

Пронин Сергей *(Петрозаводск)*

Соломещ Илья *(Петрозаводск)*

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная